

Ольга Мороз

Не своя
война

Annotation

Асатры освободились от власти Окто. Теперь перед ними новая жизнь, новая земля и новые возможности. А с ними новые задачи: новые враги, новые союзники.

Не своя война

Глава 1 в которой Род Рыжий знакомится с братьями Лир

Погода в начале весны выдалась холодной. Северный ветер принес с океана свинцовые тучи, обсыпавшие весь Охотный Дол мелкой, как крупа, взвесью. Дороги замерзли совершенно. Сообщение между тьёрдами почти замерло. Редкие путешественники решались отправиться с караваном по промерзлым трактам мимо непроходимых лесов, таящих в себе смертельную опасность. Не хищники, так разбойники грозили лишить путников имущества и жизни заодно. Нового тьярда не беспокоило положение дел на просторах присягнувших ему тьёрдов, его больше заботил собственный желудок. Так шептались за столами в тавернах, но пока тихо, опасаясь повышать голос.

Надо же такому случиться, что в это время Род Грольсон, по прозвищу «Рыжий», с супругой и несколькими сотоварищами возвращался домой, в Охотный Дол, побывав в гостях у отца, Съёвла Грольсона, племянника опального тьярда Тангорских земель, преданного и убитого когда-то Старгом Доенвардом. Отец грезил о возвращении Северной Звезды под знамя Грольсонов и собирал под своё начало ропчущих и недовольных. Двоюродный дядька затуманил ему голову своими сказками. Отец готовился к началу смуты, заключал хрупкие союзы с иритами. Всякому известно, что верующие в Единого — хитрые лисы. Стоит сделать неверный шаг и они уже впелись зубами в бывших союзников. Новости эти были нехороши. Супруга, Валма, урожденная Ральм, рода небольшого, но крепкого, молчала всю обратную дорогу. Род не стал скрывать от нее причину своего беспокойства. Да и не к чему. Валма — воинственная дева, (через то и познакомились), в юности прибилась к наемникам, оттуда и научилась мужскому ремеслу. Топор в ее руках плясал не хуже, чем у Родова йорманда, Балура Камнебоя.

Теперь солнце подходило к зениту и припекало спины первым весенним теплом. Если привалов не делать, к темноте можно было бы и добраться до дома. Казалось, все в небольшом отряде были с этим согласны. Резкие порывы ветра рвали с тела одежду, и заставляли прятать носы в широкие раструбы тяжелых плащей.

Однако, на промерзлой дороге Грольсоны оказались не одни. Род напрягся, всматриваясь вперед. Нагоняли неспешно ехавших путников. Числом отряд был невелик, если не сказать — скуден, всего двое. Верхами на чудных животных, коих, быть может, и видали когда-то в Тангоре, да редко. Животные эти переступавшие двумя трехлапными мускулистыми ногами по мерзлым кочкам на дороге, были заботливо покрыты меховыми попонами, да и сам седоки укутались от выстуживающего ветра до самых ушей. Род сделал знак своим ждать, а сам двинулся вперед догонять чудных попутчиков. С ним вперед двинулся и его йорманд. Валма подняла руку с зажатым кулаком, приказывая оставшимся пятерым воинам быть наготове.

— Эгей! — Род поравнялся с последним из двух путников. — Вы кто ж такие будете?

Раструб шерстяного плаща одного из попутчиков повернулся в сторону звука. Путник поднял руки и опустил раструб на плечи. Второй остановился и сделал то же самое. Род придержал коня. Под капюшонами оказались не менее чудные люди. Волос у обоих был как будто бы сед, цвета лунного блика на стоячей воде, но на лицо оба беловолосых были молоды. Один, тот, что дальше стоял, с густой величавой бородой серебряного цвета. Глаза — светлые, почти белые, точно волосы, смотрели прямо, без страха. Род грешным делом

подумал, не Эйсенгард ли спустился на землю и смотрит на него, но погнался от себя эти мысли. Второй — безбородый, лицо его было красиво и чисто, черты — словно нарочно выведены неизвестным художником, а глаза точно такие, как у первого. Род даже подумал, что пришли эти люди не от этого мира. Не демоны ли вернулись на землю?

— Опасно ходить в наших краях без хороших охранителей, — попытался Рыжий сгладить неловкость. — Того гляди налетят бандиты. Тут у нас быстро... Рабов мало не бывает...

— Рабов? — с заметным акцентом спросил безбородый, смягчая буквы.

— Ну, да. Угонят в Иритию, поминай, как звали, — подтвердил йорманд. Безбородый оглянулся на второго, тот кивнул едва заметно.

— Кто ж вы будете? — повторил Род свой вопрос. Валма, завидев, что опасности нет, повела людей вперед.

— Мое имя — Ллойву Лир, — представился безбородый, мягко растягивая букву «л»

— Я — Дженве Лир, — с таким же акцентом, но чуть менее заметным, сказал бородач.

— Братья? — недоверчиво спросил йорманд. Бородач кивнул.

— Откуда вы такие чудные? — задал Род, мучавший его вопрос. Незаметно вся компания двинулась вперед, благо было по пути. Рыжий решил обращаться к бородачу, несмотря на то, что вид обоих братьев его пугал, тот второй страшил его больше.

— Мы путешествуем, — ответил бородач. — У вас прекрасная земля. Мы хотели бы узнать ее получше.

— Чего уж тут, — фыркнула Валма.

— Куда вы держите путь?

— У нас нет конкретной цели, — вступил в разговор второй из братьев. — Мы желали просто занятого путешествия.

— Вот уж оно было бы занятное! — хохотнул йорманд. — Если бы вас встретила банда Красного Горга!

— Кого? — не понял бородач.

— Есть тут один. Алое носит. Режут на дорогах всех. Кого не режут, того в полон... — кивнул Род.

— Этот господин встретился нам сегодня утром, — кивнул безбородый. — В красном?

— Верно. И как? — усмехнулся йорманд. Горг Красный меньше чем десяток людей на дело не берет, всегда нападают со своими псами, не сбежать, не спрятаться. И отловить нельзя, знают леса лучше, чем свои пальцы.

— Я, право, не спрашивал у него, — зачем-то уточнил безбородый. — У него красная кровь,

— Думаю, им не понравилась наша встреча, — добавил бородач.

— Мы можем вернуться, и вы зададите им свои вопросы. Это важно? — безбородый вскинул на Рода светлые глаза. Мороз пробежал по коже. Но любопытство отчего-то взяло верх.

— Они что же? Дожидаются там? — усмехнулся йорманд.

— Не маловероятно. Они ждут, — кивнул безбородый. Род за его спиной подмигнул йорманду. Незнакомцы были чудные и даже забавные.

— Я бы взглянул, — произнес Рыжий.

— Ръерд! — воскликнула Валма.

— За его голову цена назначена, — разумно продолжил Рыжий. — Глупо оставлять

хищникам.

— Что ж, мы покажем, — кивнул безбородый.

— Если, и верно, это Горг Красный, то награду пополам, — Рыжий дерзко взглянул на путников.

Братья переглянулись.

— Я не возражаю, — усмехнулся бородач.

— Поезжайте вперед, — кивнул Род жене. — Мы и Балуром вас догоним.

— Возьми людей! — Валма строго кивнула на троих воинов.

Чудные путники остановились, чтобы показать дорогу. Рьерд кивнул своим людям, чтобы ехали поодаль. Сам поравнялся с братьями, и процессия тронулась в обратный путь.

— Откуда же вы? — продолжил расспросы Рыжий.

— Мы из обновленного союза Аст'Эллот.

— Эт еще что за зверь? — удивился Рыжий.

— На севере находится наша земля, — отстраненно проговорил безбородый.

— На севере ничего нет. Там ледяной океан.

— Теперь есть, — хохотнул бородач.

Рыжий не стал спорить. Быть может, люди Горговы приложили обоих слишком сильно? Ехали молча какое-то время. Чудные звери шлепали по морозной корке босыми лапами.

— Это что за звери? — продолжил Рыжий.

— Это кроды, — вступил в разговор здоровяк. — Мы используем их для верховой езды.

— У них вкусное мясо? — спросил Род, оба брата переглянулись.

— Это какой-то обычай? — вежливо уточнил безбородый.

— Нет, — осекся Рыжий. — Далеко ли нам еще?

— Мы почти прибыли.

— Нужно спуститься в лесок, — добавил бородач. Рыжий кивнул йорманду.

— Посмотри...

Йорманд спешил и вытянул топор из-за пояса, снял щит с седла. Погремел топором о щит и осторожно двинулся в рощицу.

— Надо показать? — спросил безбородый.

Бородач тронул пятками своего крода и смело двинулся вглубь леса. Рыжий тронулся следом и сделал знак своим людям идти за ним. Спустя минуту неспешного шага открылся вид на овражек. Недалеко виднелись остатки стоянки. А рядом талый снег залит кровью павших в бою воинов. И насаженный на ветку упавшего дерева, как птица на вертел, обвис Горг Красный, гроза Снежного тракта. Отбившиеся псы глодали трупы, и, завидев людей, с рычанием разбежались. Род оглядел побоище. Так и есть. Дюжина. Он услышал звук мягко ступающих лап.

— Сколько ж вас было? — спросил Рыжий, готовый выразить соболезнования по павшим товарищам.

— Мы путешествуем вдвоем, — сказал бородач.

— Всего? — удивился Род.

— Может, они пьяные были? — проговорил йорманд, поддевая ногой окостеневший труп.

— Мне показалось, они были голодны, — кивнул безбородый.

— Голодны...Эй, отрежьте Горгу башку. Хочу продать ее подороже!

Безбородый на это скривился и отъехал обратно на дорогу. Бородач же с задумчивым

любопытством наблюдал всю процедуру отсечения, затем отправился следом за братом.

— Как думаешь, кто такие? — громким шёпотом спросил йорманд.

— Один Эйсенгард знает. Может иритийские наемники?

— Что-то на рожу не походят на иритийцев.

— Черт знает, на кого похожи. Чудные... — Рыжий проследил, как голова врага свалилась в мешок, и направил своего коня на дорогу. Братья стояли там и ожидали. Жаль, придется делиться.

— Куда же вы держите путь?

— Я же сказал, мы просто путешествуем, — отозвался бородач.

— Быть может, вы не откажетесь заглянуть к нам в гости. В Охотный Дол? Сейчас ночи холодны. Заночуете у нас.

Братья снова переглянулись.

— Хорошо, — согласился бородач.

— Вот и славно, — Род кинул и дал коню под бока. — Давайте, надо нагнать Валму! — Отряд набрал скорость. Чудные звери без труда держали темп, заданный выносливыми тангорскими тяжеловесами. Приглашенные гости не отставали ни на пол крупа.

Валму с остатками отряда они нагнали уже почти у самого Дола. Солнце тускло светило над горизонтом. Сумерки быстро опускались на тьёрд. Впереди виделись огни поселения, а тени ползли по земле, помятуя время ведьм и колдунов.

— Вот и Дол! — Крикнул Рыжий своим гостям. Завидев, что до дома осталось чуть, егс люди прибавили скорости. Чужаки же немного отстали. Рыжий не без чувства превосходства придержал коня, чтобы поравняться с ними.

— Что-то случилось?

— Нет-нет, — отозвался безбородый. Бородач же с озабоченным лицом взгляделся вперед. Что то, определенно вызывает у него беспокойство.

— Далеко еще?

— Нет, почти на месте, — кивнул Ръерд на огни вдалеке.

Бородач кивнул.

— Хорошо.

Рыжий смерил взглядом своих гостей в наступающих сумерках. Вот потешится народ в Доле. Ни разу не видывали таких странных приезжих. На колдяков похожи. Правда, давненько их не видели в Тангоре. Как последний демон был изгнан, так и не видели.

За ворота въехали под крики приветствия. Рыжий поднял мешок с головой проклятого Горга.

— Горг Красный! — И толпа заревела. Много крови пролил проклятый Горг. На приезжих косились с любопытством, но без злобы.

Род спешил. Подбежал горбун Вульк, управляющий.

— Накрывай на стол! — Род стукнул его по сутулой спине. — У нас гости!

— Сделаем, — Кивнул Горбун и исчез в большом доме, хунгуре. Рыжий оглянулся на своих гостей. Они тоже спешили и теперь переговаривались на языке столь же чудном, как и они сами. Род подошел, и они замолчали. Рыжий отметил себе, что глаза у безбородого потемнели и стали красивого изумрудного цвета, как серьги у Валмы, что подарили к свадьбе. Вспомнил, какая она красивая в свадебном наряде.

— Добро пожаловать! — Род развел руками, призывая всех своих людей в свидетели. — Это Охотный Дол. Живем небогато, зато дружно.

— Вы, по доброте своей, предложили нам ночлег, — выступил вперед бородач.

— Я помню, — кивнул Рыжий. — Прежде не разделите ли с нами трапезу?

Бородач хотел сказать что-то еще, но его брат взял его за руку выше локтя, и тот промолчал.

— Да, с удовольствием, — сказал безбородый.

— Ну, вот и славно, — Род махнул рукой. — Пойдемте.

Обеденная зала отличалась от остальных строений огромными размерами, имела посередине длинный узкий очаг, горящий жаркими углями, на котором теперь жарилась какая-то птица. По обеим сторонам очага поставили столы, и теперь большая часть свиты уже расселась на скамьях. Род предложил гостям места по левую руку от себя за главным столом. По правую сидела жена, а затем и йорманд с супружницей. Гости сняли свои тяжелые плащи, и теперь была видна еще и чудная одежда. Толстые, утепленные, скроенные по фигурам туники до колен, теплые штаны из непонятого материала и сапоги с чуть вздернутыми тупыми носами, по странному, не местному лекалу. Безбородый оказывается еще носил перчатки, словно вторая кожа, обтягивающие кисть. Сидящие за прочими столами с любопытством разглядывали гостей.

Подали кашу в больших блюдах и птицу, кое-где подгоревшую до углей. Расставили блюда с хлебом и сыром. Разложили в блюда моченую капусту и огурцы. По случаю Род велел выкатить бочку гордарского пива.

Род с аппетитом наложил перед собой гору съестного и принялся есть, не стесняясь. Гости же едва притронулись к еде. Люди за соседними столами гомонили, кричали, чокались кубками. Где-то у очага ругались повара. Творился неопиcуемый хаос, к тому же в воздухе разносился запах подгоревшего мяса, перебродившего пива и немытого тела.

Дженве склонился к брату.

— Ничего себе, да? — сказал он на илои.

— Я не ожидал иного, — возразил Ллойву. — Они же варвары.

— Поешь, неизвестно, что будет завтра.

— Не уверен, что смогу впихнуть в себя это, — Ллойву брезгливо покосился на обгоревшую с краю, но кровоточащую на срезе птицу.

— Придется....

— У нас же остались припасы?

Дженве скорбно вздохнул.

— Ллойву... Эти бандиты разорили тюк с провизией.

Ллойву скривился, глядя, как за соседним столом люди руками подбирали со стола упавшую кашу.

— Прости, Джев. Кажется, к этому мне не привыкнуть.

— Быть может, завтра еда покажется тебе более привлекательной? — усмехнулся Дженве и потянулся к общему блюду с мясом.

— Быть может... — Ллойву огляделся. Гомон и запах выматывали слух и обоняние до состояния затвердевшей смолы.

— Зачем же ты согласился на этот визит? — рассмеялся Дженве.

— Я думал о тебе, — заметил Ллойву. — Ты жаловался, что голоден.

— Знаешь, как накормить кошку горчицей? — Дженве осторожно отодвинул в тарелке непроваренные зерна. Он большой ложкой положил на тарелку брата кашу и всего по чуть-

чуть.

— Знаю, — Ллойву брезгливо отвернулся от стола. — Не начинай.

— Пожалуй, начну. Я сделаю с тобой то же. Ешь. Иначе завтра ты не удержишься в седле.

Ллойву выпростал руки из-под стола и вяло поковырялся в каше, что брат положил на его тарелку. Усилие, и он заставил себя проглотить пару ложек. Дженве, наблюдая за этим, веселился вовсю, но делал это тихо, чтобы не обидеть брата.

— Что за страна такая, Аст'Эллот? — с любопытством пристал Рыжий к Дженве.

— О, это прекрасная страна.

— И что, там все такие? — Рыжий обвел своих гостей руками.

— Нет, наоборот, — Дженве рассмеялся, — там все не такие!

— То есть вы и у себя на родине... отличаетесь...

— Ну, да, — разлили пиво в кубки, досталось и гостям. Ллойву осторожно сунул нос в свой сосуд. Запах не вдохновил его, и он отставил кубок, а Дженве, не смущаясь выпил все до дна.

— Что, ваша мать была... ведьмой? — Род уже выпил пару кубков и теперь был не прочь поговорить.

— Нет, наша мать была прекрасной женщиной, — отозвался Ллойву.

— Или, может отец?

— А вот отец — настоящий дьявол, — кивнул Дженве.

— А... — Рьерд чуть отодвинулся. — Дьявол, значит...

Дженве уже понял, что ляпнул лишнего и поспешил поправиться.

— В фигуральном смысле... в шутку...

— Скажи... — Рыжий наклонился к соседу, надеясь задать вопрос тихо. — Твой брат — колдун?

— Ллойву? — Дженве хитро сощурился, и слова уже были готовы сорваться с языка, но шутка застряла в глотке. Не приведи боги, эти варвары решат сжечь «колдуна». — Нет, он просто... книжник...

— Чернокнижник? — ахнул Рьерд.

— Да нет! Просто книжник! Ученый человек.

— А. ученые мужи у нас были. Из Гордарики. Скажи... — Рыжий снова склонился к самому уху соседа. — отчего глаза его поменяли цвет? Он сотворил заклинание?

Дженве, наконец, понял сомнение хозяина.

— Нет, он просто устал. У него так бывает. От усталости.

— Ммм, — Рыжий отвлекся на жену, а Дженве склонился к брату.

— Будет прекрасно, если нас не четвертуют к утру. Постарайся не шокировать их.

— Чем я могу их шокировать? — удивился Ллойву.

— Просто не умничай, хорошо? — Ллойву пожал плечами. Обед меж тем продолжался. Блюда опустели, сидевшие за столами начали расходиться. Вскоре в огромном зале остались лишь хозяин дома с супругой, его йорманд, гости и несколько подбирающих грязную посуду слуг.

В зале стало в разы тише. Только котлы гремели иногда.

— Скажи, на вашем Аст'Эллоте есть золото? — развалился на скамье, вопрошал Рыжий.

— Золото есть, — кивнул Дженве.

— Много?

— Достаточно, — вступил в разговор Ллойву.

— Кому достаточно? — Род подался вперед.

— Нам достаточно.

Рыжий усмехнулся.

— Кто вы на своей земле? — снова спросил он.

— Не понял, — Дженве развернулся к Роду всем телом, прикрывая брата.

— Я тан своего тьёрда, а вы?

— Мы? Тоже вроде как таны, — кивнул Дженве. — Были.

— Отчего же были?

— Мы отказались от танства, — Дженве сурово и прямо посмотрел в размякшие от выпивки глаза хозяина.

— Кто ж добровольно отказывается от власти? — пробормотал Род. — Почему отказались? Вас хотели убить?

— Нет, — Дженве оглянулся на брата. — Отказались и все.

— Что же, всё, так всё, — кивнул тан.

— Вы не представились, любезный, однако выпросили больше, чем мы хотели рассказать, — холодно заметил безбородый чёрт.

— Справедливо. Я — Тан Род Гроллсон, тьёрд мой невелик, но богат. Это — он обнял женщину рядом. — Моя жена, Валма. Вот там — он указал на Камнебоя. — мой йорманд, Балур Камнебой. Если меня нет, обращаются к нему.

— Что ж, — бородач кивнул. — Исчерпывающе.

— Куда вы держите путь теперь? — продолжил Род.

— Вот там, — Дженве пальцем указал направление. — Есть гора. Хотим подняться на вершину.

— Там? — Валма громко усмехнулась. — Во-первых, там владения Доенварльда. Сквозь них вам не пройти. Во-вторых, зачем вы стремитесь на пик Дьявола?

— Пик Дьявола? — удивился Дженве. — Не знал.

— Что вас влечет туда?

— Сам не знаю, — рассмеялся Дженве. — А почему так называется?

— Чертовщина там творится, вот почему, — вступил в разговор йорманд. — Перевал есть, а пройти никто не может через него, вот и ходят в обход, десять суток плюсом.

— Что ж, загадка как раз для нас, да, братец? — Дженве обернулся назад. Ллойву кивнул.

— Не советую. Сгинете... Не от Доенварльдова ножа, так от холода.

— А Доенварльд это кто?

— Тьярд. — Род ковырнул ногтем в зубах. — Над всеми нами тьярд.

— Главный то есть?

— Самый главный, главнее некуда, — кивнул йорманд.

— А цель у вашего путешествия есть? — продолжал допытывать Род.

— Нету цели. — Дженве пожал плечами. — Хотя... не слыхали ли вы про место под названием Орлиное гнездо? Или что-то вроде?

Рьярд переглянулся с женой, затем с йормандом.

— Нет, не слыхали. Волчья яма есть. Доенварльдова усадьба, а так нет.

— Это нам не интересно, — заметил Ллойву, он дотянулся до хлебного каравая и теперь отщипывал по кусочку и отправлял в рот.

— Нет ли у вас воды? — спросил он хозяина.

— Воды? — удивился Рыжий.

— Да, воды.

Йорманд громко фыркнул, отвернувшись. А Род широко улыбнулся.

— Вода есть, только воду пьют у нас только дети и скотина. Настоящие мужи пьют брагу...

— Нельзя ли воды? — снова попросил странный гость.

— Эй! — встала Валма. — Принесите воды! Да, из ключа наберите!

— Благодарю, — кивнул Ллойву.

— Это какого же вы роду-племени? — Валма обошла стол и присела рядом с безбородым гостем.

— Наш род берет начало от бога тверди земной, Лита, — ответил Ллойву.

— Не слышал, — Рыжий не смущаясь, почесал брюхо. — Эйсенгарда знаю, бог-вседержитель. А Лит это в какой же стороне?

— На Аст'Эллоте, среди илоев, его до сих пор почитают и приносят ему дары каждую весну, — добавил Дженве.

— Это выходит, вы вроде как божьи потомки? — усмехнулся Камнебой.

— Да, выходит, так, — кивнул Ллойву.

— А я то думаю, что вы такие чудные! — Рыжий стукнул Дженве ладонью по колену. —

А илои это кто?

— Это как людь. — Холодно ответил Ллойву, с неудовольствием отметив вольность хозяина. — Только илои.

— Может иллии? — Догадалась Валма.

— Может быть, — кивнул Ллойву. Вошла женщина с запотевшим кувшином и поставила его перед хозяйкой.

— Вода, — Валма указала на кувшин.

— Чистый бокал, позвольте? — вежливо попросил Ллойву. Рыжий, которому порядком надоели вежливые экивоки, схватил бокал гостя, вылил пиво прямо на пол, налил воды.

— Чистых не держим, — буркнул он. Гость заметно скривившись отпил из бокала ледяной воды. Дженве под столом успокаивающе похлопал брата по колену.

— Иллии значит, — Род подался всем телом к гостям. — Так нету их. Ушли они, говорят. А может, и не было никогда!

— Прошло время, и мы вернулись, — надменно заметил Ллойву.

— И чего ж вы хотите? — ахнул йорманд.

— Только попасть на пик...как его? — рассмеялся Дженве.

— Дьявола?

— Точно!

Рыжий потряс пальцем перед носом бородача.

— Все-таки, думаю, вы колдяки!

— Колдяки это кто? — не понял Дженве.

— Колдуны, — вставил йорманд. — Ведьмы...

— Какие же мы ведьмы? — рассмеялся Дженве.

— Он! — Рыжий указал пальцем на Ллойву. — Глаз у него колдовской, вижу...

— Я? — безбородый надменно повел носом.

— Ежели огнем тебя попробовать?...

— Не стоит, — Дженве улыбнулся. — Мы не колдяки, клянусь! Утром мы уедем дальше.

— Ммм, — Рыжий с подозрением покосился на безбородого. — Огнем...

— Мы устали с дороги, — сказал Дженве. — Можем мы воспользоваться вашим гостеприимством и пойти спать?

— Ну, конечно, — согласился хозяин. — Валма, проводи гостей.

Валма с достоинством поднялась. Рыжий отметил, как она старается держать себя, точно гордарская дама. Уж не приглянулся ли ей безбородый колдяк, аль светлоглазый бородач? Ишь, придумала, глупая баба. Красуется.

Гости откланялись и неспешно отправились за хозяйкой.

— Вот ведь! — Рыжий плюнул на пол. — Экие! Божьи потомки...

— Чего только не принесет северный ветер с океана, — хмыкнул йорманд.

Глава 2 где сделан первый шаг

Валма проводила гостей в комнаты, в каких, по обыкновению, селили мужниных родичей. Аккурат над коптильней, на утепленном чердаке были выгорожены две комнатухи. Места в них — ровно на грубо сколоченную кровать, да сундук для вещей. Гости, однако, радости не выказали. Особенно безбородый. Красивое лицо его словно окаменело, но он совладал с собой и вежливо улыбнулся хозяйке.

— Благодарю, добрая госпожа, — Валма, не зная, что ответить, просто улыбнулась в ответ и поспешила уйти.

— Боги, зачем надо было отгораживать эти клетушки? Все одно все видно, — вздохнул Ллойву, проходя в одну из них. Дженве, улыбнувшись, вошел во вторую.

— Здесь есть постель, братец, это лучше, чем на земле. Ты же не ждал, что в этом путешествии мы будем спать на перинах и кушать в дорогих ресторациях.

— Нет, — последовал ответ. Заскрипела кровать. Ллойву примерился к ложу. — Здесь щели в палец в этой крыше. Ночевать будет так же холодно, как на улице.

— Возьму спальные мешки, — Дженве отправился вниз, к пожиткам. Ллойву лег на постель. Над головой сходились к центру крыши балки, обшитые грубо обструганными досками. Варвары. Но, несмотря на это, путешествие доставляло ему удовольствие. Даже лишения не украли пока прелести осознания, что весь мир теперь открыт перед ними.

Почти оборот прошел с момента, когда Аст'Эллот вернулся к истокам, снова опустился в бухту в северном море и снова стал частью большого материка и частью огромного мира. Большая часть илюев была этому обстоятельству рада. Они учились жить в новых условиях, заново, как дети, изучали мир, создавали свой, новый, не похожий ни на что. Другая же часть радовалась по-своему. Они праздновали день Освобождения от безоговорочной власти Жертвенных. Проклинали их и разжигали в себе ненависть всеми доступными средствами. С этой группировкой пришлось столкнуться уже скоро.

Сначала большинством голосов они изменили Статос. Все статьи, касаемые Жертвенных, вынесли в отдельную главу и признали ее утратившей силу. Асатров лишили всех привилегий. Запретили носить кимейры в общественных местах, лишили содержания и возможности голоса в совете. Потом взялись за тех, кто еще остался на острове. Ллойву, несмотря на усилия Роштара Вайзе и Советника Кримма, исключили из совета преподавателей в Инститосе, отказали во всех абонементх. Но это можно было пережить. Затем его студенты один за другим отказались от патроната, предпочитая других профессоров, ссылаясь на его долгое отсутствие. Следом Мастера Гильдий, что еще недавно вежливо просили о визите, перестали даже здороваться при встрече. Можно было бы подумать, что это происки Советника, но о нем уже год не было вестей. Поэтому, когда Дженве появился на пороге с напоминанием об обещании, Ллойву не колебался. Эпоха Жертвенных ушла. И не было никого, кто бы жалел о ней. Они быстро собрались в дорогу и отправились в путь.

Аст'Эллот остался на севере, теперь уже далекий, неприютный, но все еще родной. Душа тянулась туда, но там его не ждали.

Однако, Дженве задерживался. Ллойву, не придумав ничего лучше, накинул плащ и пошел вниз, в темный двор. Дженве он нашел в сарае, где людь держала своих верховых. Кродов пришлось убрать в отдельные стойла. Братец при свете чадящих факелов чистил

шкуру уже второго крода. Ластва, встряхнувшись при виде хозяина и протяжно застрекотала, потянувшись за лакомством.

— Что ты делаешь? — Ллойву опёрся спиной о косяк в проеме.

— Черныш укусил местного... конюшего, — Дженве погладил носовую пластину крода, получив в ответ шумный выдох в лицо. — Они тоже устали, и хотят отдыхать и покушать. Ластву я уже почистил.

— Прости... — Ллойву виновато улыбнулся. — Я так был занят собой... Я должен был помочь тебе.

— В другой раз ты их почистишь, — невозмутимо кивнул Дженве.

— Надеюсь, от немытой люди у Черныша не будет несварения утром, — Ллойву заметил походные вещи у дверей, накинул лямки тяжелых мешков с пожитками на плечо и понес наверх.

Дженве тоже пострадал в этой не объявленной войне. От Генерала Серебряного легиона его разжаловали до кабристера городской стражи. Что может быть унижительнее, чем ходить в подчиненных у бывшего своего страта? Но Дженве молчит об этом. Еще он молчит, когда из-за Ллойву они движутся слишком медленно. Или устраивают привалы чаще, чем ему бы хотелось. Молчит о своей жене, что погибла на водах Илемити вскоре после возвращения Аст'Эллоа. Она долго болела. В доме Лир, да и в любом другом об этом не принято было говорить. Только успех и сила. Изменения климата сказались на ней худшим образом. Изольтар списал ее так же, как и Ллойву. Для нее не было билета в лучшей мир.

Ллойву поднялся в отведённые им каморки и скинул мешки прямо на пол. Вытянул из своего спальник из толстого слоя шерсти и хлопка, расстелил на кровати и достал из бокового отделения томик с пустыми страницами, что Советник Изольтар подарил ему в попытке задеть больнее. В результате, Ллойву получил прекрасный блокнот для путешествия, чтобы записывать в него свои заметки. Из внутреннего кармана туники Ллойву извлек футляр с самым бесценным своим сокровищем. Два небольших выпуклых стёклышка, заправленных в тонкую изящную оправу. Окуляры, что позволяли ему читать. Блага цеха стеклодувов теперь недоступны, а в этой варварской стране вряд ли кто-то изготовит новые, если повредятся эти. Поэтому он берег их как зеницу ока.

Дженве застал его делающим заметки угольным стилем при свете лучины, что Ллойву нашел тут же, в каморке.

— Я покурю? — получив утвердительный ответ, Дженве достал трубку и кiset. Присел на край кровати.

— Что ты пишешь? — поинтересовался он, раскуривая трубку.

— Делаю заметки о путешествии.

— Надеешься издать книгу по возвращении? — усмехнулся Дженве.

— А мы вернемся? — Ллойву поднял на него глаза. Окуляры тускло блеснули в свете лучины.

— Может быть, — Дженве выпустил клуб дыма. — Думаю, надо найти этот отцовский курорт. По отцу я не скучаю, а вот Милле я бы обнял.

— Странно, что они не объявились до сих пор.

— Странно, — кивнул Дженве. — Думаю, эта земля еще преподнесет нам сюрпризы. Как ты?

Ллойву поднял голову от книги.

— Что?

— Сегодня мы весь день были в пути. Я опасался за тебя. Как ты?

— Со мной все в порядке.

— Просто я заметил...

— Я понял. Все в порядке, Джев, я не так безнадежен, — Ллойву снова погрузился в свои записи. Дженве усмехнулся. Помолчали. Ллойву закрыл блокнот, аккуратно спрятал его обратно в мешок, а окуляры в футляр.

— Как тебе хозяин? — Дженве посмотрел на брата, разлегшегося уже на кровати, вытянув ноги.

— По мне, они все варвары, — отозвался Ллойву. — Но себе на уме.

— Он нам не доверяет.

— Я ему тоже... Надеюсь, они не решат, что могут поживиться с наших вещей, — Ллойву вытянул из-за спины кимейры и положил их в изголовье.

— Также надеюсь, — Дженве встал и ушел за загородку. Ллойву слышал, как он устраивался на своей скрипучей койке, слышал крепкий табачный запах. Щели в досках крыши давали достаточно морозного свежего воздуха, чтобы не задыхаться в дыму.

День выдался насыщенным. Утром на рассвете на них напали бандиты. Супостатов было около дюжины, четверо держали на привязи огромных гавкающих псов. Дурно пахнувшая и шумная компания. Дженве сразу включился в ситуацию, а вот Ллойву замешкался, и это стоило им обоим съестных припасов, которые псы растащили по опушке. Но, в итоге, псы разбежались, а бандиты напятили землю кровью. Она была алая, как и одеяние их главаря. Дженве в сердцах за потерянную провизию насадил труп главаря на сук старого дуба. А потом была дорога. Весь день в седле. За последние дни едва ли они ехали так долго. Дженве часто устраивал привалы, давая брату размять ноги и отдохнуть. Ллойву не возражал. Слишком тяжела была для него дорога несмотря на всю прелесть путешествия.

Ллойву не заметил, как задремал. Во сне лаяли собаки и грязно ругались люди за стеной.

Асатр вздрогнул, просыпаясь. В глуби комнаты, у самой лестницы, стояло Оно. Существо, человек, иллой в невзрачном сером одеянии до самого пола. Если смотреть на него в упор, то никак нельзя разглядеть его. Взгляд постоянно соскальзывал на что угодно, но не задерживался ни на одной черточке лица. Если оно у него было. Если же отвернуть взгляд чуть, и казалось, что лицо это он уже где-то видел. Оно определено было иллойское. Ллойву спустил ноги с кровати, не отрывая взгляда от существа. Поднялся. Рука сама нащупала рукоять кимейра в изголовье. Медленно подошел. Существо не двигалось, терпеливо поджидая асатра. И вот Ллойву встал перед ним, держа в правой руке кимейр. Непременно надо узнать, что же скрывается за маской. Он протянул руку, и существо растворилось в воздухе, открывая вид на дверь за собой. Оказывается, здесь была створка. Она здесь была и раньше? Ллойву медленно потянул на себя старую ржавую ручку. Створка заскрипела, открываясь. За ней открылся вид на коридор его собственного дома на Астэллоте. Как такое возможно? Илой шагнул вперед. Несколько шагов и направо будет гостиная, а налево кухня. Он прошел это расстояние с замиранием сердца. Неужели все так просто? Всего-то надо открыть дверь и вернуться домой. Гостиная пуста, как и кухня. Ну, разумеется, весь дом законсервирован до его приезда. Вдруг входная дверь распахнулась, и вошел Советник. Отчего-то внутри стало гадко и захотелось помыть руки.

— Ллойву? — Советник по-деловому оглядел сына. — Ты отвратительно выглядишь. Переоденься.

— Зачем? — слова сложились сами собой. Разве не было бегства Жертвенных с Аст'Эллоа? Или, быть может, все это ему привиделось? А на самом деле он лежит сейчас в отделении Спасения Душ, и доктор Урт пишет ему назначения? И отец прав, он просто упрямый безумец.

— В таком виде нельзя быть представленным Окто.

— Окто? Разве...он не растворился?

— Ах, да, — Советник скривился в улыбке превосходства. — Ты решил, что сможешь победить? Мальчишка! Ты ищешь славы? Ты ее не найдешь! Даже свою победу ты не смог удержать! Слабак! И всегда им останешься.

Ллойву оглядел себя. Грязная туника, изодранная в лохмотья к низу и верно, недостойный асатра вид. Что произошло?

— Ты ползал в грязи, словно нищий?

— Отец... — он ещё не знает. — Мы вернули Аст'Эллоа, — Ллойву улыбнулся примиряюще. — Теперь мы все свободны...

— Не ставь это себе в заслугу. Окто ждет... — Советник распахнул входную дверь, а за ней оказался сияющий, жаркий, опаляющий кожу даже на расстоянии Окто. И он ждал.

«Наше, наше...»

— Я не пойду, — Ллойву отступил и покачал головой.

— Ты обманул его. Ты обещал ему свою Искру. Он гневается, — Советник сдвинул брови. — Главная цель Жертвенного дать Окто то, что он хочет. Он хочет тебя.

Ллойву отступил еще на шаг, хотя ноги вязли в густом, уплотнившемся воздухе.

— Он хотел стать свободным, — Ллойву покачал головой, отрицая сказанное Советником. — Я дал ему свободу...

— Тогда он заберет другое! — Советник отступил, пропуская стратов, ведущих Дженве из гостиной на выход. Как он там оказался? Что происходит?

— Нет, — Ллойву с усилием двинул вперед свое застывшее от страха тело. — Не трогай его.

Дженве шел, словно во сне, ни на кого не глядя, вперив неживой взгляд в пустоту перед собой. Он жив? Он жив, они все живы.

«Иди к нам, иди к нам»

— Другое такое же вкусное, — проговорил Советник тысячью голосов. Это не отец, это и есть Окто или его темная половина. Кто-то из них. Ллойву почувствовал, что не может двинуться с места. Страх сковал его совершенно. А страты вывели брата на улицу.

— Пусти, я приду... — задыхался Ллойву, силясь преодолеть свой паралич. — Не трогай его... — Когда воздух стал совершенно твердым, и грудь начало рвать от боли, он раскрыл глаза. Вдохнул глубоко. Это сон. Просто сон. Чертов сон. За загородкой мерно сопел Дженве. Все в порядке. Ллойву спустил ноги с кровати, запустил пальцы в волосы. Рубаха под туникой намокла от пота, отчего стало зябко.

— Опять кошмары? — услышал Ллойву знакомый голос. Сон. Ллойву не ответил. Дженве и так все знает, как никто. Ни к чему лишний раз все объяснять. Именно он был рядом первые декады после возвращения Аст'Эллоа, когда Ллойву валялся в постели бесполезным обессилевшие кулем. Именно он делился с братом природным своим оптимизмом и заставлял стремиться к нормальной жизни. Он все знает. Даже больше.

— Выпьешь сонных капель?

— Нет. Не хочу, — Ллойву снова лег в постель. — Все в порядке, Джев.

Дженве заложил руки за голову на своем ложе и закрыл глаза. Испытание Окто не прошло бесследно ни для кого. У каждого иллой на Астэллоте поменялась жизнь так или иначе. Кого-то задело больше, кого лишь чуть. Варамея, супруга, не смогла пережить таких перемен. И без того слабое ее здоровье было подорвано сменой климата, и на лечебных водах Илемити она тихо угасла, так и не простив мужа за холодность и постоянные отлучки.

Кровать за стенкой заскрипела под тяжестью тела. Что-то надломилось в Ллойву после той ночи, что вписали в новую историю Аст'Эллота, как ночь Прозрения. Дженве опасался, что на Аст'Эллоте брат угаснет так же тихо и незаметно, как жена. Все признаки к этому он видел каждый день после выписки его из госпиталя. Если первые дни Ллойву провел в дурмане от перемен, то вскоре впечатления поблекли, а с ними ушли бодрость и интерес к жизни. Брат просто начал гаснуть, как затухающий уголь. Необходимо было что-то, что не даст ему потерять вкус к жизни. Путешествие стало этой панацеей.

— Пахнет гарью, — прервал Ллойву размышления брата. Дженве принялся. И верно. Где-то горел огромный костер. А если огонь перекинется на конюшни? Пожар? Эта мысль пришла обоим одновременно. Оба вскочили на ноги. Ллойву схватил кимейры, сунул их в ножны за спиной. Оба быстро спустились вниз. Нет. Конюшни целы. Вот только дровяные стенки их освещены заревом от пожара. Дженве медленно обернулся. Большой дом, где они обедали по приглашению гостеприимного хозяина, пылал, словно огромный очаг, освещая все кругом. Люди торопились тушить огонь, передавая по цепочке воду в кадках от колодца. Сумрачные тени в полумраке кричали, ругались, кое-где даже дрались. Ухо уловило звон мечей.

— Что такое? — Дженве потянулся вперед, в полутемный просвет между домами. Ллойву схватил его за руку.

— Стой!

— Это нападение, ты же видишь! — Дженве вытянул кимейр из ножен.

— Разве это наша война? — сипло спросил Ллойву.

— Скоро она может стать нашей, — коротко бросил Дженве и освободил руку. Кто они теперь? Асатры без родины? Аст'Эллот отсекся от них, а примет ли новая земля неизвестно. Так надо ли принимать чужую войну, как свою? У Ллойву не было ответа. Он кивнул, и они вместе устремились на звуки схватки.

Защитники отбивались слабо. Нападавшие рассчитали верно. Большая часть людей тушила пожар. Налетчики без труда заскакивали в дома и тащили из них все, что могли унести. Дженве молча показал, что надо разделиться. Ллойву согласно кивнул. Братья исчезли во мраке теней, Дженве пошел по левую сторону, а Ллойву направо. Оба они стремились следом за налетчиками. А воры с добычей без препятствий бежали к воротам. Братья встретились у покосившихся воротин, по обе стороны створок. Дженве, с кимейром в правой руке и с энергетическим щитом Октиса на левой, поднял ладони и молча показал брату семь оттопыренных пальцев. Ллойву, закинув за спину свою глефу, показал пять. Дженве победно улыбнулся и кивнул в направлении за ворота. Получив утвердительный ответ, начал обратный отсчет. За эти мгновенья последний из воров, не заметив иллов, выскочил в приоткрытую щель ворот с огромным мешком. Едва Дженве подал знак, оба устремились следом за ворами, исчезнув из поля зрения в «слепой зоне».

За воротами их ждала необычная картина: воры погрузили уже свою добычу на кродов, не коней. Налетчики почти все уже в седлах. И последние торопились сесть верхом.

Ллойву и Дженве одновременно возникли рядом с навьюченными животными. Кроды в

страхе от неожиданного появления чужих, вскинули головы. А из ворот, видимо справившись с подарком, с дикими воплями начали вываливаться местные защитники. Ллойву мельком увидел за крупным задом топчущегося перед ними крода главаря этого предприятия. В тени возвышался некто в овальной маске белого цвета, с прорезями для глаз и рта. Главарь также их заметил и тотчас выкинул вперед левую руку. Дженве сразу оказался рядом, чтобы прикрыть щитом обоих. Энергетический разряд свалил на землю крода, за которым спрятались братья, и он упал огромной тяжёлой тушей. Следующий разряд не заставил себя ждать, ударил по щиту, опрокинув Дженве на брата. Третий разряд ударил перед ногами распалившихся защитников, заставляя их отступить перед неизвестным ещё оружием. Воспользовавшись заминкой, налетчики умчались в темноту. Перед воротами остался лежать оглушенный крод с огромным мешком на спине. Несколько воинов-защитников оглядывались в поисках новых угроз, кто-то в западе кинулся следом за ворами.

— Октис, — коротко резюмировал Ллойву, поднимаясь с земли.

— Похоже на то, — Дженве свернул щит. Его левую руку тоже обхватывали ремешки такого же. Обычные страты теперь не могли воспользоваться этими браслетами, но вот асатры силой своей Искры снова пробуждали их, и даже могли привести в действие.

Ллойву сложил кимейры. В этот момент из ворот начали еще выскакивать вооруженные люди с факелами и топорами наперевес. Судя по всему, пожар окончательно потушен, и защитники были очень злы.

Род Рыжий растрёпанный и наспех одетый возглавлял разъяренных воинов. Он окинул взглядом братьев и крода перед воротами, и тотчас сделал очевидные для него выводы. Крод у ног, пытающийся подняться, и тюк с ворованным на его спине говорили хозяину больше, чем хотелось братьям.

— Так вы отплатили мне за приют? — горько спросил он. Илоево окружили, держа топоры наизготовку.

— Это не мы, — Ллойву поднял ладони кверху, давая понять, что опасности с их стороны не будет.

— Мы пытались вам помочь, — добавил Дженве. — Эти грабители... Они похожи на нас...

— Точнее вы и есть, — сделал вывод подошедший йорманд. — Думали бежать!

— Нет, — Ллойву скосил глаза на ощерившуюся лезвиями топоров и мечей стену вокруг. — Мы хотели помочь! Зачем нам платить кражей за приют?

— Ваши поделники вас бросили! — воскликнул йорманд, и Рыжий был с ним согласен.

— Вот теперь это наша война, — прошептал Дженве брату на иллое. — Прости, Ловкач.

— Что вы там шепчетесь? — вскинулся Рыжий, потрясая топором.

— Мы желали только помочь. Взгляните, мы обездвижили нескольких воров там, внутри вашего... пос... деревни, — продолжил Ллойву. — Спросите их, кто напал на вас. Они ответят, что это не мы... Прошу, уберите оружие. Вы можете покалечиться.

Слова вызвали смех в рядах защитников. Оружие перед носом заходило ходуном.

— Хорошо, мы посмотрим. Спросим... А пока...под замок этих... Колдяков. На рассвете я решу, что делать, — согласился Рыжий. И братьям уперлись копья в спины, подталкивая вперед.

— Не хочешь сравнить счет сейчас? — наклонился Дженве к самому уху.

— Нет, они найдут трупы бандитов. Это подтвердит мои слова. Я смогу их убедить, —

отозвался Ллойву. Дженве усмехнулся.

— Оружие! — крикнул Рыжий с вызовом.

— У нас его нет, — возразил Дженве, предостерегающе стиснув руку брата, чтобы тот не сказал лишнего.

— А это? — йорманд ткнул пальцем в кимейры на широком поясе за спиной у Ллойву.

— Это просто декорация, — Дженве пожал плечами. — Взгляните сами. — Он вытянул один из кимейров и протянул йорманду. Тангорец с подозрением взял кинжал в руки. Длинная потертая рукоять, в длину клинка. Им часто пользовались. Черное лезвие сплошь изрезанное витиеватыми то ли рунами, то ли резьбой. Йорманд стиснул лезвие пальцами. На ощупь вроде, как и не металл вовсе. Словно деревянное. Он ковырнул ногтем, оставив на лезвии выщерблину. И верно, декорация. Йорманд брезгливо бросил кимейр под ноги пленникам. Дженве подобрал его, под прицелом многих мечей.

— Зачем вы носите это с собой? — с чувством превосходства спросил Рыжий.

— Это традиция, — Ллойву засунул кимейр снова в ножны.

— Это магия?

— Нет, нет, — поспешил ответить Дженве. — Всего лишь дань традиции.

— Уводите! — махнул рукой Рыжий, потеряв интерес к пленникам. — Завтра утром спросим, как следует.

Братьев грубыми толчками направили обратно в ворота, провели по улице и затолкали в какой-то сарай из толстых бревен с очень низкой крышей. Дженве и Ллойву пришлось сильно пригнуться, чтобы войти.

— Здесь холодно, — поежился Ллойву, когда тяжелая дверь захлопнулась, и послышался звук задвигаемого засова. Сарай оказался сырым, холодным и без окон. К тому же макушка упиралась в осклизлые доски потолка. Дженве щелкнул Октисом, голубоватый свет от браслета разогнал тьму. Асатр нашел на полу место свободное от наносов грязи и присел возле стены.

— Отчего ты их пожалел? — Спросил Дженве, когда Ллойву пристроился рядом, спина к спине.

— Я не думаю, что эти люди много понимают в происходящем.

— Я и сам ни черта не понимаю, — отозвался Дженве. — Этот бандит был иллоем. Жертвенным. Это значит...

— Значит, что отец где-то рядом, — согласился Ллойву.

— Они живы — согласился Дженве, — но я даже не знаю, рад я этому обстоятельству или нет.

— Здесь адски холодно, — поежился Ллойву.

— Стоит нам разогреть землю, чтобы согреться и нас объявят колдунами, — Дженве взглянул вверх, на низкий потолок. — Предлагаю просто уйти отсюда. Эти строения не выглядят крепко, я думаю, что легко пробью их.

— Так мы не спасем свою репутацию.

— Ее нет, братец. Они не доверяют нам. Любой неосторожный шаг и они бросятся на нас, как псы. Думаю, не нужно пресмыкаться перед ними.

— Я не хочу, чтобы они думали, что илои для них враги. Ведь рано или поздно Аст'Эллот выйдет из своей скорлупы...

— Ты слишком заботишься о тех, кому нет до тебя дела. Позаботься о себе в кои-то веки.

Дженве замолчал, ожидая ответа, и не дождался.

— Я задел тебя?

— Нет, — Дженве чувствовал спиной, как Ллойву начал дрожать. — Ты прав. Я... просто замерз.

Дженве стиснул зубы, проклиная свой несдержанный язык. Он сосредоточился, потянулся к токам силы в земле, разогревая, заставляя эти токи взаимодействовать, превращая грунт под ними в раскаленную колбу с лавой. На Аст'Эллоте не приходилось пользоваться Искрой по назначению, однако на земле людей без неё пришлось бы туго. Земля начала теплеть. Сидеть стало приятнее.

— Так лучше?

— Да, благодарю, Джев, — Дженве с неудовольствием снова услышал обречённые ноты в голосе у брата. Он снова за что-то себя корит.

— Будь по-твоему, дождемся утра, — сказал он с твердым намерением не допустить, чтобы хоть кто-то из люди посмел коснуться обоих.

Глава 3 где Ллойву встречает людя и он ему не нравится

На следующий день оба брата стояли перед таном и его йормандом в окружении вооруженных до зубов воинов. Допрос решили вести на улице перед всеми, ничего не утаивая и не скрываясь. Было похоже, что гостеприимный хозяин твёрдо решил вывести пришлых на чистую воду и доказать всем и себе заодно, что чужаки враги и практикуют колдунство. Для того перед обгоревшим хунгуром, служившим тану жилищем, разожгли костры по обе стороны импровизированной судейской площади.

Дженве был готов ругаться, на чем свет стоит. Тело за ночь затекло, зад болел, и донимал голод. Ллойву молчал. Он не проронил ни слова с самой полуночи.

Для тана принесли из большого зала огромное деревянное кресло, украшенное замысловатой резьбой, более похожее на трон. Рядом встал его йорманд, положив руку на топориче, торчавшее из-за пояса.

— Похоже на высший суд, — заметил Дженве, оглядывая собравшуюся толпу. — Не находишь?

Ллойву снова не ответил. Толпа вокруг ворчала, гудела и всхлипывала тонкими женскими голосами.

— Мы нашли трупы воров, как ты и сказал, — начал Род, вместо предисловия. Гул голосов тотчас утих, все напряженно вслушивались в слова. — Но кто знает, быть может, ты убил своих людей, чтобы обелить себя.

Ллойву не ответил сразу, Дженве с тревогой взглянул на него.

— Мы убили этих людей, потому что они напали на вас, а вы дали нам кров, — возразил Ллойву. Дженве выдохнул, слава богам. Все не так плохо

— Ты говорил, они похожи на вас! — крикнул Род, привстав со своего места.

— Возможно, — Ллойву поежился от холода. День отчего-то перестал радовать. Холод проник под тёплую тунику, словно бы протянул тонкие нити-щупальца к самому сердцу, выстуживая всякие желания и возражения заодно. Хотелось, чтобы всё просто закончилось, и они бы отправились с братом дальше.

— Ты знаешь, откуда они?

— Нет, — искренне признался Ллойву.

— Тогда спросим твоего брата, — Рыжий сделал знак своим людям, и их обступили плотнее.

— Я скажу то же, — кивнул Дженве. При повисшем над судилищем молчании были принесены пожитки путешественников. Вещевые мешки перевернули, и из недр горы вещей йорманд вытянул книгу в черном переплете с василиском на обложке.

— О боги... — тихо простонал Дженве. Обстоятельства постоянно складываются не в их пользу. Отчего?

— Это колдовска книга? — вопрошал Рыжий, брезгливо взяв в руки томик. Раскрыл его. Перелистнул несколько страниц, покрытых вязью древнего языка.

— Это записная книга, — возразил Ллойву. — Я веду там свои записи.

— О чем? — подозрительно переспросил Рыжий. Он распахнул томик на развороте, где убористым подчерком асатра были исписаны страницы полностью. — Это заклинания?

— Да нет же! — Ллойву улыбнулся. — Это просто записи. О путешествии.

— Это колдовская метка? — Рыжий закрыл томик и указал на обложку, где гербовый василиск застыл в причудливом танце.

— Это герб нашего дома, — вступился Дженве. — Дом Лита, повелителя земной тверди.

— Змея?

— Василиск, — уточнил Дженве. — По легенде бог земной тверди обращался василиском. Его поместили на герб. Знаете? Как и у вас делают...

— Я вижу змею, — Род расхохотался, оборачиваясь к своим людям, те поддержали его сдержанными смешками. — Знаете, что мы делаем со змеями, заползшими в наш дом?

— Нет, — Ллойву переступил замерзшими ногами. — Но ваши аллегории довольно примитивны...

Дженве ткнул брата в бок, чтобы тот не язвил чужой слух заумными словами. Мало ли, что услышат эти воины. Дюжина на брата, это многовато противников. Даже для илоя.

— Мы убиваем их. И скармливаем псам, — Рыжий посуровел. Грубые руки схватили обоих за плечи. Дженве напрягся, готовый отразить любую агрессию.

— Я предлагал, заметь, все сделать тихо, — прошептал Дженве.

— Заткните им рты, пока они не наколдовали себе неприятностей... — бросил Рыжий. Послышался звон вынимаемых из ножен мечей и стук копий. Дженве взглянул на брата и улыбнувшись подмигнул. Они встретились глазами, и Ллойву едва заметно покачал головой «нет». Братьям, заломили за спины руки, грязной холстиной прижали рты, не встретив сопротивления.

Земля вдруг отозвалась на грубость протяжным гулом, а где-то послышался треск разошедшейся надвое стены. Сначала воины не обратили на него внимания, но затем испуганно заозирались. словно бы за оградой под землёй пробудился огромный зверь, и теперь стремился вырваться на свободу. Земля под ногами дрогнула и мелко затряслась.

— Что это? — Рыжий привстал со своего трона.

— Эйсенгард гневается! — воины забеспокоились. Земля начала подрагивать, и гудеть еще громче.

— Эйсенгард! — Рыжий в страхе взглянул на своих пленников. Проклятые колдяки! Бог земной тверди их прародитель, так они сказали. Неужели их бог разгневался на тайнуров?

— Стойте! — Рыжий поднял руку. — Дайте им говорить. — Кляпы вынули, обоих братьев отпустили, но земля продолжала ходить ходуном под ногами.

— Это ваш бог?

— Наш, — кивнул Дженве, сплёвывая набившуюся в рот пыль. — Он сердит, что вы не слышите нас. И может сравнять с землёй твой дом, если ты нас не отпустишь.

— Отпустите! — Род поерзал на месте. От братьев отступили на шаг. — Скажи своему богу, что мы не причинили вам вреда.

— Он знает, он всевидящ, — и верно, земля тотчас успокоилась. Новое положение гостей потребовало от Рода всей собранности и смекалки. Нельзя просто отпустить чужаков, объявленных колдяками.

— Я... — он откашлялся. — Виноват, что не услышал вас, богорожденные. Я принял вас за шарлатанов. Их много на наших землях.

— Ты прощен, — кивнул Дженве. — Впредь будь повежливей, тан Род Рыжий. А то не ровен час накличешь беду на своих людей...

Йорманд что-то жарко зашептал своему тану. Тот напряженно слушал. Воины

благоговейно отступили от братьев. Потом Рыжий продолжил.

— Желаете ли еще побыть моими гостями, богорождённые?

— Нет, такого гостеприимства что-то не хочется. — Поежился Дженве. — Вели собрать нам провизии в дорогу, и вернуть наши вещи.

— Вот они, — Йорманд со страхом бросил черный томик на вещевые мешки.

— Что за супостаты напали на нас ночью? — Род подался вперед — Вы знаете их?

— Нет, не знаем, — Ллойву вытер рот рукой, едва сдерживая рвотный позыв. — Они чужаки для нас как и для вас...

— Вот как... — Род разочарованно вздохнул. Пусть эти колдяки катятся ко всем демонам в пекло. Отец прав, надо собирать союзников. Время пришло.

— Я заседлаю кродов, — обратился Дженве к брату.

— Тогда я займусь вещами, — кивнул Ллойву.

Спустя время братья были отпущены из Охотного Дола с тюками, полными припасов в дорогу. В глазах тана читался благоговейный ужас и желание поскорее отделаться от неприятных гостей. Ллойву несколько раз прополоскал рот ключевой водой, но никак не мог отделаться от привкуса земли и навоза. Несколько раз его одолевали рвотные позывы, но в большее не переросли. Дженве отнёсся ко всему философски, набил и раскурил трубку. Теперь они ехали по тракту в одиночестве под весенним солнцем, на запад. Светило приятно нагревало спины.

Инцидент в Охотном Доле изрядно веселил Дженве.

— Ты видел их лица? — усмехнулся он в очередной раз. — Боги, я не знал, что это так весело.

— Это было крайнее средство, — возразил Ллойву. — Нельзя игратья Искрой просто так.

— Да мы просто боги для них! — хохотал Дженве. — Они настолько примитивны!

— Уймись, Джев. Ты не бог, — улыбнулся Ллойву.

— Нет, но так хочется им побыть хоть чуточку, — потом Дженве посерьезнел. — Но больше мы не станем просить приюта у люди.

— Нет, не станем, — согласился Ллойву. — Это опасно.

Дженве огляделся. Пик, на который они стремились, забирал севернее. Дорога, по которой, они ехали, вела на юг.

— Надо сойти с тракта, — принял решение Дженве. Ллойву покорно согласился, и кроды повернули на север и пошлепали по не растаявшему снегу.

— Я подумал о проводнике, — Дженве выпустил клуб дыма в весеннее небо. — Но, глядя на этих недотеп, уже сомневаюсь.

— Кто согласится нас вести?

— За золото кто угодно!

— И за него же нас попытаются убить? — усмехнулся Ллойву.

— Ключевое слово «попытаются».

— Думаю, мы потихоньку и сами доберемся, — пожал плечами Ллойву.

— Не хочешь узнать, куда умчались те иллои? — Дженве повернулся к брату. Раструб плаща скрывал его лицо.

— Не очень, — Ллойву стянул капюшон. При свете солнца брат выглядел совершенно бесцветным. Даже глаза сегодня были здорового белого цвета. Волосы, заплетенные в

косицу на затылке отбрасывали яркие белые блики. — Они озлоблены, раз им приходится воровать.

— Само собой, разве Жертвенные станут выращивать что-то сами? — Хохотнул Дженве. — Только благородный разбой!

— В этом и опасность. Они настроят против себя все ближайшие т...тьёрды — выговорил Ллойву трудное для него слово. — Через них могут пострадать другие.

— Меня не беспокоит никто, кроме моих родных, — заявил Дженве. — Пока меня беспокоишь ты.

— Что со мной? — Ллойву повернулся к брату.

— Ты снова почти не спал. Что тебя тревожит? — Дженве тоже стянул капюшон. Солнце нагрело воздух, и, казалось, стало совсем тепло.

— Это от усталости, — уклонился от ответа Ллойву.

— Неправда. Тебя тревожат кошмары каждую ночь.

— Откуда ты знаешь? — усмехнулся Ллойву. — Ты следишь за мной?

— Немного, — Дженве зажал трубку в зубах.

Ллойву помолчал. Кроды шлепали по поляне, постепенно забирая к западу, потому как впереди оказался непроходимый овраг.

— Мне снится Окто. Каждую ночь он забирает то, что мне дорого...

— Окто? Его больше нет, дружище! — рассмеялся Дженве.

— Я знаю, — Ллойву стиснул зубы. — Но я не владею своими снами.

— Быть может, сонные капли помогут тебе крепче спать? — Дженве выбил трубку о колено на ходу.

— Быть может... — согласился Ллойву, чтобы закончить неприятный разговор.

— Если иллои прибыли сюда, значит, это «Гнездо» где-то рядом. Думаю, день — два пути, — сменил тему Дженве.

— Вероятно, — согласился Ллойву.

— Давай-ка прибавим ходу, братец, — Дженве указал на рощицу далеко впереди, отсюда она казалась совсем крошечной. — К обеду желаю расположиться вон там.

И братья прибавили скорости. Кроды шли ровным шагом, седоков даже не качало в седлах. Ллойву с удовольствием подставлял лицо встречному ветру, несшему запах наступающей весны.

К рощице они приблизились после обеда. Несколько сосен стояли на опушке густого леса, словно специально отгородившись от остальных деревьев безлесым перешейком. Дженве снизил скорость, подъезжая к своей цели. В тени деревьев братьев ждал долгожданный отдых и обед. Дженве спешил.

— За тобой костер! Справишься? — Крикнул он брату. Ллойву кивнул и также спрыгнул на землю. Дженве взял обоих кродов под уздцы и повел их поохотиться, а Ллойву отправился за хворостом. Кто бы сказал ему пару оборотов назад, что он отправится в лес, он бы не поверил. Но теперь приходилось многие вещи делать самому, учиться заново, таким обыденным и привычным для многих занятиям. И сбор хвороста для костра был в числе как раз таких. Как же веселился Дженве, глядя, с какой брезгливостью берёт в руки брат необработанное дерево. Хоть какой-то плюс. Снег под деревьями еще не сошел, но уже размяк и стал рыхлым. Нога утопала в сугробах до самого колена. Асатр выбирал ветки посуше и почище.

И вдруг он замер. Прямо перед ним склонилась к седоку лошадь. Человек лежал навзничь на земле, а лошадь просто стояла рядом, перебирая ногами. Ллойву подошел ближе. Человек, похоже, спал. Иначе как раскатистый храп, принятый поначалу за скрип дерева друг о друга, мог доноситься из этой глотки? Ллойву присел на одно колено перед человеком и, брезгливо морщась, снял перчатку, дотянулся до свободного клочка кожи на ладони. Искра мгновенно сообщила ему, что все не так плохо. Человек был мервецки пьян. Похоже, он свалился с лошади, а она протащила его еще немного по сугробу, пока не остановилась здесь. Путник был крепкой комплекции, довольно широк в плечах, а одежда его свидетельствовала о небольшом достатке, хотя на поясе угнездился боевой топор весь в выщерблинах, а на спине круглый щит. На лошадь навьючен мешок внушительных размеров.

Ллойву поднялся, скривившись от отвращения. Здесь он ничего не мог с собой поделывать, вид люди с недавних пор вызывал в нем брезгливую оторопь. Человек перестал храпеть и выдал серию нечленораздельных звуков.

— С-щ-щ, — просвистел он. Дженве не гнушается касаться этих варваров. Он сможет ему помочь. Ллойву повернулся, чтобы уйти. Но тут упавший схватил его за щиколотку.

— Стой, щ'чье отродье! — пробубнил лежащий. — Ты х'тел ограбить меня?

— Мне не нужно ваше имущество, — возразил Ллойву, выкручивая лодыжку из цепких пальцев, но у того была такая крепкая хватка, словно нога попала в капкан. Асатр обречённо вздохнул. Придется еще раз коснуться его рыхлой потной кожи. Но упавший отцепился сам и поднялся на локтях. Патлатая, в талых льдинах голова приподнялась. На Ллойву снизу вверх взглянули водянистые, заплывшие глаза. Путник казался не старым, но был в меру бородат и не в меру запущен. Карие глаза смотрели с пьяной мутью, но старались сфокусировать взгляд на илое.

— Ты кто? — икнул он.

— Я всего лишь прохожий, — Ллойву отошел на шаг. — Уже ухожу.

— П'гди! — упавший с трудом поднялся, привстав на одной ноге. — Не у'ходи. — Пьяница потряс другой ногой, выпутывая ее из стремени, взял свою кобылу под уздцы и шагнул к асатру. Не рассчитав степени своей трезвости, он грузно завалился на Ллойву. Тот отступил еще шаг, а пьяница, рухнув на колени, вцепился рукой тому в плащ на уровне пояса.

— Не ух-ди! Я что-то устал!

Ллойву брезгливо скривившись, двумя пальцами стиснул запястье упавшего, стараясь его от себя отодрать.

— Дьявол! — сразу протрезвев, закричал путник. На крик поспешил Дженве.

— Что случилось? — он мигом оценил ситуацию и убрал кимейры снова в ножны, едва увидел что с братом всё в порядке.

— Этот господин пьян, — Ллойву отцепил от себя запястье путника и отшвырнул его от себя. — Он лежал на снегу, я подумал, что ему нужна помощь.

— Иди, займись костром, — Дженве успокаивающе хлопнул брата по плечу. — Я разберусь. — Ллойву с достоинством удалился.

— Дьявол, — простонал путник, стискивая второй рукой пострадавшее запястье.

— Это Ллойву. Он не любит, когда его касаются, — ободряюще проговорил Дженве, протягивая руку. Путник с опаской вложил свою ладонь. Одним движением Дженве поставил упавшего на ноги.

— Меня зовут Дженве Лир, — асатр улыбнулся в пьяное лицо путника. — Тот брезгливый господин — Ллойву, мой брат.

— Ну и хватка у твоего брата, — проскулил путник. — Меня зовут Пивень.

— Забавное имя, — усмехнулся Дженве.

— Это не имя. Это прозвище, — путник отряхнул с себя снег. — Пиво страсть, как люблю.

— Идем к костру, Пивень. Обсохнешь, согреешься, — пригласил Дженве. Путник кивнул и тронулся следом за асатром, ведя свою кобылу в поводу. Под сень сосен они вышли, когда Ллойву уже развел костер. Слабый пока огонёк потрескивал на влажном топливе, норовя затухнуть совсем.

Пивень потер лицо ладонями, пытаясь собраться. Привязал свою кобылу рядом со стоянкой.

— Я же не сплю? — усомнился он, присаживаясь на упавший ствол, который Дженве притащил из леса. Ткнул пальцем в обрезанной перчатке сначала в одного, потом в другого брата. — Вы же существуете?

— Конечно, — фыркнул Ллойву, доставая съестное из мешков.

— Ну, слава Эйсенгарду, я уж думал, допился до чертей...

— Что же, мы похожи на чертей? — Рассмеялся Дженве.

— Еще как! Слово ангелы смерти, — благоговейно прошептал путник, пытаясь показать руками цвет глаз и цвет волос своих неожиданных попутчиков. Ллойву усмехнулся. Дженве подхватил котелок, чтобы набрать в него снега. Пивень остался один на один с испугавшим его господином. Сначала сложил руки на коленях, потом подобрал еще и ступни, наблюдая, как из недр вещевых мешков появляется сыр, мясо и хлеб. Он сглотнул слюну. Сам он не ел уже долгое время. В тюке на крупе его лошади поместился только мех с любимым мёдом.

Вернулся Дженве, поставил котелок на огонь.

— Разделишь с нами трапезу, Пивень? — бодро спросил Дженве, стараясь говорить как можно мягче. Тот истово закивал. Ллойву, конечно, безобиден, но может напугать люда так, что тот сбежит без оглядки, а Дженве очень хотел выспросить про местные обычаи и по возможности про проводника.

— У меня тут, — Пивень потянулся к своему сокровищу. Стянул тюк с лошади и протянул Дженве, которому доверял теперь много больше, чем безбородому суровому господину.

— Что это? — Дженве сунул нос в мех.

— Сокровище! — Пивень поднял палец к небу.

— Э, да это пиво! — рассмеялся Дженве. — И весьма неплохое!

— Отличное пиво! — закивал Пивень, пуская незаметно слюну на сыр и мясо.

— Что ж, можно и выпить, — согласился Дженве. — Куда ты держишь путь, любезный?

— Так в Охотный Дол! У меня там брат, — доверительно проговорил Пивень. — Он, правда, мне не рад, ну да какая разница, да?

— Отчего же он будет тебе не рад? — осведомился Дженва.

— Я, знаешь, желал деньжат заработать, — начал Пивень рассказ. — А чего я умею? Ничего, только топором махать. Вот и отправился наемником, где больше платят. А где больше платят? Известно где, у Доенвальда в Яме! А батюшка как узнал, так и отписал меня от себя. Не желаю, говорит, видеть! И братья туда же! А я разве виноват? Деньга, она смелых любит, так ведь? Смелых да удачливых! Вот, я жив, значит, при мне моя удача!

— Ты, значит, наемник? — Дженве предложил гостю хлеб с сыром и мясом, и тот с

удовольствием взял угощение.

— Он и есть!

— И вырос тут?

— Ну, так можно сказать.

— А чем ты планируешь занять себя, любезный? — продолжил Дженве расспросы. Ллойву, уже поняв, куда клонит брат, сделал круглые глаза.

— Известно чем, пахотой.

— Устал от ратного дела?

— Не то, чтобы... Отец то одряхлел. Не ровен час, помрет! Коли я у Доенварда останусь в услужении, лишит меня наследства!

— Вон оно что, — усмехнулся Дженве. — Может, ты желаешь еще подзаработать?

— Где? — Пивень с подозрением покосился на братьев.

— Тут, понимаешь, есть такое дело, что мы с братом путешествуем, а мест, как следует, не знаем. Да и обычаев тоже. Нам бы проводника.

Пивень медленно прожевал кусок во рту, оглядывая с подозрением обоих.

— Мы оплатим золотом, — добавил Дженве.

— Куда же вы путешествуете? — прожевав, спросил Пивень.

— На Пик Дьявола, — быстро сказал Ллойву, в надежде, что суеверный тангореп откажется.

— Эт можно, — согласился Пивень. — Только плата вперед.

— Иж, какой ловкий, — рассмеялся Дженве. — Так у нас дела не делаются.

— Риск большой, поэтому плата вперед, — авторитетно заявил Пивень.

— Часть сейчас, часть потом и в конце остальное, — Дженве протянул руку для пожатия. Пивень некоторое время размышлял, потом пожал ее.

— По рукам.

Дженве из поясной сумки достал три золотые монеты и протянул проводнику. Пивень протянул навстречу ладони, замороженный видом желтоватых кругляшей. Дженве задержал их в пальцах прежде, чем опустить в протянутые ладони.

— Только не вздумай обмануть нас, — сурово сказал он. — Ты пожалеешь об этом. Понимаешь?

— Само собой, — Пивень принял монеты в ладони, прижал к сердцу, накрыл сверху распахнутой ладонью. — Кодекс наемника! Клянусь жизнью, что исполню договоренное!

— Ну, вот и славно! — Дженве подставил кружку, — давай, надо закрепить союз. — Пивень с готовностью налил пенный напиток в сосуд. Дженве пригубил.

— О, Ллойву, ты должен попробовать!

— Не уверен, — скривился Ллойву.

— На, только глотни! — Дженве протянул свою кружку. Ллойву осторожно попробовал.

— Ну, как?

— Недурно. Это что-то фруктовое?

— Это мёд! — Воскликнул Пивень. — Самый настоящий мёд, его варят стиги. Это на севере.

Спустя время Дженве с Пивнем, смеясь, горланили какую-то местную песенку. Дженве, конечно, не знал слов и просто подвывал в такт. Так ему казалось. Но здесь был и плюс, при таком рёве ни один хищник не подойдёт близко. Ллойву со скептической улыбкой наблюдал за ними, подбрасывая дров в костер. Отправляться сегодня уже не придется, решил Ллойву,

раз Дженве так набрался. Он расстелил спальник на еловых ветках, срезанных в лесу. Достал свою книгу и стило. Нацепил на нос окуляры и продолжил записи, оставив брату хмельное веселье. Пивень сначала не обращал внимания, затем уставился на Ллойву, словно на какую-то диковину.

— Что? — Ллойву заметил его взгляд.

— Что это? — проводник потянулся к окулярам.

— Не трогай. — Ллойву брезгливо дернул головой. — Никогда!

— Они помогают ему видеть! — Дженве оттащил нового приятеля от брата. — И он будет сильно... сильно зол, если ты их коснешься.

— Он слепой? — удивился Пивень.

— Нет, но иногда видит плохо.

— Я тоже иногда вижу плохо. В темноте, например. Они помогают видеть в темноте?

— Нет, — отрезал Ллойву, погружаясь в свои записи.

— А в дыму?

— Нет, — последовал ответ.

— А когда в глазах плывет?

— Как сейчас? — добавил Дженве.

— Точно...

— Нет, — коротко ответил Ллойву.

— Не приставай к нему! — Дженве оттянул Пивня к себе. — Это мой брат. Я его люблю. Если ты его обидишь, я уничтожу тебя. — И улыбнулся без тени дружелюбия. Проводник взглянул в похолодевшие бесцветные глаза, и прочитал в них все возможные исходы.

— Понял, — кивнул Пивень. Солнце меж тем уже спряталось за горную гряду, и наступили сумерки.

— Я позову кродов, — Ллойву поднялся и ушел в сумерки.

— Кто такие кроды? Опасно ночью звать кого бы то ни было, — опасливо проговорил Пивень, оглядываясь по сторонам. Раздался громкий свист, на мгновение заложивший уши. Пивень вздрогнул. На зов ответили из темноты протяжным стрекотом. И вскоре пришел Ллойву, а за ним, бухая в землю трехпалыми лапами, пришли чудные звери.

— Оспаде! — Проводник схватился за топор.

— Тише. Это Черныш, — Ллойву погладил по плоской голове темного крода, а затем более светлого в темных пятнах. — И Ластва. Держи свою кобылу подальше. Они — хищники.

Пивень тотчас поднялся и отвязал свою кобылку.

— Ллойву! — Рассмеялся Дженве. — Не пугай! Они с охоты и сыты. Теперь дня два они не захотят есть.

Проводник привязал кобылу подальше от пугающих его животных.

— Я пожалуй, лягу спать, — Ллойву присел на своем месте, завернулся в спальник.

— Спи, брат. Я постерегу твой сон, — кивнул Дженве. Ллойву не ответил, отвернулся ко всем спиной.

Пивень скорчил рожу в сторону спящего.

— Он всегда такой? — спросил он.

— Какой? — Невинно поинтересовался Дженве.

— Ну, — Пивень изобразил руками какую-то козулю. — Такой.

Дженве рассмеялся.

— Это Ллойву. И он всегда такой. Он тебе понравится, — и Дженве хлопнул нового приятеля по спине. — У нас два спальника. Ты можешь пока отдохнуть. Я покараулю.

Пивень оторопело посмотрел на своего нанимателя.

— Ни в жисть! Давай, сначала я!

— Нет. Ложись. После полуночи станет твой черед.

Пивень прикинул в уме, что к чему, и согласился. Натаскали веток, расстелили спальник. Пивень завернулся в теплый, на меху, спальный мешок. Как же благосклонна судьба к нему сегодня. Вчера он был никчемным пьяницей, не нужным никому, без гроша в кармане, а сегодня он снова на службе, хоть у самого дьявола, с деньгой, сытый, и в тепле. Перед тем, как закрыть глаза, Пивень увидел, как Дженве набил курительную трубку. Значит, еще и табак есть...

Глава 4 в которой людь разговорил странного господина

Ллойву проснулся от назойливого зуда во всем теле. Словно бы кожу колет тонкими иглами. Что-то было не так. Он повернулся лицом к костру, стараясь не вылезать из спальника. Внутри мехового кокона было тепло и уютно. Вылезать не хотелось. По другую сторону костра на бревне сидел размякший от выпивки Дженве и курил трубку. Идея отправиться в путешествие была лучшей из всех возможных. Подумать только, они едва ступили на землю люди, а уже узнали столько нового. Даже поучаствовали в небольшой стычке. Не желая расставаться с теплом, Ллойву завернулся крепче в меховое одеяло. Начал походя разглядывать лицо брата. Тот о чем-то задумался, изредка затягиваясь трубкой и выпуская клубящийся паром дым. Фигура сидящего на бревне Дженве ярким пятном выделялась на фоне посмурневшего в сумерках леса. Небо над головами затянуло тучами и грозило засыпать путников снегом. Удивительное зрелище. На Аст'Эллоте не было столь уничтожающего чувства незначительности перед стихией. У них были метеостраты, что следили за погодой, и каждый день мог быть просчитан от восхода светила и до его заката. Правила игры были известны и прописаны заранее. Но здесь... Здесь илои стали лишь фигурами на игровой доске, не игроками. И в этом тоже была своя прелесть. Отчасти.

Ллойву перевел взгляд снова на Дженве. За его левым плечом отблески огня нарисовали абрис человеческой фигуры. Ллойву резко сел, откинув одеяло. Уж не проводник ли решил напасть со спины?

— Сзади! — Крикнул Ллойву, но Дженве не отреагировал, словно и не слышал. Неизвестный подступил ближе, при свете костра открывая свою истинную суть. Безликий. Существо без имени и без лица. Ллойву вскочил на ноги, запутался в спальнике и едва не упал, сделав шаг. Дженве словно ослеп и оглох, продолжая безмолвно и беспечно курить. Опять сон? Ллойву поднял глаза на брата, и неведомая сила подхватила и потащила его прочь в далекое поле. Стоянка их, мерцающая отсветами костра, быстро и равномерно удалялась. Он четко видел огонь и Безликого. Видел, как тот достает из под своего невзрачного одеяния стальной кинжал и подносит к горлу Дженве. Тот, сидел, словно бы не замечая опасности. Подобно марионетке в дешёвом театре.

— Джев! — Ллойву двинулся назад к костру, но ноги его отчего-то увязли в топкой грязи. Он угодил в болото. — Джев! — Он с усилием вытянул одну ногу из хляби. Сделал шаг. — Джев! — кричать бесполезно. Можно до хрипоты пытаться достучаться до брата, но он не услышит.

Безликий воткнул нож под подбородок своей жертве.

— Джев!!! — Ллойву почти охрип. Ноги увязли настолько, что вытащить их уже невозможно. Яркая вспышка осветила болото, бросая контрастную черную тень на мутную гладь воды. Выжигающее глаза пламя. Ллойву слезящимися глазами взглянул на источник сияния за своей спиной. Окто. Огромный, раздутый до невероятных размеров. Величиной в полнеба, Окто завис над ним. Ллойву потянулся к костру. Спасти, ещё можно спасти...

Дженве, насаженный на нож, точно мотылёк на иглу, дергался в руках Безликого. Движения его тела стали гротескно сильными, словно его било в судорогах. Фальшивка. А затем кукла открыла глаза и рот в беззвучно крике, все еще дергаясь всем телом. На белом овале распахнулись три бездонные дыры. Странно, что несмотря на расстояние и скверное

зрение, эту картину Ллойву видел очень четко, словно она выжигалась где-то в голове.

— Нет, — бессильно выдохнул Ллойву. Вид брата привел его в ужас, но не идти к нему он не мог. Должен.

«Наше» — прогудели сотни голосов.

— Отдай, верни! — Ллойву потянулся к брату. — Не смей! — Жар от Окто пек спину и грозил сжечь на месте.

«Наше». Тело дернуло от крика или от ожога, и Ллойву открыл глаза.

Спина нагрелась от костра в настоящей реальности. Ллойву перевернулся на другой бок, лицом к устрашающей его правде. Нет, это только сон. Всего лишь сон. Дженве спит недалеко. Его спальник мерно поднимался и опускался от дыхания. Наемник караулит, тараща прямо на него осоловелые от бессонницы глаза. Все таки Дженве слишком беспечен, что уверяет их безопасность первому встречному людо. Ллойву не доверял бы им. Тем более после последних событий. Но от радостного осознания, что это только сон, Ллойву был готов даже поболтать с проводником. Хоть с с самим дьяволом.

Ллойву выбрался из одеяла, накинул плащ, сел на бревно на приличном расстоянии от наемника. Ночь студила руки холодным сырм ветром, проникала в мельчайшие прорехи в одеянии, выстуживая промокшую от пота рубаху. Смена лежит в вещевом мешке, но сейчас думать от том, чтобы переодеться не хотелось. Ллойву взглянул еще раз на мерно поднимающийся и опускающийся от дыхания спальник Дженве. Все в порядке. Просто сон. Отвратительный сон. Он провел рукой по лбу. Пот уже высох, осталось мерзкое чувство страха, но и оно таяло рядом с весело потрескивающим костром.

— Не спится? — Грустно спросил наемник.

— Просто сон, — отозвался Ллойву невпопад. Зачем людо знать, что его тревожит? Проклятый Окто никак не отпустит его. Разорвав связь с Аст'Эллотом, Окто отчего тс сохранил её с Ллойву. И тянулся следом, тащился по земле людей, требуя своё. Или это просто кошмары.

— Надует снег к утру. — со вздохом проговорил Пивень. — Вон какие тучи нагнало.

— Снег? — Ллойву пожал плечами. Ему было безразлично. Пусть будет снег. Большая земля жила по своим законам и их Ллойву был готов принять.

— Вот и весна, а зима-то не отступает. Все снег да снег. Ночью нападает, днем растает. — Продолжал наемник. — Такая его работа. Падать. Одна беда, бездорожье размоет. Тяжеленько без тракта идти будет. На дорогу не желаете выбраться?

— Мне, право, все равно. Утром Джев проснется, там решим, если по дороге лучше, тс пусть будет дорога.

— Он у вас главный? — С лукавинкой в глазах спросил Пивень. Наемника было откровенно скучно и он был не прочь поговорить

— Что это значит? — не понял Ллойву. Всю жизнь, что они попадали с братом в передраги, они принимали решения вместе, используя каждый свой резерв. Если Дженве всегда был сильнее, то на Ллойву ложилось планирование, они пользовались Искрой друг друга, если это было необходимо. И Ллойву никогда не думал, кто в их паре был главным. Вопрос никогда не стоял так.

— Ну... — Пивень смутился. — Он все решает...

— Мы путешествуем вдвоем, — зачем-то уточнил Ллойву для наемника, в глазах его горели отблески от костра. — все решения — наши общие.

— Да, ну я просто...подумал. — Пивень смутился от пристального взгляда белесых

глаз. — Не похоже было... не важно в общем...

— Вы — людь, слишком просто устроены. Вашего порога чувствительности не хватает, чтобы уловить связи между нами. Но она есть. Нам не нужны слова. Нас связывает наша кровь. — Высокопарно выдал Ллойву.

— М-м-м, — Пивень отвернулся. Ишь, слишком просто устроены. Да хоть бы и так.

— Почему ты зовешь нас людью? — После паузы спросил Пивень. Слово ему не нравилось, и он не совсем понимал его значения. Словно собаку кличут.

— Кто же ты? — Удивился Ллойву.

— Человек.

— Человек — не людь?

— А вы тогда кто? — обиделся наемник.

— По происхождению мы — иллои. По крови — первородные асатры.

— Это кто ж такие? — Теперь удивился наемник. Неграмотная людь. Всё, что он знает, это где добыть пива. Хотя им простительно. Всё, что они делали это время — воевали между собой за землю и влияние. Прошло столько оборотов, а они едва продвинулись в развитии дальше порога. Для них дика письменность, а грамоту они передают в песнях. Дикий народ.

— Илли. Так вы звали нас когда-то... давно...

— Ничего себе! — Хохотнул Пивень. — Так их нет давно! Уж лет триста! Или больше! Даже дед мой не их помнит. Разве в песнях сохранились!

— На Астэллоте прошло больше тысячи лет с момента его поднятия. Сменилось пять поколений. — Кивнул Ллойву. — Но подозреваю, что течение времени исказилось на острове из-за смещения центра масс.

— Чего?

— Не обращай внимания, — Ллойву махнул рукой и прикрыл глаза ладонью. Отчего-то снова разболелась голова. Связи с этой землёй у него точно нет, значит причина внутри. Он просто устал, не выспался, всё ещё не здоров. Причин может быть много.

Пивень замолчал, переваривая сказанное. Про иллиев он знал очень мало. Знал, что все они превратились в красивые легенды. Что-то осталось от них. Письменность, например, кое-где не разоренные храмы. Нянька рассказывала, когда ушли илли, землю разорвало от войн и междоусобиц и из глубин небытия поднялись демоны, захватив человеческие души на долгие триста лет. От иллиев остались подземные храмы, порталы и кое-какие артефакты. Пивень всегда считал их красивой легендой, сказками. Но вот так сидеть и разговаривать с призраком из прошлого... Это слишком.

— А... вы... зачем вернулись? — Не нашелся, что спросить Пивень.

— Пришло время. Мы вернулись, — Ллойву чуть улыбнулся. Что объяснять глупому людю про Окто? Про титаническую работу асатров, обладателей Искры, превратившихся в одночасье в Жертвенных для всех остальных. Про тысячу оборотов жизни без люди в гармонии и достатке, про угасание и разрушение Окто, про возвращение острова, про освобождение. Про самую главную ошибку илоев: мысль, что можно жить в изоляции от мира, что стоила не одну сотню жизней. Разве он поймет?

— Вас двое? — не унимался наёмник.

— Нет, нас много. На земле, которую мы зовем Аст'Эллот, живет мой народ. — Ллойву опустил голову, отвернулся. — Они счастливы своей неизвестностью, и вам они не помешают.

Пивень пожал плечами.

— Нет, так нет. Да, я-то что! Я ничего! Просто вижу у вас с братом... точно призраки, — проводник нервно хихикнул. — У нас в Тангоре не очень-то жалуют колдовство всякое там или что-то в этом роде. Уж натерпелись. Нянька рассказывала, говорит, в старое время колдунов было, как грязи. А все от невежества. Продавали души демонам. Да и творили через них всякое, кто плохое, кто хорошее. А один-то был уж больно лютый. Зверь! Призрачный Дракон называли. Как есть, ненасытный. Много душ забрал. И в Гордарии, и в Ардени, и тут у нас. Благо, Дева его одолела, зато через это с жизнью своей попрощалась. В жертву, значит, себя отдала, чтобы изгнать окоянного в самое что ни на есть пекло!

— Что ж прям при няньке было? — Улыбнулся Ллойву. Людь. Что сказать. Легенды у них рождались на ходу, и обрастали подробностями так же быстро. Все, чего они не понимали превращалось в чудо. Варвары.

— Точно говорю! — Пивень оживился и даже придвинулся к собеседнику.

— Дед сам не видел, маленький был, люди рассказывали. У Белого камня это и приключилось. Как взлетел, да давай всех с земли подбирать, прямо в пасть!

— Люди, может, придумали? Привиделось им. Драконов-то и в природе нет. Нет такого вида. По всем законам существования такие большие не выживут. Да и не взлетят. Название только, — Заметил Ллойву.

— Был! — Пивень с чувством саданул по бревну рукой. — Точно тебе говорю! Только невидимый, говорят. Призрачный.

— Прозрачный чтоли? — Это уж и вовсе из детских сказок.

— Не ведаю, — проводник задумался. — Может и так. Говорили, человек продал ему душу за бессмертие, да видать, прогадал. Помер демон. И человека за собой унес.

— Что ж, странная сделка. — Ллойву закутался в плащ сильнее, спасаясь от ветра. — Кому может принести счастье бессмертие?

— А ты бы не хотел? — Ухмыльнулся Пивень. — Чтоб жить и не помирать. Всех врагов переживешь.

Ллойву улыбнулся снова, но улыбка в этот раз получилась грустная.

— И ты увидишь, как умирает все, что тебе дорого. Не только враги, но и друзья, родичи. А сам будешь жить.

— Это, конечно, да. — Пивень почесал патлатую голову. Об этом он не думал. — У тебя табаку нет?

— Я не балуюсь, — Ллойву кивнул на брата. — Дженве курит трубку. У него наверняка есть.

— А ты мне не дашь?

— Я — не дам, — отрезал Ллойву.

Пивень вздохнул.

— Жаль. А что ты там крапаешь в своей колдовской книжке?

— Она не колдовская. Обычная, — Сморщился Ллойву. И этот туда же, — Заметки. Твоя страна для меня пока загадка. Я желаю знать о ней все. И не забыть потом. Она прекрасна.

— Там через перевал — Гордария. — Пивень махнул рукой на северо — запад. — Через Южное море — Имперские тьёрды. О них тоже желаешь знать все?

— Конечно. — Ллойву кивнул, и глаза его загорелись внутренним огнём. — Твой мир так велик!

Пивень фыркнул.

— По мне, так Тангора — самое лучшее место на земле.

— У меня будет возможность сравнить. — Воодушевленно прошептал Ллойву.

Мыслями он уже унесся далеко, к морю, к загадочным имперским тьёрдам, к гордарским городам.

Проводник пожал плечами, выражая свое презрительное отношение к гордарским купцам и иритийским султанатам.

— Далечно, — выдал он.

— Мы станем совершать путешествие небольшими расстояниями, — только бы хватило сил, даже сейчас ехать в седле целый день тяжело. Дженве умчался бы вперёд, если бы не Ллойву.

— Этак тебе твоей книжки не хватит! — не отступал наёмник.

— Не хватит. — Согласился Ллойву. — Я найду новую.

Пивень снова пожал плечами. Станный господин. Зачем куда-то рваться, когда дома тебя ждет и кров, и пища, и, возможно, девица.

— А брат твой с тобой пойдет? — Лукаво улыбнулся проводник.

— Мы попадем с ним на ваш Пик Дьявола. А потом он решит сам.

— Чего вас туда тянет? — Сморщился Пивень. — Даже название говорит, остерегайся меня. А вы туда рветесь, как безумные.

— Это наша с ним клятва, — Ллойву посмотрел на костер. — Мы оба поклялись друг другу ее исполнить.

Он и сам не знал, отчего это важно. Первые дни после госпиталя Дженве постоянно говорил о путешествии и взял с брата слово, что они не отступят. Потом заботы закрутили обоих, а Ллойву ещё и долгое восстановление. Но Дженве не забыл про обещание, и теперь обоим предстоит его исполнить.

— Так отчего не выбрали другую гору? — Изумился проводник. Ллойву рассмеялся.

— Только она звала нас, когда мы увидели ваш мир впервые.

— Гора звать не может! — Пивень поднял палец, демонстрируя проблески разумного мышления.

— Не может, так не может, — согласился Ллойву, накинул капюшон на голову и замолчал, пережидая приступ головной боли. Но Пивень устал молчать. Вот уже и забрезжил рассвет, спать не хотелось. Ветер нагнал тучи, и вскоре пошел мелкий, противный снег мелкой крупой. Пивень поежился.

— А отчего вы седые оба? — Не выдержал он.

— Что это значит? — Ллойву поднял голову, в раструбе капюшона был виден только его нос и подбородок.

— Ну, словно седые... У вас все такие? У нас то седеют к старости, от опыта, так сказать...

Ллойву пожал плечами.

— Обычный цвет волос.

— Значит все... — Вздохнул Пивень. — Я по началу испугался, думал, мертвяки из земли вышли... Ан нет. Нормальные вы ребята. Особенно брат твой, душевный человек.

— Иллой, — поправил Ллойву. Отчего-то сравнение с людьми показалось кощунственным.

— Ну, илой, так илой. Мне так-то без разницы. Я поговорить по душам завсегда рад. И

ВЫПИТЬ...

— Я заметил, — отозвался собеседник.

— Ты не думай! Я на службе нииии, — Пивень затряс головой, подтверждая свои слова.

Ллойву не ответил. Подбросил дров в костер. Снежинки испарялись, не долетая до огня.

— Доведу вас в лучшем виде. Только делать там нечего. Снег да дикое зверье. Ну, придете, а дальше-то что? Через перевал все одно не пройдете! Постоите, да назад.

И снова молчание. Пивень поерзал на месте.

— Спишь, чтоли?

— Нет.

— А чего молчишь?

— Слушаю.

— Ты говори, а то я словно сам с собой болтаю.

— Мне нечего сказать.

— Как это нечего, каждому есть чего сказать.

Снова молчание. Пивень тоже затих. Экий важный господин, сказать ему нечего. Ничего, проснется его брат, уж тогда поговорим. Тот, второй, всяко приятней, чем этот.

Глава 5 в которой все узнают друг о друге чуть больше

Следующим утром мелкий, точно крупа снег засыпал окрестности. Крошечные льдинки неприятно кололи кожу. Сколь хороша была погода накануне, столь неприятна была она этим промозглым утром, словно вознамерившись показать путешественникам, какой непредсказуемой может стать дорога. Ветер рвал на путниках одежду и трепал языки костра в разные стороны, норовя погасить огонёк. Даже близость ажурной вязи из стволов и ветвей деревьев не спасала от промозглой сырости, и совсем не защищала от ветра. Пивень с облегчением сдал свой пост проснувшемуся с рассветом Дженве. Ллойву, к досаде наемника, так и не проронил больше ни слова после ночного разговора. Этот господин проводника пугал. Но Дженве был приветливым за двоих, поэтому Пивень позабыл свои страхи, и уже к обеду, позавтракав, все собрались снова в дорогу. Братьям не нравилось соседство караванов в пути, потому к тракту решили не приближаться. Хоть Пивень и считал, что это-то точно лишнее. Уж всяко лучше соседство человека, чем дикого зверья. Но Дженве прозрачно намекнул, что встречаться с людьми ему не хочется, а Ллойву молча с ним согласился.

Дженве поделился с наемником табаком, и они вдвоем с удовольствием задымили. Солнце, выступившее в послеобедии из-за туч, уняло разгулявшийся ветер, разогрело воздух, растопило нападавшую снежную крупу под ногами, снова напомнив, что время весеннее. Жизнь стала казаться краше и гармоничнее. Пивень был сыт, почти счастлив. Дженве развлекал его расспросами о службе, а проводник был не прочь почесать языком.

— А где ж ты служил, господин Пивень? — с лукавой улыбкой спросил Дженве.

— Известно где, в Доенвальдовой дружине. Окромя её лучше носа не казать, — охотно отозвался Пивень, почесывая заросшую густым курчавым волосом с рыжинкой шею. — Доенвальдовы йорманды абы кого не берут!

— Ценный воин, значит... — улыбнулся Дженве.

— Не особо ценный, — смутился проводник, — говорят, кругом смута зреет. Недовольных много... Вот и берут всех кто готов служить под крылом Феникса

— Чем же недовольных?

— Нынешний тьярд муж достойный, — уклончиво ответил Пивень, — да тучен не в меру, да до девок охоч. Поговаривают, гордарские советники власти имеют больше, чем он. Порты почти продали иритам да гордарцам. А порты это что?

— Что? — услышал Пивень лукавое.

— Известно что, торговля да флот. Вот что. А тьярд молчит. Какова была империя! Дед рассказывал, Старг Доенвальд сколотил под собой, всех подмял, никто и пикнуть не смел. А Рогний ему не чета... — разговорился проводник, и тот час прикусил язык. Мало ли, где вздумается пришлым трепать языком. Как бы до виселицы не договориться.

— При нём бандитов стало больше... Вот и набирают в йормы славных воинов.

Ллойву ехал в молчании, казалось, что слушал, склонив голову на грудь. Глубокий капюшон на меху скрывал его лицо. Дженве с изрядной долей беспокойства поглядывал на брата. От Пивня не укрылась эта забота. Вот чего он не понимал, так это странного такого поведения. Разве каждый не кузнец своего благополучия? И если этот странный господин желает быть один, отчего не предоставить ему эту возможность?

— Чего ты? — Удивился Пивень.

— Ллойву? — Дженве подъехал ближе, склонился в седле, заглядывая под капюшон.

— Я слышу. Все в порядке, — услышал он тихий голос. Дженве вернулся на свое место, но тревога не покинула его. Пивень с неудовольствием поглядывал на странного господина. По мнению проводника, этот самый господин слишком много внимания оттягивал на себя, лишая Пивня задорной беседы и единомышленника.

— Мы сейчас вдоль Чешуйки идем, — сказал он Дженве, стараясь вернуть к себе должное внимание.

— Чешуйка это....

— Река. Вдоль речки идем, — проводник указал на длинную ленту, скованную льдом и кое-где покрытую снегом, по правую руку. — Там — И палец сместился влево. — Чешкин брод.

— Какое смешное название. Это что?

— Да, малый сун, — нехотя ответил Пивень. — Там переправа. Можем в брод. Но лед тонкий, как бы, не провалиться.

— Совсем малый сун? Сун это что?

— Совсем. Сун это вроде три двора, да мельница. К примеру... — честно признался Пивень. — А так... Три двора, да харчевня. Для проезжих. Дыра — дырой, но переночевать можно. И харчей опять же...

— Долго ль до него? — Дженве с беспокойством взглянул на склоненную голову брата.

— Ежели вот так же, да в пути не увязнем, то две трети дня пути. Завтра к утру прибудем. Ежели ускориться, то к вечеру.

— Давайте ускоримся, — принял решение Дженве. — Небольшой привал, и к вечеру надо быть в твоей харчевне. Слышишь, Ллойву? Справишься?

— Да.

Дженве кивнул, и Черныш набрал скорость. Проводник подстегнул свою кобылу, стараясь успеть за приглянувшимся ему нанимателем, и она перешла на галоп. Ластва, не отставая, следовала за ведущим кродом, иногда огрызаясь на кобылу. Пивню даже говорить расхотелось. Темп Дженве задал быстрый, сколько было возможно. Чудные звери легко преодолевали заросли путанного ивняка вдоль берега, чего нельзя было сказать о лошади. Пивень начал отставать.

Вскоре показали у реки развалины водяной мельницы. Дженве ткнул в нее пальцем.

— Там сделаем привал.

Пивень поравнялся с ним.

— Это Черная мельница.

— И что? — Отозвался Дженве всем видом показывая пренебрежение к страхам проводника.

— Проклято место. Удачи не будет.

— У вас каждый клочок земли проклят! — Расхохотался Дженве. — Если так, то и жить-то негде.

Проводник нахмурился и замолчал. Пускай себе смеется. Он, Пивень, в эту мельницу ни ногой. При нем в таверне «Хромая лошадь» в том самом Чешкином бросе бывалый рыбак рассказывал историю, как сгинули там его кобыла и собака, сам едва ноги унес. Он, Пивень постоит рядом лучше, но в мельницу ни ни.

Путники подъехали ближе. Стали видны, изрядные прорехи в стенах, одряхлевшие, развалившиеся крылья, а кое-где следы пожара пятнали каменную кладку.

— Отдохнем чуть и в путь. — Дженве скинул мешок с крупа крода, погладил Черныша по морде, чтобы не смотрел в сторону испуганной кобылы. Крод застрекотал в ответ. Ллойву тоже спешился и подошел к стене, где теперь сложили нехитрые пожитки.

— Как ты? — Обратился к нему на илои Дженве, стиснул плечо. Ллойву скинул капюшон плаща, и Дженве с неудовольствием увидел, что глаза брата снова потемнели.

— Я в порядке, — раздельно произнес Ллойву, тема была ему неприятна.

— Мы слишком быстро движемся? — С тревогой спросил Дженве.

— Я просто не выспался, вот и все, — Ллойву улыбнулся, стараясь успокоить брата.

— Снова кошмары?

— Я не хочу это обсуждать.

— Они выматывают тебя. Быть может, если ты скажешь, то сможешь справиться с ними?

— Нет, Джев. Я и так справлюсь. Нет нужды это обсуждать.

— Я не для того тебя вытащил с Аст'Эллота, чтобы потерять здесь, — Дженве стиснул плечо брата крепче. — Слышишь?

— Я — в порядке, Джев. Просто устал. — Ллойву перевел взгляд на проводника, распахнувшего глаза и рот, слушая чудной, непривычный слуху язык.

— Перекусим, и в путь, — сказал Дженве на общем, отпуская брата.

— Это можно, — согласился Пивень с живостью. Может, мельница не так страшна при свете дня. Быть может, она только ночью наводит ужас? Рыбак говорил про чёрные тени, про горящие глаза. Разве днём такое увидеть? Скорее в сумерках. Может, и вовсе ему привиделось. Разложили снесь. Дженве достал чудной черный кинжал из-за спины, нарезал хлеб и мясо.

— Чего это? — Пивень, жуя, указал на кинжал, что лежал сейчас возле снеди, измазанный в крошках и совсем не страшный.

— Это кимейр. Ритуальный кинжал илоев. Ну, был таковым.

— Ого, а чего он черный?

— Их куют из особого сплава, а потом закаляют при адских температурах. — Дженве отправил в рот кусок бутерброда, охотно отвечая на вопросы. Его брат молчал.

Пивень потянулся к кинжалу, взял в руки. Рукоять такая же длинная, как и лезвие. Обмотана кожей, истертой от многократного применения. Само лезвие черного цвета сплошь изрезано сквозной резьбой. Выглядел этот кимейр, как игрушка для детей. Или как сувенир. Пивень потрогал лезвие. Тупое. Да и сталь мягкая, можно продавить ногтем. Пожал плечами, положил обратно.

— И зачем вы его носите? Он же никчемный. Его сломать, раз плюнуть.

Дженве усмехнулся, взял его в руки.

— А ну ка, попробуй сломать, — предложил он. Пивень с улыбкой надавил на лезвие. Что за черт! Сталь укрепилась, не согнуть. С дуру схватил за лезвие всей ладонью, и сразу отдернул руку. Острейшее лезвие оставило длинный глубокий порез.

— Это магия? — Пивень прижал кровоточащую руку к груди.

— Это кимейр, — Дженве усмехнулся и протянул наемнику платок. — Он предназначен для асатров, для нас. Наша кровь дает ему силу.

— Асатров?

Дженве кивнул.

— Типо тан, по-вашему.

— Ничего себе, у наших танов кровь-то как у всех. Чего в ней особенного? Коль клинок или топор держать не умеешь, так и жись твоя станет короче. — Пивень усмехнулся. Чудные чужаки.

Дженве ковырнул кожу на своей ладони. Показались капли черной крови. Пивень ошалело взглянул на свою рану. Красная. А у этих колдяков — черная. Дьяволы, как есть.

— Черная! — Пивень дернулся отползти, рука поползла начертать охранный знак перед собой.

— В этом наш секрет — кивнул Дженве, хитро поглядывая на напуганного проводника.

— Признайся, вы — дьяволы!

— Мы — Жертвенные дома Лир, — вступил Ллойву в разговор. — Не путай свои суеверия с родословной, происходящей от последних богов. Это Искра, она вступает во взаимодействие с кровью, меняя её состав.

Пивень медленно перевел взгляд на порезанную ладонь. В голове все смешалось.

— Да не переживай ты так! — Рассмеялся Дженве. — В остальном мы похожи на вас. Только сильнее.

— Умнее, — вставил Ллойву.

— Выносливее, — кивнул Дженве.

— У нас есть наука и медицина.

Пивень покачал головой. Вспомнил про три монеты в кошельке.

— Мне-то все равно, — наконец, выдал он. — Хоть дьяволы! Платите мне, и я отведу вас даже в ад!

— В ад не надо, — заметил Дженве. — На гору Дьявола

— Будь по-вашему, — Пивень замотал руку платком. — Только платите.

Реплика повеселила Дженве.

— Выходит, золото рассеивает все твои суеверия, милейший?

— Благословенный металл, — кивнул Пивень. — Иногда мне кажется, его коснулись боги...

— Боги к золоту не имеют отношения, — заметил Ллойву брезгливо. — Только людь касается презренного металла.

— Пускай, касается. — Закивал Пивень. — И почаще.

Дженве расхохотался.

— Ты забавный людь, Пивень! Забавный людь...

Через час окончили трапезу и собрались в дорогу. Все же, мельница наложила ни них проклятье за незваный обед под сенью ее стен, думал Пивень. Дженве снова задал темп хода, не сравнимый с конной прогулкой. К вечеру даже проводник выбился из сил, едва держась в седле. При подъезде к Чешкину броду братья решили кродов отпустить поохотиться. В город вошли в наступающих сумерках и пешими. Пивень вел лошадь в поводу, замыкая шествие. Братья шли неспешно, Дженве подстраивался под медленный шаг брата. К тому же они несли в руках вещевые мешки и седла, снятые с кродов. Пивня эта похоронная поступь выматывала, как ничто другое. Город был почти пуст в сумерках. Время караванов еще не наступило и жители, кормящиеся за счет путешественников, разошлись по своим домам в вечернюю пору.

Единственная улица была безлюдна и темна. Братья шли, с интересом оглядывая местные строения. Смотреть особо не на что. Низенькие дома перемежались приземистыми

постройками для скотины. Вот в Северной Звезде есть на что посмотреть! Пивень бывал там однажды. Говорят, тьярд выписывал зодчих из самой Гордарии.

Гостиница стояла у самой переправы. Являла собой небольшое стрельчатое строение с большим обеденным залом и несколькими комнатами для ночлега по его краям.

— Я договарюсь? — Пивень протянул руку в ожидании нового вливания в свой скудный недостаток. Дженве достал из кошелька монету, положил ее в протянутую ладонь.

— И ужин! — крикнул он в догонку, проводник исчез в дверях. Братья неспешно тронулись следом. Обеденный зал был пуст в эту пору. Посередине зала тлели угли огромного очага, у дальней стены разместились стойка владельца. Пивень что-то горячо обсуждал сейчас с хозяином. Дженве потянул брата за грязный стол. Тот не стал сопротивляться и присел на скамью.

— Колоритно, — Дженве оглядел потемневшую от времени резьбу над головой. Пивень поспешил отчитаться о потраченных средствах.

— Нам дали комнату, кому-то придется спать на конюшне, то есть мне. — Радостно сообщил он. — И сейчас хозяйка принесет, что осталось.

— Хорошо, — кивнул Дженве, положил ладонь на запястье брата. — Ллойву, ужин...

— Я не хочу, — последовал ответ. — Я бы хотел пойти спать. Устал...

— Я провожу! — Согласился Пивень. Хозяин пообещал достать пива, и проводник предвкушал веселую ночь. Ради нее он был готов поспать в холодном хлеву.

— Нет, — Дженве с укором взглянул на наемника. — Ужин.

— Право, Джев... — Слабо запротестовал Ллойву. — не нужно...

— Ты поешь, мы все поедим, а потом мы все вместе пойдем отдыхать, — с нажимом повторил Дженве, и Ллойву сдался, кивнул соглашаясь. Хозяйка, дородная крепкая тунгурка, принесла какую-то похлебку в небольшом чане, несколько мисок и черпак на всех. Пивень с готовностью услужить разлил все по порциям. Разложил хлеб и деревянные ложки. Ллойву взял в руки деревянное потемневшее от частого использования изделие, покрутил в пальцах.

— Это ложка, черпак, похлёбку хлебать, — уточнил Пивень с готовностью.

— Я знаю, — Ллойву чуть улыбнулся. — Их хоть иногда моют?

— Этого не знаю, — честно признался проводник. — Чего их мыть? Можно попросить, конечно. Только вода-то все одно из речки.

— О, боги... — выдохнул Ллойву, едва не отставляя от себя тарелку. Дженве взял свою ложку в руки и попробовал варево.

— Годится. Ешь, Ловкач.

Ллойву, стараясь сократить контакт с ложкой, брезгливо взял ее двумя пальцами. Вяло начал цедить бульон из похлебки.

А вот Пивень поел с удовольствием. Похлебка была хороша. Густая, ароматная с кольцами лука и плавающим сверху жиром. Брюхо прятно потяжелело и теперь требовало чего-то выпить.

— Хозяин говорит, есть пива бочонок, — Обратился он к Дженве но тот покачал головой.

— Спать, — Дженве кивнул головой в сторону дверей в комнату. — И ты тоже, Пивень.

— Ну, спать, так спать, — согласился проводник, мельком бросив взгляд на раздражающего его господина. Ллойву прикрыл лицо ладонью от спутников, но Пивень отчетливо видел на виске бьющую в такт сердца черную вену.

— Вон ваши комнаты, и снаружи посплю — проводник махнул рукой на приоткрытые

двери.

Дженве подхватил свою поклажу, на другую руку накинул петлю от вещей брата и молча ушел. Проводник помялся у стола и тоже поспешил ретироваться. Мало ли... А ну как этого странного господина хватит удар какой. Крутись потом возле него. Может им наоборот полезно то, что вредно для людей. Кто ж их разберет. Благо, братья будут спать в отдельной комнате сегодня.

Дженве успел скинуть вещи и оценить комнату, пока Ллойву не пришел. Четыре стены, две грубосколотенные койки и стол между ними. На столе два стакана и кувшин, по запаху вода, но стоит тут давно. Под потолком небольшое окошко, закрытое ставней. В целом, неплохо. Тем более, что за окном снова поднялся ветер и, кажется, пошел дождь. Переночевать в гостинице было хорошей идеей.

Ллойву вошел и сразу скинул плащ, чтобы лечь. Пока он стягивал сапоги, Дженве наблюдал за ним, сидя на другой койке.

— Валлар дал мне капель для тебя. Прости, я не мог с ним не посоветоваться, — наконец решился он сообщить. — Для сердца.

— Да, давай, — тихо и неожиданно быстро согласился Ллойву, видимо дела его были совсем плохи. Дженве отвернулся, чтобы поискать и накапать в бокал из вычурного стеклянного пузырька темно-красной жидкости. Одни боги ведают, что там за состав. Подумав, добавил в это зелье еще и сонных капель, пока брат не видит.

Ллойву выпил все залпом и лег в кровать. Дженве посидел немного, наблюдая, как ладонь брата, сжимавшая кусок простыни в кулаке, постепенно расслабилась.

Ничего. Они найдут себе место и в этом мире. Аст'Эллот никогда не перестанет быть Родиной, но и этот мир может стать близким. Пусть он несовершенный, вздорный, дикий. Никогда не поздно дабавить в него немного совершенства. Хуже он от этого не станет. Дженве улыбнулся мыслям. Давно хотелось курить. Он проверил кисет, табака еще много. И вышел, чтобы покурить на улицу.

Глава 6 где три превращается в пять

Утром ветер стих, тучи разошлись, и выглянуло солнце. Пивень проспал бы до обеда, но его разбудил грохот в стенку конюшни.

— Вставай, господин Пивень, пора в путь! — Услышал он голос Дженве. Потянулся в ворохе прелого сена. Уж очень хорошим был прерванный сон. Это сколько ж времени прошло с рассвета? Пивень потянулся еще раз и вылез на свет божий, вытягивая соломины из волос.

Братьев он нашел на улице. Сун ожил. На улице можно было увидеть двух или трех местных, те с лёгким любопытством косились на чужаков. Дженве бодрый и пышущий добродушием вручил Пивню медных монет в горсть.

— Купи нам еды в дорогу, любезный. Хлеба, сыра... что там найдется...

Проводник покосился на Ллойву. Тот сегодня выглядел бодрее, шурился от солнца и даже не смотрел на наемника.

— Понял, — кивнул Пивень.

— Мы подождем тебя возле переправы.

— Понял, — снова кивнул проводник. И отправился назад, в харчевню.

Дженве кивнул брату, что можно выдвигаться. И оба, навьюченные поклажей, пошли по раскисшей дороге к мосту. При свете дня сун или как там его называли местные, утратил львиную долю своей привлекательности. Похожие на грибы крытые землёй и соломой приземистые домишки стояли вдоль дороги и совсем не были похожи на чистые опрятные строения Аст'Эллота. О каменном строительстве здесь, похоже, не знали, предпочитая местные материалы. Как выразился Ллойву, едва они ступили на эту землю «древесно-глиняное» строительство.

Пивень договорился с хозяином, чтобы тот собрал провизии в дорогу, выторговал сырную голову и пару караваев ржаного хлеба и теперь ожидал, пока тот принесет спрашиваемое. Таверна пустовала и в этот час. Но стукнула створка двери как могильная плита, и тишина куда-то подевалась. Обеденный зал с гоготом и прибаутками начали заполнять хорошо вооруженные воины. Пивень сначала оглянулся, намереваясь поприветствовать товарищей, но затем отвернулся, в надежде остаться незамеченным. Харчевню заполнили воины доенвальдова кьерма, собирателя податей. На рукаве каждого красовалось крашеное хной петушиное перо. Если с дружинниками йормов Пивень был не прочь выпить и поболтать, то с этими и за общий стол лучше не садиться. Эти головорезы были самыми жестокими и беспринципными среди всей доенвальдовой свиты. Они не признавали ничьей власти кроме власти самого тьярда. Вооруженные до зубов воины разместились за столами.

— Эгей, хозяин! Мы голодны! — Крикнул сам кьёрм, невысокий худоватый человек, с узким злым лицом. Хозяйка тотчас убежала в кухню. Хозяин же вынес для Пивня хлеб и сырную голову. Крикун подошел к самой стойке.

— Здравия, путник! — Громко поздоровался он. Проигнорировать нельзя и Пивень натянуто улыбнулся.

— Здравствуй.

— Я — кьёрм тьярда. Все зовут меня Хват.

— А меня Пивень все зовут, — кивнул Пивень сам не свой, стараясь выглядеть уверенно

и не глядеть кьерму в глаза.

— Давай, хозяин, что у тебя есть для твоего тьярда! — Прикрикнул Хват. Побледневший вдруг хозяин выгреб на свет божий свое небольшое богатство. Золотые монеты, будь они не ладны. Пивень подхватил провизию и поспешил ретироваться. Что там было далее, он не слышал, но у двери его остановил грозный окрик кьерма.

— Эй, Пивец! Постой. — Пивень не жив ни мертв повернулся к кьерму с полными руками съестного.

— Твое золото? — Хват подошел к нему, держа золотую монету в двух пальцах, выставляя ее на всеобщее обозрение. Его люди заулыбались, кое-кто даже повставал с мест и придвинулся к несчастному наемнику. Пивень сглотнул слюну.

Дженве оглядел переправу. С виду вроде крепко. Мост построили из дерева, но за ним никто не ухаживал и кое-где он уже провалился. Но это лучше, чем идти по ослабевшему льду с риском провалиться в ледяную воду. Дженве оглянулся назад. Чешкин брод. Это ж надо так город назвать! Улица ожила. Невесть откуда появились вооруженные люди и начали ходить по дворам.

Ллойву с неудовольствием смотрел, как двое из воинов потащили с одного из дворов поросенка, а хозяйка порося с криками пыталась его забрать назад. Дженве вдохнул полную грудь воздуха.

— Это не наша война, — сказал он вслух.

— Да, — согласился Ллойву и отвернулся. Дженве набил трубку, готовясь ее раскурить. А когда поднял голову, увидел презабавную картину. На них надвигалась группа из нескольких хорошо вооруженных воинов, а во главе шел тощий человек, волочащий за ворот их проводника.

— Ллойву...

Тот сразу повернулся к молодчикам лицом.

Человек поднял золотую монету в пальцах так чтобы видели все и показал ее братьям.

— Ваше золото? — Дженве спрятал пока трубку обратно в кисет.

— Мое, — кивнул он. Пивень у ног, вроде бы даже не битый, закатывал глаза и всячески делал вид, что он вот-вот потеряет сознание. Молодчики обступили братьев. Дженве насчитал восемь голов. Главный из них, худосочный господин со злым лицом отшвырнул от себя Пивня за ненадобностью и подбоченился перед братьями.

— Приезжие?

— Да, — кивнул Дженве.

— Откуда будете?

— Из дальних краев. Ты отсюда не увидишь, — спокойно ответил Дженве.

— В моей земле приезжие платят налог. Золотом. — С вызовом прокричал кьерм.

— Какой еще налог?

— Подорожный налог. За проезд по моей земле, — С хитрецей уточнил кьерм, кивнул зачем-то в сторону. Дженве, следуя неясному знаку, повернул голову. У горла Ллойву тускло блеснула сталь ножа. — Плати, иначе мы поправим твоей подружке лицо. — Нож переместился к щеке.

— О, — Дженве сглотнул, не отрывая глаз от лезвия, уже вошедшего под кожу и выпустившего каплю черной крови, отшнуровал с пояса кошель и бросил его в руки кьерму. Людь поймал суму, высыпал на ладонь золотые монеты. Глаза его загорелись алчным

блеском, как и глаза тех, кто стоял рядом.

— Все оплачено? — Дженве не сводил глаз с ножа.

— Золото! — Кьерм попробовал монеты на зуб, и повернулся, чтобы уйти.

Ллойву чувствовал, как лезвие вошло под кожу. Дженве медлит, значит, у него есть план. Едва главарь получил кошель, хватка ослабла.

— Какая у тебя кожа...лучше, чем у моей жены, — прошептал бандит за спиной. Что-то перещелкнуло в голове, и в ушах зазвучал противный звон натянутой струны. Ллойву повернулся к своему обидчику лицом. С кьермом ушли трое, остальные всё еще стояли рядом и скалили зубы, уверенные, что с пришлых можно пожить еще. Ледяной взгляд асатра уперся в ухмыляющееся, бородатое, покрытое выщербинами от оспы лицо. Нож снова прижался к горлу.

— Красотуля... — прошептал щербатый в лицо свое жертве — Пойдешь со мной?

Пивень, стораая от стыда и страха, проводил кьерма глазами. Плакало золото. Теперь чужакам нечем заплатить ему за услуги, а значит, можно их и не оказывать. Он взглянул на своих нанимателей. Дженве просто стоял и смотрел, на приставленный к горлу брата нож. Затем этот второй господин, хрупкий, как фарфоровый горшок, повернулся лицом к доенвальдовым воинам.

Щербатый, неряшливого вида воин что-то прошептал ему. А тот почти с лаской положил ладонь на запястье с ножом. Воины вокруг заржали, как кони. А затем случилось затмение в голове у Пивня. Потому как невозможное, неясное случилось перед ним. Он увидел, как фарфоровый господин резко, до хруста повернул ладонь обидчика, а тот закричал не своим голосом. Беспольный теперь нож упал на мерзлую землю. Затем господин схватил обидчика за шею и швырнул его на товарищей. Стоящие рядом воины попадали, а те, кто остались на ногах, похватили оружие.

Дальше все произошло слишком быстро, Пивень едва успел следить за событиями из укрытия, в которое он благоразумно отполз с поля битвы. Дженве медленно двинулся с места, а вот Ллойву поднырнул под руку второго, вывернув ему руку с оружием невообразимым образом бросил его на землю, так, что мелькнули только дрянные сапоги, снова свалив едва поднявшихся. Каждый выпад этого странного господина сопровождался неприятным звуком ломающейся кости. Доенвальдовы воины орали, кружили вокруг него, но не могли напасть, оттого, что мешали друг другу. К тому же иногда, Пивень даже подумал, что у него что-то с глазами, господин пропадал из поля зрения совсем. Вернулся на выручку товарищам и кьерм с остатками своего отряда.

Дженве, как ни в чем ни бывало, отошел к старой бочке, где спрятался Пивень, достал трубку. Увидев, что большая часть воинов уже лежат на земле, стая о поломанных костях, Пивень выполз из укрытия, посчитав, что уже можно и опасность миновала. Подступился к Дженве, который раскурил трубку, и просто смотрел, как Ллойву отточенными движениями обезоруживает своего последнего противника.

— Ты поможешь? — Пивень ткнул пальцем в разгорающийся заново бой. К павшим спешили присоединиться те, кто собирал мзду в городе. Дженве, пряча улыбку, пожал плечами. Зрелище его забавляло. Видели бы Ллойву его студенты или завистники. Придержали бы языки.

— Он справляется...И потом, ты хочешь, чтобы он и мне навалил? — Дженве взглянул

на наемника. Лицо было серьезно, но в глазах плясала улыбка. Пивень взглянул на поле битвы. Налетчики стонали и катались по земле. У некоторых ноги и руки вывернуты под странным углом. Выглядело жутковато. И ссориться с этим господином Пивню расхотелось. Ллойву, вышагивая со странным спокойствием среди павших, наклонился, поднял с земли кошель и кинул брату. Тот ловко поймал его на лету, тут же вскинул левую руку. Короткий разряд отбросил вставшего на ноги воина, готового опустить свой меч на спину брату.

— Ты купил нам провизии, любезный? — Дженве повернулся к наемнику, как ни в чем не бывало, словно не было схватки, не кричали рядом люди и оба брата здесь совершенно ни при чем. Пивень опомнился. Коли так и золото снова у Дженве, так и служба продолжается. Он поспешил назад, к таверне, туда, где бросил от страха за свою жизнь все, что купил. Ллойву подошел к Дженве, стряхивая с рукава налипшую грязь.

— Зря ты не убил их. Это твое глупое убеждение. Иногда совершенно губительное... — Кивнул Дженве на стонущих от переломанных костей воинов. — Оставлять их так в этом мире — жестоко. Вряд-ли у них есть свой Валлар.

Ллойву оглянулся. Битва развеяла головную боль, начавшуюся прямо с утра. В целом, ситуация даже порадовала его, тяжелое напряжение последних дней сошло до легкого зуда где-то в глубине души.

— Предлагаешь мне извиниться? — Ллойву кивнул на людей.

— Это врядли им поможет, — Дженве поправил лямки вещевого мешка. — Думаю, пора идти.

— Вам теперь не спрятаться! Лучше убейте их. — Раздался девичий задорный голос справа. Дженве недоуменно оглянулся. Девушка, тонкая, как пруттик, одетая в мужское смотрела на них с вызовом. Огромные голубые глаза смотрели прямо, а нескладно тонкие губы сжались от волнения в тонкую линию.

— От кого? — Не понял Дженве.

— От тьярда. Он найдет вас. И убьёт.

Дженве пожал плечами.

— Что ж, пусть ищет, — он затянулся табаком и выпустил пар изо рта пополам с дымом. Кивнул брату, что можно выдвигаться.

— Я убью тебя!- орал кьёрм, поджимая сломанную в локте руку. — Лично четвертую, слышишь? Ты не сдохнешь быстро!

Но братья спокойно миновали побоище, словно не слыша угроз.

— Вы же не отсюда, так? — Не унималась девушка, следуя за братьями на мост. Дженве сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. Девушка не отставала, шла по пятам за мост и даже дальше. Странная девушка.

— Чего тебе, милая? — Повернулся к ней Дженве.

— Я могу вам помочь, — прозвучало совсем неуверенно и смешно.

— Это как? — Рассмеялся он.

— Я спрячу вас.

— От них чтоли? — Дженве кивнул в сторону недавней битвы, где люди поднимались с земли, а кое-кто грозил возобновить схватку.

— Доенвальд наверняка отправит за вами целую армию, — девушка с вызовом приосанилась, оправив небольшой, короткий меч у пояса, так похожий на учебный. — Вы напали на кьёрма. За это по нашим законам — смертная казнь.

— Какой, однако, смертоносный мир. — Дженве покачал головой. Ллойву чуть

улыбнулся.

— И каждый угол в нем проклят, — добавил он с улыбкой.

— Смейтесь! — Девица предприняла еще одну попытку. — Но просто так вас никто не отпустит. Не думайте, что это сойдёт вам с рук. Бегите хоть куда!

Раздался топот лап и стрекот, и девица с интересом посмотрела на быстро приближающихся кродов, которые едва не сбили с ног Пивня, с полными еды руками, ведущего за повод свою кобылу.

— А ты, значит, нас спасешь, — Усмехнулся Дженве.

— Я помогу вам скрыться. Спрячу вас.

— И что же ты хочешь за это? — Дженве с интересом взглянул на девицу. Юная, на вид лет шестнадцать. На носу — веснушки. Глаза, как ясное голубое небо. Непослушные каштановые волосы свиты на макушке в некое подобие узла. Дженве даже назвал бы это гнездом. Он чуть отодвинулся, чтобы рассмотреть ее на расстоянии. Одета в мужское, явно с чужого плеча. Но меч держать врядли умеет. Скорее похоже на маскарад.

— Мы с дядькой идем в Мели. Проводите нас. Клянусь, отец укроет вас у себя.

Дженве расхохотался так, что забеспокоились чудные звери рядом.

— Эээ, нет, милая. Ты обещаешь за другого. Таких обещаний давать нельзя! Запомни, красавица.

— Когда он узнает, что вы сделали, он укроет вас. — Серьезно повторила девица, но уверенность в её голосе дала сбой. Дженве переглянулся с братом.

— Бунтовщик, значит, — задумчиво проговорил он. Девица вспыхнула.

— Он только желает справедливого тьярда...

— Справедливый тьярд? Это что-то из разряда басен, — Рассмеялся Дженве. Пивен догнал их и неловко, едва не уронив все на землю, наполнил заготовленный для провизии мешок.

— Наш род Фениксы не любят, — надулась девица. — Охранители сбежали, едва кьерм поравнялся с нами. Дядька — старый! Проводите нас до Мелей. Отец наградит вас. Там уж сами выберете, чего вам по душе.

— Ты не боишься, что тьярд сотрет вас вместе с нами? — Подступился Ллойву. — Раз нас будут искать.

Девица помолчала, соображая.

— Вам нужна помощь. Он вам не поможет! — Она кивнула на Пивня и тот смутился. — Я видела, как он прятал свой зад в бочке!

— От тебя-то какой прок? — Девица забавляла Дженве.

— Я не убегу, — серьезно проговорила девица.

— И где же твои Мели? — Вздохнул Дженве. Девица ткнула пальцем в северо-восточном направлении. Дженве взглянул на брата. Тот пожал плечами, отдавая Дженве все полномочия в принятии решения.

— Нам почти по пути, — Дженве передал брату свою поклажу. — Где твой дядька?

— Он в городе. У двоюродного брата прячется.

Дженве вздохнул.

— Не наша война, — процедил он сквозь зубы. — Веди. — И к брату. — Встретимся вон там. — Он указал на развалины дома вдоль дороги.

— Это опасно, Джев, — сказал Ллойву на иллои.

— Ты спасешь меня, — Дженве улыбнулся беспечно, — что может случиться? Мы

почти боги для них...

Ллойву стиснул плечо брата и с укором взглянул ему в глаза.

— Не надо играть в бога, Джев. Это не наша война, ты сам так сказал, — Дженве замешкался. Посмотрел на девицу, затем на брата.

— Испокон веков нас учили, Ловкач, по первому зову отдать жизнь за Аст'Эллот. По праву крови мы — избранные. Видимо, мы избраны для этого... Жертвовать своей жизнью... К тому же ты только что сделал эту войну нашей, — Дженве хитро улыбнулся. Ллойву отпустил руку. Он взглянул на девицу. Кивнул.

— Я буду ждать, сколько требуется. И приду по первому зову.

— Я знаю, братец, — Дженве поманил девицу за собой. И сказал на всеобщем. — Идем, милая.

На том и разошлись. Ллойву повел кродов к условному месту встречи. Пивень тронулся следом, хотя мечтал дать кобыле под бока, да бежать отсюда как можно быстрее. А Дженве с девицей пошли назад, в сун.

Пивень молчал, опасаясь говорить с этим господином. Обидчивый какой. Никогда бы не подумал, что можно натворить столько дел с такой фарфровой внешностью. Особенно, если вспомнить, каким он приехал в Чешкин Брод. Пивень думал, самой большой проблемой с этим господином будет проследить, не упал ли он их седла по пути. Но никак не это, нападение на кьёрма — это виселица или ещё что похуже, если палач будет не в настроении. Проводник вздохнул. Мели. Это близко к хребту Дьявола. Почти у самого подножия. Как будто нарочно. Там живет последний из Калевала. Их род Доенварды истребили еще лет пятьдесят назад, а остатки обложили непомерными налогами. Теперь Калевала — нищие. Северные Мели — деревня, почти крошечный сун. Это все, что осталось у богатого когда то рода. И то, часть в залоге у соседнего тана. Пивень снова вздохнул.

— Отчего ты вздыхаешь? — Спросил Ллойву, не глядя на него.

— Зря вы девку послушали. А ну, как ловушка?

— Дженве даст мне знак. Его не взять так просто.

— А он так же может? — Пивень помахал рукой, изображая отточенные движения техники Кейме. Варварская людь, ей недоступна ювелирная точность этого искусства.

— Он лучше может, — кивнул Ллойву, не уточняя, что Октис открывает перед асатром дополнительные возможности.

Пивень замолчал, прикидывая, стоит ли и дальше сопровождать братьев, как договорено. То, что доенвардовы люди так просто не отступят, это ясно. Будут искать. А с такими-то приметамы найдут быстро. Отчего ж не найти. Оба брата на земле людей, как бельма. За нападение на сборщика податей — смерть. Если судья будет в добром расположении духа — легкая смерть. Пивень снова вздохнул. Кодекс наемника не позволял ему просто развернуться и уйти. Эти двое подписали себе приговор. Это точно. И он, Пивень, если останется с ними. Надо было пойти домой, как и собирался. Дернул его лукавый позариться на золото.

— Ты отяготил себя непомерным грузом, — заметил Ллойву, вышагивая перед кродами. Зверюги клацали зубастыми пастьми, да так, что кобыла норовила вырвать повод из руки. Настроение совсем испортилось.

— Уйми своих тварей, — буркнул Пивень. Ллойву чуть улыбнулся.

— Что тебя тревожит?

— Меня тревожит, что Фениксы теперь начнут на нас охоту. Вот что тревожит! — Вспылил Пивень. — Они тут — хозяева. Вы не знаете порядков! Зачем вы лезете не в свое дело?

— Я прошу извинений, если этот инцидент задел тебя лично, — сказал Ллойву. — Но такое оскорбление простить нельзя.

— Это понятно, но дал бы ему в рожу... Тогда бы только порка... — Пивень вздохнул. — А так....

— Ты опасаясь за себя?

— Да, за себя!

— Не беспокойся. Я смогу доказать, что ты не участвовал. Пересидел в бочке... за это тебя помилуют? — Пивень поперхнулся. А ведь и верно. Не участвовал. Но стало гадко. Развалины уже приблизились настолько, что Пивень различал каждую мелочь на истерзанных временем досках. Ллойву подвел кродов к дому, начал седлать, освобождая себя от половины ноши, поглаживая животных по чешуйчатым бокам, чтоб не перебирали ногами. Пивень надулся и сел у стены, защищаясь от ветра.

Вскоре чудные звери были готовы в дорогу. Оседланы и навьючены. Ллойву погладил пеструю Ластву по носовой пластине, оглядываясь на дорогу.

— Их, наверно, схватили уже, — буркнул Пивень.

— Дженве не позволит этому случиться, — невозмутимо ответил Ллойву. Ишь, какой спокойный. Руки, поди, в крови по локоть. Даром, что колдяки. К тому же ещё и чёрные. Продали душу дьяволу, а теперь идут к хозяину. И он, Пивень, хорош, позарился на золото. Чёрное золото. Дождаться момента, да тикать, если можно с монетами. Да, так надо сделать. При этом не попасться Доенвальдовы карательным отрядам. У моста все ещё копошились пострадавшие, посылающие проклятья в беззвучное небо. Скверно

Ллойву достал из своего мешка неизменную черную книжицу, из-за пазухи футляр с окулярами и присел поодаль от наемника, чтобы занести произошедшее в книгу. Пивень хотел было возмутиться спокойствию, но передумал.

— Зря крапаешь, — заявил он вместо этого. — Никто не прочтет. У нас-то и читать не все умеют...

— Но это поправимо, — возразил Ллойву. — Можно научиться грамоте.

Пивень усмехнулся.

— Зачем землепашцу или пастуху грамота? Она что, поможет сеять? Или спасет от волков?

— Это вряд ли случится, — Ллойву улыбнулся. — Но можно записать в книге, как выбрать лучшие семена или где найти пастбища дальше от охотничьих троп хищников. Твоим потомкам ни к чему будет тратить время на приобретение опыта, уже приобретенного тобой.

— Это и так у нас передают, от отца к сыну.

— Книги таят в себе все знания мира, — Ллойву погладил переплет почти с любовью. — Они позволяют нам заглянуть на много веков назад, узнать, чего, возможно, уже не помнят деды и прадеды. Книги — это величайшее сокровище.

— Золото! Вот величайшее сокровище, — Фыркнул Пивень. — За золото тебе найду все, что хочешь. Если ты богат, то книги тебе не нужны.

— Золото не накормит тебя, не защитит твой дом...

— Книга тоже не защитит. Если только она не похожа на камень. Тогда ее кинуть

можно. Ударит — будь здоров! И уж точно не накормит... а вот за золото тебе сделают все, что попросишь.

— Твои суждения основаны на опыте. Судя по всему, не очень удачном. Мы по разному смотрим на вещи. Я не стану спорить, — Ллойву погрузился в записи. Пивень крепился. Однако, время тянулось, а Дженве не было видно на дороге. Ллойву дописал свои заметки. Аккуратно убрал все обратно в вещевой мешок.

— Где он? — Нетерпеливо спросил Пивень. Ллойву вместо ответа взгляделся вдаль.

— Они идут, — Ллойву накинул капюшон на голову. — Садись в седло, господин Пивень.

Сам вскочил на пестрого крода. Пивень, кряхтя, залез на кобылу. И верно, на дороге показалась телега, приближающаяся с приличной скоростью. Дженве помахал рукой с места возницы. Рядом сидела девчонка.

Вскоре они подъехали, и Дженве ловко перескочил на крода на ходу. Телега представляла собой глубокое корыто с высокими бортами. Не очень комфортное для для дальнего путешествия. Внутри укрытый шкурами и вязанными одеялами полулежал полусидел старик. Суровое лицо его выражало недовольство и почти гнев. Старик сверкал разъяренным взором на всех, кто приближался к нему или девчонке.

— Ллойву... — Дженве изобразил учтивый поклон прямо в седле. — Это Вимлин Калевала, а это брат ее бабушки, господин Вериго.

— Можно Вим, — кивнула девчонка к неудовольствию своего дядьки, принимая вожжи лошади, запряженной в телегу.

— Мы имеем честь сопроводить их к родовому имению, — Дженве улыбнулся старику, хмуро выглядывающему из своей повозки, вцепившись костлявыми пальцами в борта.

Пивень фыркнул. Родовое имение... Это Сун Калевала родовое имение? Старый развалившийся замок на скале.

— Это мой брат, Ллойву Изольтар Найова Лир.

Пивень присвистнул.

— Вот это имечко...

— Традиция нашего народа упомянуть при представлении предков до третьего колена. — Пафосно возразил Дженве. Ллойву спрятал улыбку. С чего вдруг он решил вспомнить об этом? Словно у него есть какой то интерес.

— А ты значит...

— Дженве Изольтар Найова Лир.

— Дженве- Найова, — кивнул Пивень, странно покачивая головой.

— В путь, — Дженве махнул рукой, и разросшийся караван тронулся вперед. Пивень поехал впереди, а братья замыкали шествие.

— Зачем нам это? — Склонился Ллойву к брату.

— Она совсем девчонка, Ловкач. Они вдвоем должны преодолеть немалое расстояние. Он слишком стар, чтобы защитить ее. К тому же нам почти по пути.

— Почти?

— Сделаем небольшой крюк.

— Мне кажется, что мы пожалеем об этом. — Вздохнул Ллойву.

— Не смотри на это так мрачно...

Глава 7 в которой братья знакомятся с новыми людьми

Стараясь увеличить расстояние между собой и Чешкиным Бродом, Пивень вел всю компанию вперед, не считаясь с желаниями товарищей. До Северных Мелей около трех дней пути. Скорее добраться, а там и до Пика Дьявола недалеко. Получить поскорее плату и расстаться с этими странными чужаками. Дорога была пуста: ни одного каравана, на разьезда, ни даже кьёрма, будь он не ладен, но то было к лучшему.

Девчонка молчала, изредка прикрикивая на запряженную лошадь, старик и вовсе превратился в скорбную статую в коконе из своих одеял. Братья перекидывались между собой фразами на своем певучем языке. К послеобедню Пивень заскучал, даже утреннее происшествие поблекло в памяти. Пути было пройдено не мало, отчего он решил, что можно безопасно встать на отдых.

— Как насчет обеда? — Крикнул он, оборачиваясь назад. Желудок давно урчал о том, что голоден. А еще неплохо было бы испить чего-то. Уже вторые сутки, как у него воздержание. Жаль, в таверне его прервали.

— Свернем с дороги! — Крикнул Дженве, указывая на кусок огромной скалы поодаль, торчащий из земли, подобно стене. Пивень пожал плечами и направился, куда приказано. Девчонка повела туда же телегу. Колеса с грохотом перевалили через бровку на дороге и увязая в подтаявшем снегу, покатались по бездорожью.

Братья тотчас занялись устройством лагеря.

— Как поживаете, господин Вериго? — Приветливо обратился Дженве к старику. — Мы сделаем небольшую остановку.

— Все хорошо, — проблеял старик. — Помоги-ка мне... — И он протянул узловатые руки. Дженве залез в телегу, чтобы вытащить его оттуда.

Ллойву, применив, наконец, новые умения, разложив костер так, чтобы его не раздувало ветром, с неодобрением посмотрел на брата. Пивень давно заметил, что этот господин людей не любит, и всячески старается любых контактов избегать. С ним Пивень точно никуда бы не отправился один.

Вскоре все расположились вокруг костра, ожидая, когда вскипит котелок. Дженве снова нарезал хлеб и остатки мяса.

— Вы говорите на мертвом языке! — Проговорил старик спустя время, наблюдая, как чёрное лезвие скользит в хлебной мякоти. Дженве устроил его у камня, укрыв всеми доступными шкурами и одеялами. — Я слышал, как вы говорили.

— Этот язык не мертв, — возразил Ллойву. — Просто он старше вашего и вы давно его не слышали.

— Что это за язык? — Не унимался старик.

— Иллои. Язык наших предков, — добавил Дженве спокойно, протягивая ломоть хлеба почтенному старцу.

— Вы — иллии? — Старик ткнул сухим пальцем сначала в одного, затем в другого.

— Так и есть, — кивнул Ллойву. Старик замолчал, беззвучно двигая челюстью, размышляя о чём-то.

— Я думала, их давно нет, — Вимлин передернула плечами. — Сказки только остались.

— Они есть, — Ллойву подкинул веток в костер. — И всегда были.

— Вы все такие? — Девушка обратилась к Дженве, робея.

— Нет, не все, — асатр протянул ей хлеб, и она потупила взор, скрывая неловкость. Ллойву откашлялся, пряча улыбку. Такое он уже видел, там, на Аст'Эллоте, когда его юные студентки вот так же зардевшись румянцем отводили взгляд.

— Значит вы — особенные? — Выдохнула Вим с обожанием.

— В какой-то степени, — рассмеялся Дженве. Пивень молча жевал. Уж он-то видел, насколько они особенные. Но решил молчать от греха. Самое главное теперь — убраться подальше от Брода.

— Вим, дитя, дай мне пить... — Попросил старик, и девчонка кинулась помогать старику.

— Как ты, Ловкач? — Осведомился Дженве на иллои.

— Джев, ты спрашиваешь это постоянно, — скривился Ллойву.

— Валлар предупредил меня, чтобы я не спускал с тебя глаз, — рассмеялся Дженве. Ллойву покачал головой, выражая свое отношение к осторожному доктору.

— Со мной все в порядке.

— А можно выучить этот язык? — Подступилась Вим.

— Уверен, что да, — кивнул Дженве.

— Научишь? — Девчонка подсела ещё ближе.

— Это к Ллойву. Он у нас профессор какой-то там стуции... — Отмахнулся Дженве. — Я не силён в преподавании.

Девчонка скривилась, бросив косой взгляд на неинтересного ей господина.

— Факультета Виртос, — уточнил Ллойву. — Не языки, а энергии. Сомневаюсь, что дитя освоит эту науку с ходу.

— Какая разница? — Дженве пожал плечами. — Книги и скучные уроки — это к нему. Из нас двоих он самый терпеливый.

— А ты кто? — Девчонка подсела еще ближе на пол ладони под тяжёлым взглядом своего дядьки.

— Я? — Дженве задумался. — Отец пожелал видеть меня полководцем...

— Разве это плохо? — Удивилась девчонка.

— Нет, неплохо, но учить я вряд ли смогу, — Дженве убедился, что все получили свою порцию и сложил остатки обратно в мешок. — Сколько мы еще успеем пройти за день?

— Если поторопиться, то прилично, — отозвался Пивень.

— Торопиться не будем. — Дженве потянулся. — Тише едешь — дальше станешь.

Пивень кисло кивнул.

Следующие пять дней путешествия почти ничем не запомнились и слились в одну серую ленту. Приходилось делать частые остановки из-за старика, из-за девчонки и из-за этого фарфорового господина, который быстро уставал в седле. Дженве отчего-то говорил за него, а остальным приходилось просто смиряться. Пивень ехал хмурый оттого, что провизии осталось немного, а делать крюк, чтобы заехать в какой-нибудь хутор или сун, Дженве отказывался. Выпивки не было. Девчонка пыталась выманить Дженве на разговор, и каждый раз у нее это получалось, но беседа быстро сводилась к грозному окрику из телеги. Старик сносил путешествие стоически. Подтаявшие дороги трясли и качали его жесткое ложе, но он молчал, лишь на привалах выползая из своего катафалка. Ллойву путешествие выматывало, к концу пятого дня это было уже заметно. На привалах он говорил не больше, чем это было

необходимо, почти сразу заворачиваясь в плащ или спальник. Его брат с тревогой пытался выяснить причину недомогания, ведь до сей поры дорога не отнимала столько сил. Пивень догадывался, в чем дело. И к концу пятого дня не замедлил поделиться с Дженве, чем заслужил еще несколько очков в свою пользу. Ллойву ограничивал себя во сне. Спать он ложился только, когда сил у него не оставалось совершенно. Дженве поблагодарил за наблюдение и пообещал переговорить с братом. Однако дорога под копытами двигалась, а так ничего и не поменялось. К рассвету следующего дня путники вступили на заброшенные дороги Роши Павших. До цели их путешествия осталось пол дня пути. По левую руку вырос Северный хребет с самой высокой своей точкой — Пиком Дьявола.

Колеса телеги поскрипывали на раскисшей дороге, проворачиваясь в грязи пополам с подтаявшим снегом. Пивень зевнул. Двигались уже привычным строем. Пивень впереди, затем телега, братья замыкали небольшой караван. Где-то завывали волки и проводник вздрогнул. Лошадь же, что тащила телегу, вдруг дернулась в сторону, затем вперед, лягнула задними ногами, стараясь убежать от неведомой опасности. Пивень преградил ей дорогу. Лошадь встала, а телега соскользнула колесом в неглубокий овражек. Вим подстегнула лошадку. Та потянула телегу, увязая в каше на дороге, но не смогла вытащить ее из скользкой грязи.

— Вот ведь! — Пивень объехал, чтобы взглянуть, насколько все серьезно. Колесо надежно завязло в каше из земли и снега, телегу перекосило, доски жалобно затрещали, норовя треснуть. Дженве спешил и подошел.

— Что случилось?

— Кобыла взбрыкнула! — Пивень с гневом кивнул на девчонку, не сумевшую управиться с ролью возницы. — Теперь не вытянуть!

— Нет? — С сомнением спросил Дженве.

— Сомневаюсь, — зло процедил Пивень. — Как в этой каше вытащить телегу? Как на грех земля жирная...

— Я не виновата! Это оборотни! — Оправдываясь, воскликнула девчонка.

— Хорошо, сейчас поправим, — Дженве окинул взглядом понурую фигуру брата. — Эй, господин Лир! Спустишь-ка с высоты своего положения и помоги мне.

Ллойву вяло поднял голову, и спешил.

— Что ты хочешь сделать? — Спросил он, подходя ближе.

— Приподнимем телегу. Я с этой стороны, ты с той. — Распорядился Дженве. — Пивень! Тяни там. — И примерился в слякотной грязи к остову телеги, не обращая внимания на грязь, запятнавшую хорошие, крепкие сапоги. Ллойву пожал плечами и взялся с другой стороны.

— Вы в уме? — Старик погрозил пальцем. — В раскачку надо! Не поднимите!

— Раз. Два. — Начал считать Дженве.

— Три! — Пивень потянул кобылу за узду, а братья, напрягшись и оскальзываясь в грязи, подняли телегу так, что колесо с чавканьем вышло из канавы. Кобыла дёрнулась вперед, и телега выехала на тракт, потрескивая разохшимся деревом.

— Тьфу ты! — Дженве смахнул куски грязи с рук. Ллойву брезгливо снял грязные перчатки. Старик в телеге обвёл обоих потрясённым взглядом, а Вим радостно улыбнулась.

— Как-то так, — Дженве развел руками и улыбнулся в ответ.

— Я слышу погоню, — раздался голос Ллойву, — несколько всадников, Джев.

Дженве посерьезнел. Октис щелкнул на его руке, обрисовывая овальный щит, а правой

он вынул кимейр из ножен. Ллойву вытянул два своих. На глазах потрясенных спутников, кимейры приняли вид полноценных мечей.

— Чертовщина! — Пивень отшатнулся, не удержавшись от охранного знака.

— Магия! — Вим с обожанием посмотрела на своего кумира.

Но погоня, что оказалась вовсе не погоней, догоняла их совсем с другой стороны. Теперь все явственно слышали стук копыт. Ллойву встретился глазами с братом. Они словно обменялись мыслями. И на глазах и без того потрясенных людей, Ллойву словно растворился в воздухе.

Вскоре показались пятеро всадников в тяжелых меховых плащах. Увидев телегу, всадники ускорились насколько возможно.

— Пап! — Вим поднялась на козлах.

— Вимлин! Дядя Вериге! Слава Вседержителю! — Первым подъехал плотный с темной курчавой бородой мужчина, одетый для боя. Остальные тотчас подоспели к телеге и с осторожностью остановились возле Дженве, обнажившим меч.

— Это господин Дженве, пап. Они сопровождают нас!

— От Варрава Черного мы узнали, что наемники предали вас! Мы поспешили на выручку! Слава Вседержителю! Я думал, вы застряли на дороге!

— Варрав вернулся? Эти добрые господа нам помогли добраться, — старик кивнул на Дженве и куда-то за спину воинам. Мужчина обернулся. Позади всадников, уже спрятав клинки в ножны и заложив руки за спину, стоял Ллойву, подобно статуе.

— Доброго дня, господа, — вежливо поздоровался он.

— Пап! Мы должны им помочь! — Воскликнула Вим. — Им нужно укрыться...

Мужчина кисло кивнул.

— Вимлин. У Мелей и так много врагов...

— Но пап!...

— Ничего страшного, — Дженве улыбнулся хозяину Мелей, с подозрением поглядывающего на чужаков. — Думаю, опасность для нас преувеличена юной девой. Мы отправимся дальше. Да, братец?

Ллойву взобрался снова в седло и согласно кивнул. А Пивень умоляюще смотрел на бородача. Оставаться наедине с братьями он не желал, а всем сердцем хотел к теплу, к очагу и пиву.

— Пап! — Девчонка спрыгнула на землю и подбежала к отцу, ухватив коня за узду. Что-то жарко зашептала ему. Старик же обратился к провожатым.

— Спасибо вам, путь был долгим. По счастью, дорога обошлась без происшествий...

— Вы были хорошими спутниками, — Дженве чуть поклонился старику. — Но пора прощаться.

— Пойдите! — Отец Вимлин поднял руку, чтобы его услышали. — Мы, клан Калевала, готовы предоставить вам ночлег и пищу. Вимлин рассказала мне, что произошло. Гнев Доенвальда ни с чем не сравнить. Поверьте мне, я знаю. Вам потребуется помощь... Если не ночлег, то хотя бы добрый совет...

— О, нет, — Дженве рассмеялся. — Мы справимся, поверьте.

— Поверьте мне, нет. Не справитесь, — веско ответил мужчина. И его люди согласно закивали. — Меня зовут Джарий Калевала. Я — владелец Северных Мелей. Большой их части. И приглашаю вас отужинать с моей семьей в знак благодарности за вашу доброту. Прошу, примите мою благодарность, а поутру сможете продолжить путь.

Вимлин, довольная и сияющая от чувства выполненного долга, снова села на козлы телеги и тронула вожжи. Дженве любезно улыбнулся владельцу. Бросил быстрый взгляд на понурюю фигуру брата, снова задремавшего в седле под покровом плаща, на Пивня, истово закивавшего, умоляя согласиться.

— Хорошо, веди, Джарий Калевала, — Согласился Дженве. Мужчина махнул рукой своим людям, и процессия отправилась к Мелям уже в расширенном составе.

Северные Мели оказались небольшой рыбацкой деревенькой, расположенной в удобной, закрытой от ветров бухте. Замок, именуемый Мельин, хорошее, добротно сделанная крепь уходила двумя своими стенами прямо в море, обеспечивая рыбакам спокойную гавань, а обитателям крепости уверенность защиты от неприятеля с моря. Сам замок стоял много выше деревни, на пологом склоне горного хребта, и к нему вела дорога серпантинном петляющая по засыпанному поздним снегом склону.

С дороги открывался вид на бескрайнее северное море и далёкую серебристую линию горизонта. Дженве залюбовался зрелищем, напомнившим ему о далёкой родине. Спокойная гладь воды отражала солнечный диск, уже почти коснувшийся горизонта.

— Ллойву! — Дженве в противоречивых чувствах вцепился в руку брата. — Посмотри! Ллойву поднял голову.

— Это то, что стоит увидеть, хоть раз в жизни! — Восхитился Дженве.

Владелец с хитрецей улыбнувшись кивнул.

— Вам надо увидеть эти места летом. Поверьте, вам не захочется их покидать.

— О, я верю! — Дженве стиснул руку брата крепче.

— Ты сломаешь мне кисть, — сонно отозвался Ллойву. — Успокойся, прошу...

— Я не могу этого сделать! — Расхохотался Дженве. — Мы слишком далеко зашли с тобой, брат.

Джарий снисходительно улыбнулся.

— Я с нетерпением жду вашего рассказа о себе. Но прежде, разумеется, трапеза.

Дженве кивнул. Процессия поднялась по серпантину к воротам. С высоты расположившийся у подножия поселок казался игрушечным.

— У нас много свободных комнат, — продолжил Джарий. — Мы с моими родными занимаем несколько на первом этаже. Вас мы разместим в восточной башне. Она — самая теплая из всех.

Тяжёлые двойные ворота поднялись, пропуская путников в небольшой внутренний двор. Стены обрисовали замку небольшое пространство на плато, и конечно не рассчитывали, что в крепости, определенно предназначенном для обороны, станут разводить скотину. Во дворе шумно гомонила птица и протяжно мычали коровы. Рядом с конюшней разместился коровник, с противоположной стороны доносилось хрюканье. Пивень мог поклясться, что и птица жила где-то рядом.

Из четырех воинов, сопровождающих небольшой отряд, все были родственниками Джария. Самый юный — его племянник Агарон, с такой же кучерявой шевелюрой и гладко бритым лицом — его младший брат Владар, другие два, молча кидавшие тяжёлые взгляды на чужаков, были двоюродными братьями, сыновьями старика Вериго.

А сам Вериго, оказывается, был младшим из сыновей опального Зорры Калевала, чье имя Доевальд разорил сотню лет назад по ложному доносу кого-то из свиты. С тех самых пор род Калевала обеднел и почти исчез. Мели — последний оплот обедневших

танов. Все это братья узнали за ужином в просторном и теплом зале, куда их пригласили разделить трапезу с хозяевами. Зал был устроен иначе, чем в имении Грольссонов. Если там, в хунгуре, очаг разместился посередине, то в этом зале всех согревал огромный камин в человеческий рост возле самой стены. Братья познакомились с женой Джария, изысканной дамой в строгом темном туалете и крепкими рыжими косами. Звали ее Висметия, и родом она был из Гордарики. Познакомились и с Неоней, женой младшего из Калевала. За огромным столом было позволено сидеть и детям, которых в замке оказалось немало. За обедом стоял невообразимый гвалт. Многочисленные близкие и дальние родичи старались урезонить бегающую ребятню, но это им никак не удавалось. Несмотря на это Дженве чувствовал себя много уютнее, чем в имении Грольссонов. Тан Калевала был обходителен и вежлив. Его жена улыбалась вполне искренне. А юная Вимлин изо всех сил старалась привлечь к себе внимание.

После ужина женщины убрали со стола остатки небогатого ужина, а мужчины остались для разговора. Были принесены трехголовые канделябры с огарками свечей. Разожженный по случаю благополучного возвращения дядьки камин добавлял уюта. Сытые желудки тянули присесть и обсудить произошедшее за день. Хозяин распорядился принести гордарского вина из запасов. И теперь сидели, неспешно тянули вино из глиняных кружек и вели негромкую беседу. Вериге отправился отдыхать, сыновья отнесли его, потерявшего возможность ходить, к себе. Вимлин отправили к матери, не смотря на протесты девушки.

Джарий молча выслушал историю братьев о произошедшем в Броде. Лицо его оставалось бесстрастным. Владар только усмехнулся.

— Доенвард берет большую мзду со своих тьёрдов, — задумчиво проговорил Джарий. — Уже не один тан жаловался мне на поборы. Он дал большие права своим кьёрмам. Говорят, тех, кому нечем платить, они угоняют к Имперским границам. Теперь-то дорога свободна...

— Для чего? — Поинтересовался Ллойву. Тепло и пища придали ему сил. Дженве с удовлетворением отметил себе, что на щеках брата появился румянец.

— Продают, — коротко пояснил Владар. Зашла, словно вплыла, в зал и Висметия. Присела рядом с мужем.

— Но вас же много, — возразил Дженве. — Тех, кто недоволен.... Разве вы не можете сказать о своем недовольстве?

— Нас-то много, — усмехнулся Джарий. — Да все судьбой не вышли. Все разорены в край. А у Доенварда — армия. Наёмники, кьёрмы, да и союзники...

Серая кошечка потерлась о локоть, прося внимания. Асатр в недоумении поднял руку, и скотина, замурчав, свилась в клубок на коленях. Ллойву положил руки на стол, опасаясь касаться грязного животного. Но тепло и приятный урчащий звук отчего-то не давали согнать кошечку. Начала одолевать приятная усталость.

— Мы бессильны, — подтвердила Висметия. — Все боятся.

— Не гневи богов, женщина. Вы не побоялись дать им отпор... это опасно для вас, — Джарий чуть улыбнулся. — Я укрою сколько смогу. Но если потребуется сделать выбор...

— Мы понимаем, — кивнул Дженве. Ллойву слушал, как урчит кошка, и мысли его плавно сворачивались в клубок вместе с ней, отодвигая все заботы. Теплый, уютный, меховой клубок. Дженве что-то говорил. Доказывал. «Ох, Дженве, это не наша война». Джарий спорил и оправдывался.

Рядом с расслабленной рукой возникла еще одна, детская. Маленький кулачок с

сокровищем внутри. Ллойву заставил себя повернуться к обладателю руки. Девочка лет семи в простом сером платье, подпоясанном выцветшей лентой, и в грубых башмаках на босу ногу стояла рядом со скамьей и ждала чего-то. Серые огромные ее глаза смотрели с любопытством и ожиданием.

— Чего тебе, дитя? — Спросил Ллойву расслабленно. Казалось, он готов был поговорить даже с этой девочкой. Дженве что-то жарко обсуждал с хозяином, но суть его беседы не задерживалась в мыслях, утекала по волнам журчащего спокойствия и неги. Сегодня Ллойву не хотелось вникать в суть разговора. Девчонка разжала кулачок, выложив на стол свое сокровище.

— Прости, дитя, я не вижу, что это? — Ллойву потянулся за очками за пазуху. Нацепил на нос свой аксессуар.

Камень, просто камень, обколотый со всех сторон. Если приглядеться и подключить воображение, можно было различить птицу. Ллойву взял камень в руку. Девчонка с интересом наблюдала за ним и даже забралась на скамью, чтобы сесть рядом. «Слишком острый для игры,» — подумалось. Ллойву начал пальцами разглаживать сколы, позволяя Искре свободно протекать сквозь пальцы, менять структуру камня. Птица, это Птица. Под пальцами асатра камень поддался Искре и начал менять форму, уподобляясь мягкой глине. Ллойву сформировал голову и тело, получился и хвост. Теперь гладкая, словно речной валун, в руках сидела каменная Птица. Именно так. С большой буквы. Девочка с восхищением в глазах осторожно взяла в руки свою новую игрушку.

— Марисса, не приставай к господину, — раздался голос хозяйки. — Простите ее. Она почти не говорит. Сиротка.

— Ничего, — вежливо кивнул Ллойву. — Это не трудно.

Но девочка, получив игрушку, не уходила. Она неожиданно заглянула в глаза, положила ладонку на запястье асатра. И Ллойву дернуло от нахлынувших видений, ударив волной чужих образов и воспоминаний. Кошка, выпустив когти, с громким мявом слетела с колен.

... Распахнутые черные крылья в небе. Окровавленное лицо Дженве. Долина, заставленная походными шатрами и людское море, колышущееся, словно волны, набегаящие друг на друга. Гремит оружие, слышится боевой клич и звук рога. Руки, пытающиеся дотянуться до кимейров. Его руки. Злость на свое больное тело. Снова черная тень в небе, закрывающая крыльями солнце. А затем, словно гигантский огненный спрут, Окто...

— Ллойву! — вдох полной грудью. Казалось рёбра выламывает от невозможности вдохнуть. Оказывается, ему не хватало воздуха. Дженве с тревогой склонился над ним. Щекой Ллойву чувствовал прохладную поверхность стола. Вдох, выдох, снова вдох. Боль в груди утихала. Дженве приподнял и придержал брата. Исчезло чувство безопасности и тепла. Снова над ними нависла беда. Девочка исчезла. — Тебе надо отдохнуть... Дорога далась тебе тяжело...

— Где...где она? — Выдохнул Ллойву, оглядываясь.

— Простите! — Висметия тоже оказалась рядом. Асатр оглядел встревоженные лица, окружившие его. — Она напугала вас?

— Нет...Нет... — Ллойву выпрямился. Дышать стало легче, но теперь он понял, наконец, насколько вымотан последними днями. — Я...

— Я провожу тебя, — Дженве помог брату подняться. Не было сил выносить эти взгляды. Хотелось покоя и тишины, чтобы обдумать произошедшее, а ещё переговорить с

этой девочкой. Кто она? И что за видения? Чьи они? Висметия со свечой в руке проводила братьев в восточную башню, где им выделили по комнате. Ллойву на втором ярусе, а Дженве на третьем. Хозяйка позаботилась, чтобы комнаты проветрили и привели в жилой вид. Но всё равно пахло плесенью и пылью. Указав дорогу, хозяйка удалилась.

— Ложись в постель, — Дженве усадил Ллойву на большую кровать с балдахином, что стояла посреди комнаты. — Ты напугал меня.

Ллойву слабо улыбнулся. Отчего-то сил совсем не осталось, словно девчонка вскрыла нарыв и через него утекала последняя решимость.

— Я принесу тебе капель. Только попробуй не выпить, — погрозил Дженве пальцем. И ушел. Ллойву огляделся. На стене висел старый гобелен, потемневший от времени и потерявший в наносах сырости свой сюжет. У другой стены — тумба с тазом для умывания. Сундук для вещей. Стол со стулом. На столе — положенные Дженве окуляры. Вот и все убранство. И отвратительный запах. Весь этот мир пах плесенью, навозом и гарью. Отвратительно. Если бы не весеннее солнце жизнь показалась бы совершенно ужасной. Сколь мерзка была жизнь среди людей, столь прекрасен мир за стенами, и только за это Ллойву был готов простить их всех. За восходы и закаты, за серебристый в вечерней дымке горизонт, за наступающую весну и бескрайнее небо.

Вернулся Дженве, накапал в кружку капель и протянул сидящему.

— Мне кажется, я видел будущее... — Выдохнул Ллойву, опустошив бокал. Перед внутренним взором стояло окровавленное лицо Дженве. — И оно не хорошо...

— Будущее? — Дженве, словно заправская сиделка, начал укладывать брата в постель. Стянул с него сапоги и тёплую тунику.

— Оставь, Джен, я еще в состоянии себя обслужить, — раздраженно огрызнулся Ллойву, но чувствуя при этом, что силы оставляют его.

— Всё, всё, не трогаю... — Дженве отошел к дверям, оставив брата в покое. — Будущее, Ллойву, это то, чего еще нет. Оно не может быть хорошим или не хорошим. Оно просто есть. Мы его создаём сами...

Ллойву хотел ответить, но мысль отчего-то ускользнула, веки уже сомкнулись. Все тело налилось тяжестью. Кажется, Дженве опять схитрил и накапал в лекарство ещё и сонных капель. Он такой же как Валлар, как сотни компаньонов до путешествия... Все не желают слушать его...

Дженве подождал еще немного, пока дыхание брата выровняется. Накрыл лежащего одеялом и вышел, прикрыв дверь.

Внизу хозяин еще дожидался его.

— С твоим братом все будет в порядке? — С тревогой спросил он. — Он выглядел очень больным. У нас есть лекарь, но за ним надо послать и заплатить ему. Отправить гонца?

— С Ллойву все будет в порядке. — Кивнул Дженве. Вряд ли эти местные лекари поймут, что с братом не так. — Я позабочусь об этом.

Глава 8 где Ллойву приглашают на встречу, а Дженве спешит действовать

Следующее утро началось для Ллойву необычно поздно. Солнце давно поднялось над океаном и разогрело воздух до почти весенней температуры. Сновидений в этот раз не было. План сработал. Все путешествие Ллойву старался утомить себя так, чтобы сон стал походить на забытье. В результате ни разу еще Окто не проник в сновидения, в основном от того, что их не было.

Приведя себя в порядок, Ллойву спустился вниз. Мельин жил своей жизнью. Мужчин видно не было, а женщины и дети деловито сновали где-то во дворе: ухаживали за скотиной, приводили в порядок жилые помещения, готовили пищу. Всем нашлось дело, даже самым маленьким. На фоне общей суеты Ллойву вдруг почувствовал тягость собственной праздности. Ворота в крепость в этот час были открыты.

Ллойву огляделся во дворе, в надежде увидеть брата. Сегодня всё вокруг воспринималось иначе. Вчера казалось, что замок похож скорее на большой хлев, где пахло прелой соломой и навозом, сегодня остатки бывшего величия в солнечном свете утверждали, что так было не всегда. Выбитые в камне гербы над воротами и деревянные щиты на стенах с намалеванными краской геральдическими животными, видовую принадлежность коих было уже не определить, говорили о временах расцвета. Когда то здесь, перед главным входом приносили клятвы верности своему танк, теперь тут бродили козлята, смешивая навоз с грязью. Хозяйка, заметив гостя, растерянно стоящего посреди всеобщего хаоса, подошла, вытирая руки о передник.

— Доброго дня, — Ллойву чуть поклонился, чувствуя себя очень неловко. Безделье никогда не было для него обычным делом, но чем он мог пригодиться здесь, он не мог даже представить. — Я ищу Дженве, моего брата.

— Он, наверное, на моле... — И она указала в сторону океана. — У нас обвалилась стена. — Пояснила она, извиняясь. — Можно конечно оставить как есть, но она защищает бухту от ветров. Они пошли туда с Джарием.

— Хм, — Ллойву прочистил горло. — Что ж, хорошо. Как туда попасть?

Висметия подробно рассказала ему как пройти на выступающий в океан кусок стены. И Ллойву отправился на поиски брата. Океан сурово обошелся с людским творением. Люди, так же, как илои когда-то, решили, что могут соперничать с самим мирозданием, и оно терпеливо ждало, пока возмездие нагонит отступников. В этом илои и люди похожи, подумалось Ллойву, и он даже подумал, что слишком строг к дикарям. Одна из стен, уходящая в воду, потеряла прочность и начала разрушаться, обваливая в кипящую бездну куски камня. Дженве с хозяином разглядывали прореху, стоя на стене.

— А, Ловкач, — Дженве рассеянно кивнул. Указал на провал в стене. — Здесь будет нужна помощь.

— Камни упали в воду, — Подтвердил Джарий. — Нам придется привезти из каменоломен новые блоки.

Ллойву взглядом оценил повреждения. Если предки людей смогли возвести столь величественное сооружение, отчего их потомки не могут содержать его в целости. Это странный факт. Даже илои не удержали в руках своего наследия, а в их распоряжении мощь не сравнимая с людью.

— Ты хочешь залатать эту дыру? — Обратился он к Дженве на илои. — Как?

— Да, ты чувствуешь, эта стена скоро рухнет, — Дженве кивнул и взглянул на брата, словно желал от него помощи в решении этой проблемы. — Если даже они заделают этот провал, скоро появится новый, и он разрушит стену до основания.

— Да, это так. — Ллойву перевел взгляд на круглые от удивления глаза хозяина. Речь илои тот слышал впервые. Протяжные, певучие звуки удивляли его.

— Мы можем укрепить эту стену, — продолжил Ллойву, снова обратившись к брату. — Но этим мы раскроем себя. Ты готов к этому? К удивлению с их стороны? К страху?

— Ты боишься, что они не примут нас?

— Мне сложно судить, — Ллойву подошел к самому краю провала и взглянул вниз, на непрерывнодвигающийся бульон у подножия стены. — Возможно, они не готовы увидеть.

— О чем вы говорите? — Не выдержал Джарий. — Красивый язык.

— Это илои, — Ллойву повернулся к хозяину крепости всем телом. — Когда вы сможете привезти новые блоки?

— Это сложный вопрос, — Джарий неловко рассмеялся. — Каменоломни заброшены. У нас нет людей, да и инструмента тоже...

— Я помогу. Только покажите, где это, — поспешил сказать Дженве, встретившись взглядом с братом.

— Можно, — кивнул Джарий. — Но нам не сладить, я говорю, у нас мало людей.

— Если нам не хватит людей, мы попросим господина Лира, — Дженве подмигнул Ллойву.

Джарий улыбнулся, окинув взглядом фигуру странного гостя.

— Господин Лир не производит впечатления каменщика.

— Это обманчивое впечатление, — рассмеялся Дженве. — На самом деле он могущественный воин.

— Прекрати, Джев, — скривился Ллойву, — это дурная шутка.

— Тогда после обеда мы с вами посмотрим на выработку?

— Да. После обеда, — согласился Дженве. — Господин Лир отправится с нами?

— Если только ты не справишься, — огрызнулся Ллойву.

— Не обижайся, Ловкач, — Дженве приобнял брата за плечи. И добавил на илои. — Надо помочь им, Ловкач. Мне так кажется. Ты со мной?

Ллойву вздохнул.

— Да, я с тобой. Любая твоя авантюра — наша общая.

— Вот и славно, — Дженве ушел следом за ушедшим хозяином, хлопнув на прощание по плечу.

Ллойву вдохнул соленый морской воздух полной грудью. Как же прекрасен мир на поверхности, когда его не заслоняет вонь и грязь людского мира. В сравнении со стеной асатр выглядел букашкой. Сколь же велик был замысел людей, когда они соорудили столь величественные стены. Отец утверждал, что люди грязны и невежественны. Но кто же тогда сотворил такое? Разве могут пигмеи, коими их всегда представляли, возвести эти стены? Остатки постаментов на самом краю не оставляли сомнений, что в завершении каждой из стен должна была стоять статуя. Ллойву поднял взгляд к небу. Он бы взглянул на такое, как людские инженеры решили бы вопрос центра масс? И как бы они закрепили свои творения, чтобы те не опрокинулись вниз?

Ллойву сел прямо на камень, опустив ноги в бездну. Где-то внизу с грохотом

разбивались волны, обтачивая с вселенским терпением основание из огромных валунов. Восхитительно. На грани зрения почудилось движение. Ллойву повернул голову. Вчерашняя девчонка. Марисса. Вот её то очень хотелось увидеть ещё вчера. Она стояла недалеко, обмотанная теплым толстым платком поверх невзрачного платья, переступая озябшими ногами.

— Что тебе, дитя? — Удивился Ллойву. Девочка подошла ближе, продемонстрировала каменную Птицу в руке. Кажется, она немая?

— Да, я помню. Тебе сделать еще такую? — Девчонка замотала головой. Нет.

— Чего же ты хочешь? — Девочка подошла еще ближе. Почти вплотную. Мелькнул мысль, что если она сделает, как вчера, то он просто упадет в море. Ллойву подобрал ноги и присел на колени возле девочки, а она смущаясь и пряча взгляд, выдавила.

— ...вини.

— Что? — Так она не немая, просто редко говорит. С бедняжкой некому заниматься.

— Из-вини.

— Не страшно, — Ллойву улыбнулся. Девчонка подняла на него огромные серые глаза. — Ты не виновата. — Он опустил глаза на её руки, теребившие каменную Птицу.

— Тебе нравится?

— Очень, — кивнула девочка.

— Это был какой-то особенный камень?

Девочка снова кивнула.

— Почему? Что в нем особенного?

Марисса сжала Птицу еще сильнее, так, что побелели крошечные пальчики.

— Не хочешь — не говори, — согласился Ллойву.

— Ты больной? — Спросила девочка.

— Я? Можно и так сказать, — усмехнулся Ллойву. Здесь, в этом мире никто не придет на помощь, если что-то случится. Придется справляться самому и беречь себя, насколько это возможно.

— Это папа велел показать тебе, — порывисто сказала девочка, снова опуская голову.

Ллойву удивился. Висметия говорила, что она сирота.

— Он не знал, что ты больной.

— А кто твой папа? — Девочка пожала плечами. Дитя, что с неё взять?

— Что он велел мне показать?

— Я вчера показала тебе свой сон, ты видел? — Марисса вытерла рукой потекший нос.

— Это был твой сон? А еще раз покажешь? — Спросил Ллойву неуверенно. Неясно выдержит ли он второй раз такое. Но надо понять, что это, будущее или прошедшее.

— Я у папы спрошу, — кивнул девочка. — Он не знал, что ты больной.

— А где твой папа?

На это Марисса повернулась и показала рукой на саму гору, возвышающуюся над горизонтом. Пик Дьявола. Быть может, дитя ошибается? Быть может, она хотела указать на Мели? Ллойву перевел взгляд на ноги девочки, обутые в тонкие башмаки. Когда-то эти башмаки были добротной сделанной обувью, но теперь они износились и потускнели. Значит, она не сирота...

— А мама у тебя есть?

Девочка кивнула.

— И где она? — Марисса подняла лицо к небу и указала на голубой купол.

— Что это значит? — Не понял Ллойву.

— Она ангел, — довольно сообщила девочка. Едва узнав культуру людей, Ллойву понял, что, скорее всего, это значит, что мама девочки мертва.

— Я понял, — кивнул он. — Пойдем в дом, ты замерзла. — И он поднялся, чтобы отвести ребенка назад.

— Папа сказал показать это тебе, потому что ты поймешь. Он сказал, что ты очень умный.

— Что я должен понять? — Растерялся Ллойву. Вот это поворот!

Девчонка пожалала плечами, и, развернувшись, пошла по стене к крепости.

— Подожди! — Ллойву в три шага догнал ребенка. — Кто твой папа?

Девочка молчала, вышагивая рядом. Не скажет, или не знает?

— Где мне найти его? — Марисса снова указала на Пик Дьябла с выражением на лице глубокой озабоченности, какое, вероятно, видела на лицах взрослых, и попытался скопировать. Дескать, врут, дядя, что ты умный, ты — тупица.

— Хорошо, я понял, — Ллойву вздохнул поглубже. Снова загадки.

После обеда Дженве с Джарием, а также его братом отправились посетить заброшенные каменоломни чуть восточнее от Мелей. Погода испортилась. Небо заволочило тучами и начал накрапывать мелкий противный дождь пополам со снегом. Ллойву отказался от участия в предприятии. Вместо этого он выпросил разрешения полистать семейные хроники семьи Калевала. Разрешение было получено, и гостя проводили к небольшому стеллажу с несколькими книгами. Всего. Слово на этой земле и вовсе не читали. «Основы пивоварения» Ллойву оставил на месте, а вот «Хронику темных лет» взял с собой, так же с полки перекочевала в комнату «Книга рода Калевала»

«Книга рода» оказалась бесполезной, оттого, что в ней заполненными были только два первых листа, остальные, судя по обрывкам у корешка, были вырваны в сердцах.

«Хроника» стала более полезной, хотя и написана в стиле старинных былин. На первый взгляд все написанное казалось сказкой. Книга повествовала о деяниях Торгольда Кровавого, Торгольда Черного, что правил в этих землях несколько столетий назад. Судя по «Хронике» здесь творились безумства, пока не удалось убить тирана. После ненадолго наступили спокойные времена. Следующие за этими событиями главы были написаны другой рукой. Рассказывалось о смуте, что затеял Старг Доенвальд, подминая под себя разрозненные тьёрды. О демонах, захватывающих души людей, о самом кровожадном из них, Призрачном Жнеце. О Деве, что пожертвовав собой, изгнала демона из мира людей. И родился новый религиозный орден, назвавший себя Истинниками. И послужил опорой новому строю.

Ллойву увлечено читал, когда Дженве ввалился к нему в комнату.

— Ты здесь? — Дженве выдохнул. — Слава богам!

— Что с тобой? — Ллойву сквозь окуляры посмотрел на грязную тунуку и сапоги в грязных пятнах.

— На нас напали! — Дженве прошелся по комнате, стараясь унять волнение.

— Кто?

— Джарий говорит, это люди Доенвальда. — Дженве протянул кулак, с зажатым в нём Октисом. — Смотри!

— Это Октис, — подтвердил Ллойву. Потом перевел взгляд на левую руку брата, где мерцал такой же. Это уже серьезно.

— Откуда он у них? — Ллойву отложил книгу.

— Я снял его с убитого страта.

— Там были иллои?

— Нет. С убитого людя. Они научились их использовать! — Дженве подошел ближе и указал на небольшую колбочку в основании Октиса. — Здесь наполнено черной кровью.

Ллойву отшатнулся от приспособления, как от чумной заразы.

— Кто-то дал их людям, — кивнул Дженве, подтверждая догадки брата. — И питает их.

— Отец?

— Не он один владеет Искрой, — заметил Дженве.

— Они дали людям ничем не ограниченную власть, — проговорил Ллойву потрясенно. Кто бы это ни был он только что выпустил на волю чудовище.

— Все так, — Дженве швырнул Октис на стол. — Кто-то из асатров поддерживает Доенвальда.

— Асатра могли взять в плен...

— Ты и сам не веришь в это, — Дженве в волнении прошелся по комнате.

— Джарий знает? — Спросил Ллойву успокаиваясь.

— Нет, — Дженве запустил руку в волосы. — Я незаметно снял его. Они не поняли, что произошло.

— Хорошо, — кивнул Ллойву.

— Это противостояние принимает странный оборот, — Дженве задумчиво повернулся на месте.

— Отец бы не стал сидеть, сложа руки. Им надо как-то выживать. Он принял сторону сильного соперника, вот и все, — заметил Ллойву.

— Думаешь таких много? — Дженве кивнул на Октис на столе.

— Нет, не думаю, — Ллойву отодвинул от себя Октис пальцем. — Они ушли малым числом с Аст'Эллота. Думаю, эти устройства можно пересчитать по пальцам. Только если люди не вошли в контакт с мастерами острова...

— Это врядли, — Дженве вернулся к столу. — Здесь нужна еще черная кровь. Кто-то дает ее добровольно.

— Мы можем выяснить все, — Ллойву поднял глаза на брата. — Если отправимся по следам.

Дженве задумался.

— Похоже, нам не избежать этой войны, да, братец? — Усмехнулся он.

— Мы можем поступить, как отец, руководить из тени, но не участвовать в битве, — заметил Ллойву.

Дженве покачал головой.

— Я врядли так смогу. Через эти устройства могут многие погибнуть.

— Это людь. Они гибнут постоянно. От голода, от болезней, от усобиц... — Ллойву снял окуляры и положил их на книгу. — Наше присутствие или отсутствие ничего не меняет. Исход, возможно, будет иным. Чаша весов склонится на сторону победителя, но кто-то всегда будет страдать. Это неизбежно.

— Ты предлагаешь просто смотреть? — Дженве взглянул на брата, словно увидел что-то новое для себя. Ллойву отвернулся.

— Я только хочу сказать, что если мы вступим в эту войну, то придется идти до конца. И оказаться либо победителями, либо побежденными. Разве за этим мы пришли сюда?

— Возможно, отец уже начал эту войну. А с ним и Меоке...И Мильен.

Ллойву поднял голову.

— Мне больно, так же как и тебе. Что если нам придется столкнуться с ними лицом к лицу? Что ты сделаешь?

Дженве стиснул зубы.

— То, что должен.

— Тогда вот тебе последняя задача, — Ллойву опустил взгляд. — Уверен ли ты, что примешь правильную сторону?

— Что с тобой? — Удивился Дженве. — Ты вел себя иначе на Аст'Эллоте. И здесь, едва мы пришли на континент. Что случилось?

— Наверное, я поумнел.

Дженве только смотрел, как тонкие пальцы теребят душку окуляров.

— Эта земля, Джев, жила до нас многие века. Она была разорена людьми и демонами, и каждый раз восстанавливалась. И люди снова отстраивали города и рожали детей, чтобы опять все уничтожить. Все это прошло без нас. И теперь установился хрупкий мир. Равновесие, если хочешь. — Ллойву похлопал ладонью по «Хронике». — Здесь все описано. Можешь прочесть на досуге.

— То есть ты считаешь, что нам лучше не вмешиваться?

— Да, считаю, — Ллойву кивнул. — Ты сам сказал, мы для них — почти боги. Боги не должны вмешиваться в дела людей.

— А это? — Дженве указал на Октис.

— Это необходимо пресечь, — Ллойву взглянул на браслет мирно лежащий рядом с книгой. — Это неправильно. Как и то, что асатры выступают на стороне тьярда. Они не должны делать этого.

— Если это так, как люди могут их остановить одни? — Дженве в порыве присел на колени рядом с братом, заглядывая ему в лицо. — Ответь! Если боги встали на одну из сторон, как это остановить?

— Ты разрываешь мне душу, Джев, — Ллойву попытался отвернуться. — Я не хочу войны. Нас только двое с тобой. Мы тоже не сможем повлиять на ход событий. Нас слишком мало.

— Ты сможешь, — Дженве стиснул руку брата. — Ты можешь все. Ты лучшее, что было у отца, но он так этого и не признал. Ты стоишь всех асатров вместе взятых, Ловкач.

— В тебе говорит безысходность, — улыбнулся Ллойву. — Я — все, что у тебя есть.

Дженве покачал головой.

— Отец всегда признавал твое превосходство. Он боялся тебя. Но теперь он думает, что мы мертвы. Что никто не помешает им делать здесь все, что вздумается. Они останутся безнаказанными, Ловкач. Что бы не сотворили.

— Джев... — Ллойву потер висок. Эта новая забота теперь отдавала в голову легким тиканьем.

— Мы справимся, если поможем друг другу.

— Джев... — Ллойву прочистил горло, взглянул на брата. Взгляд его светился уверенностью. Он все для себя решил. Ллойву вспомнил окровавленное его лицо в своих видениях. Дженве не справиться одному, что бы он не затеял. Он или погибнет, или сломается.

— Дай мне слово, что все свои шаги ты проговоришь со мной.

Дженве довольно пожал руку брату еще раз и поднялся.

— Вот тебе мое слово.

— Ты сказал, что взял у Валлара капли для сердца.

— Сейчас, — Дженве вышел, чтобы принести флакон. Вот война и перестала быть чужой. Ллойву вздохнул поглубже. Только бы хватило сил на нее.

Глава 9 в которой кошмар превращается в благо

Мели гудели и суетились, словно разворошенный муравейник. Слухи о нападении витали в воздухе, хоть и не были ни разу произнесены вслух. Ужин прошел в относительном молчании. Только дети никак не желали утомиться. Старик Вериго сверлил асатров глазами за ужином, но не сказал ни слова. Едва ужин был съеден, дети отправлены спать, а со стола убрали остатки еды, Джарий поднялся и ушел в свои комнаты. Туда же следом отправился и его кровный и двоюродные братья. Дженве скользнул взглядом по ним.

— Иди отдыхай, Ловкач, завтра у нас много работы.

— Ты хочешь идти с ними? — Ллойву поднялся.

— Возможно, мое мнение будет полезным.

— Хорошо, — И Ллойву отправился наверх, к себе. Его тянуло к книгам, но не к людям.

Дженве наоборот хотелось общества. Особенно теперь. Мысли соскользнули на проводника. Где-то он теперь? Едва они въехали в Мели, Пивень как-то незаметно исчез, словно растворился, и никто о нем не вспомнил. Возможно, этот факт и послужил причиной нападения. Или, может, он пьет, не просыхая, растрачивая заработанное золото. Какая разница? Марисса больше не показывалась. А жаль. Ллойву хотел расспросить ее побольше о ее папе, который... Заранее знал, что Ллойву и Дженве попадут в Мели? Бред. Они и сами этого не знали.

Ллойву устроился на табурете возле единственного источника света в комнате. Канделябр со свечой был поставлен еще вчера. «Хроника» требовала внимания к себе. Он что-то упустил. И Ллойву погрузился в чтение.

Спустя время в дверь раздался стук, и вошел Дженве.

— Я к тебе, брат, — озабоченное лицо его не предвещало ничего хорошего.

Ллойву нехотя оторвался от чтения.

— Что-то решили?

— Джарий отправится к Грольсонам. Тот недалекий тан, помнишь? Который едва не обвинил тебя в колдовстве.

— Неожиданное решение. Почему? — Ллойву чуть улыбнулся, вспоминая произошедшее.

— Он хочет посоветоваться с его дядей.

Ллойву улыбнулся и снова обратился к книге.

— Видишь, они все решат без нас. Не обязательно нам участвовать в этом.

Дженве помолчал.

— Мне предложили ехать с ними, — сказал он после долгой паузы, словно бы опасаясь реакции.

— Ты согласился? — Ллойву замер. Он ждал чего-то подобного.

— Я хотел посоветоваться с тобой. Если я соглашусь, они и дальше будут рассчитывать на меня.

— Думаю, ты все решил для себя, Джев. — Ллойву склонил голову на бок. — Твое присутствие там даст нам информацию из первых уст. Ты сможешь оценить шансы на здоровое решение. Или повисить их, при случае.

Дженве скорчил гримасу и прошел в комнату, чтобы сесть на край кровати.

— Я ждал этих слов. Все что я услышу, узнаешь и ты.

Ллойву кивнул. Не сказать, что он хотел вмешаться в этот конфликт, но чем глубже увязал в нем Дженве, тем сильнее затягивало и его.

— Прощу, будь осторожен, — Дженве почти с мольбой посмотрел на брата. — Я не смогу быть рядом какое-то время.

— Тебя не было рядом несколько оборотов! Я не умер, — возразил Ллойву с улыбкой.

— За тобой присматривал Валлар. И ты два раза был при смерти, — Усмехнулся Дженве. — Здесь, я даже не знаю, поймут ли, что с тобой. И что необходимо сделать.

— Я буду максимально осторожным, — пообещал Ллойву. — Сколько продлится ваш визит?

— Не знаю, возможно, декаду... Пока мы здесь просто гости. Я заплатил Висметии за постой. Здесь моя совесть будет чиста. Тебя не выставят на улицу.

Ллойву рассмеялся и опустил голову. У Дженве просто пунктик о мучениях совести. Все должно быть по правилам, иначе он съест сам себя.

— Сомневаюсь, что с нами так поступят, эти господа достаточно воспитаны, на мой взгляд...

— Я бы не был так уверен, — с сомнением проговорил Дженве. Помолчали.

— Ты не знаешь, где наш проводник? — Неожиданно вспомнил Ллойву.

— Пивень? Пьет, наверное, в Мелях где-нибудь. Если хочешь, я поищу его перед отъездом. Зачем он тебе?

— Наши с ним обязательства выполнены?

— Можно и так сказать, — Дженве пожал плечами. — Он не довел нас до Пика Дьявола, мы не отдали ему третью часть золота.

Ллойву кивнул. Книга переключивалась на стол, а поверх нее легли и окуляры.

— Когда вы отправитесь?

— Завтра на рассвете, — Дженве поднялся, подошел к столу. — Раз уж мы заговорили о твоей безопасности. — Он сгреб книгу и окуляры со стола. — Это я заберу.

— Почему? — Удивился Ллойву.

— Уже поздно. Тебе пора отдыхать.

— Ты мне не компаньон, — рассмеялся Ллойву, а Дженве уже был в дверях с обеими книгами в руках.

— Я твой заботливый старший брат. И я говорю, идите спать, господин Лир.

— Джев... это несерьезно... Верни окуляры! — Ллойву покачал головой, сетуя на излишнюю заботу. Дженве захлопнул дверь, и Ллойву услышал сквозь створку.

— Доброй ночи.

— И тебе, — тихо отозвался асатр. И верно, пора отдохнуть. После всех событий вдруг поверилось, что сон в этот раз станет спокойным и беззаботным. Невозможно мучиться кошмарами постоянно. Последнее время удавалось избегать сновидений, и Ллойву поверил, что избавился от Окто насовсем.

Он поздно понял, что ошибся. В этот раз он стоял в полуразрушенной крепости, а на балках проваленной крыши качались повешенные. Балки поскрипывают при движении. Раздутые, искаженные лица медленно поворачивались к нему. Вороны с карканьем садились на плечи мертвецов, соперничая друг с другом. Ллойву медленно, заставляя себя передвигать ноги, прошел к повешенным. Вот и Дженве. Следовало ждать. Посредине всего этого действия. Он тоже мертв. Но это не так, этого не случилось, и не случится... Ллойву отступил.

— Ты зря показываешь мне это. Это не он. Джев может за себя постоять, — обратился он к невидимому режиссеру своих снов. После этих слов все мертвецы, как один, повернули к нему головы. Безглазые, уродливые, раздутые лица. Повернулись к нему и вороны. Точно одно сознание смотрело каждой парой глаз в этом сне. Ллойву отступил и ещё, и ещё, пока не уперся спиной в полуразрушенную стену. Мертвецы и вороны, как один, сотней голосов крикнули, оглушая. «Наше!» Птицы с криками сорвались с мест и устремились к единственному живому. Ллойву положил руку на пояс. Кимейров нет. Он безоружен. Птицы с карканьем налетали, били по голове крыльями и норовили клювами добраться до глаз. Ллойву закрыл голову руками, но спрятаться от них совершенно не смог. «Отдай!» «Нам обещано!». Едва вороны разлетелись после атаки, как над замком небо заполнил жаркий, словно дневное светило Окто. Ллойву отнял руки от лица, поднял голову, и почти сразу тысячи раскаленных игл вонзились в тело, прожигая тонкими стрелами раны насквозь. «Верни!». Тонкие, как волос, стрелы снова и снова втыкались в тело, вызывая ломоту в груди. «Верни!».

— Проснись!

Кто-то тряс его за плечо. Ллойву, глубоко вдохнув, проснулся. Рассвет. Давно ли? Рядом стояла девчонка, Марисса, и полными страха глазами смотрела на него.

— Ты кричал, — сказала она. Это сон. Опять сон. Глубоко вдохнуть, задержать дыхание и выдохнуть. Грудь разрывало от колющей боли. Надо позвать Дженве. Взгляд упал на стол. Флакон с каплями уже ждал его. Джев уехал. Ллойву перевел взгляд на девочку.

— Давно ты здесь?

— Я слышала, как ты кричишь. Страшно было.

— Еще кто-то слышал? — Ллойву почти восстановил дыхание. Не хватало, чтобы все Мели слушали его бред.

— Нет. Все внизу. Дядя уезжает.

— Да, точно... — Ллойву откинулся на подушки. Когда закончится эта мука? Неужели Окто не оставит его в покое?

— Хочешь, я посижу с тобой? — Предложила девочка. Милое дитя. Но одному быть не хотелось.

— Хочу, — согласился Ллойву. — Только подай мне вон тот флакон.

Девочка принесла хрустальный флакон и забралась на постель. Каменная Птица в ее руках запрыгала по волнам одеяла. Ллойву выпил лекарство, поставил сосуд прямо на пол и стал смотреть, как она играет. Вид пляшущей на волнах Птицы успокаивал его.

— Сделать тебе еще? — Спросил он.

— Ты спрашивал. Не надо, — ответила девочка.

— Да, точно, — выдохнул Ллойву. Сердце успокоилось, оставив в теле ватную усталость и выпарив все желания.

— Калев хотел у меня ее забрать, — Сообщила Марисса. — Он злой. Всегда завидует.

— А кто такой Калев? — Ллойву коснулся шеи пальцами. Казалось, ворот прижимается к коже. Но нет, просто все скверно сегодня.

— У него уши большие, и нос течёт, — сообщила Марисса. — И вообще он противный.

— Молодец, что не отдала. — Улыбнулся Ллойву.

— Почему ты такой больной? — Девочка взглянула в глаза прямо. — У нас таких нет.

— Таким родился.

— Ууу, твой папа и мама, наверное, расстроились.

— Да, немного, — кто знает, что почувствовал Советник? Возможно, разочарование. Слабые дети для него сродни черной метке. В его вселенной нет им места. И последние события это подтверждают.

— Но они тебя все равно любят, правда?

— Возможно...

— Меня вот очень любят — девочка с удовольствием болтала, почувствовав себя в безопасности. Почему же Висметия считает её почти немой? Впрочем, дети умеют притворяться не хуже взрослых.

— Почему же ты не с ними? Не с папой? — этот вопрос мучил Ллойву со вчерашнего дня.

— Мне нельзя, — девочка вытерла нос рукавом. Подняла вверх три пальца — Вот столько зим еще нельзя.

— Почему? — Удивился Ллойву.

— Папа так сказал.

— Странный у тебя папа, — не один Советник может заслужить титул худшего в мире отца.

— Когда мы встречаемся, он меня обнимает вот так, — девочка обхватила себя руками и покачалась. — Тебя так обнимают?

— Нет, пожалуй, твой папа лучше моего, — рассмеялся Ллойву, сколько позволяла ему утихающая боль в груди. — Не припомню такого.

— Самый лучший, — кивнула девочка. Птица поскакала прямо поверх одеяла. Забавное дитя. Ллойву никогда не представлял себя в роли отца, даже не думал, что когда-либо у него могут быть дети. Кто из высокородных асатров согласится взять зятем больного калеку? Тиллу Гайо не в счет, отец наверняка посулил ему какие-то блага, а Альма Гайо ненавидела всем сердцем этот союз, что так и не состоялся.

— Тебя учат грамоте? — Неожиданно спросил Ллойву.

— Нет, — беспечно отозвалась девочка.

— А почему?

— Это дорого и не нужно. Так говорит тётя Висма.

Ллойву задумался. Неужели для этих людей обучение грамоте и новые знания столь обременительны? Воистину варвары. Но обучить девочку чтению будет не сложно. Дети более податливы перед новыми знаниями.

— А хочешь научиться?

— Зачем? — Марисса надула губы.

— Сможешь читать и писать.

— Что писать?

— Истории.

— Которые у меня в голове? — девочка склонила голову.

— Да, и эти тоже, — кивнул Ллойву, сколько мог. Занятное чтиво получится.

Девочка задумалась на время.

— Наверное... Хочешь, я обниму тебя? — Ллойву опешил. Касаться девчонки, да и кого бы то ни было, сейчас он не хотел. Слишком обострилось в нём чувство чужого присутствия, словно пали барьеры где-то внутри.

— Н-нет, не надо.

— Ты боишься моих историй? — Марисса взглянула на асатра широко открытыми

глазами. Как она живёт с ними? Дитя, вероятно, не понимает их значения.

— Да, они очень громкие, — Ллойву улыбнулся извиняясь.

— Я велю им сидеть тихо, — Марисса подползла поближе. — Когда меня обнимают, мне становится лучше. Тебе тоже станет. — И она распахнула руки для объятий.

— Не уверен, — Ллойву приподнялся в кровати в опасении, что придётся убеждать девочку не касаться его. Птица перескочила на складки возле хозяйки.

— Как хочешь, — Марисса отвлеклась и увлеченно заигралась. Ллойву снова сполз на подушку головой. Сегодня можно позволить себе остаться в постели. Он бы не простил себе, если бы Дженве увидел его таким. Еще ни разу Ллойву не чувствовал себя столь разбитым. Даже после удара в госпитале на Аст'Эллоте сил в теле было больше. Возможно, это заслуга доктора Валлара. Скорее всего это так. Он недооценивал упрямого доктора. Ллойву не хотелось думать, что состояние его неуклонно ухудшается. Марисса начала читать какую-то считалку. Ллойву едва разобрал слова, столь неразборчива была речь. Может, поэтому её считают немой?

Под монотонное бормотание девочки веки сомкнулись. Нельзя спать. Окто ждет его там, чтобы допить то, что осталось. Ллойву слышал сквозь полудрему голос девочки, но не понял ни одного слова. Ей ответил тихий мужской голос. Наверное, это Джев. Но он же уехал. Осознание, что в комнате находится кто-то еще, вернуло к реальности. Ллойву распахнул глаза, страхась увидеть чужого рядом. Но на кровати по-прежнему сидела девчонка, свесив одну ногу с края и болтая ею в воздухе, а комната была по-прежнему пуста.

— Ты можешь поспать, — заявила она. — Папа постережет тебя. Я попросила.

— Где? — Ллойву ничего не понимая, снова оглядел комнату. Никого. — Где он?

— Ты его не увидишь, — возразила девочка с довольством.

— Почему? Он что? Невидимый?

— Папа сказал, что ему придется пойти в страну снов, — втолковывала девочка. — Чтобы отогнать твое чудище. Он так сказал. Он сильный, он тебе поможет.

Ллойву улыбнулся, уронив тяжелую голову на подушку. Дитя. Она говорит доступным ей языком. Окто — чудище. Отцу бы понравилось. Что он говорил, когда Ллойву объяснял ему про тёмного Окто? Он сказал: «Не паясничай». Быть может, она придумала себе родителей. Ребенку трудно в мире взрослых, которым нет до неё дела и все заняты выживанием. Тем более, если ей трудно найти общий язык со сверстниками. Вот и сочинила себе защитников. Это же просто. И очевидно. Бедное дитя. Ллойву закрыл глаза. В груди отдавались легкой болью толчки сердца, проникая в левую руку тянущими жгутами до самой кисти. Нужно поспать... Быть может, после отдыха ему полегчает? Как же он устал... Но нельзя спать...

... В этот раз снилась каменная Птица. Она выросла в разы, почти в человеческий рост. Теперь можно было увидеть, насколько она несовершенна. У нее нет глаз, и недостаточно проработаны крылья. Птица стояла посреди двора полуразрушенной крепости, где еще недавно раскачивались повешенные. Ллойву огляделся. Никого в этот раз. Вороны тоже исчезли. Над головой желтоватое, выгоревшее небо. Но Окто не видно. Только Птица. Асатр подошел ближе. Это может быть ловушка. Легко коснулся каменной головы. Материал приятно охлаждал пальцы. Ллойву пошел вдоль фигуры, проводя пальцами по каменной спине. Нет. Это просто Птица. Единственный раз после возвращения на поверхность Окто не вошел в сон, оставив, наконец свою жертву в покое. Сам не зная, зачем, Ллойву оседлал Птицу. Каменная гостя с треском распахнула свои несовершенные крылья.

— Ты не можешь летать? — Ллойву погладил каменную шею, сам не зная зачем. Касаться её было приятно. — Потому что тебе нельзя. Твоя задача — охранять девочку, да?

Ллойву соскользнул с гладкой спины. Птица теперь, словно изваяние, стояла с раскрытыми крыльями. Ллойву обошел статую, взглянул на каменную голову. Неожиданно на голове птицы прорезались и распахнулись каменные веки, открывая взору две пары глаз. Пара глаз покрупнее — один огненный, словно адово пламя, а другой цвета мутного неба. А другая — поменьше черные антрацитовые, располагались чуть дальше. Веки птицы дрогнули, опустились и поднялись снова. Казалось, она смотрела в глубину души, просвечивая все тайные страхи и желания. Ллойву отшатнулся в ужасе, почувствовав вдруг, что перед ним чудовище пострашнее Окто, споткнулся, упал на спину и... проснулся...

Узкое оконце пропускало яркий солнечный свет. Уже далеко за полдень. Марисса ушла. Но Ллойву почувствовал что отдохнул. Ватность в теле сменилась бодростью. Боль в груди отступила, и казалось, что жизнь начала налаживаться. Надо поблагодарить невидимого защитника, что отогнал Окто, выматывающего асатра кошмарами. Выходит, девочка ничего не придумала. Это взрослые не хотят ее услышать. Надо поговорить с ней. Ллойву приподнялся в постели. Всё получится.

Глава 10 где Ллойву спешит на встречу

Мели затаились в предчувствии страшного. Каждый понимал, что что-то должно произойти, но не осознавал, что, и как это отразится на жизни каждого. Даже неугомонные дети, и те притихли. Ллойву прошел по затаившемуся замку, не встретив ни одной живой души. Только во дворе началось неизменное движение, ибо глупая скотина не желала входить в положение и требовала к себе внимания. Висметия и ее дочь а также еще несколько женщин, имен которых Ллойву не знал, занимались в скотных загонах животными.

Хозяйка, завидев его, тотчас подошла.

— Господин Лир, Марисса сказала, что вы еще отдыхаете...

— Да, я проспал сегодня. — Улыбнулся Ллойву, скрывая неловкость. — А где Марисса? Я бы хотел с ней переговорить.

— Где-то здесь, — Висметия растерянно оглянулась. Определенно, она не рассчитывала заниматься поисками дитя.

— Я сам поищу ее. Не знаете, госпожа, где мне поискать нашего проводника.

— Кого? — Не поняла женщина.

— Людя, который шел с нами сюда. Он сильно космат и весьма дурно пахнет.

— А, этот, — Висметия рассмеялась с облегчением. — Наверное, в Мелях. Пьет безотдыха... Ох и проводника вы себе выбрали, господин Лир. Пропойца и трус.

— Хм... — Ллойву задумался, видимо, этот люд уже заработал себе репутацию и здесь, но просить кого-то ещё он не решился. — Не соберете ли вы мне провизии в дорогу?

— Вы уезжаете? — С тревогой спросила Висметия. — Ваш брат очень просил его дожидаться и присмотреть за вами.

Ллойву снова огляделся, надеясь увидеть девочку.

— Мне надо совершить одно путешествие. Дженве знает о нем, я думаю, он не станет возражать.

— Куда же?

— На Пик Дьявола, — сказав это в сотый раз Ллойву поймал себя на мысли, что уже и сам опасается своего путешествия.

Висметия удивилась, но быстро совладала с собой.

— Не надо вам туда, господин Ллойву. — С уверенностью сказала женщина.

— Отчего?

— Вы не подниметесь. Никто не может. Погода не дает, — тихо и доверительно сказала Висметия. — А кто все равно идет, те не возвращаются.

— Я не суеверен, госпожа. — Улыбнулся Ллойву. — Всему есть объяснение.

— Господин Дженве рассердится, что вы пойдете без него. Он очень, очень просил не отпускать вас никуда, — покачала головой хозяйка. — Я слышала, вы хотели совершить путешествие вместе.

— Обстоятельства изменились. Дженве выбрал свою дорогу. Я хочу продолжить свою, — терпеливо сказал Ллойву.

— Трудное это путешествие, — Висметия снова покачала головой. — Я велю собрать провизию но... Возьмите себе другого проводника. Обязательно!

— Благодарю. — Ллойву чуть поклонился и огляделся. Где же девочка? — А где мне

поискать Мариссу?

— Я не знаю, — хозяйка пожалала плечами. — Она то пропадает, то снова появляется.

— Как она оказалась у вас? Откуда вы знаете, что она сирота?

— Она появилась тут пару лет назад. Совсем крошка, — Висметия покачала головой. — Кто отпустил ее одну? Думаю, она пришла из Мелей, только заплутала и сначала поднялась на склон, а потом спустилась к нам. Джарий нашел ее на дороге. Крошка почти совсем не говорит. Мы искали ее родителей, но никто в Мелях и слышать про нее не слышал. — Женщина пожалала плечами, выражая свое отношение к людям, что оставили дитя на дороге. — Быть может, она отстала от какого-то каравана. Мы ждали, что за ней придут, но нет. Словно из ниоткуда взялась. Но девочка добрая, помогает, когда прошу. Наши дети с ней подружились. Пусть живет, мне не жаль.

— Я понял, — Ллойву, завидев стайку ребятишек, поспешил попрощаться. — Приготовьте мне провиант в дорогу, пожалуйста. Не очень много, не думаю, что путешествие затянется.

— Хорошо. Сейчас скажу Вим...

Асатр подошёл к стене, где ребятня затеяла какую-то возню.

— Милейшие... — Дети сразу повернули к нему чумазые лица. — Марисса. Где она?

— Там, — какой-то мальчик с сильно оттопыренными ушами махнул рукой в сторону океана.

Ллойву улыбнулся детям, сразу потерявшим к нему интерес и направился к величественным волнорезам. Девочку он нашел на стене, бесстрашно стоящей на самом краю пропасти.

— Марисса? — Ллойву подошел ближе к ребенку. Девочка обернулась. — Что ты делаешь? Не боишься упасть? — Девочка отступила от края.

— Ты отдохнул? — Спросила она, клоня голову на бок.

— Да, благодарю. Давно так не отдыхал, — улыбнулся Ллойву.

— Вот видишь, — назидательно проговорила девчонка и даже подняла палец. — Ты не верил мне.

— Теперь верю, — кивнул Ллойву. — Я собираюсь идти на Пик Дьявола. Там живет твой папа? — Девочка кивнула. — Хочешь пойти со мной?

— Нельзя, — вздохнула Марисса.

— Почему?

— Папа запретил.

— Он защищает тебя? — Девочка кивнула. Ллойву хотел спросить про Птицу. Но что-то сдержало уже готовый сорваться вопрос. — А мне можно? Подняться? — И Марисса снова кивнула.

— Он ждет.

— Меня? — И снова утвердительный ответ. Что ж, дальнейший план ясен. Надо идти на гору, как планировалось изначально. Только нужен тот, кто проведет его, самому можно и заплутать. Пивень. Хоть он и говорил, что гора звать не может, по-видимому, ошибся.

— Ты пойдешь? — Марисса с надеждой посмотрела на асатра.

— Да. Пойду, придётся.

Девочка порывисто приблизилась и обняла Ллойву за талию. Тот опешил, переживая объятия, приподняв руки, чтобы случайно не коснуться девчонки. Он не представлял, что делать. Искренние объятия для него были сродни диковине, и как поступить, чтобы не

обидеть дитя, он не знал. Марисса прижалась, крепко обхватив его в талии.

— Отпусти, дитя, — попросил он. Девчонка так же порывисто разжала руки и убежала в сторону крепости, оставив Ллойву одного.

Но отправиться пришлось только лишь на следующее утро. Пивня Ллойву нашел в тот же день, в который решил предпринять рискованное путешествие. Заглотив свое брезгливое отношение к люди, задвинув его подальше, он спустился в Мели, рыбацкий поселок, насквозь пропахший рыбой и тиной. Проводник пил с местными рыбаками, и судя по его отёкшему виду, успел прокутить все, что заработал.

Ллойву Пивень не признал с первого раза, ожидая увидеть Дженве в первую очередь. Но после небольшой встряски, когда наемника подняли за ворот и поставили на ноги, Пивень, присмотревшись и сфокусировав взгляд, узнал неприятного господина.

— Л'ву, — икнул Пивень перегаром в манерное лицо. Ллойву скривился, но ворота не выпустил.

— Очнитесь, господин Пивень, ваша работа еще не закончена, — услышал наемник.

— З'плачено.

— Думаю, ваши средства быстро иссякли, — Ллойву оттащил увальня в сторону от подвыпившей компании под стену рыбацкой лачуги.

— Эгей, брат! — поднялся один из рыбаков. — Неприлично нарушать беседу...

— Не, не, не! — Предостерег Пивень своего нового товарища, — Этого господина не трожь... Коли руки-ноги дороги. Я р'зберусь. — Пивень нетвердо встал на ноги, придерживаясь за стену, а рыбак вернулся к своим. Проводник сфокусировал взгляд на холодных бесцветных глазах, и ощутил холодок, пробежавший по спине. — Я с вами з'кончил...

— Неужели ты не хочешь заработать еще? — Надменно удивился Ллойву. — Золото не изменит твоего мнения?

Пивень вздохнул и оглянулся на компанию, где кружка снова пошла по кругу. По правде сказать, все заработанное он уже прокутил, и снова был на мели. Заработок манил возможностью продолжить веселье, а пиво ароматом. Но пиво не нальют без монет. Пивень снова вздохнул обреченно.

— Хочу, — покорно согласился он.

— Тогда приведи себя в порядок, господин Пивень, — Ллойву холодно улыбнулся. — Завтра на рассвете мы отправляемся на гору. Позаботься о провианте для себя.

Пивень кивнул.

— Дженве пойдет? — С надеждой спросил Пивень. Хоть компания будет поприятней.

— Нет, он занят другими делами, — последовал ответ. И Пивень приуныл. Из двух братьев этот был неприятен сильнее.

— Когда? — Тускло выдохнул Пивень.

— Завтра. На рассвете. У ворот Мельина, — четко выговорил Ллойву, всем видом отвергая всякий отказ или непонимание.

— Понял, — наемник оглянулся на хмельную компанию, но Ллойву жестко встряхнул его за ворот, заставляя снова смотреть на себя.

— Вам надлежит выспаться, если вы хотите идти завтра со мной.

«Не хочу!»- хотелось крикнуть проводнику, но в ушах всё ещё стоял звук ломающихся костей, а перед глазами маленькие желтенькие монетки. Золото...

— Ухожу, — кивнул Пивень. И он поплелся в рыбацкий сарай, где нашел себе ночлег.

Ллойву же с досадой отправился в замок. Он надеялся выйти тотчас, но проводник подвел его. Если бы в нем было столько жизнелюбия и радушия, сколько в брате, наверняка бы он нашел себе другого. Но что-то мешало ему разговаривать с людьми, быть с ними любезным или хотя бы приветливым.

Следующим утром на рассвете Ллойву дождался-таки своего проводника. Пивень приплелся к условленному месту встречи с навьюченной кобылой в поводу.

— Как мы попадем на Пик? — без предисловий спросил Ллойву. Пивень прикинул в уме, где бы оставить этого господина, да так, чтобы потом с ним не встретиться. Тот, второй брат наверняка потом разыщет Пивня, если с этим что-то случится. Угораздило же с ними встретиться! Эх, тяга к достатку сгубила его, ох, сгубила...

— Мы пройдем по дороге. Она идёт серпантинном наверх, а потом свернем на тропу, — Пивень махнул рукой в нужном направлении. — Там будет трудновато идти. Не для неженков...

— Ничего, — Ллойву кивнул, проигнорировав намёк, и дал команду Ластве трогаться. Пивень сел верхом на свою кобылу и, сверля мрачным взглядом спину нанимателю, отправился следом.

Первую часть пути они преодолели довольно быстро, кобыла бодро трусила по утоптанной, отмёрзшей земле и уже к обеду они свернули с дороги на едва заметную среди наносов камней и заросшего склона тропу, уводящую вверх. Пивень желал подкрепиться и отдохнуть, но Ллойву даже не заикнулся о привале. Пивень крепился еще какое то время, но потом не выдержал.

— Эй, господин Ллойву, нам бы отдохнуть.

— Я не устал, — последовал ответ.

— Я устал, — возразил Пивень. Голова, тяжелая после нескольких дней возлияния, не желала думать, и ещё менее, трястись на уставшей шее, в кою от седла по спине постоянно било частыми ударами. Дрянъ — дорога. Погода начала портиться. Если склон внизу был освещен солнцем и птицы вовсю трубили о наступлении весны, то здесь, высоко над морем облака закрыли полнеба и вокруг начал летать мелкий неприятный снег.

— Мы отдохнем на вершине... — не оборачиваясь крикнул Ллойву.

— Мы не доберемся до нее! — Вот чудак — человек! Сказано же, никто не может туда попасть. Пивень упрямо спешил. — Нам не добраться за день!

Но ответом ему было молчание и удалявшаяся в начинающемся буране спина.

— Я не стану убивать себя ради тебя! — Крикнул он вслед удаляющемуся силуэту. Ллойву как-будто не услышал. Ластва даже не сбавила хода. Пивень постоял немного, размышляя, как поступить. Если он сейчас вернется в Мели, то лучше сразу бежать прочь. Не этот господин, то Дженве его прибьет, если с Ллойву что-то случится. Если же идти следом, то это грозило смертью от голода, холода и черт знает чего еще! Потому что этот господин обезумел. Гора свела его с ума. Пивень снова взглянул туда, где скрылся наниматель. Снег усилился, и теперь видимость сократилась до пары метров вперед. Легко заблудиться и сгинуть почём зря.

— Чёрт! — Пивень оглянулся назад. И там ничего не видать из-за поднявшейся пурги. Чертов иллий! — Дьявол! — Проводник снова взобрался на лошадь и тронулся следом за Ллойву. В усиливающейся пурге было видно все меньше. Вот уже и перед кобылой наемник

едва различал дорогу. Где же этот чертов Ллойву, будь он не ладен!

Ллойву ехал вперед, словно кто-то вёл его за собой. Теперь ему казалось дурной затеей брать с собой проводника. Лишняя ответственность. Началась и постепенно усилилась пурга. Вскорости дорога впереди стала трудноразличимой. В вое ветра, что рвал с тела теплый плащ, явственно слышался вой волков и ещё чей-то, страшный, протяжный и точно нечеловеческий. Ластва повела головой. Ей не нравилась происходящее, как и седоку, но Ллойву казалось, что останавливаться нельзя, и остановка усугубит и без того скверное их положение. Вскоре Ластва встала, как вкопанная, вскидывая плоскую голову. Перед ней разверзлась пропасть и она давала знать седоку, что дальше дороги нет. Провал в скале едва не стал последним их приютом. Ллойву потянул поводья, уводя крода в сторону. Вверх. Надо вверх. Кажется, они сбились с тропы. Ллойву повернулся назад, чтобы спросить дорогу, но проводник исчез. Возможно, отстал. Пурга разъярилась все больше. Ветер выл, словно тысяча голодных волков, и норовил выбить из седла.

В голосе бури асатру почудился зов. Проводник. Он зовет на помощь. И Ллойву двинулся на голос. Ластва дернулась в сторону. Еще провал. Лапы крода соскальзывали в наметаемых сугробах. Ллойву погладил ее по шее, надеясь успокоить. Ластва заревела, но голос ее затерялся в вое ветра. Шаг за шагом крод поднимался к вершине по крутому склону. Сколько мог, Ллойву оглядывал окрестности в поисках укрытия. Снова расщелина разверзлась перед ними и снова пришлось свернуть в сторону. Склон стал слишком крутым даже для цепких лап крода, и Ластва с ревом начала сползать назад.

— Ничего. Есть выход, — прошептал Ллойву, зная, что не будет услышан. Он соскользнул с седла. Ластва жалобно склонила голову к хозяину и грузно привалилась всем телом к боку. Снег и ветер быстро заметали следы. Ллойву снял перчатки и приложил озябшие руки к торчащему из-под снега камню, чтобы услышать гору. Есть выход. Выше есть пещера, где можно укрыться. Ллойву сжал поводья в кулак и двинулся вперед, преодолевая гигантские каменные ступени. Без седока крод почувствовал себя увереннее, и они вдвоем забрались на уступ перед искомой пещерой. С облегчением Ллойву вошел под прикрытие камня. В расщелину проникал едва различимый в непогоде свет.

— Действительно пик Дьявола, ему не зря дали это название, да? — усмехнулся Ллойву, поглаживая чужую шею животного. Ластва жалобно застрекотала. Асатр погладил её по голове в темноте. — Всё закончилось, здесь переждем.

— Это вряд ли, — раздался негромкий мужской голос рядом. — Буря здесь никогда не стихает.

Кимейры тотчас оказались в руках. Ллойву отреагировал быстро, но недостаточно. Неясная тень в глубине пещеры двинулась вперед, и перед лицом замерцал рунами чужой клинок.

— Что теперь будешь делать, благородный асатр дома Лир? — Насмешливо спросил незнакомец. Ллойву поступил так, как поступил бы в любой схватке, ушел в «слепую зону», но незнакомец был готов к такому повороту, и после легкого замешательства клинки мерцающие рунами снова смотрели в лицо асатру.

— Кто ты? — Не придумав ничего лучше, Ллойву опустил оружие.

— Мое имя тебе не скажет ничего, — незнакомец так же опустил клинки.

— Но мое имя ты знаешь, — возразил Ллойву.

— Знаю, — согласился незнакомец во мраке. — Потому что я ждал тебя.

— Ты... — Ллойву смешался. — Марисса твоя дочь?

— Мышка? — В голосе послышались теплые нотки. — Да.

Окончательно потеряв смысл происходящего, Ллойву убрал клинки в ножны. Что здесь, в этом снежном аду делать человеку? Людю? Быть может, он не человек? Тогда кто же он?

Ллойву вдруг вздрогнул от грохота снаружи. Вспомнил про Пивня.

— Там остался мой проводник. Я должен найти его.

— В такую бурю ты его не найдешь, — незнакомец прошел мимо, что Ллойву скорее ощутил, чем увидел. — Устраивайся, Ллойву Изольтар Найова Лир. Я найду твоего проводника. — В щели, что служила входом, на миг мелькнул силуэт мужчины и пропал в разыгравшейся буре.

Ллойву растерянно огляделся. Темнота, хоть глаз выколи, только Ластва жмётся по левую руку, согревая своим теплом. Где-то капала вода. Справа тянуло могильным холодом, но в тусклом свете остатков дня возле стены Ллойву разглядел внушительную охапку дров. Это значит, будет костер, тепло и пища.

Спустя время огонь осветил пещеру. Она оказалась достаточно высокой и уходила куда-то внутрь горы слоистыми сводами. Справа виделся еще один проход, черный, словно уголь и столь же холодный, как погода снаружи. Вокруг валялось множество оставленных вещей, забытых или брошенных незадачливыми путешественниками, а недалеко лежали еще и чьи-то останки. Несколько человек. Ллойву не стал их разглядывать, стараясь согреть руки. Не остаться бы здесь самому. Вскоре пришел и незнакомец, таща свернувшегося клубком Пивня за ворот стёганного акетона.

— Он замерз. Но жив, — констатировал незнакомец. Ллойву, пытаясь согреться, помог положить проводника у костра в свой спальный мешок. Кобыла, по всему, сгинула в буряне. Жаль. После того, как Пивень был укутан в теплое, Ллойву взглянул при свете костра на своего спасителя. Ростом человек был невысок. Одет в легкую куртку и штаны, охотничьи сапоги, перетянутые ремешками в голени, что для местной погоды более чем странно. За спиной торчали рукояти коротких мечей. На лицо был похож на местного уроженца, но волос имел черный, точно вороново крыло. Глаза странные: один, серый, а второй, словно закрытый бельмом. Вспомнилась Птица из сна, у неё точно так же один глаз был закрыт мутной пеленой. Только у нее было четыре ока. Незнакомец присел к костру и повернул к асатру голову. На висках его явственно увиделось движение, словно еще пара глаз моргнула где-то под кожей. Ллойву невольно дернулся прочь.

— Кто ты? — в голове всё смешалось. Никогда не считавший себя суеверным, Ллойву вдруг подумал про странные совпадения, и в его картину мира они не укладывались никак. Земля людей ставила перед ним неразрешимые вопросы.

Незнакомца рассмешила реакция асатра.

— Зови меня Бесом.

— Это имя?

— Для тебя, да.

Ллойву повел плечами. Но вступать в спор не стоило. Снаружи по-прежнему играла буря. Отправляться в путь при такой погоде — равно самоубийству.

— Марисса сказала, ты хотел меня видеть, — отстраненно проговорил Ллойву, покорно приняв данность и кутаясь в плащ.

— Да, — Бес задумчиво посмотрел на огонь. — Она передала мое послание?

— Ты о видениях?

— Если угодно, — Бес запустил пальцы в волосы, такой человеческий жест. Он всё-таки человек? — Это то, что грядет.

— Дженве говорит, что будущее это то, чего нет, — усмехнулся Ллойву. — И мы творим будущее сами...

— Дженве, это твой брат?

Ллойву кивнул.

— Однако он отправился в Дол, чтобы приблизить его, — возразил Бес. — Дела смертных мне не интересны. Но там, внизу, живет наша дочь.

— Ваша?

— Наша, — кивнул Бес. — Неужели ты поверил, что она сирота?

— Висметия так думает, — возразил Ллойву, — и я её понимаю. Жестоко оставлять дитя на попечение чужим людям.

— Калевала — достойные люди. Было время, я был знаком с ними. Одним из них, — Бес обратил взгляд к высокому своду, — из всех людей, кто мог бы ее воспитать, более всего я доверяю им.

— Но почему...

— Ты хочешь знать, почему мы не можем воспитать ее сами? — Бес скользнул похолодевшим взглядом по лицу асатра. — Таков договор. Ты знаешь лучше всех, что некоторые договоры нарушать не следует.

Ллойву помолчал, переваривая сказанное. Этот люд или кто он там, знает больше, чем следует.

— Ты об Окто?

— Твой Окто — незначительная помеха на моем пути, — отмахнулся Бес. — Маленький пакостник. Зараженная гнилью зараза. Твоя жизнь была обещана ему дважды. Оба раза он не смог ее получить.

— Дважды? — Ллойву застыл. Он, кажется, бредит.

— Ты не знал? — Бес хитро сощурился. — В первый раз твою жизнь выкупили за другую. Во второй ее вырвали из его рук. Твой брат это сделал.

— Что? — Ллойву вдруг понял, о чем речь. Сердце заколотилось в груди, снова отдавая в плечо.

— Не вини себя, она сама сделала выбор.

Ллойву поднялся, не в силах оставаться на месте.

— Сядь, — приказал Бес. Была в его голосе такая сила, что не позволила не подчиниться. Ллойву опустился на своё место. Руки вцепились в плащ на груди. Снова не хватало воздуха. Бес с холодным интересом смотрел, как Ллойву восстанавливает дыхание.

— Твой папаша имеет большой зуб на тебя, — наконец сказал он. — С самого твоего рождения ему была неприятна мысль, что ты...

— Хватит, — Ллойву вытер холодный пот со лба. — Ты ничего не знаешь!

— Я знаю все! — Голос Беса окреп и стал сильнее бури. Так, что проводник завозился в спальнике.

— Ну, слава богам, живой, — добавил Бес обычным голосом, глядя на шевелящийся комок. Ллойву с болью опустил голову. Зачем он пришел сюда? Чего хотел достичь? Он устал, чувствовал себя больным, а этот незнакомец вгонял кол самобичевания еще глубже.

— Зачем ты позвал меня? — Глухо спросил Ллойву.

Бес помолчал, разглядывая языки пламени.

— Грядет война, — наконец сказал Бес. — Она затронет каждого. И Мариссу тоже.

Ллойву слушал, теряя нить разговора. Мысли соскальзывали на последние слова. «Она сама сделала выбор»

— Ты слушаешь меня? — Бес недовольно повернулся к асатру.

— Да.

— Тебя беспокоит прошедшее. Надо думать о будущем.

— Я не могу изменить будущего, — Ллойву подкинул дров в костер.

— Ты не представляешь, насколько не прав, — усмехнулся Бес.

— Я здесь — чужак. Больной и уставший к тому же, — Ллойву завернулся в плащ, окончательно поверив в свои слова. Холодно. Окто рано или поздно добьется своего.

— Ты — Ллойву Изольтар Найова Лир. Иллий, чье имя войдет в историю обоих миров, — жарко зашептал Бес. — Иллий, изменивший ход этой истории.

— Это не обо мне, — вяло отозвался Ллойву. — Тебя обманули...

— Ты ошибаешься, — голос Беса снова набрал силу. — В твоих силах предотвратить многие вещи.

Ллойву взглянул в лицо своего собеседника. Кто это такой? Почему он здесь? Чего добивается? Зачем он, Ллойву, отправился в этот поход без Дженве? Чего хотел достичь? Вспомнились слова отца «всего лишь слабый, никчемный Жертвенный, желающий достичь величия», и Дойванора «сломанный калека». Они оба правы.

— Я устал, — признался он. — Ты знаешь, быть может, тебе нужен Дженве? Не я.

Бес помолчал, внимательно вглядываясь в лицо асатра.

— В тебе говорит твоя слабость. Но ты не спрячешься за ней от своего предназначения.

Ллойву не ответил. Хотелось сейчас услышать рядом голос Дженве. Не этот.

— Предназначения? — Ллойву улыбнулся после паузы. Опять эти людские суеверия. — Я не верю в это.

— И тем не менее, — Бес вдохнул полной грудью холодный воздух. — Ты отыграешь свою роль.

— Скажи, — Ллойву повернулся к собеседнику. — Ты человек? Людь?

— Я был им когда-то, — кивнул Бес.

— Кто же ты теперь?

— Я? — Бес рассмеялся. — Ты не веришь в людские суеверия, как мне объяснить тебе?

— Попробуй. Я пойму.

— Возможно, тебе еще рано знать об этом. Сначала я хотел спросить, понял ли ты, чего я хочу от тебя?

Ллойву надменно повел плечом.

— Твои сказки о предназначении меня не трогают. Война внизу — дело люди. Мы не должны вмешиваться. Я сказал это и Дженве.

— Но он считает иначе...

— Он судит со стороны своего характера. Ему трудно наблюдать несправедливость.

— А тебе?

— Сила асатров велика в сравнении с человеком, — Ллойву потер гудящий висок. — Я считаю, мы должны стоять в стороне.

— Но другие асатры уже вступили в войну, — возразил Бес. Ллойву застыл. Худшие предположения нашли подтверждение. Дело принимало скверный оборот. Но так ли это?

— Это точно?

— Точнее не бывает. Отсюда мне многое открыто.

Ллойву застыл. Значит все-таки отец.

— Вон там, — Бес указал в сторону пальцем. — Выросла крепость из черного камня. Люди не могли возвести ее за столь короткий срок, значит дело в вас...

Ллойву не ответил, переваривая сказанное.

— Я позвал тебя, потому что одному тебе не справиться, — продолжил Бес. — Ты неизбежно гибнешь при любом раскладе.

— Вот как... Тебе разве не безразлично?

— Нет, — Бес вздохнул. — Я помогу тебе. Не ради тебя, ради Мышки.

— Мариссы? — Ллойву улыбнулся. — Ты заботливый отец, хоть и оставил ее...

— Ей лучше жить среди людей, — холодно оборвал Ллойву Бес. — Решение далось нам не просто. Но она вернется к нам. Через три года.

— Что случится через три года?

— Все закончится, — Уклончиво ответил Бес. — Я хотел бы помочь тебе, но я должен находиться здесь.

— Что тебя держит? — Вяло спросил Ллойву. Усталость одолевала его все больше. Клонило ко сну.

— Я не могу допустить, чтобы люди пришли сюда. В наш дом, к нашему очагу, — Бес кивнул на провал справа. — Никто не должен попасть туда.

— Поэтому ты отгоняешь отсюда людей? — Догадался Ллойву. Бес кивнул.

— Это поправимо, — Ллойву поднялся. — Я могу закрыть вход. Навсегда.

— Навсегда не надо, — возразил Бес. — Мышка не сможет вернуться, когда придет время...

— Когда придет время, я открою проход. Если не я, то Дженве сможет это сделать. Но ты будешь свободным.

Бес подумал.

— Хорошо.

Ллойву подошел ко входу в тоннель. Прижался всем телом к холодному камню. Искра подсказала ему структуру породы. Немного усилий. На глазах Беса проход зарос сталактитами и сталагмитами на всю свою длину. Ллойву, покачиваясь от усилий, отошел к костру и сел на свое место. Помолчали.

— Благодарю, — Бес взглянул на посеревшее лицо Ллойву. — Ты можешь отдохнуть. Твой демоненок не подойдет к тебе, пока я здесь.

Ллойву поднял на Беса глаза цвета темного моря.

— Кто же ты?

— Теперь я твое крыло за плечами...

Усталость сморила Ллойву совершенно. Он лег у костра, завернувшись в плащ. Сморгнул муть на глазах. Показалось, или и вправду, за спиной Беса выросли два огромных черных крыла? Наверное, он бредит от усталости. И Ллойву провалился в черную бездну сна без сновидений.

Глава 11 где кажется, что обстоятельства складываются скверно

Пивень проснулся от назойливо пробиравшегося к телу холода. Даже во сне он замерзал на склоне, не в силах двинуться с места. Проклятый иллий. Пивень открыл глаза. Над головой — серый камень в мерцающих в свете костра прожилках уходил куполом куда-то вверх. Во мраке очертания купола размывались. Где-то капала вода. От расщелины входа тянуло холодным воздухом. Пивень приподнялся, скидывая с себя меховое одеяло. Однако, он жив и даже цел. Последнее, что он помнил, это буран, сбивающий с ног и глубокий сугроб, куда Пивень провалился. Кобыла вырвала поводья и исчезла в снежном буране. Проводник взглянул на дрожащую фигуру и костра по левую руку. Вот так номер. Неприятный господин вытащил его из бурана? Принес сюда и отдал свой спальный мешок, чтобы он, Пивень, смог согреться. Звучит неправдоподобно. Что ж, может, этот господин не так уж плох.

Костерок мирно потрескивал сырыми ветками. Кто-то поддерживал огонь все это время. Но кто? Пивень огляделся еще раз. Чудной зверь прижался боком к своему хозяину и, положив голову на гибкой шее на спину, спал. Мешки с вещами свалены тут же. Пивень потянулся к пожиткам. Есть хотелось так, что, казалось, живот прирос к спине. Распахнув лямки, Пивень выкопал себе мясо и хлеб. Повертел в руках попавшуюся в руки книжицу в черном переплете. Оглянулся на иллия. Вот чудак. Пишет и пишет. А чего писать то? Кто прочтет? Никто! Кинул книжицу обратно. Мелькнула мысль, что где-то здесь должен лежать и кошель. Но разум подсказывал, что кошель на поясе. Они тут вдвоем. Без свидетелей. У господинчика есть золото наверняка. Взять, да и тикать отсюда. Тем более, что в проем пещеры было видно звездную ночь. Буря стихла. Можно и уйти с награбленным. Никто его искать не станет. Уж точно не этот манерный фарфоровый господин. Пивень оглянулся. После. А пока поживиться с мертвых.

Наемник подошел к останкам, лежащим у стены пещеры. Провал вел дальше, сквозь горную гряду к побережью. Сколько людей здесь сгнуло, не счесть. Быть может, они и первые, кто добрался до сюда живыми. Пивень обшарил высохшие останки. Нашел несколько медных монет и овальный гордарский гелд. Выломал палец с золотым кольцом. Всю добычу тщательно спрятал в пояс. Теперь обшарить нанимателя да и идти.

Пивень повернулся с твердым намерением залезть к поясу нанимателя и обомлел. Нос к носу с ним стоял человек. Как подкрался? Без шума, без движения. Поклясться можно, что шагов не было слышно. Пивень вздрогнул от неожиданности. А человек, в свете костра выглядевший темным силуэтом, размял плечи.

— Ты кто? — Хрипло спросил проводник, выкапывая остатки мужества.

Человек не ответил. Только медленно улыбнулся, Пивень с ужасом смотрел, как рот растягивается много больше людских возможностей. До самых ушей, обнажая острые, как бритвы зубы и клыки. Оборотень, если не сам дьявол. Пивень закричал не своим голосом и, не разбирая дороги, ринулся в спасительную темноту перехода. Человек неспешно пошел следом. У костра завожился от крика Ллойву, но не смог вырваться из оков сна. Крод только поднял голову и жалобно застрекотал.

Дженве вернулся в Мели спустя несколько дней после отъезда. Заговорщики встретили

их в дороге. Все дела были обговорены на заброшенном хуторе. Говорили много, каждый горячо, жарко, но о своем. Один тан, имени которого Дженве не знал был особо красноречив. Горячие речи последнего мало вдохновили собравшихся заговорщиков, а кое — кто даже смотрел с изрядной долей скепсиса. Безымянный тан предлагал объединить усилия, собрать армию и дать отпор кьёрмам, а ними и тьярду. Дженве молчал и запоминал, чтобы потом все передать брату. Слушал и ужасался. Разрозненные тьёрды готовились к войне всех против всех. Даже союзы заключались скорее для вида. Каждый норовил продавить своё мнение, как единственно верное. Но главное, каждый ждал, что первый шаг сделает кто-то другой. И снова Ллойву прав. Нельзя им влезать в эти дразги. Людье решит все сама.

С этим убеждением и вернулся Дженве в Мели. Но по приезде его ждали удручающие новости. Ллойву отправился в путешествие без него и пропал. Хозяйка, Висметия, долго сокрушалась, что не смогла отговорить Ллойву от путешествия на пик Дьявола. Она сокрушалась и о проводнике, что Ллойву выбрал себе. Один из местных пропоиц. Дженве не винил ее. Если что-то воткнулось брату в голову, значит, отговаривать бесполезно. Поэтому он просто собрался снова в дорогу. Джария вызвался стать для него попутчиком, по всему желая обсудить события последних дней.

Дженве мог сколь угодно сетовать брату на необдуманый поступок, но изменить существующего положения дел переменить не мог. На Ллойву не похоже совсем. Быть может, его разум помутился? Или это какой-то план? Так или иначе, брата следовало отыскать. Дженве все слабее слышал его Искру, а это значило, что Ллойву в беде.

Погода благоволила путешествию. Первую половину пути они преодолели довольно быстро. За остатки дня. На второй день Джарий свернул на тропку, уводящую к вершине, указывая дорогу. Все склоны замело снегом, но по пути, Дженве мог поклясться, они увидели труп кобылы, наполовину занесенный. Ллойву с проводником были здесь и Пивень потерял тут свою лошадь, если не больше.

— Дурной знак, — покачал головой Джарий. Дженве не ответил. Нельзя думать о дурном. Ллойву не глупец, он не станет подставлять свою шею просто так. До самого заката они поднимались в гору сквозь огромные наносы. Преодолевали расщелины и забирались на уступы. Пару раз едва не провалились в рыхлом снегу. К утру третьего дня Джарий разглядел отблески костра вверху.

— Это он! — Дженве двинулся вперед, не разбирая дороги.

— Погоди! — Джарий поспешил его догнать. Дженве тянул свой малый отряд вперед, надеясь, что придет не слишком поздно. Выбившись из сил они, забрались на площадку перед перевалом. В узком зеве пещеры, и верно, виделись теплые отсветы от огня. Ллойву сидел у костра, опершись спиной о мощное тело Ластвы, и что-то чиркал в своей книжице. У Дженве отлегло от сердца, когда он увидел брата живым и невредимым.

— Ловкач! — Дженве вступил под своды пещеры. Ллойву поднял голову и с видимой радостью поднялся навстречу. Окуляры блеснули в отблесках костра. Джарий осторожно прошел следом за Дженве, словно опасаясь за свою жизнь.

— Джев! — Ллойву поднялся, но больше не сделал ни шага. Дженве, по-хозяйски оглядев расщелину, остановил взгляд на закрытом сталактитами проходе, но затем снова взглянул на брата.

— Что ты тут делаешь? — Удивился он. — Тебя не было несколько дней. Даже я успел вернуться.

— Я... — Ллойву взглянул на Джария. Костерок с весёлым треском рисовал темные тени на его лице. — Я жду. Господин Пивень куда-то пропал... Он, вероятно, скоро вернется...

— Он не вернется, — сказал Дженве уверенно. — Мы видели его кобылу по пути...

— Да? — Ллойву растерянно оглянулся, словно что-то потерял. Рассеянные движения его и путаная речь говорили сами за себя. Дженве заподозрил неладное и подошел совсем близко. — Я хотел спуститься сам... но заплутал. Представляешь, Джев? Я не смог найти дорогу... это такая глупость...

— Как это? — Усмехнулся Дженве, а Джарий осенил себя божьим знаком.

— Эта гора... Словно не отпускает, — Ллойву потер висок. Дженве крепко взял брата за плечи и заглянул в лицо.

— Посмотри на меня, — попросил он, и Ллойву взглянул на брата темными, почти черными, глазами. Дженве встряхнул беглеца. — О чем ты думаешь?

— Я искал ответы, Джев.

— Ты их нашел?

— Да... — Ллойву попытался вывернуться из рук брата, но не смог. — Только уйти не могу...

Дженве стиснул пальцы еще сильнее. Бросил взгляд на Ластву, что прижалась теперь к Чернышу.

— Вы оба голодны? — Осенила его догадка.

— Нет, Ластву я покормил...

— Ллойву! — Дженве положил ладонь на затылок брата, снова разворачивая его лицо к себе. — Как давно ты ел?

— К чему эти вопросы? — Отмахнулся Ллойву. — Лучше взгляни... — Он поднял книжицу на уровень глаз. — Ты видел? Башню? — Он распахнул свой томик на развороте, и Дженве увидел на обоих листах нарисованную углем башню.

— Это рисунок, — вежливо сказал он, чувствуя, как под пальцами проступает жар от кожи брата. — Ты горишь...

— Возможно, — Ллойву ткнул пальцем в угольные каракули. — Отец возвел себе крепость... В долине! Думаю, он собирается установить здесь свою власть...

— Откуда ты знаешь?

— Мне подсказали... А днем ее почти видно, — Ллойву вдруг покачнулся, и, если бы не крепко державшие его руки брата, упал бы. Дженве прижал беглеца к себе, и голова Ллойву упала ему на плечо.

— Голова кружится... — оправдываясь, выдохнул Ллойву. — Пусти...

— У тебя жар, Ловкач, — терпеливо ответил Дженве. — Нам надо срочно вниз, здесь ты погибнешь.

— Наверное, я просто устал... — Ллойву растерянно провел рукой по лицу.

Дженве осторожно усадил брата на землю.

— Ты просто отвратительно относишься к своему здоровью. Теперь я понимаю отца... мне теперь тоже хочется запереть тебя в доме.

Джарий, опасливо стоявший до этого у стены, подошел ближе.

— Нам надо уходить... Место проклято!

— Мы не можем идти ночью, — отозвался Дженве, копаясь в мешках. — Дождемся утра.

— Дурная идея.

— Идти ночью еще хуже, — возразил Дженве. — Дождемся утра. — Он накинул на плечи брата меховое одеяло. — Тебе надо поесть, Ловкач.

— Мне не хочется, — вяло отозвался Ллойву. Дженве осторожно стянул окуляры с носа брата и забрал из слабых пальцев стило и книгу.

— Надо, — твердо сказал он, убирая все сокровища в вещевой мешок. Проверил мешок беглеца. Вся провизия была, по всему, отдана крову. Вещи теперь составляли только спальник и немногие личные пожитки. Дженве поставил котелок на огонь.

— Сейчас все будет.

— Не надо утруждать себя, — запротестовал Ллойву, кутаясь в сухой спальник. — Я не голоден. Просто устал...

— Ты просто бредишь, — констатировал Дженве. — Как давно у тебя жар?

Ллойву не ответил, лег у костра, завернувшись в одеяло. Джарий опасно тоже присел к костру.

— Ты знал, что фамилия Лир потеряла одну букву? — горячо пробормотал Ллойву. Дженве снисходительно покивал. — Раньше её писали Лиер. Но после того, как упростили алфавит, буква пропала. Ушла... «Лиер» на илои означает «твердь». Мы должны быть твёрдыми, Дженв...

— Это все, о чем ты можешь думать? — уточнил Дженве. — А, Ловкач?

— Не знаю, ты прав, когда я закрываю глаза, меня мутит... Надо поспать...

— Не даром дурная слава ходит про это место! — Прошептал Джарий.

— Место, как место, — Дженве пожал плечами. — Просто у него жар. Удивляюсь, как он здесь не умер.

— Кто?

— Ллойву. Холод собачий, — Дженве вздрогнул.

— Костер, — кивнул Джарий.

— Ллойву ни в жизнь не пойдет за дровами! — Усмехнулся Дженве. — Скорее дождется, пока дрова придут сами. Да и где их тут взять? Не принесли же они их с собой!

— Это невозможно, — рассмеялся Джарий.

— То то и оно, — кивнул Дженве.

— Твой брат... — начал осторожно Джарий. — Он часто подвергает свою жизнь опасности?

— Постоянно, — вздохнул Дженве.

— Зачем ты позволяешь ему это?

Дженве задумался.

— Иногда мне кажется, что он хочет даказать нам, что может идти наравне со всеми. Знаешь, отец с детства внушал ему, что он неполноценный илой.

— Почему? — Удивился Джарий.

— Из-за сердца. У него слабое сердце. Но это единственный изъян, — Дженве скользнул взглядом по завернувшейся в меховое одеяло фигуре. — Из-за этого он все время оказывается на пределе своих возможностей. А после того, как окажется у предела, делает еще шаг. Здесь я бы хотел брать с него пример.

— Ты — старший из вас?

— Да, но только по времени, — рассмеялся Дженве. — Старшим по духу у нас всегда был Ллойву.

Джарий помолчал, обдумывая слова собеседника.

— Я бы хотел быть похожим на деда, — наконец, сказал он. — Доенвард отнял у него все, и едва не лишил жизни его и его семью. Но он нашел в себе силы снова встать на ноги.

Дженве похлопал Джария по плечу.

— Ищи свою силу внутри, ты станешь достойным потомком своего деда.

— Я бы хотел, но где взять столько твердости? Как мне защитить Вимлин? Или Висметию? Мели? Я словно играю с многоголовым змеем, — вздохнул Джарий. — Мой дед не побоялся пойти против, но у него было много друзей. Сейчас каждый сам за себя, и я не уверен, что нас не выдадут свои же.

— Господин Лиер придет в себя и мы посоветуемся с ним, — успокоил Джария Дженве. — Наверняка, есть выход.

— Признать власть тьярда, вот выход, ибо бороться с ним у нас нет сил, и нет твердости.

— Ллойву найдет этот выход, не сомневайся.

Котелок зашипел и Дженве занялся приготовлением ужина.

Ночь, не смотря на опасения опального тана, прошла спокойно. Лишь Дженве с трудом сдерживался, чтобы не разбудить брата, растряссти его как следует, заставить поесть, и поклясться, что больше он так с собой поступать не будет. Но Дженве держался. Большую часть ночи он просто смотрел на костер, иногда переводя взгляд на вздрагивающий от холода спальник брата. Ллойву била дрожь, но и она не могла разбудить его. Дженве опасался, что они теряют время. Едва забрезжил рассвет, он разбудил Джария, и растряс брата.

— Вот, Ловкач. Еда, — он поставил перед Ллойву теплый котелок с варевом. Тот с отвращением посмотрел на предложенное.

— Надо поесть, — с нажимом сказал Дженве. Вручил брату ложку, а сам начал собирать вещи в дорогу. Джарий быстро упаковал то немногое, что понадобилось ему предыдущим вечером и, уже собранный, ждал у входа.

Ллойву вяло поковырялся в похлебке, заставив себя проглотить пару ложек.

— Вставай, — Дженве поднял его за плечи. — Можешь ехать?

— Да, — Дженве отметил себе, как Ллойву тяжело забирается в седло. Собрал все, что осталось, и повел свой отряд наружу. Ластва со стрекотом приветствовала скорый отъезд.

Погода обещала быть и оставаться солнечной. Яркие лучи, отражаясь от снега, слепили глаза. Дженве окинул взглядом склон, простирающийся перед ними. Где-то на грани видимости, на самом горизонте, далеко виднелся знакомый по рисунку силуэт башни. Его никогда не увидеть, если не знать, что искать. Ллойву оказался прав. По крайней мере, башня существует, и это не результат его галлюцинаций. Это радует, все не так плохо. Стряхнув с себя эти мысли, Дженве окунулся в текущие заботы. Необходимо как можно быстрее спуститься, чтобы Ллойву мог оказаться в тепле.

И отряд тронулся по едва различимой тропе вниз. Дженве шел первым, таща за собой Ластву за повод. Ллойву безучастно покачивался в седле. Джарий замыкал шествие. Дженве торопился. Тропу занесло снегом, но впереди идущий безошибочно вел всех вперед.

Дженве заставил Ластву идти наравне с Чернышом. Надо успеть спуститься на дорогу до заката. Подъем занял много времени, которого сейчас у них не было. Они преодолели приличное расстояние, и вот уже и труп кобылы, кверху копытами пролыл мимо.

В молчании осталось преодолеть последние метры, однако снежный склон все тянулся и и тянулся вниз, словно кто-то растягивал его до бесконечности, и снова проплыли мимо торчащие кверху ноги погибшей кобылы.

— Чертовщина! — Джарий осенил себя божьим знаком и снова плюнул за плечо. Дженве стиснул поводья крепче и двинулся вперед, уводя за собой маленький отряд. И снова впереди снежное полотно и вот снова торчащие ноги кобылы.

— Мы как будто идем по кругу! — Воскликнул он. Оглянулся на брата. Ллойву совсем поник.

— Я говорил тебе, она не отпускает, — вяло проговорил он.

— Проклятая гора, — выругался Дженве. — Вперед... — И они прошли мимо страшного артефакта в четвертый раз.

Ллойву поднял, наконец, голову. Вдалеке на ярком от солнца снежном склоне ему привиделся силуэт человека. Человек поднял руку и поманил к себе.

— Нам туда, — и Ллойву заставил Ластву свернуть с тропы в снежную кашу.

— Стой! — Дженве не успел схватить его за поводья и с проклятьями устремился следом за рассекавшей сугроб Ластвой. — Ловкач! Вернись! Это опасно!

Ластва, словно заразившись, от хозяина упрямством, шла вперед. Дженве стремился догнать их и вернуть на тропу, а Джарий не пожелал оставаться на месте. Так все трое двинулись в одном направлении прочь от тропы, прорезая снежный сугроб, как тупое лезвие. Ллойву словно что-то на веревках тянуло к видевавшемуся впереди обрыву.

— Ты всех погубишь! — Дженве едва поспевал за ним. Спустя время идти стало легче, и кроды выбрались из рыхлой снежной каши на твердую поверхность скалы. Внизу, в нескольких метрах лежала лентой долгожданная дорога. А слева узкая крутая козья тропка вела к цели. Ллойву осторожно пустил Ластву по тропе. Крод перебирая лапами спустился на твердый грунт. Джарий за спиной выругался и спешил, чтобы лошадь не скинула его на склоне. Вскоре все трое стояли на дороге, твердой и понятной, не веря своей удаче.

— Ты вывел нас! — Удивленно проговорил Дженве, хлопнув брата по плечу. — Если ты знал дорогу, почему не вышел сам?

— Я не знал, — Вяло отмахнулся Ллойву. — Мне показали... Он хотел, вероятно, чтобы ты пришел...

— Кто он? Ты снова бредишь? Все, я понял. — Дженве сгреб поводья из вялых пальцев. — Сейчас мы вернемся в Мельин. Успеем до темноты.

К вечеру путники въезжали в ворота крепости над Мелями, Мельина. Тревога поселилась в замке. Что-то произошло за те несколько дней, что их не было. Висметия и остальные встретили их во дворе. Хозяйка тотчас обратилась к Джарию, что-то жарко ему рассказывая. А Дженве помог Ллойву спуститься с крода. Тот навалился на брата всем телом.

— Я, кажется, нездоров, прости... — Выдохнул он, обвисая в руках брата. Дженве перекинул его руку через свое плечо и почти понес в комнату, что им выделили для постоя. Даже сквозь одежду он чувствовал, сколь велика температура тела.

— Что делать с тобой? — Вздохнул Дженве, опуская брата на кровать. Ллойву вяло откашлялся и, дрожа, свернулся на кровати, подтянув ноги к груди. Дженве растерянно огляделся. Такой недуг был для него в новинку. Сломанные пальцы и разорванные раны, вот, то, что он мог лечить. Но не это. В замешательстве, он накрыл брата одеялом. В тех

микстурах, что дал доктор Валлар в дорогу, не было ни одной, снижающей жар. Нужны целебные травы, но на этой земле разве они растут?

По счастью Висметия постучала в дверь.

— Джарий сказал, нужна моя помощь? — Вежливо спросила она. Дженве с облегчением поведал ей свои страхи. Висметия выслушала его, затем осмотрела больного.

— Что-то съедает его. — Проговорила она, распахнув одеяло. — Давно у него жар?

— Я не знаю, — признался Дженве. — Возможно несколько дней.

— Надо сбить температуру. Надо снять часть одежды, — жестко распорядилась хозяйка. — Вы готовы поработать сиделкой?

— Сиделкой? — Дженве усмехнулся, последние обороты это, казалось, его вторая жизнь. Работать сиделкой...

— Ему станет легче, — успокоила Висметия и отправилась отдавать распоряжения. Дженве с сомнением взглянул на Ллойву. Тот тяжело дышал, и словно погрузился в забытие. Так то оно так, но как это отразится на сердце?

— Ловкач, — позвал Дженве. Нет ответа. Дженве решительно расстегнул тунику на брате.

Висметия принесла чан, наполненный ледяной водой и несколько холстов. За ней пришла и Вимлин, ее руки были заняты закрытыми наглухо горшочками. Раскрыла один, с резко пахнущим содержимым, Висметия засучила рукава. Дженве постоял немного, а затем попросил соизволения выйти во двор. Там он достал трубку, набил и раскурил. Отметил себе, что пальцы дрожат. Отчего так? Ответил сам себе. Оттого, что каждый раз он боялся, что Ллойву не выберется. И теперь, казалось, что здесь, в этом варварском мире, не смогут ему помочь, а сам он не справится. Но он справится. Всегда справлялся. Это же Ллойву. Дженве наблюдал, как мужчины грузят на телегу мешки с зерном и болеющих в отчаянии коз. Стало любопытно, для чего это. И Дженве направился к руководившему процессом Джарию.

— Для чего это? — Спросил он.

— Приходил къёрм тьярда, — отрезал Джария. — Они хотят взять с нас удвоенную подать. Я же говорил, что не могу никому доверять...

— Вот как? — Дженве затаился. — И ты согласился?

— Скажи, что мне сделать? Они сотрут Мельин с лица земли.... Как твой брат? — Смягчился хозяин.

— Госпожа Висметия взяла все в свои руки, — рассмеялся Дженве. — Я — плохой знахарь.

— Висметия сумеет ему помочь, — кивнул Джарий. — Она выходила Вимлин от лихорадки. Никто не ждал хорошего исхода. Несколько дней не отходила от постели.

Дженве склонил голову, скрывая тревогу.

— Супруга говорит, они спрашивали о вас, — Прервал его размышления Джарий. — И даже искали.

— Благо, что господин Лир застрял на вершине и нас не нашли, — грустно улыбнулся Дженве. — Тем более, что Ллойву болен.

— Да, благо, — согласился Джарий. — Но они вернутся...

— Хочешь, чтобы мы ушли? — Дженве прямо взглянул в лицо хозяину. Но тот не отвел глаз.

— Нет, — сказал он. — Они успокоились пока. Не будут более искать вас здесь. Пока

это самое безопасное место для вас. Особенно теперь.

— Благодарю, — Дженве протянул руку для пожатия. — За нас обоих. — Джарий крепко пожал протянутую ладонь, и Искра подсказала Дженве, что этот человек не лжет, искренне желая им помочь.

Глава 12 в которой Ллойву настигает возмездие, а Дженве ничем не может ему помочь

Ллойву очнулся в постели, и не желая открывать глаза, полежал ещё, прислушиваясь к себе. Тело снова подвело его. В этот раз Валлар превзошел самого себя: все мышцы ломило, как от непосильных нагрузок, а голова оставалась мутной подобно небу в туманный день. Кажется, он даже бредил в этот раз. Привиделось восхождение на гору и дьявол во плоти. Ллойву открыл глаза. Какие-то стены, обшитые досками, старый гобелен. Это не госпиталь. Он обвел глазами полутемную комнату и остановился взглядом на невысоком силуэте возле себя.

— Ты проснулся? — спросило дитя. Ллойву с трудом припомнил, что зовут ее Марисса, и все считают ее сиротой, но это не так. Память, как фокусник, постепенно вынимала воспоминания.

«Как давно я здесь...» — Хотел он спросить, но в горле стояла такая сушь, что ничего не вышло.

— Счас принесу, — девочка спрыгнула с постели и поднесла бокал с водой со стола. Очень тяжёлый и скользкий бокал. Ллойву с трудом удержал его. Пальцы не слушались. Утолив жажду, он выронил его, а девчонка ловко поймала.

— Я скажу дяде, что ты проснулся... — И, не спросив более ничего, удалилась, оставив тяжёлую рассохшуюся створку приоткрытой. Из щели, казалось, тянуло могильным холодом. Ллойву вздрогнул, натянул одеяло до подбородка. Оно почему-то казалось неподъемным. Усилия истратили и без того скудный резерв сил.

— Тебе следует побережься, — услышал он тихий голос из самого тёмного угла своих покоев. Откуда-то этот голос он уже знал. Ах да, в бреду, там, на горе, с ним этим голосом разговаривал человек, назвавший себя Бесом. Проклятье.

— Ты...здесь? — Ллойву повернул голову, чтобы увидеть свой новый кошмар, но источник звука все равно был вне пределов досягаемости. Тогда Бес вышел на свет сам и встал так, чтобы больной мог на него смотреть, не отнимая головы от подушки.

— Ты освободил меня, — Бес пожал плечами. — Теперь я волен в своих перемещениях.

— Но...здесь?

— Мышка впустила меня, — предупредил Бес трудно дающийся Ллойву вопрос. — Я, видишь ли, не могу войти без приглашения. Мышка меня пригласила.

Ллойву откинулся на подушку, пережидая приступ головокружения от усилий.

— Чего... ты хочешь...

— То же, что и раньше. Убережь ее от людей. И ты мне поможешь.

— Нет, — Ллойву решительно помотал головой. — Ты же видишь...я слаб... Найди себе кого-то еще...

— Ничего... — Бес подошел к столу, коснулся пальцем флакона с рубиновой жидкостью, потом с опаской и кимейров. — Скоро ты найдешь в себе силы.

— Ты — дьявол? — Выдохнул Ллойву.

Бес рассмеялся.

— Не ожидал услышать это от тебя. Ты же ученый. Дьявол живет в людских пороках. Я лишь его скромный слуга...

Ллойву не понимая, как реагировать, промолчал. Он снова бредит? Это жар? Сейчас

придет кто-то... Только бы не снова упасть в бездну своих кошмаров, только бы не упасть..

Бес приблизился к кровати и присел так, что лица их стали очень близко. Для Ллойву лицо Беса расплылось в большое светлое пятно.

— Пойми, ради Мышки я сожгу все, что станет ей угрозой. И даже Аст'Эллот. А он станет, если ты не остановишь грядущее. Теперь я много сильнее, чем раньше. Вам меня не одолеть, даже всем вместе, — Бес с лаской убрал волосы, прилипшие ко лбу больного, и Ллойву дернул головой, отстраняясь, тотчас поплатившись за неосторожность подкатившей к горлу тошнотой. — Так давайте договоримся сейчас. Решите свои вопросы с моим минимальным участием.

— Чего ты хочешь? Я должен остановить отца?

— В первую очередь, — кивнул Бес поднимаясь. — А затем и тьярда.

— Почему ты не попросишь Дженве? Он много сильнее меня... — Задыхаясь, спросил Ллойву.

— Он стал бы меня слушать? — Усмехнулся Бес. — Но он послушает тебя... Ты в этой истории сыграешь основную роль...

Дверь распахнулась, и Дженве ввалился в комнату, Бес исчез, словно и не был никогда.

— Ловкач! Наконец-то! — Дженве полез обниматься. — Я убить тебя хочу! Ты каждый раз рвешь мне сердце...

Ллойву задохнулся в объятиях. Голова пошла кругом.

— Сейчас Висметия принесет поесть. И попробуй отказаться, — Дженве погрозил кулаком.

— Долго я болел?

— Три дня, жар спал только вчера. И то, мне кажется, не до конца.

— Да, наверное, — Ллойву стер со лба выступившую испарину. — Мне кажется, я все ещё брежу.

Дженве невесело рассмеялся.

— Для страны варваров, тебя быстро привели в чувство. Что ты там забыл, на этой горе? Клянусь, я хотел ударить тебя, когда увидел там. Это невозможно! Почему ты совсем себя не бережешь?

— Я...искал ответы, — Ллойву вдохнул поглубже. — Это страна суеверий и, как будто, оживших легенд, Джев. На Аст'Эллоте все было ясно, здесь все запутано.

— Что тебе кажется запутанным? — Не понял Дженве.

— Эта девочка, Марисса, она показала мне будущее...

— Не начинай, Ловкач, мы об этом говорили.

— И тем не менее, — Ллойву взглянул на брата. — На эту страну опускается тень. И знаешь, это тень Изольтара Лира.

— Думаешь, у папаши хватит амбиций захватить здесь власть?

— У него хватит амбиций захватить власть здесь, а затем покорить заново ещё и Аст'Эллот. Вот чего я боюсь. Будет много красной и черной крови. Очень...

— Думаешь, мы можем остановить его?

— Вдвоем? — Усмехнулся Ллойву. — Один из которых и на полноценного илоя не тянет.

— Перестань... — Скривился Дженве.

— Сейчас я не чувствую себя способным ни на что, Джев. — Ллойву отвернулся. — И не уверен, что смогу почувствовать...

— Тебе надо вернуться на Астэллот, — подумав, сказал Дженве. — Подлечишься у Валлара.

— Тогда наш договор будет расторгнут, — раздался тихий голос, и Ллойву с замиранием сердца разглядел в углу темную фигуру. Но Дженве не услышал. Эти слова предназначались ему, Ллойву. — И твой демоненок сожрет тебя.

— Нет смысла прятаться, — ответил Ллойву то ли брату, то ли Бесу, то ли себе. — Если начнется война, теперь Аст'Эллот тоже затронет. Похоже, у нас нет выбора.

— Ты ничего не должен больше Аст'Эллоту, братец. Ты все оплатил. Ты можешь уехать дальше, в Гордарию, я слыхал, за горами есть такая земля. Там грандиозные постройки! Прямо как у нас...

Ллойву помолчал.

— Есть связь между мной и Окто. Я пока не могу ее разорвать. — Вздохнул он. — Мне не уйти от него.

— Что это значит? — Не понял Дженве.

— Он приходит ко мне, когда я уязвим, — нехотя признался Ллойву. — Во снах... Этот... эта земля блокирует его, пока я здесь.

— То есть, ты хочешь сказать, что не можешь уехать отсюда?

— Похоже на то. Пока не смогу найти способ разорвать нашу связь.

— Я думал, Окто исчез.

— Он исчез, — согласился Ллойву. — Но ко мне его по-прежнему привязывает что-то. Я не могу понять, что, — он помолчал. — Ты знаешь что-то о Слиянии матери?

Дженве задумался.

— Она вызвалась сама. Это все что я знаю, — он пожал плечами. — Отец был против. Они долго ссорились наедине.

Ллойву откашлял сухой ком в горле.

— Мне сказали, что она заняла мое место, — Дженве застыл на мгновение.

— Кто сказал?

— Не важно...

Дженве поднялся и прошелся по комнате. Ллойву с нарастающей тревогой следил за ним взглядом.

— Джев... Ты знал? — Дженве запустил руку в волосы, оттягивая ответ.

— Ты знал? — Ллойву приподнялся в постели. — Вы все знали?

Наконец, Дженве набрался решимости.

— Успокойся, Ловкач. Когда речь зашла о преждевременном Слиянии на Совете выбор пал на тебя. Отец в основном настаивал. Все согласились. Тебе должны были сказать следующим утром. Но мать узнала раньше. Они всю ночь ругались с отцом. Я в глубине души был рад, что выбрали не меня, мне стыдно за себя... — Дженве горько усмехнулся. — Наутро объявили, что следующей Жертвой станет она.

Ллойву посмотрел в потолок. Боль поднималась и затухала вместе с дыханием. Ни к чему ворошить прошлое, Бес прав.

— Я разочаровал тебя? — Дженве подошел ближе.

— Нет, — в груди закололо. — Просто устал от разговоров.

— Мне уйти?

— Нет, — Ллойву откинулся на подушку, проклиная свою слабость. В дверь стукнули раз и вошла Висметия с разносом, на котором что-то съестное наполнило ароматом всю

комнату.

— Как самочувствие? — Радужно спросила она, поставив разнос на стол. — Вы болели с полной самоотдачей, господин Лир.

— Он все так делает, — усмехнулся Дженве. Ллойву не ответил. Сил на шутки не осталось. Только легкий туман в голове. Хозяйка с гаснущей улыбкой подошла к постели, протянула руку, проверить, нет ли жара. Ллойву дернул головой.

— Не надо...

Висметия с опаской отдернула руку.

— Что ж, оставляю вас вдвоем, — улыбнулась она. — Видимо, я не вовремя... — И ушла, прикрыв за собой дверь.

Дженве неловко откашлялся.

— Можешь злиться, сколько хочешь, но тебе надо поесть.

Ллойву промолчал. Затем повернулся к брату.

— Нам надо понять, скольких отец увлек за собой.

— Ты имеешь в виду асатров?

— И их тоже. Нам надо попасть к этой башне...

Дженве, радуясь возможности уйти от неприятной темы, согласился.

— Мы попадем туда. Но не сейчас.

— Как можно скорее.

— Хочешь, чтобы я пошел один?

— Нет, — Ллойву покачал головой. — Мы сделаем это вместе.

Пока Ллойву поправлялся, Дженве узнал, что Джарий с караваном отправился в Северную звезду, по вызову самого тьярда. С ним поехал и его брат. Дженве попросили не вмешиваться и остаться в Мелях. Висметия с горечью говорила об этом, словно не ожидала увидеть мужа снова.

Вимлин теперь ни на шаг не отходила от Дженве, упрашивая его научить чужому ей языку, но тот крепился, отправляя ее к брату. Девушка совершенно игнорировала его предложения. Ллойву был ей не интересен, а вот провести время со своим кумиром она была не против. Пока Ллойву лежал в постели, Дженве вспомнил об обещании починить стену и занялся укреплением мола. Вимлин с обожанием следила за ним, пока он скинул тунику и все, что ему мешало силой Искры крепил валуны. Обожание застило девушке взор, и она не придавала значению удивительной лёгкости, с которой Дженве двигал блоки. Заметив излишний интерес, Висметия быстро пресекла подобные вольности со стороны девушки. Ей быстро нашлась работа во дворе и на кухне.

Ллойву же развлекала Марисса. Девчонка приходила каждый день, играла на постели, иногда на полу, рассказывала новости, что узнавала через призму своего возраста. Ллойву слушал вскользь, иногда впитывая нужное. Выгнать ее не поднималась рука. Дженве нашел себе занятие, и теперь асатр оказался предоставлен сам себе, изнывая от скуки. Окуляры и книги Дженве так и не вернул, лишив брата любимого занятия. Бес не показывался и никак себя не проявлял, что тоже было хорошо.

Пока Мельин собирался с духом, весна твердой поступью пришла в Тангору. Растаяли от солнечного тепла остатки снега, потеплел воздух и птицы утопили слух в разноголосье. Вскоре Ллойву смог выходить во двор и подолгу гулять вдоль мола, наблюдая за работой брата. Висметия не задавала вопросов. Все ее мысли были поглощены предстоящими

переменами, что грозились обрушиться на Мелвин после решения тьярда. Она снарядила в крепости небольшую армию добровольцев, человек в двадцать из местных рыбаков. Глядя на эти приготовления, Ллойву только качал головой. Все грядущие события грозили всем тяжелыми последствиями. Необходимо было торопиться.

Наконец, Ллойву почувствовал себя достаточно окрепшим для путешествия, а Дженве закончил со стеной. Висметия была ему безмерно благодарна, и по всему, испытывала облегчение от того, что наконец, братья уедут из Мельина. Её плохо скрываемое облегчение придавало уверенности, что решение затянулось, и отъезд необходим. Она собрала им провизии в дорогу.

Отправляться решили с рассветом следующего дня. Вечером Дженве позвал брата напоследок прогуляться по пляжу. Ллойву упаковал свои пожитки под пристальным взглядом Мариссы, сидящей на кровати. Теперь девчонка буквально жила в его комнате. Но как ни странно, ее присутствие не тяготило. Девочка соблюдала дистанцию, говорила мало.

— Не ходи, — выдала она, наблюдая, как Ллойву закрывает мешок.

— Что? — не понял он.

— Не ходи, — всхлипнула Марисса.

— Почему, дитя? — Ллойву подсел к ней. — Что тебя тревожит?

Девочка с полными слез глазами смотрела на него, не в силах выговорить ни слова. Потом порывисто обняла его, прижавшись крепко. Ллойву поднял руки, опасаясь касаться ее. Марисса, измазав тунику влагой, оторвалась от него и, соскочив с кровати, убежала. Ллойву пожал плечами. Дитя...Быть может, ей не хочется расставаться?

Дженве заглянул в комнату.

— Готов?

— Да, готов... — странная реакция девчонки немного расстроила, но не стёрла радостного чувства скорого отъезда. Они задержались с братом.

Братья неспешно отправились к каменистому пляжу, где уже стояли на берегу рыбацкие лодки после первых после зимы плаваний.

— Здесь хорошо, — вздохнул Дженве, оглядываясь вокруг. Мели готовились к ночи. Хозяйки загоняли скотину. Следующим утром, с рассветом, они покинут это место. Возможно, навсегда.

— Я бы согласился с тобой, если бы не запах, — проговорил Ллойву. — Но в чем то ты прав, никогда не думал, что людь станет для меня близкой.

Дженве хохотнул.

— Ты, смотрю, и невесту себе уже выбрал!

— Джев, — с укором сказал Ллойву. — Ей всего шесть или семь. Она еще совсем дитя. Ей просто хочется, чтобы кто-то был рядом. О чем ты говоришь? За тобой, я погляжу, бегают немало людских девушек. Ты покори их своим могучим сложением.

Дженве расхохотался.

— Я думал умом!

— Ум покоряет немощных, — рассмеялся Ллойву. За разговором спустились к пляжу, и встали, вдыхая запах моря.

— Погоди, дай срок, — Дженве ободряюще похлопал брата по плечу.

За спиной послышался хлопок, и Дженве обернулся. Что-то вокруг было неправильным.

— Мне кажется... — Договорить он не успел. Несколько сильных энергетических разрядов ударили ему в спину, и Дженве упал на камни в сети пробегающих по телу токов.

Ллойву тотчас выхватил кимейры, разворачиваясь к неведомой ещё опасности лицом, но в доли секунды разряд ударил и его. Сердце подпрыгнуло и сбилось с ритма. Ллойву упал рядом с братом, сжимая кимейры, попытался подняться, но новый разряд отбросил его на спину. Слабость сковала тело, мышцы непроизвольно расслабились и клинки выпали из безвольных ладоней. Хватая ртом воздух, Ллойву только беспомощно смотрел, как откуда-то выскочили люди и иллои, а во главе их вышагивал уже знакомый персонаж в овальной белой маске. Иллои подбежали к бездвижному Дженве, подняли его и заложив руки за спину защелкнули на его руках оковы из черной драконьей стали. Ллойву вцепился в камни пальцами, стараясь дотянуться до токов земли, но сердце сбивало дыхание, а Искра оставалась далёкой и недостижимой. Иллои, сковав Дженве руки, бодро потащили его в сторону стоящих недалеко лошадей, Ллойву только видел его окровавленное лицо, которое он разбил об осколки камней.

Предводитель меж тем подошел к поверженному противнику. Люди обступили обоих.

— Так, так. — Раздался голос, приглушенный маской, — Ллойву Лир... — Предводитель стянул маску на затылок и Ллойву увидел перечеркнутое шрамом лицо Дойванора Вайзе. Отец рядом.

— Вот так встреча! Думал, тебе хватит двух разрядов, — хохотнул Дойванор, обходя по кругу противника. Ллойву взглянул на кимейры, оставшиеся на камнях, пока долегие и недостижимые. Попытался подняться. Дойванор резко подскочил и со всей имеющейся злобой поддел ногой под бок поверженного противника. Боль прошла от бока до груди и затем угасла в левой руке. Ллойву от удара отлетел еще на метр и скорчился на камнях.

— Тебе привет от папаши, — поигрывая Октисом на руке, проговорил Дойванор и подошел ближе. Его люди просто стояли по кругу, глядя на развлечения своего главаря. Дойванор снова подлетел и снова ударил, на этот раз ногой в живот. Теперь Ллойву откатился под ноги окружившим их наемникам. Резко закашлялся, почувствовав во рту вкус крови. Удар у Дойванора что надо.

— Что там? Вырубился? — Обратился Дойванор к своим людям, что спеленали Дженве цепями, как младенца.

— Живой! — Раздались смешки. — Видит...

— Так пусть посмотрит! — Крикнул Дойванор с хохотом. Те, что держали Дженве, потянули его голову за волосы, чтобы тот видел все.

— Нам пора, — подступился один из стоящих. — Не время для игр, йорманд Вайзе.

— Самое время, — протянул Дойванор. — Эй, Лир, я тебе должок вернуть хотел. — Он сделал знак своим людям, чтоб расступились, давая обзор Дженве. Наступил на спину лежащего и оттянул его голову назад, вынимая нож из обычного людского сплава.

Ллойву задыхался, не в силах скинуть с себя тяжелое тело, схватил противника за руку, что держала его за волосы, но Дойванор с легкостью оторвал чужие пальцы от ладони и надавил ногой на поясницу сильнее.

— Стоять! — и потянул, заставляя прогибаться назад, — тебе на какой, на правой или на левой? — Расхохотался Дойванор. — Пусть будет правая.

Ллойву почувствовал, как нож вошел в мышцы у подбородка, распустил щеку, царапая десны и зубы, и взобрался к виску. Кровь начала обильно заливать рот, затекать в горло. Дойванор с удовлетворением послушал, как противник задыхается и давится кровью. Затем он отпустил свою жертву и два раза с силой ударил ногой в бок, каждый раз подбрасывая противника над землей. Посмотрел с улыбкой, как Ллойву откашливает сгустки крови на

камни.

— Видишь? — Крикнул он в сторону.

— Видит! — Раздалось в ответ. Дженве мычал и дергался в своих путах, но его держали несколько человек, и он просто бессильно смотрел, как Дойванор на последок еще раз ударил брата ногой под живот. Ллойву отлетел на этот раз метра на два, за цепь расступившихся наемников, упал на спину и больше не двигался.

— Хватит с тебя, — сплюнул Дойванор. Отошел к дергающемуся в путах Дженве. Обратился к нему.

— Думаешь, не хватит? — Расхохотался и развернувшись, послал разряд в бездвижное тело. Легкие конвульсии сообщили всем, что последний разряд был уже лишним.

— Не волнуйся, твоя очередь тоже придет, — Успокоил Дойванор Дженве. Тот с ненавистью сверлил Вайзе взглядом.

— Ваш папаша попросил привезти только тебя. — Отмахнулся Дойванор. — Этот в его планы не входил.

Люди закинули связанное тело поперек седла, как мешок, и вскочив на коней медленно тронулись прочь. Рыбаки со страхом выглядывали из домов. Никто так и не решился подойти к поверженному телу.

Меж тем Мельин переживал осаду. Два десятка наемников легко проникли в крепость через открытые неизвестным предателем ворота и теперь напирали на немногих защитников.

Ллойву, получив последний разряд, подумал, что это конец, но, как ни странно, удар наоборот помог восстановить работу сердца. Болела разрезанная щека, заливая рот и горло кровью, болели разбитые ребра и в груди загорелся огонь. Асатр повернулся на бок. Сплюнул, сколько мог, кровь на камни. Вдалеке расплывчатыми пятнами показали зады лошади, увозившие Дженве прочь. Надо помочь ему. Ллойву с трудом согнулся на земле, чтобы подняться. Нет, это выше всяких сил, и он пополз к месту, где обронил кимейры. Шаг за шагом, пядь за пядью он приближался к цели, потянулся к кинжалам окровавленной рукой, измазанной черным. Это он уже видел, в видении. Чертова девчонка. Схватив кимейры, Ллойву с трудом поднялся на колени, заставил себя подняться и на ноги. Не время для слабости. Надо помочь Дженве. Откашливая сгустки крови, Ллойву двинулся к Мельину. Нужна Ластва. Рыбаки, осеняя себя триглавом, прятались за стенами, когда мимо них проходил человек с белыми, точно серебро волосами, рассеченным лицом, извергающий изо рта черную кровь. Истинно демон...

Шаг за шагом Ллойву заставил себя идти к крепости. Но и там шел бой. Противники уже праздновали победу. Немногие защитники не смогли противостоять хорошо обученным воинам. Пройдя сквозь приоткрытые ворота, Ллойву смог оценить обстановку, что была весьма нехороша: во дворе захватчики согнали жещин, и двое пытаются удержать Висметию, стремящуюся защитить дочь. Крики, дым от положенных сараев, вой скотины склеивался в один отчаянный вопль.

Едва Ллойву показался в воротах, налетчики обратили свое внимание на него.

— Ты кто? — Крикнул один из наемников, не выпуская локоть хозяйки из рук. Ллойву, решив не терять сил на слова, сложил кимейры в глефу, и на глазах изумленных бандитов мечи медленно удлинились. Кто-то из немников вытянул топоры и мечи из-за пояса. Несколько воинов пошли ему навстречу. Ллойву, ушел в «слепую зону», несколько взмахов, и трое бандитов уже отступили, получив тяжёлые удары. Остальные бросили добычу и

кинулись на нового противника. Ллойву в который раз попрощался с жизнью. Стольких ему не одолеть. Едва глефа ударила о топор первого из противников, появилась подмога. Краем глаза Ллойву заметил, что с тыла на захватчиков напал еще один союзник. Бес отвлек на себя часть бандитов.

Получив подмогу, защитники воспряли духом. Остатки ополчения вступили в бой с подручным оружием. С новыми силами схватка продлилась недолго. Бес вырезал почти всех, растворившись после боя в тени. А тех, кто грабил в доме, убил ещё раньше. Трупы их защитники нашли после, и вытащили во двор. Каждый из потерпевших уверял себя, что этот человек ему привиделся. Ллойву и сам не был уверен, что Бес существует.

Висметия обняла дочь, едва все закончилось и стало понятно, что опасность позади.

— Эйсенгард, вседержитель помог нам! Закройте ворота!

— Кто это?

— Эй, есть ли у них петушиное перо? — крикнул кто-то из защитников.

— Нету... — раздалось в ответ. Это отец, это его люди... У них не будет пера, у них будет Октис.

Ллойву, едва удерживаясь на ногах, направился к сараю, где держали кродов.

— Господин Лир! — Висметия догнала его. — Что с вами?

Ллойву снова сплюнул кровь, не ответив. Тонкая черная нить потянулась до земли. Он вытер рукой окровавленные губы. Молча начал седлать Ластву. Вскоре у дверей в сарай собралось прилично народу. Все, перешептываясь, смотрели, как странный господин делает свое дело.

— Господин Лир! — Висметия подошла ближе. — Вы ранены! Что с вами? Вас прокляли?

Ллойву переборол головокружение и поставил ногу в стремя.

— Куда же вы?

Он подскочил, надеясь сесть в седло, но вместо этого мир опрокинулся, и Ллойву всем телом упал на землю, потеряв остатки дыхания.

— Господин Лир... — Звуки и цвета отдалились и погасли.

Глава 13 где Дженве скорбит, а Ллойву борется с безумием

Дженве не мог разорвать цепь, как не старался. Черный латаровый сплав много прочнее людской стали. Похитители скакали до самого заката, лишь с наступлением сумерек остановившись, чтобы разбить лагерь. Пленника скинули на землю и оттащили в сторонку, чтобы не мешал. Дженве только слушал, как переругивались похитители, потому что на землю его бросили спиной ко всем. Он слышал, как люди развели костер и начали готовить себе варево.

Кто-то дернул пленника за цепи на спине и тот, как куль, перевалился на спину. Над ним возвышался Дойванор Вайзе. Дурацкая маска сдвинута на затылок, а на лице гадкая ухмылка. Этого лица Дженве поклялся себе не забыть. И не простить ему смерть брата. Едва появится возможность, он был готов пожертвовать всем, лишь бы убить этого иллойа. Он поставил себе новую цель в жизни, кровавую, удушающую и разрушающую все на своём пути.

Дойванор с неизменной ухмылкой поставил ногу на грудь пленника.

— Говорят, вы опустили Аст'Эллот к материку, — развязно проговорил он на иллои, чтобы людье не поняла, о чём речь, надавив на грудь сильнее. — Что ж, слуги всегда нужны, особенно если это не людье.

Дженве не ответил. В основном из-за того, что во рту у него поместилась закрепленная цепью тряпка. Всё, что оставалось — просто смотреть и запоминать.

— Молчишь? — Усмехнулся Вайзе. — Я с удовольствием бы убил твоего брата еще раз. Не представляешь, сколько раз я представлял себе, как это сделаю! Я думал, будет сложнее... А он просто ничтожен. Всегда был и остался калекой... И Изольтар так думает. Надо было прикончить его там, на Аст'Эллоте.

Промолчал Дженве и теперь.

Дойванор отошел на шаг, Октис загорелся синими искрами на его руке.

— Говорят, ему хватило бы и одного разряда. Но я привык делать все основательно.

Дженве стиснул зубы, стараясь смотреть в темное небо, вспоминая недавнюю схватку. Будь проклят Дойванор, отнявший у него самого близкого человека на этой земле. Разряд Октиса ударил его, оставив в теле легкое покалывание. Затем сразу второй.

— Как тебе? Готов взять на себя долю братца? — После этого разряды били один за другим, пока Дженве не перестал слышать и чувствовать.

— Эй, хватит! — Донеслось до него сквозь шум в ушах. Кто-то из людье подошел к ним. — Тан Изольтар сказал живым...

Дойванор улыбнулся плотоядно и отошел. Человек заглянул в лицо пленнику, убедившись, что тот еще в сознании.

— Ты все погубишь! — Выругался человек. Отошел к костру и между ним и Дойванором началась перепалка. Дженве сквозь муть в голове старался выхватить важное. Отец велел привезти его в крепость, это он понял наверняка. Поручил это Дойванору, как своему доверенному лицу. Ллойву было велено оставить, но посланник принял решение убить на месте. Все это промелькнуло в голове, рождая первородную, ни с чем не сравнимую злость. Земля загудела, отзываясь на желание асатра. Искра возвращала его к жизни, повинуюсь приказу.

— Поднимите! Поднимите его! — Взвизгнул Дойванор. Наёмники тотчас подчинились. Пленник, словно куль был поднят и подвешен за цепь на ближайшем дереве. Над обоими посмеивались, а на Дойванора теперь ещё и смотрели с усмешкой.

— Нельзя, чтобы он мог дотянуться до своего демиурга, — огрызнулся Дойванор. Люди посмеялись, но спорить не стали. Ночь Дженве провел, точно куколка бабочки, подвешенный к ветке дерева. Ни поесть, ни утолить жажду ему не предложили.

Следующим утром с рассветом похитители собрали лагерь, и как и предыдущим днем, весь день провели в дороге. Дженве снова, как мешок, бултыхался на лошади поперек седла. Вечером снова привал.

— Как ты себя чувствуешь? — издевался Дойванор, — слышишь своего братца? Я вот нет, и не представляешь, какая от этого благодать. Словно незаконченное дело сделал!

Ответить Дженве не мог, цепь натёрла на щеках изрядный кровоподтёк, а сушь стиснула горло так, что даже дышать стало больно.

И снова Дойванор упражнялся во владении Окτισом. Как и последующий вечер. И после.

К крепости Дженве прибыл едва соображающим, ни к чему не годным кулем. Похитители спешили в дворе высочайшей крепости из черного камня, кто-то отправился заводить лошадей, а трое подхватили пленника за цепи на плечах и потащили внутрь. Вниз по крутым лестницам и бесконечным поворотам. Голова кружилась от многодневной дороги, а мысли путались. Дженве едва ли мог сказать, где он оказался. Похитители же, пользуясь беспомощным его положением затащили в небольшую камеру, освещенную одним только чадящим факелом. Распутали цепи и быстро через петли присоединили их к закладным пластинам в стенах. Пленник оказался прикован за обе руки, а затем и за обе ноги. Кляп изо рта с опаской вынули и удалились. Асатр остался один. Словно в банке.

Едва соображая, Дженве прислушался к себе. Вокруг только камень. Черный, словно драконья сталь. Он дернул цепь. Крепление выдержало. Дернул снова. Главное, выбраться отсюда, а там он найдет и Дойванора, и отца. И поквитается за все, произошедшее за последний оборот. Но искать не пришлось. Спустя время, заполненное тишиной и дрожащим на кончиках пальцев ощущением опасности, Изольтар показался в проеме каморки сам. Камень разошёлся перед ним. Здесь даже двери нормальной нет. Отец творит всё, что ему захочется. Здесь. Один. Дженве медленно выдохнул, стараясь унять разрывающий его гнев. Факел где-то под потолком едва ли освещал обоих, скорее заставлял тени сгущаться и набухать злобой.

— Возлюбленный сын мой, — ласково проговорил Изольтар, останавливаясь вне досягаемости пленника. — Ты вернулся к нам...

— Холодноватый прием, — прохрипел Дженве, наматывая цепь на кулак, сколько позволяла длина. На левую руку и столько же на правую.

— Пока ты во власти ложных убеждений, это вынужденная мера, — согласился Изольтар. — Позволь, я объясню тебе всё.

— Твой пес убил Ллойву, — глухо прорычал Дженве, не желая слушать ничего, кроме своей злости.

— Думаю, Дойванор не хотел этого, — примирительно проговорил Изольтар. — Но ты и сам знаешь, Ллойву слаб. Это могла быть просто случайность...

— О, это была не случайность, — усмехнулся Дженве. — Поверь, я видел... я там был...

— Чтож, — Изольтар опустил голову в знак скорби. — Ллойву нажил себе врага. Ему

следовало быть осторожнее.

Дженве дернул цепь и она загремела. Изольтар вздрогнул, но не отступил.

— Ты знаешь, — прошипел Дженве тихо, — когда вы все позорно бежали, твой слабый, как ты считаешь, сын принял на себя гнев Окто?

— Он был не один... — Возразил Советник.

— Там, отец, он был один, — прорычал Дженве, дергая цепь снова. — Пока вы здесь прохлаждались...

— Я должен заботиться об иллойях...

— Так почему ты не позаботился об Аст'Эллоте?

— Потому что это была провальная затея! — Изольтар впервые повысил голос. — Вам просто повезло! Понимаешь? А могло выйти иначе! Погибли бы все! Ваша победа — это каприз удачи! И он это знал! Но всё равно полез туда, и утянул и тебя!

Дженве промолчал, стараясь понять, логику Советника.

— Тебе просто наплевать... — Наконец, выдал он. — И всегда было.

— Я забочусь о будущем нашего рода! — Четко, повышая голос сказал Изольтар. — Делаю все, что необходимо. Если тебе не нравятся мои методы. Прекрасно! Но они работают. Меоке и Мильен здесь, они живы и здоровы. Как и несколько десятков других астров. Мы сохранили своё наследие и готовы жить дальше.

— Но Ллойву...

— Ллойву с самого начала был ошибкой... — Оборвал сына Советник. — Я говорил Иливелли. Ее здоровье и жизнь были на волоске. У нее едва не случился выкидыш. Но она хотела оставить ребенка. Родился Ллойву. Изначально больной и слабый. Но я знал, что вскорости потребуются Жертва, и решил оставить ему жизнь. Он стал полезен, иногда даже очень, не спорю. Но здесь каждый должен отыграть свою роль. Он свою — сыграл. Теперь мы вернемся на Аст'Эллот, он снова покорится нам, как сделал это когда-то, а после мы завоюем и этот варварский мир. Ллойву открыл нам широчайшие возможности. Я буду помнить об этом.

Дженве покачал головой, не веря своим ушам.

— Мне кажется, ты болен...

— Я здоров, — Изольтар усмехнулся. — И ты присоединишься к нам. В конце концов, семья, это то, что нужно каждому.

Советник вышел, забрав с собой факел, проем сомкнулся и пленник остался в полной темноте.

Ллойву вынырнул из мучительного забытья. Снова. Болело все тело, особенно пострадавшие рёбра. Болело лицо, возможно, оттого, что он лежал на боку, на раненой щеке, а под щекой, скатанный в несколько слоев твердый, царапающий воспаленную кожу, валик из ткани. В голове стучала мысль, что необходимо отправиться в дорогу тотчас. Попробовал подняться, но тело потяжелело настолько, что он не смог оторвать его от своего ложа.

— Тебе надо отдохнуть, — раздался тихий голос, который Ллойву начал потихоньку ненавидеть.

— Мне надо идти... — С трудом Ллойву сел на своей постели. Речь стала невнятной, что тоже раздражало. Плотный, промокший насквозь кровью, валик прилип к щеке. Асатр, стиснув зубы, оторвал его. Попробовал пальцами рану. Кто-то стянул края грубыми стежками. Но контакт со сталью не прошёл даром. Рана гноилась отвратительной зелёной

слизью, от того болела, отдавая в голову.

— Нет необходимости тебе в таком состоянии собираться в дорогу, — Бес выступил из самой тёмной тени в комнате, встал, оглядев потрепанного больного. Ллойву стиснул зубы, как бы он хотел убрать эту галлюцинацию от себя — десны отозвались ноющей болью.

— Но Джев...

— Он не пострадает, — успокоил его Бес. Прошелся по комнате, чтобы встать у столика, на котором разместился пузырек с лекарством, — больше чем ты...

Ллойву проследил за ним взглядом. Силуэт поминутно расплывался перед глазами, как и вся комната.

— Это твое? — Бес коснулся пальцем пузырька.

— Да, — Ллойву снова потрогал новоприобретенные шрамы. На пальцах осталась кровь с зеленью. — Дженве взял это у Валлара... Для меня...

Послышались шаги за дверью, и в комнату вошла растерянная Вимлин кувшином в руках. Что-то произошло... Ах, да, нападение...

— О, господин Лир, — выдохнула она, когда Ллойву повернул к ней голову, — вы проснулись... Я маме скажу... — И выскочила из комнаты.

— Ты напугал ее, — рассмеялся Бес. — Сейчас ты мог бы соперничать с самым уродливым демоном ада... Ну, правая твоя половина...

Ллойву не ответил. Голова кружилась, а в ушах отчетливо стучало сердце. Ненавистный голос... отвратительная земля...

— Тебе очень хочется послать меня, но твое воспитание не позволяет этого сделать? — Бес присел перед больным на колени, заглядывая в глаза.

— Он в порядке? — Хрипло спросил Ллойву, фокусируя взгляд на улыбающемся лице.

— Да, — Бес поднялся, чтобы уступить место тихо вошедшей хозяйке. Висметия пришла с целой корзиной всяких снадобий. Бес с интересом заглянул в корзинку. Хозяйка словно бы не видела его, мозг почему-то заиклился на этом факте. Почему Беса никто не видит? Он действительно галлюцинация?

— Как дела, господин Лир. Ох, и напугали вы нас... — Висметия выдавила из себя улыбку.

— Ей не по себе, — констатировал Бес.

— Позвольте... — Женщина смочила кусок ткани в пряно пахнущем отваре из горшка в корзинке и поднесла к лицу больного. Ллойву предупреждающе выставил ладонь и взял из ее руки тряпицу.

— Я сам... — Мокрая салфетка приятно охладила щеку. Висметия отвернулась и отошла.

— Мне жаль, что вы пострадали, господин Лир, — глухо сказала она. — Это не ваша война. Наверное, кто-то узнал, что Джарий встречался с Грольссонами. У нас много друзей, но и недругов немало. А в наше время доверять никому нельзя...

— Нет, — Ллойву снова лег на подушки. Тряпица быстро нагрелась, и теперь щека снова дергала болью в такт сердца. — Дело не в этом. Вы не виноваты...

— Джарий может не вернуться... — Горько ответила женщина. Она поднесла бокал с лекарством больному. — Я молюсь у алтаря каждый день, но боюсь, что боги нас не слышат.

Асатр сфокусировал взгляд на руке, держащей сосуд.

— Твоя героическая гибель не сделает этот мир лучше, — заметил Бес. — А вот твои деяния, будучи живым — да.

— Они слышат, — глухо проговорил Ллойву и выпил все, что было в бокале. — Не сомневайтесь, добрая госпожа.

— Я оставлю здесь все, — Висметия кивнула на горшок с отваром. — Он остановит воспаление.

— Хорошо, — Ллойву закрыл глаза, стащил тряпицу на лоб. Голова снова разболелась. — Благодарю...

— Позовите, если я понадобится. Я скажу Вим, чтобы она заглядывала к вам.

— Хорошо.

И Висметия ушла.

— Почему? — Спросил Ллойву Беса, потому что был уверен, что тот еще здесь. — Почему тебя не было рядом? Они застали нас врасплох...

Бес улыбнулся одними губами.

— Между маленькой испуганной девочкой и двумя искусными в военном деле мужчинами я выбрал девочку, благородный асатр дома Лир.

— Марисса... — Выдохнул Ллойву. Как он мог забыть! — Она в порядке?

— Да. Она в порядке. Я всегда присматриваю за ней. Там, в твоём бокале были и сонные капли... — Сообщил Бес. — Прежде, чем сон сморит тебя, скажи. На что ты готов ради брата?

— На все... — Хрипло ответил Ллойву.

— Но почему? — Этот вопрос остался без ответа. Ллойву закрыл глаза, надеясь отвязаться от собеседника. — Неужели между вами столь сильная связь?

Ллойву слышал, как Бес прошелся в одну сторону затем в другую по комнате.

— Почему ты не отвечаешь?

— Мне нечего сказать, — какое-то время было тихо, и Ллойву решил было, что Бес исчез. Но возле уха снова раздался его голос.

— У нас есть несколько дней. Прежде, чем твой брат склонится на сторону твоего отца...

— Что это значит? — Ллойву открыл глаза.

— Он считает тебя мертвым, и это подточило его. А твой отец обладает даром, и ты не будешь этого отрицать. Он владеет словом искуснее любого торговца, и может убедить любого. Сломить надломленное проще простого. Он продаст ему мир, каким его видит, и это станет началом конца...

— Между нами — сильная связь, он должен слышать, что я жив..., — устало возразил Ллойву. — Он не позволит заморочить себе голову.

— Ваш отец — основа ваших жизней. Блокировать эту связь ему под силу. Тебе ли объяснять, как устроена преемственность в ваших семьях? Глава дома становится во главе вашего дара. Это ты не станешь отрицать...

— Откуда ты знаешь все это? — Все, что оставалось — бессильно смотреть в потолок. Этот странный не лудь знал и говорил вещи от которых становилось больнее не только в ране, но и в сердце. — Кто ты такой?

— Я? — Бес поднялся от кровати. — Твой ночной кошмар. Но ты-то научился дружить со своими кошмарами... Тебе не впервой...

— Я брежу... — Ллойву бессильно отвернулся к окну. — Я схожу с ума... Ты моя галлюцинация, да? Тебя нет...

— Нет... — Бес выступил вперед из тени в углу прямо перед глазами. — Безумие —

легчайшая форма ухода от жизни. Тебе судьба уготовила нечто более захватывающее... Тебе понравится...

— Оставь меня... — Ллойву отвернулся снова, и вновь Бес выступил из тени перед взором.

— Не хочу... Не могу... Не стану. Всё, что у меня есть в этом мире — это Мышка, и для неё я перекую этот мир, если потребуется, уничтожу и создам заново. Но пока ещё есть возможность вам справиться без меня...

Ллойву вяло откашлялся. Это бред, определено. Снова жар, снова бред... Что ж, надо просто переждать... Надо смочить тряпицу. Больной с трудом поднялся на кровати, чтобы дотянуться до горшка с отваром. Тряпица выпала из пальцев. А сам он, неведомо как, снова оказался лежащим на боку. Привиделось... Все привиделось. Кто-то осторожно повалил больного на спину и прижал смоченную тряпицу к щеке. Ллойву краем глаза увидел макушку с торчащими в разные стороны пепельными волосами. Марисса. Хорошо. Он не может приближаться к ней. Значит, Бес ушел. Наконец-то.

Глава 14 в которой Ллойву возвращает старые долги

Весь следующий день Марисса провела рядом с Ллойву, отлучаясь только на трапезу в кухне. Она меняла раскисшие, разгоряченные тряпочки, а в промежутках играла рядом на кровати. Она пела что-то себе под нос, наряжала Птицу во все возможные наряды из лоскутков, что нашла здесь же, в корзине. Ни разу за это время Бес не пришел, за что Ллойву был благодарен девочке. Неведомо как, она отпугивала этого странного пугающего господина.

К концу дня Ллойву почувствовал себя достаточно поздоровевшим, чтобы спуститься поесть и поговорить с хозяйкой об отъезде. На следующий день он запланировал отбытие и дорогу. Щека все еще болела, ребра слева при каждом движении напоминали о себе, но медлить нельзя. Дженве в беде. Висметия старалась избегать обсуждать события последних дней. Ей было отчего-то неловко.

— Вас что-то тревожит, госпожа? — вежливо спросил Ллойву хозяйку, старательно избегающей взгляда в глаза.

— Нет, что вы, — Висметия тихонько утерла соринку под глазом, по этим предлогом снова отвернулась.

— И все же?

Хозяйка бросила мимолетный взгляд на асатра.

— Скажите, господин Лир... Только не лгите. На вас какое-то проклятье?

— Нет, не думаю, — ответил помедлив, Ллойву. Сначала повеселило предположение, но затем он прикусил язык.

— Отчего у Вас черная кровь? Вас прокляли? Это колдовство? — Женщина подняла, наконец, на него взгляд, полный решимости принять любую правду. — В Мелях поговаривают, что хозяин Мельина приютил двух колдунов и теперь навеки проклят. — Висметия, едва не плача, взглянула прямо в глаза.

— Госпожа, — Ллойву откашлялся. — мой род достаточно далеко уходит корнями во времена, когда людь делала еще только первые шаги. Иллои много старше люди, они застали первых богов, и те поделились с нами своей Искрой. Своей силой. Она делает нашу кровь другой, не похожей на вашу. Здесь нет колдовства или проклятья... Это сложившийся веками миропорядок. Наверняка в ваших сказаниях отразилось и это.

— То есть... — Висметия совладала с собой, хотя казалось, что не верила ни одному слову, — Вы считаетесь потомками бога?

— Да, именно так. Вы знали нас как иллиев. Утратили с нами связь, но мы вернулись. Здесь нет колдовства. Вы же видите...

Женщина закрыла глаза ладонью.

— Мне трудно принять это. Я... не смогу объяснить это людям.

— Вам не нужно, — Ллойву постарался, чтобы голос звучал максимально уверенно. — Я покину ваш дом. Завтра. Я сожалею, что бросил тень на ваш гостеприимный дом. И постараюсь всё исправить.

— Я только хочу, чтобы мой муж вернулся домой. — Не выдержала Висметия. Со слезами на глазах она взглянула на гостя. Ллойву подумал.

— Я не обещаю этого, госпожа Висметия. Но приложу все усилия для этого.

Висметия покачала головой.

— Боюсь, вы погибнете... Оба...

Ллойву промолчал. Неловкая пауза затянулась.

— Я уеду немедленно, — наконец сказал он.

— Нет, ни к чему ехать ночью, — Висметия улыбнулась через силу. — Поезжайте завтра. — Она встала и медленно, словно придавленная тяжестью, ушла. Ллойву посидел ещё немного, вдыхая аромат раскаленной печи и свежего хлеба. Жаль прощаться, но это необходимо, для безопасности, он поднялся и наткнулся на Мариссу в дверях.

— Что тебе, дитя?

— Попрощаться... — Девочка сжала в пальцах свою Птицу. — Ты уйдешь...

Ллойву опустил перед ней на колено.

— Прощай, дитя... — тихо сказал он, ласково оглаживая пепельные волосы, вопреки обыкновению, коснувшись человеческой девочки.

— Не трогай папу... не обижай... — Попросила девочка. — Он хороший...

— Не стану, — и снова Марисса порывисто обняла асатра и тотчас убежала. Вот и все. Сборы заняли недолгое время, тем более, что все было готово к отъезду еще пару дней назад. Едва дождавшись рассвета, Ллойву спустился во двор до времени, когда обитатели начнут просыпаться.

Он закрепил на Черныше вещи Дженве, оседлал Ластву. Так много времени потеряно. Крепость еще спала, и никто не видел, как Ллойву повел кродов в ворота. Лишь караульный сонно проводил его взглядом и снова задремал на своем посту.

— Тебе не успеть, — услышал он знакомый голос за спиной.

— Что должно случиться? — Тотчас вскинулся Ллойву.

— Ты потратишь на дорогу слишком много времени, — Бес обошел кродов стороной и встал рядом.

— Ты все время говоришь загадками. Если ты знаешь, что должно произойти — просто скажи, — не выдержал Ллойву. — Я устал от твоих обрывочных фраз.

— Через три-четыре дня твой отец уговорит Дженве принять свою сторону. Тогда тебе уже не остановить его. Как раз столько ты потратишь на дорогу. Даже больше.

— У меня есть выбор? Или ты знаешь о припрятанном веймане в кустах? — Усмехнулся Ллойву. — Предлагаешь долететь на крыльях ветра?

— Нет, я знаю способ получше, — Бес отступил на шаг и начал преобразаться. За спиной его раскинулись черные, словно ночь крылья заслонив полнеба, тело стало больше и удлинилось, покрылось антрацитовый чешуей, и вскоре перед Ллойву стоял самый настоящий дракон. Кто бы сказал ему оборот назад, что такое произойдет, он бы высмеял дурацкие суеверия, но сейчас... Это настоящий дракон. Из тех, о которых спорят, миф ли это. Черная шкура, покрытая антрацитовыми пластинами, лоснилась в рассветных сумерках, а сквозь прорехи ребер, там, где должно располагаться сердце, пробивался адский огонь.

«Садись, благородный асатр дома Лир, если осмелишься» — прогремело в голове сродни грохоту падающей воды. Дракон величиной превосходящий Ластву в несколько раз склонил клиновидную голову к земле, приглашая к действию. Все четыре его глаза, которые, Ллойву был готов поклясться уже видел несколько раз, скрылись под черными веками. Ллойву едва удержал попятившуюся назад Ластву. Крод вскинул голову, вырывая поводья, и с ревом отбежал в сторону, пугая пробудившуюся скотину. Время — самое ценное сокровище, и Бес был готов даровать его безвозмездно. Ллойву поправил перчатки на руках.

«Не трогай папу...» Чтож, не станем. Ллойву, решившись, в один прыжок взлетел на спину чудовища, зацепился руками за выросты на спине. Уместился меж крыльев, крепко взялся за шипы на лопатках.

«Правильный выбор», — в голосе на этот раз читалось довольство. Чудовище сделало пару шагов и оттолкнулось от земли, взмахами крыльев переполошив всю скотину в амбарах. У асатра захватило дух. Ллойву летал на веймане, когда их ещё позволяли запускать в небо, но здесь все было совершенно иначе. Мельин постепенно удалялся. Еще пара взмахов огромных крыльев, и Мели вместе с крепостью превратились в незначительные точки на земле. Ветер бил в лицо упругими струями, пришлось прижаться как можно плотнее к черной шкуре. Но и с такими неудобствами зрелище открывалось невероятное. Над Тангорой восходило солнце. Оглянувшись, Ллойву различил очертания далекого Астэллота. Горы поднимались навстречу, но дракон с легкостью лавировал между ними, пробираясь ущельями, чтобы остаться незамеченным среди людей. Поразмыслив, Ллойву пришел к выводу, что так путешествовать ему по вкусу. Осмелев, он даже оторвался от черной спины. Какое-то неуловимое чувство щекотало в груди. Счастье? Свобода, это свобода... Когда целый мир лежит под тобой и ты волен выбирать, куда отправиться. Одним лишь взмахом крыла определить, где ты будешь обедать сегодня. Невольно кривая теперь улыбка растянула губы. Никогда ещё Ллойву не чувствовал себя столь оторванным от забот, словно, поднявшись в небо, он разорвал все связи. Так, по сути, и было, в воздухе его Искра бесполезна, ему не дотянуться до прародителя. Но до чего радостно было от этой мысли, радостно и неловко.

Но вот из-за очередной горной гряды показался высокий пик башни. Черная, как смоль, она лоснилась в уже полуденном солнце, отбрасывая блики прямо в глаза. У ее подножия уже разбит лагерь.

«Мы на месте», — прогремело в голове. Чудовище медленно спикировало на наблюдательную площадку на самом верху. Люди на ней закричали в страхе, и взяли луки наизготовку. Тонкими иголками полетели стрелы.

«Время пришло», — и чудовище плавно опустилось, спланировав в неширокий проход между пиком башни и стеной. Ллойву поспешил соскочить со спины, уже приготовив кимейры, но Бес оказался быстрее. Едва асатр поставил ногу на камень площадки, Бес уже был возле лучников с мечом наизготовку. Короткая схватка, уже Ллойву едва ли различил среди копошащихся тел Беса, и защитники полетели вниз со стены.

— Ты довольно быстр, — заметил Жертвенный.

— Я прикрою тебя, делай, что должен, — отозвался Бес коротко. Путь свободен. Ллойву стянул перчатку и приложил руки к темному камню. Отец постарался. Вся крепость являла собой цельную скалу с вырезанными в ней ходами и комнатами. Только здесь, в этой долине глубоко под землёй покоились залежи этой породы. Отец пробудил её, страсть к дешёвым эффектам была ему не свойственна, но на окружавшую его людь, наверняка, подействовало безотказно.

Через камень Ллойву смог услышать каждого, кто был в этой крепости. Много людей. Даже не знал, что отец сумел склонить к себе столько последователей. И несколько асатров. Сердце дернулось. Мильен и Меоке тоже здесь. И Дженве, он жив, но сильно заглушен. Отец тоже рядом, но с ним позже. Будет не просто.

— Что ты узнал? — нетерпеливо спросил Бес.

— Все, — Ллойву натянул перчатку.

— Идем за Дженве?

— Нет. Прежде мне надо закончить одно дело, — и Ллойву уверенно направился в дверь на лестницу, ведущую вниз.

Спуск на нужный уровень не занял много времени. Вся башня для асатра превратилась в большой резонатор, где он слышал каждого. Ллойву безошибочно вел вперед, а Бес только следовал за ним. Пару человек, встретившиеся им на лестнице, Ллойву уложил без крови одним только прикосновением, лишив их памяти. Бес ухмыльнулся, посчитав такое милосердие излишним. Такой вариант его устраивал меньше, но иллой, шедший впереди был против ненужных смертей. Его право. Вскоре он, Бес, сможет взять сполна, все, что ему причитается.

Ллойву вышел на нужный ему уровень и пошел по коридорам, тщательно считая повороты. Отчего-то эти коридоры были пусты. Быть может, он хочет поквитаться с отцом? Но вот Ллойву нашел нужную дверь. Помедлил, но затем распахнул ее, взяв кимейры в руки. Открылась неприглядная картина. Взгляду открылась просторная комната, весь пол её был устлан яркими коврами, но повсюду лежали обломки разбитой мебели. А посреди всего хаоса — Дойванор Вайзе лежащий на полу, раскинув руки.

Ллойву вошел в комнату и встал в паре шагов от него.

— Поднимайся, Дойве, кажется, мы не закончили. — Тихо сказал он. Дойванор повернул голову, с трудом узнавая стоящего перед ним.

— Ты кто? — Грубо спросил он. Бес осторожно прошел в комнату, старательно избегая наступать на обломки.

— Что это с ним? — Брезгливо спросил он.

— Он опять нажрался... — отозвался Ллойву. — Подозреваю, на земле людей тоже не мало стимулятов. Вставай, иначе я убью тебя прямо сейчас.

Дойванор с трудом оценив обстановку поднялся.

— Баа! — Воскликнул он, узнавая противника, — Ллойву Лир! Отлично выглядишь... — И Вайзе расхохотался, указывая на собственную рассеченную щеку. — С этим...

— Ты желаешь защититься? — Холодно прервал его Ллойву.

— Конечно! — Дойванор сделал вид, что достает кимейры, но при этом быстро выкинул руку, мерцающую синими искрами, вперед. Октис вспыхнул, повинувшись команде. Разряд должен был попасть в ненавистного ему Лира, но перед глазами мелькнула тень, а противник по-прежнему стоял на ногах.

— Что за черт? — Дойванор снова послал разряд, и снова без результата. Тут кто-то схватил его за запястье с октисом, и Дойванор с недоумением увидел, как рядом возник человек, несмотря на усилия, отгибающий руку в локте.

— Уравняем шансы, — прошипел человечико, и сорвал октис с руки. Дойванор махнул кулаком другой руки, надеясь попасть по наглецу, но тот исчез.

— Бейся, — Ллойву встряхнул кимейры и они чуть удлинились. — Или я убью тебя так.

— Да пошел ты... — Дойванор выхватил свои клинки, давая им волю. Мечи стали достаточно длинными, чтобы достать соперника. И Дойве пошел в атаку. Ллойву без труда ускользал от атак. Дойванор с яростью рубил воздух, едва узнавая, где находится противник. Пару раз он пропустил короткий колющий удар, но никак не мог поймать противника на клинок. Это злило его еще больше. Проклятый калека! Как он смеет быть

живым! Даже в стеснённых условиях его покоев никак не удавалось зацепить этого Лира. Он призрак?

— Сколько можно убивать тебя? — Задыхаясь от усилия, процедил сквозь зубы Дойванор. Ограниченное пространство комнаты не давало свободы для маневра, длинные мечи царапали стены, вязли в тканевых шпалерах, но Дойванора это не останавливало. Он рубил и колол воздух, стараясь попасть в ускользящего противника.

— Она стала моей! Слышишь? — Прохрипел Дойванор и рассмеялся. Один миг — открытый торс, и клинок вошел в незащищенную спину. Вайзе упал на одно голено, раскинув руки, опираясь на два своих меча. Сучий Лир. Проклятый калека слишком чтит традиции, он не убьет, пока противник на коленях. Дойванор рассмеялся. Долбаный Ллойву, всю жизнь казался лучше, чем есть на самом деле. Почему никто не разглядел, кто он? Вот Альма сразу его раскусила...

— Она моя... — прохрипел Дойве.

— Боюсь, ненадолго, — холодно заметил Ллойву, появляясь перед Дойве из слепой зоны. Клинки его вытянулись теперь до предельного размера. Два взмаха, и Дойванор с недоумением посмотрел на обрубки своих рук. Ллойву размахнулся снова, и голова врага отлетела прочь, заливая дорогой ковер черной, как уголь, кровью.

Бес появился за спиной.

— Ты жестоко обходишься со своими врагами, — заметил он.

— У меня нет врагов, — ответил Ллойву, отряхивая клинки от крови.

— Теперь я вижу, почему. — Бес кивнул на расчлененное тело, что постепенно начало растворяться грязной, мутной водой. Прародитель дома принимал к себе потерянного потомка. — А с виду никогда не угадаешь...

— Чего? — Ллойву повернул к нему голову.

— Такой изощренной жестокости.

Ллойву не ответил, он повернулся и ушел. Бес замер, глядя на растекшуюся на ковре лужу, что осталась после растворения тела, но совладал с собой и вышел следом.

Теперь они только спускались. Лестницы спиралью уводили их все глубже в утробу башни. Всех, кто попадался навстречу, Бес просто вырезал, ловко обходясь с оружием, упреждая все попытки Ллойву не проливать больше крови. Асатр же не стал возражать. Все, кто находится здесь, присягнули Советнику, а значит, могли с той же легкостью убить и их, подари судьба им такую возможность. Спусти два уровня Ллойву замер.

— Что? — Бес остановился тоже.

— Здесь Советник, — Ллойву повернулся в противоположную сторону.

— Он нам не нужен, — возразил Бес. — Дженве, помнишь? Мы пришли сюда за ним.

— Помню... — Ллойву, преодолевая себя, двинулся дальше к своей цели. Бес пропустил его вперед.

— Что такое? Это какая-то магия? — Бес оглянулся в поисках новых угроз.

— Не знаю... — Ллойву вздохнул глубоко, оперся рукой о стену. — Я слишком громко слышу его... Словно...

— Ллойву? — Бес быстро обернулся. Изольтар Лир собственной персоной в окружении десятка охранителей стоял в другом конце широкого коридора. — Мне сказали, ты мертв...

— Возможно, тебе хотелось так считать. — Ллойву медленно повернулся к отцу. Это ловушка. Бес вдруг исчез.

— Ты неожиданно живуч, — улыбнулся Изольтар. Его люди осторожно двинулись вперед и начали окружать одинокого противника. Невзначай раздался задавленный крик слева. И все напряглись, когда один из охранителей осел на землю с перерезанным горлом. Затем еще крик, и защитники потеряли еще одного. Охранители заволновались и снова окружили своего предводителя.

— Что это? — застыл вопрос в их глазах. То, что происходило они, определенно не понимали. Противник стоял перед ними безоружный, но люди продолжали падать один за другим.

— Идем со мной, сын, — не обращая внимания на вопли и возню рядом, продолжил Изольтар. — Я рад, что ты жив.

Еще крик прервал его слова. Охранители начали беспорядочно размахивать клинками в надежде попасть по невидимке, но все одно падали один за другим, теряя жизнь и иссыхая на глазах.

Изольтар безразлично наблюдал за действием, не отвлекаясь от основной цели.

— Я пришел за Дженве, — Ллойву встал напротив отца, распрямив спину и плечи.

— И кого же ты привел с собой? — С любопытством спросил Советник. — Ты, как всегда, всех удивил.

Вскоре Советник остался один среди поверженной свиты.

Из полумрака выступил Бес, и встал рядом с Советником.

— Кто же ты? — Обратился Изольтар к нему, оглядывая поверженных своих охранителей.

— Я? — Бес ухмыльнулся. — Демон этого мира... Ты залез на мою землю...

— Демон? — Изольтар расхохотался. — Пошел вон! — Он брезгливо посмотрел на Беса. Но тот и не думал уходить, наоборот, сделал шаг ближе.

— Это разговор между мной и моим сыном, оставь нас, — надменно бросил Изольтар. А Бес уже исчез и теперь появился за спиной Советника.

— Говори, я не стану мешать, — тихо пропел Бес.

— Ллойву, я слышал, ты смог опустить Астэллот. Я горжусь тобой, — ласково обратился Изольтар к сыну. — Я всегда говорил, что твои способности далеко уведут тебя. Но смог ли ты удержать победу? Тебя почитают на родине? — Изольтар двинулся вперед, сокращая расстояние.

— Это не важно, — Ллойву казалось, что в присутствии Советника ему становится душно, перестало хватать воздуха. Он старался дышать глубоко, чтобы унять разволновавшееся сердце.

— А кого-то из тех, кто помог тебе, почитают на Астэллоте?

— Это имеет значение?...

— Ты вошел в новый Совет?

— Нет...

— Тебя назначили страцием?

— Нет, это лишнее, Окто больше нет и...

Советник подошел уже очень близко. Слишком. Ллойву вдруг понял, что не может противиться ему. Это его дар, дар подчинения. Все, что оставалось, смотреть и слушать.

— Значит, получив новую жизнь, иллои забыли о своих героях? — Изольтар положил руку на плечо сыну.

— Нет, все не так... — Ллойву с трудом стряхнул руку Советника. — Они благодарны

нам, отец...

— Но у тебя нет привелегий? Ты ничто в сравнении с новыми Советниками? Несмотря на жертвы? Кто из них отдал больше чем ты? Хотя бы столько же?

— Я... — В голове все смешалось.

— Я лишь хочу вернуть нам былое величие. Иллои многим обязаны нам. И тебе... Но они не желают этого помнить... Тоже я сказал и Дженве...

— Что ты делаешь? Сейчас? — Ллойву бессильно оперся о стену плечом. Только бы не упасть, не при Советнике.

— Ты устал. Можешь отдохнуть здесь. Мы найдем тебе доктора. Не этих грязных знахарей, настоящего доктора. Меоке здесь. И Мильен. Неужели ты не скучаешь?

— Хватит, — Ллойву стиснул зубы, и они отозвались стреляющей в десну болью, вернув к реальности из пут вкрадчивого голоса. Советник кого угодно может усыпить своими речами. За спиной возник Бес и схватил Советника рукой за шею. Изольтар дернулся, сжав чужую руку на своем горле ладонью. В глазах его отразилась боль и страх, на лице промелькнула тень агонии.

— О... — Бес, стиснув зубы, растянул губы в улыбке. — Знаешь, что он приготовил тебе? Тут внизу есть камора... Я бывал в таких... В прошлой жизни.

— Замолчи... — прохрипел Изольтар. — Ты ничего не знаешь!

— Знатно ты бы там отдохнул, — Бес со злобой отшвырнул от себя грузное обмякшее тело. Советник отполз к стене, оскальзываясь на крови своих людей.

— Оставь его, — Ллойву вдохнул поглубже. — Нас ждет Дженве.

— Я бы не стал... — Бес оглянулся. Кругом лежали трупы охранителей, но Советника нигде не было видно. Старик исчез. — отпустить...

— Он ушел, нас ждёт Дженве, — Ллойву повернулся, чтобы идти дальше. Бес с трудом покрутил обожженным запястьем, которым держал Советника за шею. Прикосновение к божественной Искре не прошло для него без следа.

Глава 15 где семья ненадолго воссоединяется вновь

Дженве измучился, и это еще мягко сказано. Его мучили призраки прошлого, мучила жажда и голод. В темноте он совершенно потерял счет времени, и забыл, что находится в маленькой камере. Он тысячу раз пытался вырвать цепь из камня и все время безуспешно. Пытался дотянуться до кого-нибудь в этой крепости, и снова никак. Он оказался в полной изоляции. Отец заходил еще раз, что-то говорил, увещевал. Но Дженве не желал слушать. Казалось даже, что безумие уже близко. В тишине он слышал лишь биение своего сердца, да кровь в ушах от изнеможения. Но просить отца нельзя. Он поймет, что выиграл. Советник не должен выиграть. А вот Ллойву проиграл. Дженве даже выдавил из себя слезу. Брат стал ему ближе, чем все остальные, за последний оборот. Он, конечно, не любит, когда за ним приглядывают, но без этого он может погубить сам себя. И погубил... Только не он сам, а Дойванор. С этим господином еще предстоит покончить. Но сделать это, сидя здесь, невозможно. Надо выбраться...

Надо сказать отцу, что он на все согласен. Тогда его освободят. Да, точно...

Поэтому, когда проем в стене снова раскрылся, Дженве был готов говорить с отцом. Но в проеме показались две фигуры, а не одна. И ни одна из них не напоминала высокую грузную фигуру Советника.

— Тут нет света! — Раздался знакомый голос с брезгливыми нотами. — Что за варварское отношение!

— Ллойву? — Дженве приподнялся с пола, загремели цепи.

— Джев! — Услышал Дженве укоряющее, — Ты все еще здесь? Я тебя не узнаю!

— Ловкач! — Дженве был готов разрыдаться, поднялся, потянулся к темному силуэту на фоне открытого проёма, сколько позволяли прикованные руки. — Это правда ты?

— Это я, — силуэт шагнул навстречу, и Дженве обнял брата. Непрошенные слезы катились из глаз. Возможно, от слабости, возможно от переполнявших его чувств.

— Я принес свет, — тихо сказал кто-то и камера осветилась от единственного светильника. Дженве отстранил от себя брата, чтобы взглянуть на него. Уродливый порез, кое-как стянутый грубыми стежками, теперь уродовал правую половину его лица, но в остальном он был все тот же Ллойву. Сух и скуп на эмоции.

— Ловкач... — Дженве не в силах выразить свою радость словами снова обнял его. — Я убью этого паршивца Дойве...

— Не трудись, я уже сделал это, — возразил Ллойву.

— А отца видел?

— И с ним повстречались, — кивнул незнакомец за спиной Ллойву.

— Не знаю, кто ты, но рад, что ты здесь, — всхлипнул Дженве, не в силах сдерживать слезы, прижал брата крепче.

— Джев... — Ллойву отстранился.

— Что?

— Возьми себя в руки. Нам надо уходить отсюда.

— Да-да, — Дженве вытер глаза.

— Соберись, — Ллойву положил руку на плечо, заглянул в лицо. — Джев.

— Прости, я слишком долго был здесь. Я не могу избавиться от них, — Дженве поднял руки, цепи загремели.

— Думаю, нужен ключ, — проговорил незнакомец и исчез из камеры.

— Джев, — Ллойву встряхнул брата. — Я здесь. Все в порядке. Соберись.

Дженве напрягся и дернул одну из цепей двумя руками. Крепежный крюк застонал, но выдержал.

— Давай, я помогу, — Ллойву снял перчатки и прижал руки к стене. Дженве дернул еще раз, и в этот раз крюк выкрошило вместе с куском камня. Тоже сделали со второй рукой. Дженве намотал цепь на кулак, взяв в ладонь крепежный крюк. Бес появился в проёме, держа перед собой связку ключей, как трофей, но, оглядев разруху в камере, довольно улыбнулся.

— Я опоздал?

— Давай ключ, — выдохнул Дженве, приходя в себя. Отомкнули замки на ногах.

— Каков план? — Бодро спросил бывший пленник.

— Думаю, нам надо попасть в кабинет к отцу. Он наверняка где-то здесь обосновался. Узнаем, каков его план, — Ллойву развернулся и вышел. Дженве вздохнул пару раз полной грудью, чтобы в голове прояснилось. Радость от осознания, что Ллойву жив, что всё в порядке туманила голову не хуже стимулята.

— Жрать хочу, — выдохнул он, догоняя брата.

— Это поправимо, братец, — отозвался Ллойву. — Наверняка здесь есть, чем тебя накормить.

Дженве на ходу размял плечи. Навстречу, услышав, что в башне появились чужаки, спешили вооруженные воины в порыве остановить беглецов.

— Позволь, я, — Дженве отодвинул брата за спину и пошел вперед. Ярость, накопившаяся за последние дни, требовала выхода. Кулак, обмотанный цепью из черного металла, опускался без разбора на любого врага, пытавшегося проникнуть за рубеж, очерченный для себя Дженве.

Бес подошел со спины.

— Из вас двоих он — сила, я так понимаю, — усмехнулся он, наблюдая, как Дженве голыми руками расправляется с противниками. Ллойву скривился.

— Он не глупец... Если ты это имеешь в виду.

— Но с тобой ему не ровняться...

— Как и мне с ним... — Ллойву обменялся с Бесом взглядами. Это странный полулюдь-полудемон говорит и делает вещи, которые не каждый мог бы себе позволить. Но для кошмара или галлюцинации простительно. Даже воплощённой.

Дженве швырнул последнего противника о стену, отряхнул руки, поправил цепи и поманил за собой. Осторожно ступая среди павших, Ллойву прошел вперед. Теперь вел Дженве. Наконец, придя в себя, он снова принял на себя роль командира и ведущего, как и обычно в общих авантюрах.

— Не спрашиваю, кто там за моей спиной, брат, но у меня от него волосы встают дыбом, — бросил с улыбкой Дженве.

— Представь, что меня нет, — парировал Бес. Из боковых коридоров на них смотрели недоумевающие патрульные, но препятствий беглецам больше не чинили. А потому были отпущены с богом. Отовсюду слышался отдаляющийся топот ног. Противник бежал с поля боя, что казалось странным и немного пугающим. Ллойву краем внутреннего чутья слышал, что башня начинает пустеть. После широкого коридора все трое попали в большую залу, впрочем скудно обставленную. Несколько грубо сколоченных столов, и скамей составляли

его обстановку. А освещалась эта зала через несколько высоких стрельчатых окон под высоким потолком.

— Если бы ты был Изольтаром, где бы ты обосновался? — Невзначай спросил Дженве, заметив арку, ведущую на лестницу на другом конце залы.

— Наверху, — в унисон сказали оба брата. И Дженве повел свой отряд к лестнице, но путь им преградили новые лица. Мильен в мужском платье спустилась со ступеней и встала, преградив дорогу, а позади откашлялся Меоке с клинками наизготовку.

— Вот черт! — Дженве с лихой улыбкой поднял кулаки. — Кому-то придется драться с девчонкой.

— Пусть это будет Ллойву, — парировал Меоке. — Сейчас их, хотя бы можно отличить друг от друга...

Ллойву с надменным лицом повернулся к младшему брату.

— Ты понимаешь, конечно, что оскорбил сейчас своей фразой обе стороны.

— Вряд ли он понимает, что говорит, — рассмеялся Дженве, поворачиваясь к Меоке. — Связь слов и мыслей никогда не была его сильной стороной.

— Ллойву, — Мильен спустилась на пару ступеней. Кимейры в ее руках слегка дрожали. — Это правда?

— Смотря что ты имеешь в виду, — Ллойву вытянул свое оружие из-за спины на всякий случай, но кинжалы оставались в покое.

— Аст'Эллот... Ты опустил его? — Мильен спустилась еще на ступень. Голос ее едва слышно дрожал.

— Я был не один...

— Но это правда?

— Правда, — Бес показался за спиной астеры. Ллойву вскинул руку, предупреждая страшное. — Не трожь!

Мильен обернулась, но никого не увидела. Она спустилась с лестницы.

— Я так хочу вернуться... — Прошептала она, глядя брату в глаза, и слезы заставили её голос дрожать. — Хочу, чтобы все было, как раньше...

— Так не будет, Милле, — Ллойву убрал кимейры в ножны. — Все будет иначе, по-новому...

Мильен выронила свои клинки и, сделав ещё пару шагов, повисла на шее у брата. Тоненько в голос зарыдала. Ллойву обнял ее, утешая.

— Мне так жаль! — Всхлипывала она, уткнувшись в плечо, — я скучала, правда, очень... Я хочу вернуться...

Дженве, наблюдая за этой сценой, повернулся к Меоке, распахнув объятия.

— А ты, воробушек? Скучал?

— Черт, Дженв! — Выругался Меоке, складывая клинки. — Я просил не называть меня так. Когда ты запомнишь?

— Не стану, — примирительно прогудел Дженве, наступая на брата. Меоке нехотя позволил заключить себя в крепкие объятия.

— Хорошо, хорошо, — выдавил он из себя, задыхаясь, похлопывая Дженве по спине. — Я тоже скучал.

Мильен вздрагивала всем телом в объятиях, изливая все напряжения последних дней слезами. Ллойву прижал ее крепче, вдыхая давно забытый запах духов, словно невесомый привет из прошлого. Дженве молчал, пережидая, пока Мильен успокоится. Молчал и Меоке.

— Вы видели отца? — Спросил он после паузы.

— Он покинул нашу беседу, — отозвался Ллойву. — Не пожелав ее закончить.

— Мы искали его, — всхлипнула Мильен, отрываясь, наконец, от брата, — но не смогли найти. Он словно исчез.

— Кажется, нас предали, — кивнул Меоке. — Наемники бежали, Дойванор куда-то пропал, а Таи Вайзе ведет сюда армию.

— Армию? — Дженве с неудовольствием прищелкнул языком. — Я думал, у папаши все под контролем.

— Было... Под контролем, — Меоке недовольно пожал плечами. — Пока отец не заключил союз с местным корольком. Кому-то это пришлось не по вкусу. Тиллу Гайо собрал свой союз среди недовольных. Я не совсем понимаю, кто сейчас за что борется.

— Нам нужно попасть в его кабинет, — спохватился Ллойву.

— Снова ищешь ответы? — Рассмеялся Дженве. Мильен молча поманила братьев за собой.

— Расскажи поподробнее, что за союз? — Попросил Ллойву Меоке, пока они поднимались по спиральной лестнице наверх.

— Я точно не знаю, — уклонился от ответа Меоке. — Знаю только, что кое-кто против всяких союзов с людью.

— Кто же?

— Тиллу Гайо, например.

— Как же он допустил, что Дойванор служит у отца? Я слышал, он стал зятем Советнику, — усмеялся Ллойву.

— Стал, — Мильен фыркнула, поворачивая голову, как породистая кошка. — Поговаривают, он распускает руки... Тиллу прогнал его от себя... Он, наверняка, пожалел, что его зятем не стал ты, — Мильен улыбнулась хитро.

— Пусть он не беспокоится. Я сделал его дочь вдовой, — буднично заметил Ллойву.

— Это точно? — Ахнула Мильен.

— Точнее не бывает, — кивнул Ллойву. Девушка распахнула тяжёлую дверь кабинета перед братьями. Ллойву с замиранием сердца переступил порог. Советник сделал в этом кабинете точную копию своих апартаментов на Аст'Эллоте. Дженве присвистнул, оглядев дорогие переплеты на полках, множество милых сердцу вещиц. Взгляд его упал на четыре кимейра на почетном месте, на подставке.

— О, мои клинки, — Дженве радостно снял их с подставки. — Сними-ка мне эти шпунты, братец. — Он погромел цепью. Ллойву молча бросил ему связку ключей. Пока Дженве возился с замками, Ллойву обошел кабинет кругом, любуясь коллекцией книг, затем подошел к столу, где разместились карта Тангоры и раскрытый дневник с записями.

— Вот это важно, — Ллойву, достав из-за пазухи футляр с очками, склонился над картой. Меоке, со скепсисом наблюдая за братьями, тоже подошел к столу.

— С кем, говоришь, заключен союз? — Невзначай уточнил Ллойву.

— С тьярдом, сколько знаю, — отозвался Меоке.

— Они планируют сжечь все северные владения, включая Мели, — Ллойву поднял глаза на Дженве, посмотрел на него поверх очков. — А затем и Аст'Эллот...

Дженве подошел ближе.

— Почему ты решил, что это так?

Ллойву молча указал на карту. Искусно выполненные фигурки воинов окружили

огромный залив, что стал новым приютом для острова.

— Нет, — Мильен несмело вмешалась. — Отец говорил, что мы лишь окажем помощь людям.

— Мы только немного помогаем, — кивнул Меоке. — Остальное они делают сами.

Ллойву сложил дневник и спрятал его себе за пазуху, как и окуляры.

— Отец сказал, что против действующего тьярда затеяли смуту, и мы должны помочь, чтобы сохранить мир, — продолжил Меоке, наблюдая за руками брата. Дженве нашел кувшин с водой и, наконец, утолил жажду.

— Ему не нужен мир сейчас, — глухо отзвался Ллойву. — Ему нужен Аст'Эллот в первую очередь, и лишь затем мир. Весь.

Меоке переглянулся с сестрой.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что Изольтар Лир принесет в эти земли большие разрушения, чем люди смогут натворить сами.

— Ллойву, — Мильен подошла и положила обе ладони на грудь брату. — Мы все помним, что у тебя непростые отношения с ним. Ты преувеличиваешь...

— Нет, — Дженве отрыгнул в кулак после выпитого. — Я сам слышал. Он хвастался передо мной.

— Ну и что? — Мильен беспомощно оглянулась. — Разве это наше дело?

— Мы можем не дать ему осуществить свой план, и дать люди разобраться самой, — Дженве коснулся кимейров за спиной.

— Каким образом? — Усмехнулся Меоке. — Мы здесь — чужие. Отец добился признания и поддержки. За нами была готова выступить целая армия. А теперь? Нам сражаться против?

— Думаю, надо навестить тьярда, — задумчиво проговорил Ллойву.

— Тебя не станут слушать, — фыркнул Меоке. — Кто ты для них? Чужак! Никто!

— Отец также был никем, когда пришел к нему...

— Но это же отец... — Робко протянула Мильен. — Он умеет убеждать...

— Ты сомневаешься во мне? — Ллойву криво улыбнулся.

Башня содрогнулась. Мильен схватилась за край стола рядом, прижала руку к груди в испуге.

— Что это?

— Эй! — Резонировала башня, и звук, казалось, исходил от самих стен. — Лиры... Выходите...

— Кто это? — Дженве выглянул в узкое окошко — бойницу. — Опа, еще один Вайзе. Ллойву, не желаешь укоротить их род еще на одного... Кажется, это побочная ветвь, но какая разница, да?

Ллойву подошел ближе, чтобы оценить опасность.

— Ты в уме? — Он отпрянул. — Там целая армия!

— Я говорил вам, — надулся Меоке.

— Обещаю не убивать вас... — Вещали стены. — Милле даже может стать моей женой... Советник обещал мне...

— Он... — Мильен подняла глаза на братьев, — знает, что вы здесь?

— Возможно, бежавший Советник присоединился к нему.

— Меоке и Мильен можете выйти, вас я милую, — гудели стены. — Старшим Лирам

предлагаю сдать...

— Я... — Мильен заметалась по комнате в волнении. — О, боги! Я не знаю, что делать!

— Быть может, мы сможем уговорить его? — Робко спросил Меоке. — Отец не позволит убить вас, если он там.

Удар сотряс башню еще раз. Ллойву встретился взглядом с Дженве, и тот расплылся в лихой улыбке.

— Я не стану сдаваться, — беспечно ответил он. — Пускай попробуют одолеть меня.

— Это глупо, — Мильен едва не плакала. — Зачем нам снова разделяться? Зачем снова?

Мы только встретились!

— Она права, это глупо, — отозвался Ллойву. — Если вас не тронут, вы можете выйти к ним.

— А вы?

— Вариант, где меня снова запирают в темнушке, меня не устраивает, — Дженве вытащил клинки. — Если им есть, что предложить, я выслушаю. Если нет — пускай катятся к своему тьяду, чёрту, Советнику, куда угодно.

— Вам не одолеть стольких, — возразил Меоке. Для себя он уже принял решение и ждал только сестру.

— Там сколько? Сотни две? — Усмехнулся Дженве. — По сотне на брата... Многовато, конечно, но, думаю, справимся...

— Мы не оставим вас. Правда же? — Мильен повернулась в поисках поддержки, но не нашла ее.

— Пусть отец принимает решение. Ты идёшь, Милле? — Меоке пожал плечами, готовясь уйти.

— Я? — Мильен опустила голову.

Еще удар сотряс стены.

— У вас минута, затем я прикажу убить всех будет кто внутри, — резонировали стены, — вас там сколько? Четверо? Всего-то?

— Мильен, — Меоке уже стоял у входа. — Идем! — Но астера медлила. Подняла глаза на Дженве, посмотрела на Ллойву.

— Вы обрели свободу? — Тихо спросила она, и Ллойву не ответил, только встретившись ней взглядом. — Тогда я остаюсь... Иди без меня, Меоке.

— Мильен! — Меоке привалился к стене. — Нас всех убьют! Там две сотни вооруженных людей! Мне кажется, я и баллисты видел.

— Они всего лишь люди, — отозвалась астера, как эхо.

— Отец ждет нас!

— Его там нет... Его давно нет с нами, — грустно сказала Мильен, вынимая кимейры. Меоке зарычал от бессилия, в гневе ударив ни в чем неповинную стену.

— Мы заходим... — И снизу послышались удары выламываемых дверей.

— Значит все-таки четверо на две сотни? — Ухмыльнулся Дженве. — По пятьдесят на брата. И Табидир Вайзе, как главный приз. Это уже интереснее.

— Позвольте, я увеличу ваше число на один, — раздался тихий голос. Все обернулись. В темном углу стоял человек. Невысокий, почти незаметный в тени.

— Ты кто? — Раздраженно спросил Меоке.

— Это... Бес, — Ллойву кивнул. — Он... помогает мне... нам.

— Помощь нам не помешает, — согласился Дженве, размял плечи.

— Сколько ты можешь взять на себя? — Спросил он Беса. — Тройх?

— Всех, — последовал тихий ответ, вызвав волну веселья со стороны Дженве. — Если потребуется.

— Мы пожалеем об этом, — прошипел Меоке, — отец говорил, что мы не должны вмешиваться!

— Правда? — невинно уточнил Ллойву, примериваясь к клинку, — мне казалось, он уже по шею залез в это.

Меоке стрельнул полным злобы взглядом в сторону брата.

По узкой лестнице они спустились в пустую залу, чтобы встретить врага там.

— Если припечет, делай, что можешь, — прошептал Дженве Бесу, и тот кивнул, незаметно для всех растянув рот до самых ушей, обнажая острые, как клинки, зубы.

Глава 16 в которой празднуют маленькую победу

Наспех соорудили баррикады, пока осаждающие выламывали тяжелые створки внизу.

— Не так я хотел закончить день. — Ворчал Дженве, переворачивая столы. Ллойву просто сидел, наблюдая, как завалы мебели растут. Мильен стояла рядом.

— Мы справимся, как думаешь? — Спросила астера, тщательно скрывая дрожь в голосе.

— Да, — коротко ответил Ллойву. Бес выхаживал рядом, с любопытством поглядывая на асатров. Наконец, судя по звуку, дверь поддалась. Все замерли в ожидании волны вооруженных людей. Какое-то время было тихо, затем раздался топот множества ног, многократно усиленный эхом. Захватчики разбежались по пустым коридорам в поисках противника.

Наконец несколько человек вбежали и в залу. Дженве и Меоке встретили их у самых дверей, вынырнув из «слепой зоны». Все пятеро получили удар в спину.

— Минус пять, — кивнул Дженве.

— Где вы? — Эхом разнеслось по коридорам. Дженве с Меоке снова встали по обе стороны широких дверей. Вбежали еще несколько человек, и они пали от удара в спину.

— Одиннадцать, — Дженве смахнул капли алой крови с клинка.

Вскоре топот стал громче. Дженве сделал знак Меоке отступить за барьер. В залу начали прибывать люди, вваливаясь и с криками устремляясь на баррикады. Дженве и Меоке сдерживали их возле узких проходов между навалами, кто-то полез на верх невысокого барьера, но оттуда его смахнула Мильен, орудуя клинком не хуже своих братьев. Бес неведомо как оказался в гуще боя. Только крики и проклятья обозначали его передвижения. Довольно быстро осажденные справились и с этим испытанием. Наступила передышка

— Черт, сбился... — Дженве оглянулся на Ллойву, всё ещё сидящего на скамье у самой лестницы.

— Ты в порядке?

— Да, — последовал ответ. Ллойву поднялся и соединил кимейры в глефу. — Я в порядке...

Вскоре люди снова повалили через дверь, напирая друг на друга. Ставшая вдруг тесной зала сыграла на руку защитникам, нападавшие теснились и мешали друг другу. Бес быстро сбивал особо рьяных с баррикады, и расчищал площадку перед нагромождением мебели. Количество тел перед баррикадой росло, затрудняя нападавшим возможность внезапной атаки. А они все шли и шли. Дженве устал считать свои жертвы. В пылу боя он потерял из вида и братьев, и сестру. Его оттеснили к стене, заставляя все чаще уходить в оборону. По счастью, рядом оказался Бес, который быстро выровнял силы. Удивительное дело, казалось, его как будто не задевали клинками.

Крики, шум, звон мечей наполнили залу до самого свода. Казалось, случился самый настоящий ад. По счастью, асатрам удалось сдержать свой рубеж, и люди не прорвались за баррикаду. За первой волной хлынула вторая, а затем и третья. Сила, не сравнимая с человеком, позволяла асатрам держаться дольше, нежели, людям, но и их силы не безграничны, все начали уставать, а усталость поражает ошибки. Дженве оглянулся на свое войско. Меоке заработал порез через грудь, Мильен расцвела румянцем и выглядела теперь подобно воинственной деве. Растрепанность после боя придавала ей особую прелесть. Ллойву в перерывах между схватками не упускал случая отдохнуть, привалившись к стене

или сидя на скамье.

— Как ты, Ловкач? — Крикнул Дженве, перекрывая голосом крики и стоны раненых. Но не дождался ответа.

— Так, так, — сам Табидир Вайзе вошел в залу в сопровождении телохранителей. Нападавшие, ворвавшиеся в залу, тотчас отступили к своему командиру. Дженве выдохнул. Хоть так передышка.

— Лиры, вы невыносимы! — Воскликнул Табидир, оглядывая горы трупов перед баррикадой. — Нельзя было просто сдать?

— Традиция не позволяет нам этого, — усмехнулся Дженве.

— От тебя, Дженве, я не ожидал! — Табидир не спешил подходить ближе. — Ты же любимчик Изольтара, зачем вы положили всю его армию?

— Жидковата армия...

— Меоке! Мильен! — Табидир вытянул шею, выглядывая из-за завалов искомым иллоев. — Неужели и вы здесь?

— Мы здесь, — отозвалась астера.

— Твой отец позволил мне назвать тебя невестой, — Табидир усмехнулся. — Зачем же все усложнять?

— Он позабыл спросить моего согласия, — дерзко выкрикнула Милле.

— Я думал, у вас заведено, что отец все решает.

— Это было на Аст'Эллоте, в прошлой жизни. Здесь все иначе, — возразила Мильен.

— Неужели? Где, кстати, сам Изольтар? Мне надо с ним поговорить.

— Он бежал. Мы думали, он с тобой, — вставил Дженве.

— Вот как? — Удивился Вайзе. — А мой двоюродный братец? Я не слышу его... Вы убили его?

— Он мертв, — кивнул Дженве.

— Это оскорбительно для дяди, но я передам. Я не вижу ваш семейный талисман. Где Ллойву? Он жив еще?

— Жив, я передам ему, что печешься о его здоровье, — Кивнул Дженве, бросая мимолётный взгляд на прикорнувшего на скамье брата.

— Все в сборе, значит... Если я сейчас уничтожу вас всех одним ударом, род Лир пойдет в другую сторону. — Просто заметил Табидир. — Изольтар потеряет свой вес. Заманчиво...

— Попробуй, — согласился Дженве. И тут Вайзе обратил внимание на незнакомого ему человека возле Дженве.

— Это кто?

— Это? — Дженве оглянулся. — Это Бес.

— Бес? — Табидир рассмеялся. — Емко... Беги отсюда, Бес, здесь будут умирать боги...

— Ты не представляешь, насколько прав, — тихо проговорил Бес, и Дженве всем телом почувствовал, как от него исходят волны жара.

— Убейте их, — кивнул Табидир своим телохранителям. Без сомнений, эти воины были более искусными и лучше вооружены, а защитники устали, потратив силы в предыдущих схватках. По всему, на это и был расчет. Вот упал Меоке, не отразив роковую атаку, вскрикнул от боли Мильен, отступая за баррикаду. Дженве с ужасом понимал, что этих ему не одолеть. Много чего влияет на их проигрыш: усталость каждого, число врагов, и неизвестность будущего. А если там, за стеной башни их ждут новые враги? Табидир пришел сюда убивать, и отступать при численном перевесе он не намерен.

Дженве с удивлением увидел, что лицо Беса начало преобразовываться. Он отшвырнул одного из противников за шиворот назад. На висках его отчетливо проступило через кожу еще по глазу, а рот растянулся до самых ушей. На спине, под одеждой как будто встопорщились шипы.

«Защити своих» — прогремело в голове. Всех противников Бес просто смел, как мусор со своей дороги. Дженве с ужасом наблюдал за метаморфозой. Руки Беса вытянулись, за спиной поднялись обугленные остовы крыльев. Теперь он стал похож на уродливого демона из старых легенд. Только легенды утверждают, что демоны никогда не принимают ничью сторону.

Дженве откатился за баррикаду. Подбежал к раненому Меоке, лежащему на полу, Мильен уже перевязала ему рану. Ллойву еще сдерживал своего противника, но тоже постоянно отступал, шаг за шагом, когда подоспел Бес, и противник оказался смят нечеловеческой силой. Ллойву, покачиваясь, отступил назад. Дженев поспешил оттянуть его в укрытие.

— Как ты? — Спросил он, вглядываясь в покрытое испариной лицо.

— В порядке... — Выдохнул Ллойву, опускаясь на пол, откидываясь назад и закрывая глаза. В новых обстоятельствах бой закончился быстрее, чем мог предположить кто либо. Часть воинов бежала с криками «дьявол», только завидев устрашающий лик, часть, из тех, кто преодолел свой ужас, уже дотлевали на полу. Бес, закончив, подступил к Табидиру, преобразываясь в человека. Тот осознал, что остался один, потому как остатки армии в страхе перед противником бежали, попятился назад.

— Что ты такое? — Выдохнул он, и, ушел в «слепую зону». Дженве ожидал, что он объявится где-то рядом, но он, похоже, тоже бежал. Это было похоже на победу, хрупкую, переменчивую, но победу. Бес встряхнулся, окончательно принимая человеческую форму.

— Да, оставлю я его в живых... Не беспокойся... — Проговорил он кому-то, и пошел за баррикаду. Весь пол залы был завален трупами и стонущими ранеными.

— Идемте вверх, приберем чуть позже, — предложил Дженве, помогая Ллойву подняться. Мильен подала руку ожившему Меоке.

— Позволь, если тебе не нужны пленные... я заберу всех, — прошептал Бес и облизнулся.

— Делай, что считаешь нужным... — Бросил Дженве через плечо, поднимаясь по лестнице.

— Мы победили? — Все еще не веря своим глазам, спросила Мильен.

— Да, не сомневайся, — кивнул Меоке. — Вайзе наждолго теперь заткнутся... Я надеюсь...

— Нам надо закрыть входы, и проверить не остался ли в башне кто-то ещё, — проговорил Ллойву. — Хотя бы на ночь...

— Все сделаем, Ловкач, погоди, — отозвался Дженве.

Все ввалились в кабинет и расселись, кто где нашел себе место. Дженве устроил Ллойву в кресле. Меоке присел на диванчик у входа, и Мильен присоединилась к нему, прижавшись щекой к плечу. Дженве встряхнул Ллойву, когда он закрыл глаза.

— Ты взял свои капли? — Тот покачал головой.

— Я спешил... — Ллойву медленно опустил веки. — к тебе.

— Черт тебя подери, Ловкач! — Дженве при каждом слове встряхивал брата. Ллойву взялся за голову.

— Все в порядке, Джев, не тряси, будь добр. — Попытался улыбнуться Ллойву. — Мне просто надо отдохнуть.

— Хорошо. Здесь есть еда? — Дженве встал в раздумьях. — Жрать хочется... уже давно

— Внизу в подвалах есть что-то.

— Пойду... Заодно двери закрою, и выкурю, если кто остался, — Дженве кивнул сам себе.

— Я с тобой! Можно? — Мильен поднялась с места. — Я покажу...

— Тебе, любимая сестрица, можно всё, — Дженве улыбаясь обнял астеру за плечи.

И они исчезли в дверях. Ллойву откашлялся, проводив их взглядом. Что теплое зарождалось внутри, и очень болезненное.

— Тебе правда плохо? — Подал голос Меоке, стараясь не двигаться, чтобы не тревожить рану.

— Правда...

— Я всегда думал, ты притворяешься... Чтобы не ходить на семейные сборища, — хохотнул Меоке.

— И это тоже... — Слабо улыбнулся Ллойву.

— Отец не верил тебе... — Вздохнул Меоке. — А ты был прав...

— Наше предприятие, Меоке, дело случая. Нам просто повезло.

— Победителей не судят, — заметил Меоке. Ллойву не ответил. Дыхательная гимнастика отнимала все его внимание. Меоке слушал, как Ллойву восстанавливает дыхание. Вскоре послышались шаги и веселый разговор. Дженве вернулся с полными руками провизии, и к тому же с несколькими бутылками вина из личных запасов Советника.

— Раз твоих капель нет, Ловкач, будешь лечиться моими, — всю свою ношу он разложил на столе. Мильен поставила бокалы и приборы на стол.

— У нас пир? — Встрепенулся Меоке.

— Победу надо отметить...

— Мы точно победили?

— Точно... — Дженве широкими ломтями нарезал хлеб и мясо. Настрогал сыр, попутно отправляя съестное себе в рот. Меоке присоединился к нему за столом, разлив вино в бокалы. Мильен поднесла бокал Ллойву. Все застыли в ожидании решающего слова. Неловкость, сгладившаяся во время боя, снова пробежала между ними, как хитрая лиса.

— За встречу, — наконец, сказал Дженве и отпил огромный глоток.

— За встречу, — Повторили все и пригубили из бокалов. Вино сняло напряжение и в комнате заметно потеплело. Все расселись в кружок, с хохотом обновляя воспоминания о прошедшей битве.

— Где же наш герой? — Оглянулся Дженве. — Ей богу, Ловкач, ты бы видел. Он не человек...

— Я знаю... — Отозвался Ллойву. Вино негромко шумело в голове, и навалилась усталость после пережитого.

— Ты видел? — Подступился Дженве к Меоке.

— Нет.

— Черт, я думал, ты видел... Куда ты смотрел? — Посмеялись.

— Вы, вероятно, обо мне? — Бес снова заставил всех вздрогнуть, появляясь из ниоткуда.

— Черт... — Дженве с хохотом протянул ему бокал. — Выпей с нами...

— Я бы с удовольствием, но нет... — Для уверенности Бес даже заложил руки за спину.

— Это Дойве так тебя? — Икнул Меоке, махнув рукой на свежий шрам на щеке Ллойву. Тот коснулся еще не до конца зажившей раны. К слову, щеку дергало в такт сердца, и от этого начала болеть голова.

— Да... Думаю, он хотел повторить мой выпад. Я говорил отцу, что хочу завершить свою «Л»

— Корявый почерк, — расхохотался Дженве. — Ну, что это за каракуля?

— Чтобы он ни делал, все равно получается «х» — Рассмеялся Меоке. Дженве расхохотался. Мильен улыбнулась, пряча улыбку в бокале.

Дженве обошел всех, подливая вина.

— Жаль, что не пьешь, — посетовал он Бесу. — Ты здорово помог нам сегодня. Без тебя нам бы...

— Я знаю, — Бес широко улыбнулся и протянул руку для пожатия. — для этого я здесь.

— Нет! — Ллойву приподнялся, чтобы остановить брата. — погоди. Не надо!

Дженве уже было взявший Беса за руку остановился. Бес убрал ладонь.

— Он прав. Не стоит. Ваша Искра несовместима с моей.

— У тебя тоже есть Искра? — Удивился Меоке.

— Не совсем... Но в целом — да, — кивнул Бес.

— Удивительно, — выдохнул Дженве. — не знал, что на земле людей у кого-то может быть Искра.

Импровизированное застолье затянулось до полуночи. Было много выпито, много сказано. И воспоминаний пронеслось немало. Мильен выразила желание посетить Аст'Эллот, и Меоке согласился сопровождать ее. Дженве настаивал, чтобы Ллойву отправился с ними, чтобы показаться Валлару. Ллойву как будто не возражал.

— Но сначала мы закончим одно дело, — Вздохнул он

— Какое? — удивился Дженве.

— Советник. Нам надо повлиять на тьярда. Война не должна случиться.

— Это возможно? — С сомнением спросил Меоке.

— Думаю, да, — Кивнул Ллойву. Прикрыл глаза. Усталость не давала ему сосредоточиться, а боль в голове спокойно расслабиться.

Помолчали.

— Пойдемте спать, — предложила Мильен.

— Да, день выдался отвратным. Двери я запечатал. Никто не войдет, если только не сможет просочиться сквозь камень. Мы в безопасности, — Дженве протянул руку Ллойву. — Давай, Ловкач, пора отдохнуть.

Позже, когда все разошлись по свободным комнатам, Ллойву присел на широкий подоконник в своей. За окном опустилась непроглядная ночь. На долгое расстояние вокруг не горел ни один источник света. Только звезды и луна в ночном небе.

— Первая битва выиграна, — раздалось за спиной. Ллойву улыбнулся себе. Снова Бес, снова без спросу. — Осталось выиграть войну...

— Войны не будет, — возразил Ллойву, поворачиваясь. — Мы сумеем ее остановить.

— Хорошо, — кивнул Бес. — Это то, чего я ждал от тебя.

— Ты знаешь, где отец?

— Нет, — Бес пожал плечами. — Он хорошо скрылся от меня.

Ллойву отвернулся снова к окну.

— Твой демоненок... Придется решить с ним что-то. Я не смогу быть рядом все время, — услышал он.

Ллойву вздохнул, этого вопроса он ждал. И опасался его, потому что не знал, что делать

— Это сознания сотен иллоев, наша память, наше наследие...

— Ваше наследие заражено. Он будет поглощать сам себя и все, до чего дотянется, — отрезал Бес. — Он болен. И это неизлечимо. Он не остановится.

— Что ты хочешь? — Ллойву взглянул на Беса. — С рождения нас учили преклоняться перед ним. Он был для Аст'Эллота всем, что только можно вообразить. Теперь он похож на выброшенного из теплого дома пса... Никому не нужен...

— Теперь он стал голодным хищником. Едва тыпустишь его, он сожрет тебя. И это станет лишь началом.

— Что ты предлагаешь?

— Отдай его мне.

— Если бы я знал, как...

— Я знаю как, — Бес гадко улыбнулся, отчего по коже пробежали мурашки. — Но тебе надо подготовиться, иначе все случится не в твою пользу.

— Каким образом?

— Наберись сил для начала, — Бес удовлетворенно кивнул. — Они тебе понадобятся.

Ллойву оперся затылком о стену. Что же такое стояло перед ним сейчас?

— Что ты сделал с ранеными? — Спросил он.

— Они пришли сюда убивать, — Бес пожал плечами. — И были готовы к смерти. — Ллойву горько усмехнулся.

— Ты ведь когда-то был человеком... — Задумчиво проговорил он, разглядывая Бесову фигуру. — Хотел бы я услышать твою историю...

— Ты услышишь ее, — кивнул Бес. — В свое время. Теперь время подумать о будущем.

— Ты снова говоришь загадками. — Ллойву устало отвернулся.

— Ты принял верное решение. Теперь не отступи от него. И мир будет спасен...

— От тебя?

— В то числе... — Бес довольно улыбнулся и отступил в тень. — Я — худшее, что с ним может случиться...

Ллойву посидел в тишине. Кто-то что-то говорил о предназначении. Можно не верить, но, похоже, не следовать нельзя. Сколь удивителен мир. Предстоит проделать огромную работу. Ллойву закрыл глаза.

Далеко на севере. В крепости Мельин Мариса засыпала под шум прибоя на своей постели. Лунный свет падал на нее из небольшого окошка, а кружащаяся в воздухе пыль в лунном свете создавала ощущение волшебства. Свет озарил на доли секунды спящую девочку.

— Я сделал, как ты хотела, — Бес встал так, чтобы лунная дорожка не касалась его ног. — Она будет в безопасности теперь.

Свет луны вздрогнул на доли секунды, очерчивая человеческую фигуру. Тонкий вдох едва различимый, подобно шепоту ветра, пронесся по комнате.

— Жертв было мало, — возразил Бес. — Меньше чем могло бы быть...

Лунная дорожка снова дрогнула. И на грани слышимости зазвучали слова. Бес послушал, потому опустил голову.

— Нужна твоя помощь. Он не дотянет до конца года...

Лунный свет вспыхнул ярче. Кто-то коротко ответил ему.

— Как пожелаешь, я присмотрю за обоими... — Бес дернулся ступить вперед, но сдержал порыв. — И буду ждать встречи...

Лунный свет снова вспыхнул и приглушился. Снова в комнатке никого кроме спящего ребенка не стало. Пыль падала в лунном свете, оседая на землю, как пыльца волшебной феи.

Глава 17 где братья отправляются в новое путешествие

Закат застал двух путников в дороге. Путешественники решили разбить лагерь поодаль от дороги под большим раскидистым дубом. Они развели костер, и теперь огонь задорно потрескивал, подогревая котелок. Лица обоих путников скрывали широкие раструбы капюшонов тёплых, не по сезону, плащей. Путники вели негромкий разговор в ожидании, когда закипит варево, на чудном, непонятной никому языке. Пожитки лежали тут же, недалеко. Несмотря на тревожные времена, оба путника беспечно увлеклись разговором, не предполагая даже, что в ночную пору что-то может случиться. Наконец, один из путешественников стянул капюшон, и взгляду открылась странная, нехарактерная для местных жителей, внешность. Светлые, почти белые волосы серебрились даже в свете костра. Правильные черты лица уродовал только шрам от подбородка до виска. Путник невзначай коснулся раны, с неудовольствием отметив осевшую на пальцах зелень.

— Проклятый Дойве, — выругался второй, так же стянув капюшон. При первом взгляде на него, сразу бросалось в глаза сходство с первым, но у второго лицо украшала густая серебряного цвета борода, давно не стриженная у цирюльника, но все равно добавлявшая лицу благородства. Единственным существенным отличием между обоими были глаза, у первого ярко-зеленые, у второго мутного белесого цвета.

— Он использовал нож из обычного сплава, — заметил первый. — Этого следовало ожидать. Такие раны долго заживают.

— Жаль, что все так обернулось, — буркнул второй, помешивая варево.

— Ничего, — первый расстелил спальник рядом с костром и прилег, обратив ярко-зеленые глаза к небу.

— Дождешься ужина, Ловкач? — Поинтересовался второй.

— Как я могу пропустить такое? — Улыбнулся первый. — Мне кажется, Джев, тебе следовало открыть трактир. Ты готовишь лучше, чем любой другой. Из тех, кого я знаю.

— И многих ты знаешь? — усмехнулся Дженве, — кроме госпожи Лиссы и Висметии?

— Всё равно вкусно, — промурлыкал его спутник, закрывая глаза.

— Какой план, Ллойву? — Посерьезнев, спросил второй. — Мне кажется, или мы импровизируем...

— План прост, Джев. Нам нужно попасть к тьярду на аудиенцию. Далее по обстоятельствам.

— Боюсь, они и слова то такого не знают, — проворчал Дженве, — Для этого мы тащим с собой кучу ненужного хлама? — Дженве кивнул на тюки. Ненужным хламом он назвал золото и драгоценности, что они смогли собрать перед отъездом.

— Именно. Думаю, золото откроет нам дорогу. На этой земле все падки на него. Оно их завораживает, — согласился Ллойву. Дженве с трудом оторвал взгляд от фигуры брата. — Нам необходимо вызволить Джария, нашего гостеприимного хозяина.

— Думаешь, мы успеем?

— Я не знаю, но попытаться необходимо, я так считаю...

Дженве помешал в котелке закипевший бульон. Ллойву задумался, впериw взгляд в звездное небо над головой, а Дженве невольно вернулся в воспоминаниях на несколько дней назад, когда они лишь планировали поездку.

... После победоносной битвы против армии люди в Черной Башне Лиры остались пережидать ночь. На следующее утро Дженве едва ли смог найти хоть кого.

Все обосновались на одном уровне, но в разных комнатах. Дженве прошелся по коридору, тыкаясь в каждую из них. Створки открывались без препятствий. Пусто. Попробуй, найди кого-то в этом огромном лабиринте. Дженве вздохнул и поплелся вперёд наудачу. Прошел в залу, где вчера кипел бой. Нагромождения мебели, служившие им баррикадой, так и остались возле лестницы. И рядом горы иссохших трупов. Иссохших? Дженве пригляделся. Павшие люди выглядели, словно пролежали здесь лет сто, при этом тлен не захватил их тел, а плоть иссушена до состояния камня. Что произошло? Ведь бой был только вчера. Неужели, он проспал сто лет? Такое возможно? Да, нет... это глупо... Дженве усмехнулся мыслям, и уверенно двинулся наверх по лестнице в кабинет бежавшего отца.

Дверь в комнату была открыта. Дженве пальцем толкнул створку, ожидая увидеть пустоту, но к своему облегчению, увидел дремавшего в отцовском кресле Ллойву. На груди его лежала раскрытая книга, поверх расслабленная ладонь. А окуляры сползли на самый кончик носа. Дженве осторожно поднял книгу, а Ллойву открыл глаза.

— Доброе утро, — улыбнулся Дженве, разворачивая книгу к себе. Ликаон Салле. Аст'Эллотский поэт и драматург. Его пьесы ставили и после бегства Советника.

— Уже давно день, — зевнул Ллойву. — Всегда удивлялся, как можно спать до обеда.

— Поэзия? — Усмехнулся Дженве, закрывая книгу и откладывая ее на стол.

— Первое издание... — Ллойву ласково погладил переплет, — было бы преступлением потерять его.

— Мне кажется, или ты влюблен в него? — Рассмеялся Дженве. — Ты завтракал?

— Это не любовь, — возразил собеседник. — Я лишь отдаю дань уважения тем, кто сохранил для нас это сокровище.

— Они донимали меня в школе, а затем и в Инститосе, — отмахнулся Дженве. — Не начинай и ты.

— Нет, я не завтракал. Меоке куда-то пропал, а с ним и Мильен, — поменял тему разговора Ллойву. — Я ждал, пока ты встанешь.

— Что ж, я встал, пошли, поедим.

— Мне кажется, Меоке ушел... — Ллойву поднял на брата темно-зеленые глаза.

— Это его выбор, — Дженве пожал плечами. — Ему всегда нравилось быть на стороне победителя. И он решил, что это не мы.

— Нас снова двое... — Усмехнулся Ллойву, окидывая взглядом отцовскую библиотеку. — Нужно сохранить все это. Некоторым экземплярам нет цены. Знаешь, Джен, вид этих книг даёт мне успокоение. Они столько пережили, столько пережили... возможно, переживут и нас...

— Возможно, — не проникнувшись настроением брата, кивнул Дженве, — сделаем, как ты скажешь, — беспечно отозвался он. — Пойдем, поедим.

— Да, — Ллойву поднялся, попутно убрав окуляры в футляр. Дженве показалось, что рана на щеке брата раскрылась, и он осторожно потянулся коснуться пальцами рубцов. На щеке остались капли черной крови и зелень от воспаленной раны.

— Не надо, — Ллойву дернул головой.

— Она кровоточит, — возразил Дженве.

— Я знаю. Это закономерно... — И Ллойву отправился вниз.

После завтрака Дженве обошел все уровни, даже спускался в подземные, заглянул в бывшую свою камеру, где остатки выкрошившегося камня напомнили ему о заключении. Башня была абсолютно пуста за исключением двух обитателей. Меоке и Мильен ушли, не оставив даже записки. Дженве это обстоятельство расстроило, Ллойву же отнесся ко всему философски. Он просидел в кабинете весь следующий день, разбирая отцовский дневник, пока Дженве рыскал в покоях.

К вечеру у Ллойву был план, который они теперь и осуществляли. Собрав, все ценное, что нашлось в башне, братья тронулись в путь, предварительно закрыв все входы, так, что башня стала похожа на монолитный столб. Родится ещё одна легенда в мире людей, легенда о Черной башне...

Дженве встряхнулся. Похлебка уже почти готова. Ллойву заложил руки за голову.

— Никогда не устану смотреть, — вздохнул он, не отрывая взгляда от черного неба, усыпанного звездами.

Дженве мельком глянул наверх. Звёзды не так сильно его трогали, как дела на земле. Вот Ллойву, казалось, другое дело, он больше походил на мечтателя.

— Ты не знаешь, куда делся твой друг? — Спросил он, вручая брату ложку.

— Кто? — Не понял Ллойву.

— Бес. Где он? Он не показался ни разу, как все закончилось, — Дженве разрезал хлеб и поделил его поровну.

— Я не знаю, куда он пропадает, и откуда появляется, — Ллойву пожал плечами. — И, кажется, не желаю этого знать. Но он рядом... — Ллойву вздрогнул от холода. — Я чувствую...

— Хорошо, — кивнул Дженве. — Преинтереснейший тип.

Ллойву улыбнулся. Поели в молчании.

— Мы поедem домой после этой миссии? — Жуя, спросил Дженве. — Я считаю, что тебе надо показаться Валлару.

Ллойву не ответил. Казалось, что миссия их затянется, а возможно, и не закончится вовсе.

— Я буду настаивать, — добавил Дженве с нажимом.

— Хорошо, — последовал ответ. — Настаивай... — Котелок опустел, был тщательно выскоблен и убран к остальным вещам. Ночь склонилась к своему экватору, но обоим братьям не спалось. Ллойву снова что-то чиркало при свете огня в своей записной книжице. Дженве, разлегшись по другую сторону костра, наблюдал за языками пламени.

На грани слышимости почудились шаги. А Искра дала обоим знать, что землю тревожит чьё-то присутствие. Дженве положил ладонь на холодную землю. Так и есть. Трое и три кобылы. Ступают осторожно, с опаской.

— К нам гости, — буднично сказал он. Ллойву не ответил. Убрал книжицу и окуляры.

Наконец, запоздавшие путники приблизились к костру. Дженве разглядел трех плотных бородатых мужчин, одетых в плащи и одеяния до колена для дальнего путешествия.

— Здр-равия, — произнес один из неожиданных гостей, останавливаясь на почтительном расстоянии. Голос его был низок и на некоторых буквах съезжал до рычания.

— И вам не хворать, — кивнул Дженве, поднимаясь.

— Мы заплу-утали. На этом тракте опасно ночью, — Продолжил второй, чуть растягивая буквы, почти подвывая. — Мы можем сослу-ужить дру-уг-дру-угу слу-ужбу, если

переждем ночь вместе.

— Что ж, — Дженев развел руками. — Я не против. А ты, Ловкач?

— Если так нужно... — Ллойву тоже сел.

— Мы вас не стесним, — Все трое подошли ближе, и теперь стало видно, что одежда их истрепалась. Дженеве почувствовал беспокойство, с тревогой взгляделся за спины путников.

— Где же ваши лошади? — Спросил он.

— Лошади? — Удивился первый. Второй, молча, подсел к костру, поджав под себя ноги, рядом с ним устроился и третий. Первый сел рядом. Дженеве взглянул на гостей. С виду люди, как люди, но что-то неуловимо тревожное было в их облике. Бороды — густющие, путанные до груди, черного цвета, глаза под кустистыми бровями. Только теперь стало видно старые, истрепанные плащи и ветхое одеяние.

— Что же на этом тракте опасного? — Усмехнулся Дженеве, незаметно давая команду вновь обретенному в башне Октису о готовности.

— Тут недалеко Маришкин лес. Разросся за годы, — заметил первый, словно братьям должно сказать что-то это название.

— И что?

— Известно что, — продолжил второй. — Оборотни оттуда на охоту выходят. Вы разве не знаете?

— Оборотни? — Встрепенулся Ллойву. — Обратившиеся люди?

— Именно, — кивнул третий.

— Удивительно отсталый мир, — обратился Ллойву на илои к брату. — Они до сих пор думают, что можно изменить физиологию людя.

— Ну... — возразил Дженеве, — ты Беса видел? Я подумал, что с ума сошёл...

Все трое путников внимательно посмотрели на говорившего, отчего у Ллойву пробежали мурашки по спине.

— Вы понимаете меня? — Обратился он к ним на своем родном языке.

— Станный язык, — вместо ответа на всеобщем сказал первый из путников, не отрывая взгляда от Ллойву. — Мы не слышали его очень давно.

Дженеве напряженно вглядывался в лица гостей, ожидая увидеть подтверждения своим опасениям.

— Но слышали? Откуда вы? — Спросил он, надеясь отвлечь всех троих от брата.

— Издалека, — уклончиво ответил второй.

— Я чую, что вы не просто так заглянули к огоньку, — не отставал Дженеве, рукоять кимейра удобно легла в ладонь. — Кто вы? Придётся представиться...

— Мы только путешествуем, — возразил третий. От Дженеве не укрылся мимолетный голодный взгляд, брошенный на обоих братьев.

— Вы и есть эти оборотни, — тихо прошипел Дженеве. Оба брата уже в следующую секунду были на ногах. Ллойву соединил кимейры в глефу, готовый к любому повороту.

Первый из путников рассмеялся.

— Ты прозорлив, иллий. Успокойся, черная кровь нам не по вкусу.

— От нее изжога, — добавил второй.

— И несварение, — кивнул третий и все трое рассмеялись.

— К тому же, на нем, — первый кивнул на Ллойву, — Метка Жнеца... Со Жнецом мы не воюем...

Дженеве взглянул на потрясенное лицо брата, встретил его изумленный взгляд.

— Чего же вы хотите? — Спросил Ллойву, убирая кимейры.

— Садитесь, Посвященные, — попросил второй, — есть разговор.

Дженве и Ллойву сели по другую сторону костра от странных гостей.

— Мое имя — Кайен. Кровь старых богов вернулась в наш мир, — начал первый. — Мы приветствуем это.

— Илли с древних времен следили за равновесием, — продолжил третий. — Таково их предназначение в обмен на силу, дарованную им ушедшими хранителями.

— Так говорят легенды, — вставил второй.

— Но они нарушили договор, — продолжил первый. — Ушли. И мир опрокинулся в пропасть.

— Весьма высокопарный слог, — Ллойву криво улыбнулся. — Сколько могу судить, вы сами опрокинули его туда.

— Не спеши, — первый поднял руку. — Пока воля древних богов покинула нас, людьми овладели демоны. Те, кто пришел к нам из небытия.

Ллойву саркастично улыбнулся и хотел сказать что-то еще, но Дженве сжал его руку незаметно, чтобы тот молчал.

— Люди научились защищаться, но при этом они стали уничтожать и нас, и все, что отличается от них. Прошло время, и Последний был изгнан из мира людей. Но людям хочется искать новых врагов.

— Они нашли вас, — кивнул Дженве.

— Именно, — согласился первый.

— Чего же вы хотите? — Удивился Ллойву. — От нас?

— Жнец привел тебя, — Кайен взглянул прямо в глаза Ллойву. — Значит, тебе следует восстановить равновесие.

— Стоп, стоп, — Дженве поднял руки. — Никто нас не привел. Решение о путешествии мы приняли еще на Аст'Эллоте. Это была спонтанная идея. Так? — Дженве обратился к брату.

— Да, — последовал тихий ответ.

— Но ты не уверен? — Удивился Дженве.

— Я... Я не знаю, Джев. — Ллойву взглянул на троих перед собой. — Вы хотите сказать, что пришли сюда от лица... оборотней? Я правильно понял?

— Истинно так, — кивнул второй. — Среди нас пошел слух, что Посвященные вернулись. Мы пришли просить вернуть нам равновесие.

— Это какой-то бред, — Ллойву потер лицо руками. — Или сон. Скажи, Джев, я не сплю? — Дженве ущипнул брата за плечо, и тот дернулся.

— Нет, не спишь, — кивнул Дженве.

— Как мы можем вернуть вам ваше равновесие? — Ллойву усмехнулся. — Вы не нашли с людьми общего языка за тысячу лет, что теперь может измениться?

— Все, — ответил первый. — Я слышу ветер перемен. Его принес с собой остров на севере. Я вижу перед собой утраченное наследие. Я вижу вас, Посвященные. И вижу, что за вами стоит еще и Жнец. Может измениться все.

— Опять загадки! — Ллойву раздраженно отвернулся.

— Кто такой Жнец? — Не выдержал Дженве. — Это могучий воин среди вас? Или кто? Главный оборотень?

Все трое заулыбались в бороды.

— Он — все сразу, — кивнул первый. — Он тоже хочет равновесия.

— Он оно как, — Дженве присвистнул. — Я бы познакомился с ним...

— Ты с ним знаком, — Ллойву помассировал висок у раны. — Ты зовешь его Бесом.

Дженве открыл рот, потом закрыл его, переваривая новость.

— Мы вас услышали, — Ллойву раздражался все больше. — Что теперь? Вы убьете наших коней? Или дождетесь, пока мы заснем, и убьете нас?

— Никто вас не тронет, Посвященные, — улыбнулся первый. — И за коней можете не волноваться. Все мы знаем, кто вы, и зачем идете. Вам помогут. Только попросите...

— Вот уж нет, — пробубнил Дженве, улыбнулся гостям.

— Наша миссия исполнена, — все трое встали. — Надеюсь, вы услышали нас.

Ллойву проводил их глазами, пока они исчезали в темноте. Дженве невзначай коснулся земли.

— Они ушли, — констатировал он. — И это были не кони. А волки.

— Я сойду с ума в этой земле! — Простонал Ллойву, заваливаясь на свой спальник. — Едва мы ступили на нее, у нас сразу появилось масса обязанностей. Что дальше? Феи спустятся с дерева и тоже начнут говорить о предназначении?

— Не бери в голову, Ловкач, — отозвался Дженве, набивая трубку. — Ложись спать, я постерегу.

Ллойву лег на бок, наблюдая, как Дженве раскуривает трубку.

— Джев...

— Что?

— Ты не жалеешь о том, что мы сделали?

— Ничуть, — отозвался Дженве. — Взгляни вокруг, Ловкач. Мы столько прошли. По мне, так нас ждет интереснейшее путешествие. Только я бы отправил тебя домой...

— Ни за что... Чтобы тебе досталось самое интересное?

— Я так и подумал... — Дженве со смехом выпустил клуб дыма в небо.

Глава 18 в которой, кажется, ничего не происходит

Вынужденное путешествие стало как раз тем, что братья искали, едва ступив на землю люди. Тихая, спокойная дорога без происшествий, по крайней мере первые несколько дней. Дженве снова командовал частые привалы и выбирал дорогу, чтобы уйти от встреч с кем бы то ни было. Но ближе к городу избегать попутчиков удавалось все реже. Их нагоняли торговые обозы, иногда патрули, состоящие из хмурых, суровых воинов в кожаном доспехе при полном вооружении. Отличие во внешности начало играть против братьев, ибо теперь каждый узнавал в них чужаков, а кое-кто, сжимая в кулаке висящую на шее охранную руну, плевал прямо в их сторону.

— Как бы нас тут не порешили, Ловкач, — с недовольством проговорил Дженве после очередной неприятной встречи, когда возница торгового обоза достал грубый самострел и направил в сторону непонятных чужаков.

— Северная Звезда, — просмаковал Ллойву название, — это же вроде столица здесь, нет? Отчего людь здесь более дикая, чем на окраинах? Думаю, дела в том, что раньше тьёрды были разрознены и развивались порознь. Иначе как объяснить такую разницу в мировоззрении?

— Думаю, их что-то пугает, — Дженве повел плечами под толстым плащом. — Если они на нас нападут, я никого жалеть не стану, уж, прости, Ловкач.

— Если нападут, то конечно, — согласился Ллойву, — но не раньше...

— Скажи, ты знал, что твой приятель здесь знаменит? — продолжил Дженве, покачиваясь в седле в такт неспешному ходу.

— Во-первых, он мне не приятель, — Ллойву скривился, как от кислого, — во-вторых, нет, не знал... Я думал, если честно, что это только моя галлюцинация поначалу...

— Ничего себе галлюцинация! — захохотал Дженве, — мне кажется, для плода воображения он чересчур смертоносен.

— Возможно, — согласился Ллойву, — я совершенно случайно встретил его на той самой горе, куда мы вместе так и не попали...

— Но ты, как обычно, все исправил, — отмахнулся Дженве. — Какая-то странная случайность...

— Я думаю, это не случайность вовсе, — Ллойву глубоко вдохнул разогретого, распаренного солнцем воздуха, — ты знаешь, на Аст'Эллоте так никогда не пахло...

— Я тебя умоляю, Ловкач, если бы ты хоть иногда вылезал из своих архивов, и попал на поле со ржой, ты бы поразился не меньше, — Дженве набил трубку табаком.

— Наверное, ты прав, я редко выезжал из Астеро без необходимости, — согласился Ллойву. — Иногда казалось, что едва я покину Окторум, всё сразу развалится...

— Просто у тебя обострённое чувство ответственности... — Трубка задымилась в руках у Дженве. — И из-за него отец мог вертеть тобой, как угодно, что он успешно и делал...

— Возможно, — Ллойву отвернулся, — у каждого есть рычаги давления...

— Осталось найти их у тьярда, да? — Дженве сжал мундштук трубки зубами, — задача из задач... Лишь бы он не узнал про своего этого... Как его... Кьёрма. Нехорошо получится...

— Попробуем, а там по обстоятельствам...

— Но я серьёзно, этот инцидент может сыграть против нас в самый неподходящий

момент.

— Мы не полезем в логово к зверю сразу, Джев, послушаем, о чем говорят в городе... Если ты об этом. У нас же есть средства?

— Если нас раньше не повесят, — проворчал Дженве, зажав мундштук трубки зубами. — Средства есть, если ты про золото, но я думаю надо выменять на местные монеты, чтобы не выделяться. Боюсь, оно сыграет с нами дурной спектакль.

— Тебя что-то тревожит? — Ллойву повернул к брату голову.

— Все как обычно, Ловкач, меня тревожит наша безопасность и твое здоровье...

— О втором можешь не беспокоиться...

— После таких слов, я буду это делать с удвоенной силой, — фыркнул Дженве. — Мы не должны погибнуть в этой передрыге, Ловкач. В этом я вижу свою цель, а ты?

— Исполнить то, что задумано, вот моя, — тихо ответил Ллойву.

Братья вошли через западные ворота Северной Звезды к вечеру. Еще ни разу за все время путешествия дорога не приводила их в крупный человеческий город. Дженве из-под полумрака своего капюшона с любопытством поглядывал на снующих туда-сюда людей. Ллойву смотрел с разочарованием.

— Неужели это столица? — Брезгливо ворчал он, пока лошади не спеша везли их по главной улице, мощной крупными каменными плитами к центральной площади. — Посмотри: помои прямо на улице и грязь. Эта вонь, кажется, вьется в одежду. Мне не избавиться от нее.

На чужаков смотрели с любопытством, а кто-то с неприкрытой злобой.

— Не ворчи, Ловкач. Это людь, чего ты от них хочешь? — Дженве утратил благодушный настрой и теперь с настороженностью оглядывал проходящих мимо. А смотреть особо было не на что: мастеровые, спешащие домой к закату; такие же приезжие в чудных нарядах, по всему из тех самых далёких земель, где ещё предстояло побывать; воины в лёгком доспехе, но при оружии; и нищие, коих у площади стало в разы больше. На Аст'Эллоте попрошайничество пресекалось сразу, но здесь, кажется, для кого-то это был единственный источник дохода.

— Неплохо бы для начала немного эстетики... и гигиены.

Несколько бродяг в ветхом тряпье у площади кинулись под ноги коням с просьбами о помощи. Лошади дернулись в испуге назад, едва не скинув седоков, от этого и без того скудная маскировка пала, и люди с любопытством граничащим с ужасом разглядели белые головы и необычный облик чужаков. Дженве едва удержал своего коня и успел схватить и повод лошади брата. Бродяги загомонили наперебой, выклянчивая медь. Кто-то схватился за ногу седока.

— А ну, убогие! — Прикрикнул на них спешивший к ним статный воин в доспехах с намалеванной на груди белой лилией, плечи его были покрыты серым шерстяным плащом, утянутым к плечу затейливой брошью. — Не тревожьте людей!

На бродяг, гремя тяжёлой сбруей надвинулись еще трое таких же, и нищие ретировались.

— Благодарю, милейший, — чопорно поблагодарил Ллойву.

— Не надо благодарить, — отмахнулся воин, оглядывая незнакомцев, и задерживаясь взглядом на лицах, в особенности на воспаленном шраме на лице Ллойву. — Кто же вы будете? Я вижу, не из этих краёв.

— Мы представляем дом Лир, — на той же ноте продолжил Ллойву, а Дженве просто предоставил ему выдумывать их общую легенду. — Прибыли в вашу прекрасную страну путешествуя, и по возможности договориться о сотрудничестве.

— О чем? — Воин неуверенно оглянулся на своих, едва попробовав на вкус незнакомое слово.

— Торговля, — уточнил новоиспеченный посол, — мы хотим купить ваш лес и ваш металл.

— Так вы из Гордарии? — Уточнил воин. Ллойву помедлил с ответом.

— Не совсем, — наконец ответил он.

— Ирития? Когонь? Ардень? Пересийский султанат?

— Боюсь, на вашем языке ещё нет ей названия... — уклонился Ллойву от ответа. Воин подумал немного и продолжил.

— В крепость с закатом не пускают, — с сомнением сказал он, указывая на кольцо стен внутри города. — Лучше вам найти приют здесь, во внешнем кольце, чужестранцы.

— Быть может, вы посоветуете нам гостиницу? — Склонился вперед Дженве. — Хорошую, чистую гостиницу.

— «Госпожа в белом», — тот час откликнулся воин. — Там остановились и Белые братья. Там вас никто не потревожит. Хозяин — кристальной души человек. Там вы сможете отдохнуть и мы сможем узнать друг о друге поболее...

— Что ж, благодарю, — Улыбнулся Дженве. — А утром мы отправимся в гильдию.

— Лучше к Вилмуру Скорню, он у тьярда в советчиках и держит тут торговлю.

— Всенепременно, поутру отправимся к нему, — кивнул Ллойву.

— Мы проводим вас, почтенные? — Воин предложил гостям проехать вперед. Дженве любезно улыбнулся и смело тронулся вперед.

— Ты с ума сошел? Зачем нам провожатые? — Склонился Ллойву к брату.

— Лучше так, Ловкач. Не нравится мне этот город, — прошептал Дженве на илои. — Он похож на затаившуюся змею, тебе не кажется?

И Ллойву согласился. Если уж Дженве, который обычно рад всему, что-то почувствовал, то стоит прислушаться.

Процессия из двух конных чужаков и четверых пеших воинов выдвинулась на площадь. Лилия на латах, словно отпугивала людей, и все расступались перед ними.

— Ты знаешь, здесь казнили мятежников в своё время. Думаю, они и сейчас так делают, — Услышал Ллойву справа знакомый голос. Бес. Идет себе, как ни в чем не бывало у морды лошади. И снова его никто не видит. Быть может, это его, Ллойву, расстроенного мозга галлюцинация?

— Ты был в их числе? — С любопытством поинтересовался Ллойву.

— Нет. Мое место было среди палачей, — спокойно ответил Бес.

— С кем ты говоришь? — Тихонько спросил Дженве.

— С нашим общим знакомым.

— Жнец? Или Бес? Как его звать? — Дженвес опаской оглянулся на чинно ступающих провожатых.

Бес повеселился.

— Скажи, пусть зовет, как ему нравится, мне безразлично...

Но Ллойву промолчал. Путешествие выматывало его, а от шрама вся еда приобретала привкус крови и тлена. Но признаться в этом Дженве он не мог, боясь что брат будет

настаивать на возвращении, а спорить не хотелось. Провожатые, чинно ступая, свернули на небольшую улочку, застроенную небольшими домишками, кое-где белёными и чистыми. Проходящий люд старался расступаться в стороны от процессии, а кое-кто даже пытался скрыться в проулках. Это не укрылось от братьев.

— Отчего так? — Тихо спросил Ллойву на илои. Бес снова исчез, словно его и не было. Дженве пожал плечами.

— Скоро узнаем, Ловкач, скоро узнаем. И надеюсь, не на своей шкуре, — Дженве казался напряженным. Тщательно скрываемый Октис на руке тускло отсвечивал синими дугами под покровом плаща. Процессию обляял лохматый, похожий на оживший ком грязи, пёс, пара котов шарахнулись в испуге. А встречные люди опускали головы, стараясь не ловить взгляды воинов прямо. Что-то происходило в этом городе, о чём стоило бы узнать получше.

Провожатые подошли к небольшому постоялому двору, раскинувшемуся вглубь квартала. На вывеске, что висела над головами у входа, белой краской грубо нарисована женщина. А дверь на старых скрипучих петлях украшена затейливой резьбой.

— «Белая госпожа», — провозгласил воин. — Проходите, здесь рады каждому. Приезжие частенько останавливаются именно в это гостинице. Каждый знает про «Госпожу».

— Благодарим сердечно... — добродушно отозвался Дженве.

Братья спешили. Дженве взвалил на плечи походный мешок. Воины уже зашли внутрь, а вместо них из дверей выскочил худенький черноволосый паренек.

— Добро пожаловать, путники. Я возьму ваших коней, — бодро провозгласил он, улыбаясь шальной улыбкой бесшабашной юности. Дженве усмехнулся и кинул пареньку пару медных монеток, отдал поводья своей лошади, и Ллойву последовал его примеру. Мальчишка ловко поймал подношение и пританцовывая повёл коней во внутренний двор.

Внутри таверна выглядела лучше, чем снаружи. Пол выметен, стены выбелены известью, а в воздухе витал запах чего-то съестного. Хотя в полумраке было плохо видно, чем покрыт дощатый пол, Дженве посчитал, что здесь достаточно чисто, чтобы провести тут ночь.

— Неожиданно, — усмехнулся Ллойву, переступая ногами. К подошвам постоянно что-то липло, и от осознания, что под ногами разлито нечто непотребное, у Ллову чесалось всё тело. Хотелось отмыть от себя этот грязный мир и отвратное соседство, но, похоже, в ближайшее время это невозможно. Дженве прошел вперед вслед за провожавшими их воинами, которые беседовали с пухлым господином, жестикулируя и указывая на вновь прибывших. Пока брат договаривался о ночлеге, Ллойву еще раз огляделся.

Публика в обеденной зале выглядела опрятнее, нежели на площади. Здесь за столами в отгороженных ширмами кабинках сидели и странные люди в накрученных на головах тюрбанах, и воины в таких же плащах с белой лилией на груди, и даже дамы. И столы были расставлены так, чтобы посетители не мешали друг другу. В целом, Ллойву был готов провести в этой гостинице ночь. Лучше тех, что встречались им на пути. С небольшими поправками.

— Готово, — Дженве показал небольшой ключ в ладони. — Идем. Или ты хочешь поесть?

— Мы сможем поесть позже. Когда люди станут поменьше.

Дженве кивнул и смело пошел сквозь зал. Ллойву тронулся следом. На двух путников

бросали удивлённые взгляды. Но один, из-под надвинутого на глаза кокона из ткани, Дженве запомнил. Этот человек смотрел со злобой, даже с ненавистью. Нельзя расслабляться и обманываться показным радушием этой земли. Испокон веков их учили, что человек не образован и агрессивен. И как Дженве не пытался убедить себя в обратном, он все чаще встречал подтверждения этому.

Братья прошли во внутренний двор, где по кругу расположились жилые комнаты.

— Я взял одну комнату на двоих, — оправдывался Дженве, открывая заедающий замок двери. — На случай, если нас плохо примут.

— Я понял, — кивнул Ллойву. Хорошо, что Дженве рядом. Без него пришлось бы туго. Дженве вошел первым, скинув походя мешок в угол. Ллойву вошел следом, закрыв за собой дверь.

— Вот мы и в сердце Тангоры, как ты и хотел, — пошутил Дженве невесело, выглядывая в небольшое окошко на уровне глаз на улицу. — По правде сказать, я бы лучше остался в Мелях. Там компания поприятней.

— Прости, Джев, — Ллойву сел на кровать, потер пальцами виски. — Я, кажется, плохо соображаю.

— Ты просто устал, — успокоил его Дженве. — Завтра выяснится, так ли хорошо мы готовы к своей миссии.

— Теперь мне кажется, что не готовы... Я выдумывал на ходу, но кажется, мне не особо поверили...

— Лес и руда? — Усмехнулся Дженве.

— Так и есть, — возразил Ллойву. — Если бы Астэллот торговал с Тангорой, мы покупали бы лес и железо. Можно извлечь выгоду. Если мы договоримся, хуже не будет, а попутно порешаем и свои вопросы.

— С каких пор ты стал завзятым торговцем? — Дженве присел на вторую кровать напротив. — Впрочем, нам это на руку.

— Золото откроет нам все двери, братец, даже те, что замкнуты на самые хитрые замки. То, что с торговцами всегда можно договориться, думаю понятно даже люди. Иначе нас могут заподозрить в дурных намерениях. Ты видел, как они смотрят на нас? Даже я это чувствую, хотя половину не вижу...

— Что же, теперь понятно, отчего ты выбрал эту легенду, — кивнул Дженве. — Ты прав, торговцы могут и не тронуть. По крайней мере сразу... Но легко могут ограбить... И что тогда? Легенда разлетится сразу...

— Ты задаёшь мне много вопросов, у меня пока нет ответа...

Ллойву скинул плащ, отложил его в сторону, стянул сапоги и лег.

Дженве молча проследил за ним взглядом и задал мучивший его вопрос.

— Как ты?

— Я в порядке, Джев, — глухо проговорил Ллойву, не открывая глаз.

— Болит щека?

— Нет...

— Врешь.

— Я просто устал. Мы в самом сердце враждебного лагеря. Не представляю, как мы выберемся, если всё повернется скверно. И это я затащил тебя сюда. Если что-то случится, я не смогу себя простить.

— Ты опять берёшь на себя больше, чем нужно, — отмахнулся Дженве, — я решил ехать

с тобой добровольно, а значит, незачем корить себя. И я не допущу, чтобы с нами что-то случилось. Мне плевать на людь, Ловкач.

— А мне почему-то нет... — Ллойву открыл глаза, — мне тревожно за них. Ты опять скажешь, что я беру на себя слишком много, да?

— Ничего не скажу, — проворчал Дженве растягиваясь на кровати. — Мне будет жаль, если с Джарием что-то случилось. Я все ещё надеюсь, что он просто задержался в дороге.

— Завтра мы это выясним... — сонно проговорил Ллойву.

Дженве послушал, как выравнивается дыхание брата. Странная земля. Земля оживших легенд и странных преобразений. Он до сих пор полагал, что оборотни ему приснились. А может, и не оборотни вовсе, просто сумасшедшие. Но тогда откуда они знали про Беса? И почему говорят, что его метка легла на брата? Что это влечёт за собой?

В окошко поскребли. Сначала Дженве показалось, что ему почудилось, но когда настойчивый скрип послышался во второй раз, Дженве уже бы на ногах возле ставень.

— Эй, слышишь? — донесся до него хриплый шёпот, — знаю, что слышишь... Зря вы сунулись к Белым Братьям...

— Ты кто? — так же тихо спросил Дженве, чуть приоткрывая разохшуюся ставню. Плотные сумерки, даже теней не видно.

— Завтра... на площади... в полдень... приходи...

Глава 19 где юности позволительно совершать ошибки

Ллойву проснулся следующим утром с рассветом и, не желая вставать, полежал ещё с закрытыми глазами и слушая, как на соседней койке сопит Дженве.

...Иногда казалось, что все произошедшее с ними, это просто дурной сон. Дойванор, оборотни, Бес. Разве он мог предположить, расписывая перед студентами на демонстрационной доске формулу суммарной энергии, что встретит на земле людей настоящего демона? Звучит, как чушь. Или сон. Понятно, почему иллои, которых здесь знали, как иллиев, постарались уйти из этого мира. Если верно говорили те странные не-люди, то на наследников богов легла тяжёлая ноша. Ещё более тяжкая, нежели Окто. Получается, избавив асатров от необходимости поддерживать модуль, иллои не избавились от ответственности. Звучит, как бред...

Ллойву осторожно положил ладони на лицо, скрывая глаза от лучей восходящего солнца, бьющих в узкое окно, похожее на бойницу. Шрам почти зажил, хорошо бы его не тревожить.

Здесь, на земле люди прошло всего двести или триста лет, как иллои покинули мир. На Аст'Эллоте прошла почти тысяча искусственных оборотов. За это время были изобретены печатные платы, вейманы, октисы, станки для литейных производств. Людъ же не продвинулась ни на шаг. Они словно застыли в своем невежестве. Нужен ли Аст'Эллоту этот союз? А что если отец был прав? Людъ не исправить. Боги в свидетели, он, Ллойву, желал лучшей доли для своего народа, но, кажется, не угадал.

— Ловкач, ты спишь? — услышал он.

— Нет, не сплю, — ладони так приятно скрывали свет, вставать не хотелось. Надо подумать, как вызволить Джария Калевала, если он ещё жив. Но станет ли тырд слушать незнакомцев? Не решит ли, что перед ним враги? Они такие странные, эти люди.

— Отлично, пошли поедим...

Койка скрипнула под тяжестью тела, когда Дженве встал.

— Надо найти прачку, — проговорил Ллойву, не опуская ладоней. — Невыносимо слышать запах нашей дороги...

— Я тебя понял, Ловкач, — бодро ответил Дженве. — Уверен, здесь можно найти всё. Как ты?

Только теперь Ллойву опустил руки и сел на кровати. «Цвет сегодняшнего дня — коричневый». Все вокруг сливалось в бурое неосвещенное пятно. Окно слишком мало, света недостаточно, чтобы отличить мебель от стены.

— Лучше, благодарю, — хотелось на улицу, взглянуть на небо, избавленное от этой грязи. — Сегодня надо попасть на площадь, узнать, чем дышит город.

— Дерьмом, — грубо отозвался Дженве. — Чем ему ещё дышать? Конским дерьмом. Иногда человеческим.

— Не ожидал услышать это от тебя, — рассмеялся Ллойву и грубая корка шрама лопнула, неприятно царапнув щеку. Он так никогда не заживёт.

— Я просто голоден, пойду узнаю, чем нас попотчуют, — Дженве поднялся и, грохоча рассохшимися досками пола, вышел. И почти сразу раздался уверенный стук в дверь. Ллойву поднялся, в два шага пересёк комнату и распахнул створку. Бес.

— Позволишь? — вкрадчиво спросил он.

— Нет, — Ллойву заступил Бесу дорогу, и вышел сам, прикрыв дверь. Он не может войти без приглашения, он сам так сказал. Что это за странный ритуал? Бес сделал шаг назад и замер у двери. Но нет худа без добра, если уж этот господин следует за ними по пятам, может, он приоткроет завесу тайны этой земли?

— Ты будешь завтракать с нами? — пытаюсь остаться гостеприимным, спросил Ллойву.

— Нет, — Бес отвернулся, словно прислушался. Что-то его тревожит, — я пока не употребляю обычную пищу.

— Пока? — удивился Ллойву.

— Придет время, и я вернусь на эту землю человеком, — пояснил Бес с кривой улыбкой, — и тогда Мышка вернётся домой. А затем я снова стану чудовищем. Все циклично. Тебе ли не знать.

Вот это любопытно. Ллойву с новым интересом взглянул на свою галлюцинацию.

— Когда это случится?

— Не скоро, до этого времени может произойти множество событий, — нетерпеливо ответил Бес, все так же стоя у двери, словно опасаясь ловушек. — Ты планируешь идти к тьярду?

— Я хотел, но пока не могу придумать предлога...

— Скажи, что у тебя есть информация про Орден Девы, — Бес как то странно ухмыльнулся, словно говорил много меньше, чем знал.

— Что за Орден Девы? — удивился асатр.

— Истинники, с ними у тьярда свои счёты. Он будет рад послушать, что они замышляют, — Бес снова повернул голову на привычный уже стук двери.

— Но я не имею об этом ни малейшего понятия! — Что он себе позволяет? Представьте потомка последнего бога каким-то доносчиком! — Что я должен ему сказать?

— Они собирают недовольных в Глинцейских горах. Поверь, там много кто хочет нового тьярда...

— Я не стану влезать в местные дразги! Должен быть другой путь...

— Тебе надо попасть к нему, так? — Бес зло сощурился. — Это не так то просто!

— Я не заговорщик! — возразил Ллойву, возможно слишком громко, на говорящих начали обращать внимание уже пробудившиеся постояльцы. — Чего ты от меня хочешь?

— Я лишь предлагаю один из способов, не нравится — ищи свой, — отстраненно ответил Бес, — поищи на площади своё вдохновение, там сейчас многое можно услышать. Ты же это любишь? Знать...

— Я... — Ллойву хотел возразить, что знания о людских пороках его интересуют мало, но Бес исчез, как и не был.

Зато вернулся Дженве.

— Скверно, Ловкач, завтрак придётся искать самим.

— Я почему-то не сомневался, — Ллойву оглядел пробуждающийся двор. — Мне здесь не нравится, Джев. Думаю, нам стоит поискать другое место для ночлега.

— В этот раз спорить не стану, — Дженве распахнул дверь, — но сделаем, как скажешь. Ллойву послушал звуки пробуждающегося города: где-то за стеной ржали и фыркали лошади, где-то стучали молотки, со стороны улицы доносился людской гомон.

— Пока я вёл беседу а нашим радушным гостиле, я уловил в нашу с тобой сторону интерес со стороны вчерашних знакомцев, — донеслось до Ллойву из открытой комнаты, —

и он мне не нравится.

— Гостилье? — чуть улыбнулся Ллойву, — для краснощёкого толстяка слишком лестно и для его... двора.

— Мы слишком отличаемся, Ловкач, — услышал он возле себя. Дженве уже собрался и вышел с мешками на плечах. — Про таких как мы слышали, но мало кто видел.

— Но слышали, — уточнил Ллойву.

— В гостевом зале говорят, у тьярда есть советник, и я догадываюсь, кто это, — Дженве достал трубку. — Появился недавно, чуешь, куда я клоню?

— Я почти был уверен в этом, — вздохнул Ллойву и привалился плечом к почерневшему от времени столбу.

— Нас пока не трогают, потому что не уверены, кто мы для них, друзья или враги. Но скоро они разберутся для себя, — Дженве набил трубку и зачиркал огнивом. Замер, вспоминая происшествие накануне и продолжил своё занятие, посчитав, что о нём брату знать необязательно. — Говорят повсюду беспокойно. Столицу охраняет целая армия...

— Что-то я не увидел никого из этой армии, — со скукой проговорил Ллойву, — подозреваю, слухи преувеличены.

Помолчали.

— Так что? — Дженве выпустил клуб дыма, — наш следующий шаг?

— Я бы не стал обсуждать его здесь, — Ллойву скользнул взглядом по фигуре прошмыгнувшего рядом мальчишки, — давай прогуляемся.

— Что вот так сразу?

— Именно, если мы станем скрываться, то вызовем подозрения, так? Мы пришли с ясными намерениями. И мы будем на виду... Торговцы... — Ллойву пожал плечами. — Послушаем, о чём говорит людь.

Братья поговорили с толстощёким румяным хозяином, представившимся господином Вальгой, тот клятвенно пообещал, что обед подадут обязательно, а пока господа могут попить утреннего молока и откусать ржаных лепёшек. Господа милостиво отказались, а один, с неприятным чёрным шрамом и тёмными зелёными глазами, похожий на колдуна, брезгливо сморщился. Ещё господа пообещали вернуться к обеду, попросили присмотреть за лошадьми, щедро оплатив услугу круглой монетой странной чеканки, опробовав которую на оставшийся зуб супруга определила как золотую. Странные чужаки платили золотом! Поэтому господин Вальга придумал послать мальчишку конюшого к господину Ривельсону, ибо он очень просил предупреждать о подобных беспечных чужаках. Тем более, что эти чужаки вроде торгуют лесом. А лес, это прибыльное дело. Наверняка, у них в мешках много таких приятных тёплых для сердца монет.

Братья тем временем неспешно направились по улице к площади. Господин Вальга проводил их взглядом, прикидывая, сколь умелы сии господа в кулачном бою? Скольких господину Ривельсону по прозвищу «Чистильщик» брать с собой? С виду — крепкие, ну а вдруг тот, со шрамом, и правда колдун? Их, навряд ли не осталось, всех повывели. Орден Истинной веры не дремал последние годы. А ну, как не всех? А если... и господин Вальга отошёл к себе за конторку, поманив туда и посыльного мальчика. Наказал ему, что сказать и куда отправиться. Тут же, в таверне квартировали и рыцари «белой лилии», ударного закованного в латы кулака истинников. Сам господин Вальга отправился напрямик к этим доблестным воинам сообщить о вопиющем случае использования запрещённого в Тангоре

колдовства и чародейства.

Площадь не впечатлила вчера в закатных сумерках, не изменила впечатления о себе и сегодня. Мощёная огромными каменными плитами, она сплошь была заставлена грубо сколоченными торговыми рядами, а посередине возвышался помост с тремя столбами. По всему, готовились к повешенью.

— Эгей, мы вовремя, — присвистнул Дженве, оглядывая виселицу.

— Похоже, бескровным путём мы будем идти слишком долго и можем не успеть, — в тон ему ответил брат.

— У тебя есть план? — встрепенулся Дженве.

— Да, придётся нарушить несколько правил, — согласился Ллойву, оглядывая суetyающую толпу вокруг. Торговцы расставляли товар, покупатели торопились выторговать себе лучшую цену. Никого не волновало сооружение посередине всего этого благообразия, словно речь шла о чём то обыденном.

— Наконец-то я слышу это от тебя, Ловкач, — усмехнулся Дженве, не выпуская трубку изо рта. Возле корзин, наполненных хлебом он заметил странного человека, закутанного в плащ до самого носа. Человек откровенно зазывая мотнул головой и, махнув плащом, скрылся за углом. Слишком просто, слишком очевидно.

— Ещё не полдень, — проговорил Дженве очень тихо.

— Что? — Ллойву, увлечённый происходящим вокруг отвлёкся.

— Ничего, — Дженве поправил мешок на плече. — Слово все вокруг хранят какую-то тайну...

— Нет здесь никаких тайн, — скривился Ллойву, поднимая взгляд на стену внутреннего кольца, — вот туда бы нам попасть...

За стену вели двойные ворота с опущенной решёткой. И охраняли их несколько вооружённых воинов.

— Легко... — отозвался Дженве, уже полный решимости исполнить задуманное, как брат остановил его, положив ладонь на предплечье.

— Стой, Дженв...

— Что?

— Посмотри туда...

На площадь со стороны выезда из города в окружении ребятишек и зевак въехали два крода.

— Во имя всемогущего Лита, — выругался Дженве, рассмотрев на крупном тёмном кроде стройную фигурку в обнимку с другой, поменьше. Второй крод, пёстрый в коричневых пятнах, шёл в поводу, а на спине его, закрепленные поместились мешки с вещами.

— Я сплю? — Дженве встряхнулся от наваждения. — Это что? Черныш?

— Лучше бы спал, — недовольно отозвался Ллойву и направился к гомонящей возле чудных животных толпе. — Это Черныш и Ластва. А верхом на них наши с тобой новые заботы...

— Вот огонь — девица, да? — веселился Дженве, пока они шли к своей цели, прорезая гомонящее людское море, а цель тоже не стояла на месте, неспешно двигалась, давая каждому себя рассмотреть. — Как её Висметия отпустила?

— Боюсь, она даже не спрашивала, — отрезал Ллову, ускоряясь.

Кроды нервно дёргали шеями и скидывали головы, раздражаясь от орущей вокруг

толпы. Ещё немного и можно потерять над ними контроль, тогда не миновать беды. Ллойву всё сложнее было продираться сквозь плотно стоящих. Приходилось прижиматься и отодвигать людей руками. Вот показались в толпе и пики шлемов городских стражников. Вимлин, наездница, тщательно скрывающая себя в мужском платье, стараясь держаться уверенно, поглаживала шею животного. Но Черныш и не думал успокаиваться. Он дёргался от прикосновения чужих рук, и вот, попятившись назад, уронил кого-то себе под ноги. Ластва заревела, а в толпе раздался визг. От шума Черныш дёрнулся, едва не скинув седоков.

— Тоуэ! — пришлось выдать себя. От звука знакомого голоса оба крода успокоились немного. Любопытные сделали круг шире, — тоуэ, — Ллойву наконец протолкался через толпу и Ластва прижалась головой к плечу.

— Господин Лир! — Воскликнула Вимлин с радостью. Девчонка, сидящая перед ней в седле, улыбнулась.

— Зачем вы приехали? — прошипел Ллойву, впившись взглядом в приближающийся герб на латах городского стража.

— Тоуэ, Черныш, — подоспел и Дженве. Теперь толпа, предвкушая зрелище, расступилась ещё больше, обозначая сцены для будущего действия. Чудные чужаки и не менее чудные звери вызывали интерес и предчувствие занятого развлечения. Вышли к театру и стражники. Пострадавший, да казалось, что не такой уже он и пострадавший, поспешил отползти, чтобы не быть притянутым к ответу.

— Вы оставили свои вещи, — почти шёпотом проговорила Вимлин, со страхом взглянув на броню и оружие рядом с собой.

— Кто такие будете? — сурово спросил страж с длинными пышными усами, положив руку на оголовье меча на поясе. — За смуту в городе полагается штраф!

— Нам очень жаль, — Ллойву прижал руку к груди, надеясь убедить в своей искренности, — мы, конечно же оплатим беспокойство.

Ластва налегла на плечо так, что стало сложно удерживать вес её головы. Ллойву погладил её по шее, чувствуя, как она дрожит. Безответственность и глупость, так бы он охарактеризовал поступок юной Вимлин. Мало того, она взяла с собой в опасное путешествие ещё и Мариссу, вот кого надо бы подержать вдаль от всех событий.

— Конечно, оплатим, — согласился Дженве, — этот... юноша не хотел причинить никому вреда, верно же? — он обратил суровый взгляд на юную деву. Но та не смутилась, подперев бок кулаком.

— Таких зверей у нас давно не было, — продолжил страж, с подозрением поглядывая на ряд кривоватых острых зубов в пасти изнывающего от жары зверя. — Одно время завозили, теперь нет... держать дорого...

— Да, они требуют особого ухода, — согласился Ллойву, чувствуя, как его отпускает напряжение. Похоже, обойдётся штрафом. И выволочкой для юной девы. Но это после. — Позвольте нам продолжить путь?

— Сначала платите! — сбиваясь на грубый настрой гаркнул усатый.

— О, любезный, позвольте мне, — Дженве оттянул стража на себя, а Ллойву подступился к Вимлин, оставляя брату решать этот вопрос.

— Что вы тут делаете? — прошептал он, едва отбиваясь от толкающей его в бок Ластвы. — Вы понимаете, что это опасно для вас?

— Мы привезли ваши вещи... — оправдываясь, прошептала девушка, склоняясь к самой шее крода. — Марисса сказала, вам они нужны...

— Марисса? — Ллойву стрельнул уничтожающим взглядом в сторону девчонки, беспечно разглядывающей уже порядком поредевшую толпу, — ты хочешь сказать, что послушала неразумное дитя в столь важном вопросе?

— Что ты сделаешь? — дерзко вскинула голову Вимлин, по всему, озвучивая заранее приготовленную фразу, — отправишь нас назад?

— Мы могли разминуться! — Ллойву оглянулся на стражей, не прислушиваются ли они к разговору, но нет, Дженве искусно отвлѣк на себя всех.

— Не могли, Марисса сказала, что знает, куда нам надо...

— Опять! — Ллойву в порыве схватил повод Черныша, — откуда ей знать? Она всего лишь дитя!

— Она мне показала будущее! — громко прошептала Вим, склоняясь ещё ниже, — она не обычное дитя, и вы знаете об этом, господин Лир.

— Боги, дайте терпения, — взмолился асатр тихо и повѣл крода прочь сквозь толпу. — Что теперь с вами делать?

— Я папу видела! — вдруг выдала Марисса.

— Не он ли привѣл тебя сюда? — Ллойву отвѣл кродов к торговым палаткам, чтобы животные не помешали никому. — Слезайте! Вы голодны?

— Немного, — призналась Вимлин, слезая с широкого седла и помогая спуститься девочке. Постояла на земле какое-то время, приходя в себя. — На нём так неудобно! У него слишком широкая спина.

— Дома рядом с вашей достойной матушкой наверняка удобнее, — не удержался Ллойву, — у нас нет времени на обратную дорогу!

Неспешным шагом подошёл и Дженве, порешавший все вопросы. Казалось, его не трогала перспектива стать наставником для юной особы.

— Не надо назад! Мы вам поможем! — Вимлин, наконец смогла разогнуться, — я умею драться!

— Мы не собираемся драться, — возразил Ллойву, — кто вам сказал такое юная Вим?

— Я не такая уж юная! — вспыхнула девушка, — мне уже шестнадцать!

— Нам надо накормить наших гостей, — устав спорить Ллойву повернулся к брату, — и заняться тем, чем планировали.

— Нет худа без добра, Ловкач, — Дженве похлопал по мешкам на спине Ластвы, — здесь твои капли...

— К дьяволу капли! Надо отвезти юных дам в гостиницу, они отдохнут... пусть их там покормят...

— Я понял, — Дженве кивнул, — не принимай так близко к сердцу, может оно и к лучшему...

— Да, — поддакнула Вимлин, сверля лицо неприятного господина взглядом. Вот её кумир не говорит о возвращении, в отличие от этого.

— Хорошо, поговорим позже... — Ллойву оглянулся, поймав на себе неприятные взгляды полные холодного любопытства. — Вернёмся в гостиницу... пообедаем, а там посмотрим.

— Кушать хочу, — согласилась Марисса, вкладывая ладошку в руку Ллойву. Тот дёрнулся и отстранился.

— Да, покушаем... — согласился он проклиная про себя и Беса, и Вимлин, и всех вокруг заодно.

Глава 20 в которой снова гудит земля

Рыцарь, облаченный в латы, внимательно выслушал господина Вальгу, поигрывая чётками в пальцах.

— Ты видел? — в очередной раз уточнил он. — Как супостат ворожил?

— Видел, — кивнул господин Вальга, — сотворил чары, да и глаза цвет поменяли. Не ровен час, чего случится! — И для убедительности господин Вальга осенил себя треглавом, да ещё и подобострастно склонил спину перед изображением Девы на стяге, стоящем у стены.

— Истинно веруешь? — сурово спросил рыцарь.

— Истинно-истинно, — покивал толстяк, — я-то помню, сколько бед наворотили супостаты чародейские. Бить их, не перебить, откуда — то да повылезут.

— Сразу мне не понравились, — бросил рыцарь, оглядываясь на служку с пером и листом бумаги за спиной, — волос сед, ясно, что от чародейства.

— Точно, точно...

— И одёжа странная, — продолжил рыцарь. Товарищ его в плаще до пола, стоявший до сих пор в тени, выступил вперёд, и господину Вальге захотелось сотворить божий знак ещё раз, но он удержался. Лицо этого истинника изуродовала перенесенная когда-то оспа, а поперх наложились ещё и несколько шрамов. Левое крыло носа отсутствовало, а левый глаз едва открывался.

— Спросать надобно, — сказало это чудовище сиплым голосом.

— Спросим, — кивнул рыцарь. — Куда, говоришь, направились?

— К площади, кони в стойлах, знать, вернутся, — с готовностью подтвердил господин Вальга.

— Подождем, — просипело чудовище, отступая снова в тень, — пока открой нам их комнату, хозяин. Посмотрим, нет ли от них опасности.

— Открою, как не открыть... обязан содействовать.

— Придут — молчи пока, — предупредил рыцарь, поднимая взгляд на вспотевшее лицо господина Вальги. — Сами спросим...

— А ну как узнают, что вы их ждёте? — вдруг выдал толстяк. — Не придут?

— Найдем...

— Сыщем... — просипело из угла.

— Я устала! — капризно протянула Марисса.

— Давай подсажу в седло, — Ллойву, ведущий Черныша в поводу обернулся назад. Похоже, обе девицы уже не были рады своему порыву. Посчитав, что квартировать в той же гостинице опасно для дев, братья отправились искать место для ночлега. Ллойву отчего-то шел за мелькающей впереди спиной в чёрном. Бес сопровождал их, но на большом расстоянии, мало того, похоже, у него уже был готов ответ на вопрос, где отдохнуть усталым путешественникам. И теперь все они неспешно шли по узким щелям меж домов, что и на улицы были похожи весьма условно. Заставленные корзинами и всяким хламом они, скорее, являли собой нечто вроде троп посреди человеческого жилья. Мощение камнем закончилось сразу, как они вышли с площади, и теперь шли, поднимая небольшие облачка пыли с земли. Девицам пришлось идти пешими, долгая дорога в седле сильно утомила обеих.

— Не хочу! — девочка вытерла глаза грязным кулаком, — устала! — и она упрямо села на землю.

— Это была рискованная авантюра, — наставительно проговорил Ллойву, обращаясь к Вимлин, а та наградила его ненавидящим взглядом. Дженве скинул свой мешок на спину Черныша, кивнув брату, чтобы придержал поклажу, и без слов поднял девочку на руки. Дитя обняло его за шею руками, а ногам за талию, положило голову на плечо. Ллойву замер, наблюдая за реакцией брата на возможные видения, но тот оставался добродушно сосредоточенным.

— Ты ничего не видишь? — осторожно спросил он.

— Я вижу вывеску, может там будет комната? — Дженве пошел вперёд быстрее.

— Да нет же, — Ллойву тоже ускорил шаг. Кажется, девочка сразу заснула на руках. Может, в этом секрет? Когда дитя спит, видения её не тревожат? — Я не об этом.

Вимлин неровно шагала рядом. Они обе очень устали. Ллойву смягчился, слыша, как она сбивает шаг и спотыкается. В конце концов теперь с ним его книга и стило. А в городе, наверняка, можно достать ещё и перо с чернилами. Только добавилась забота о двух неосмотрительных девицах. Ещё и Бес, будь он неладен. Одно радует, чем больше они удалялись от внутреннего кольца, тем меньше внимания привлекали кроды. Здесь каждый был занят своим делом, и никому не было дела до приезжих чудаков. Даже патрули стражей лениво провожали их взглядами, но не чинили препятствий.

— Что здесь? — Ллойву поднял голову к бурому пятну на фоне неба.

— Не разобрать, — отозвался Дженве. Ллойву полез за пазуху за окулярами. — Но точно похоже на гостиницу.

— Зачем они тебе? — вяло поинтересовалась Вимлин, сонно моргая.

— Они помогают мне читать, — терпеливо ответил Ллойву, приглядываясь к вывеске. — «Игривая кобылица»? — он недоумённо повернулся к Дженве, — это что такое?

— Бордель, — тот расплылся в довольной ухмылке, — самое надёжное место...

— Ну, нет, Джев, они здесь ночевать не станут, — Ллойву решительно двинулся дальше, а Дженве обреченно вздохнул.

— Я бы заглянул сюда, — мечтательно протянул он, — попозже...

— Уверен, что заглянешь, но у нас сейчас иная цель.

Вимлин сделала вид, что не слышала. А девочка на руках асатра совсем расслабилась и растеклась на плече. Дженве без труда удерживал её одной рукой.

— Нам нужно что-то более приличное и чистое, — Ллойву мельком уловил движение чёрного пятна в соседнем переулке и направился туда.

— Спроси её про комнату, — услышал он тихое, мимолётное как вдох. В переулке у первого же дома немолодая женщина сметала с обветшавшего крыльца пыль и мусор. Ллойву, сам не понимая, зачем, последовал совету.

Спустя час Ллойву вышел на крыльцо невзрачного домика, затерянного на кривой, как палец ведьмы, улочке. Дженве успел покурить и прикинуть, как вернуться на площадь к полудню, и будет ли его там ждать неизвестный. Чего он хочет, и надо ли сказать об этом брату или не стоит тревожить пустыми заботами, а лучше разобраться самому. С одной стороны, глупый пустяк, может, чья-то дурная шутка. С другой — в мире люди все запутано. Все воюют против всех. И союзник может оказаться врагом, о неприятелях можно сказать прямо противоположное. Только не переступить черту, когда эти зеркальные игры

становятся смертельно опасными.

— Я договорился об обеде и ночлеге для наших дам, проведем их к вечеру, — Ллойву поправил перчатки на руках, — Черныша и Ластву обещали покормить. Вещи предлагаю оставить здесь. Теперь надо попасть к тьярду. Или хотя бы понять, что случилось с Джарием.

— Сейчас самое интересное происходит на площади, — задумчиво проговорил Дженве. — Но я не уверен, что нас такой поворот устроит. Что говорит хозяйка?

— Добрейшая госпожа Сальверсина опасается говорить с чужаками. И мне кажется, она посчитала меня каким то чудовищем. Взгляд был весьма красноречив, — Ллойву оглядел шуршащий ветошью на крышах переулков. Дома поднимались к небу, сходясь крышами, отчего у самой земли царил полумрак. Казалось, за каждой дверью их ждёт враг. Но Искра подсказывала, что опасности нет, потому братья оставались беспечно расслабленными.

— Встреть я тебя ночью, тоже бы посчитал чудовищем, — рассмеялся Дженве. — Не обижайся, братец, — он приобнял Ллойву, — я не со зла.

— Лучше подумай, как нам вызвать хоть каплю доверия у тьярда... Пока получается скверно. Врагов мы нажили больше чем союзников...

Олаф Стаавд Доенвард. Последние буквы второго имени всегда его раздражали. Звучало как нажатие пальца на клопа или другую мерзкую ползучую тварь. Но родичей не выбирают, как не выбирают и имени. Коли предкам было угодно так тебя назвать, значит имя надо носить с гордостью, или так, что бы враги и завистники содрогались, услышав его.

Олаф поднял руку в золотых перстнях, представляя, как станет править после брата. Старг Доенвард, назвали, как деда. Было бы в нем ещё хоть капля той отваги и жёсткости, какой тот завоевывал свою империю. Но нет, нынешний Старг мелок, труслив и привержен чревоугодию. Иными словами жирен, как боров. Ему нет дела до творящегося в его стране беззакония. Все, что его волнует — чтобы къярмы везли в казну собранную подать и сказки о былых временах. А людишки начали роптать. Поговаривают, даже решили поднять бунт. С одной стороны если этого борова скинут с трона, для Олафа только лучше. Потому восстание необходимо возглавить. Но так, чтобы не сказаться предателем перед братом. Раньше времени. Глупец упивается властью. Она делает его слепым и глухим, а советники умело заливают брату уши ядом. Нашёптывают, направляют. Вот и Орден Девы отдалился от престола, хотя был ей опорой долгие годы. Истинники — единственные служат не за деньги. Держись их и они вознесут тебя на вершину. Но Старг все испортил, он рассорился с ними, подозревая в измене их магистра. И что теперь?

«Служить пречистой деве, но не земным царям» — с этими словами они отвернулись. Глупое, не дальновидное решение.

— Они здесь, — новый советник появился бесшумно за спиной.

— Зови их на встречу, мы обсудим всё, что должно, — согласился Олаф, не глядя на советника. Этот человек в мантии черного цвета его пугал. Магистр Ис, каким он представился, никогда не показывал лица, говорил всегда тихо, но Олафу казалось, что он слышит его голос в голове. Чародей, не иначе. Но и такие полезны и надобны. И лучше они будут в союзниках, чем во врагах. Была в нем какая-то сила, которую невозможно преодолеть. Он появился в Северной Звезде недавно, пришёл, нашёптывал, советовал, и о, чудо, наконец гордарские корольки согласились дать ссуду в обмен на лес. А с деньгой хоть и гордарской, всякий пойдет за тобой. Даже эти псы на западе, даже Истинники. Кто угодно. В искусстве увещевания магистру не отказать. Олаф старался не смотреть на него дольше

необходимого. Казалось, взглянешь, и будешь проклят навеки. Странно, что Истинники не признали в нем чародея. Все признаки на лицо. Хотя, разве является преступлением дар красноречия? Вовсе нет. С этим и успокаивал Олаф свою совесть.

— Сегодня, к закату, — прошетал Ис. — Я договорюсь.

Опасное дело. Если братец узнает, не сносить головы. За ним все ещё стоят таны и целая армия наемников. Он щедро им платит, что бы они охраняли его жирный зад. Радует, что ему не одна таннери не захотела родить наследника, или он сам слаб по мужской части. После его смерти престол опустеет в ожидании достойного. И кто окажется рядом? Олаф чуть улыбнулся. Кто же это будет?

— Среди приговоренных нет Джария Калевала, — тихо шепнул Ллойву брату, пока они пробирались сквозь толпу пришедших взглянуть на казнь.

— Я вижу, — так же тихо ответил Дженве, приглядываясь к людям. Неужели им нравится смотреть на чужую смерть? Что с ними не так?

Большой колокол где-то во внутреннем кольце густым, протяжным воем возвестил, что наступил полдень.

— По приказу... — начал зачитывать палач зычным голосом, привыкшим к ору.

— Занятно, да? — услышал Ллойву рядом. Это снова Бес.

— Что в этом занятого? — отозвался асатр. Большие капюшоны скрывали от стоящих рядом лица чужаков, но Ллойву все равно казалось, что вот-вот кто-то ткнет в них пальцем. Но все были увлечены происходящим на помосте. Там, пока братья путешествовали по городу, поставили окровавленную чурку и выстроили приговоренных.

— Ты не находишь это забавным? Странно, смотри, всем нравится, — Бес довольно огляделся вокруг.

— А как умер ты? Ты же умер? — Ллойву, посчитав, что с темы уйти не удастся, перевел её в новое русло.

— Если тебя интересует не повесили ли меня, то нет. Пытались, не вышло, — Бес замер, погружаясь в воспоминания. — Меня убивали несколько раз, но, как и у тебя, у меня была цель. И повод оставаться живым...

— Звучит, как «мне повезло», — усмехнулся Ллойву.

— Повезло, — как эхо повторил Бес. — Надеюсь, тебе «повезет» меньше, благородный асатр дома Лир.

— Прошу извинений, — Ллойву взглянул на помост. Там палач закончил оглашение приговора. Одного казнили за измену, второго за укрывательство, третий не дал кьёрму то, чего он хотел.

— Тебе не за что извиняться, — тихо продолжил Бес. — Моя земная жизнь прошла и закончилась без вас. Я сделал все, что должно, теперь дело за вами.

— Ты не знаешь, где нам искать Джария? Ты говорил, тебе открыто всё, — прервал его Ллойву. — Я не знаю местных обычаев... и законов.

— Джарий Калевала... — Бес подумал, — он гостит у тьярда. Пока...

— Ему нужна помощь?

— Не помешает, он сейчас на волоске от палаческой, — Бес дёрнул головой. — Можно сказать, почти там. Твой план... Требуется длительной подготовки и времени. Ты не успеешь достичь своей цели.

— Что ты предлагаешь? — Ллойву не стал спорить, потому как предполагал нечто

подобное.

— Иди по своему пути, он кажется верным, но если ты хочешь спасти человека, то действовать надо иначе.

— Я понял.

— Все меняется каждый час. Будущее зыбко и неустойчиво. Помни, я пойду на все, чтобы защитить Мышку. И если ты окажешься на пути.... — Бес прямо взглянул в глаза, — я переступлю и через тебя.

Ллойву взглянул через плечо. Исчез. Сильный союзник, но и не менее страшный враг. Не было ли ошибкой связаться с ним?

А Дженве слушал удары далёкого колокола, слушал приговор и смотрел, как палач уверенными движениями делает свое дело. На Аст'Эллоте не было смертной казни. Было время Жатвы, когда Жертвенного отдавали Окто без остатка, чтобы модуль мог напитать себя, поглощая Искру. Людья лишала себя жизни из развлечения. Иначе что это? Можно убить ненавистного тебе врага молча. Это дань уважения к прародителю и создателю. Ни к чему устраивать балаган. Но здесь...

Вот, что хотел показать невидимый ночной визитер. Это? Будь спокоен, неизвестный, с ними такого не случится. Даже если их попытаются схватить, сила последних богов не даст превратить смерть асатра в развлечение. Уж тогда они узнают, что такое гнев иллой или иллия. Никто не уйдет обиженным. Дженве сжал кулак, и земля под ногами дрогнула, отзываясь. Ллойву положил ладонь на плечо.

— Не надо, Джев, не сейчас...

Но толпа уже почувствовала, под ногами дрожь земли.

— Мне претит такое, прости, Ловкач.

— Я понимаю, но мы не можем бросаться на спасение каждого из осуждённых на смерть. Это не наша земля, Джев, и не наши законы...

— Ты прав, — прорычал Дженве и земля перестала подрагивать.

— Мы вытащим Джария, но только от того, что они отнесли к нам с добротой.

— Когда? — Дженве несколько раз глубоко вдохнул, успокаиваясь.

— Сейчас, — Ллойву осторожно двинулся вперёд, проскальзывая между людьми, как тень. Дженве двинулся следом.

— Брат мой, Олаф, — проговорил Старг, тьярд северных и южных земель Тангорского торада, — пришел посмотреть?

Со стены внутреннего кольца хорошо было видно «площадь слез», как её звали раньше. Теперь у неё новое название: площадь Славы. Но сути это не поменяло. Как была она окроплена кровью, так пятнает брусчатку алым и теперь. Что бы сказал твой предок, Старг Широкий? Похвалил бы за страх над тьёрдами, и отругал за страх в тебе самом. Нельзя добиться повиновения одними казнями, нужны иные методы, глядишь и гордарские королевства будут охотнее присылать торговцев.

— Я только хотел сказать, что тебя ждут в алом зале.

— Кто? — Старг чуть повернул голову.

— Ты знаешь, — Олаф чуть отступил и поклонился.

— Ах, да, — тьярд с трудом слез со своего переносного трона и тяжело переваливаясь отправился со стены вниз. Следом, стараясь держать расстояния пошли и его охранители. Четверо. Четверо! И это во внутреннем кольце, где ему ничего не угрожает. Поговаривают,

они пробуют всю его пищу. Спихнуть эту тушу с трона будет не так то просто.

Внизу, под стеной застонала земля и стена дрогнула. Старг настороженно замер. А из туманной дымки в далёких горах донёлся трубный вой.

— Что это? — прохрипел Старг. Боится. Трус. — Похоже на Дракона.

— Не знаю, просто гудит земля...

— В пророчестве Алтурны писалось, что Дракон возродится, — благоговейно прошептал Старг. Уж не воображает ли этот мешок с мясом, что сравнится со своим предком, помогавшем изгнать демона из мира? Но это на руку. Весьма на руку

Глава 21 в которой плетутся интриги и открываются тайны

Старг, тяжело переваливаясь на отекающих ногах, спустился в Алую залу. Олаф, посчитав, что, как советник, может присутствовать, спускался следом. Къёрмы всегда приносят свежие вести с окраин, не только монеты и провиант. Можно услышать много интересного. Пусть не всегда приятного, но интересного.

В Алый зал был призван так из-за подаренных когда-то предыдущему тьярду полотен, висящих на стенах. В знак особого расположения один из гордарских купчин привез тогда целый корабль всяких товаров в дар. Поговаривали, ему приглянулась юная таннери, и одарив её отца он увез девку в далёкий купеческий край. Полотна оказались добротны и ярко покрашены и не выцвели даже спустя много лет. Видать, крепка была любовь гордарца, крепче, чем союз двух королевств, что после был расторгнут из-за глупости правителей. Недальновидно, считал Олаф, Гордария — это множество товаров и золото. Даже тангорские тиглы и луны, местную серебряную и медную монеты, и те чеканили в Гордарии по особому договору. Связи обрывать никак нельзя. Поговаривают, у них там безо всякой магии катаются самоходные телеги, а Тангора все никак не выберется из танства, ровно как и сто лет назад.

— Помилуй! — вернул Олафа к настоящему надрывный крик. Из группы коленопреклонных къёрмов вывалился один с подвязанной к плечу рукой. — Не погуби!

— Говори, — милостиво согласился тьярд, махнув пухлой рукой в перстнях.

— На нас напали! Во владении Лаффе. У Чешкина брода! Их было около двух дюжин! Все вооружены! Мои люди сражались, как герои! Клянусь!

— Кто посмел? — брат напрягся, это было заметно по всей его позе: сдвинутые колени и прямая спина — Неужто сам тан Лафсон решился препятствовать? Мятежники? Бандиты?

— Приезжие! Чужаки! Мне пришлось потерять несколько дней в горячке, прежде, чем я смог отправиться в дорогу, — къёрм красноречиво приподнял покалеченную руку.

— Что за чужаки? Ириты? Пересы? Горды?

— Не знаю, я таких не выдавал! На лицо молоды, а волос, будто седой! И глаза... могильные! Словно мертвецы восстали!

— Мертвецы? — Старг перемялся на своем троне, а охранители его, казалось, стали ещё суровее.

— С мертвецами воевать? Что скажешь, брат?

Олаф прочистил горло. Брат сейчас наверняка вспомнил про ту безумную старуху, что просрочила всем новый порядок, пела о восставших мертвых, да возродившимся Драконе. Но басни безумной, это одно, а бунтовщики, посмеявшие ограбить къёрма — это другое. Здесь дело политическое. Спуску давать нельзя даже чужакам. Особенно им.

— За нападение на къёрма полагается смерть, — начал Олаф, — не важно, кто там, чужаки, мертвые или живые. Твоя власть, мой тьярд, должна быть неоспорима. А значит найти и представить перед судом.

— Дааа, — неуверенно поддакнул тьярд, — все равно, мертвые или живые. Найти! — рявкнул уже со свойственным ему напором. — Пошлите воинов! Хват, ты поведёшь людей. Вернись с добычей! Приведи живым. Разрешу тебе совершить возмездие

— Хороши приметы, не ошибёмся, — кивнул къёрм довольно.

— Две дюжины? — с сомнением протянул Олаф.

— Но возглавляли мертвецы! Я их никогда не забуду! — с готовностью поднялся кьёрм.

— Некромиты? — брезгливо бросил Старг, — давить! Сжечь... всех... Дай ему людей, пусть все знают, что шутить с кьермом самого тьярда смертельно опасно! — распалился Старг. — Развлечем народ на площади! Ступай! Обратись к Ровалу, моему йорманду...

Кьёрм, подобострастно кланяясь, попятился назад, а с ним и его люди, с трудом переставляя покалеченные ноги. Олаф проводил их взглядом, и когда высокие створки двери выпустили последнего, обратился к брату.

— Так ли нужно отправлять армию, чтобы поймать две дюжины бандитов? Они могут понадобиться тебе и здесь.

— У меня есть гросса наемников, — угрюмо отозвался Старг, — пусть идут они. А ну как снова полезли отродья чародейские? Что тогда, брат? Снова ложиться под магигов? Как прежде? Нет... Не бывать этому больше! Что мятежник? Молчит?

— Твоя неприязнь к северному вассалу не делает его мятежником, — возразил Олаф. — Он привез тебе откупную, поклонился, как ты и хотел, чего ты ещё желаешь получить?

— Он последний в роду? — просипел Старг, тяжело вдыхая. Опять. Сейчас у тьярда будет приступ удушьяющего кашля.

— Да, оставь его, у него и так ничего не осталось... — Олаф осторожно сделал шаг назад.

— Мне сказали, на севере зреет смута. Поговаривают, Калевала... — Тяжёлый вдох, — был в числе недовольных. Пусть ответит....

— Обложи налогом, чтобы он не мог и помыслить о мятеже, но лишаться вассала неразумно...

— У... него дочь?... — Старг тяжело вдохнул и гулко, выкашливая нутро, бухнул в колени, — привези её мне... а после его отпусти...

Ллойву скользил в «слепой зоне» так быстро, что Дженве едва успевал за братом. Их не учили делать это долго, на тренировках в военной академии упор делался на открытый бой и стратегию. И теперь он понял, что проигрывает брату в скрытности. Они проскользнули за кольцо стен, даже не пришлось пробиваться. Створка решётчатой калитки оказалась приоткрыта. А дальше дело за малым.

— Погоди, Ловкач, — Дженве прижался к стене, пережидая, пока пройдёт патруль из нескольких хорошо вооружённых воинов в латах. Ллойву вынырнул из «слепой зоны» у правого плеча.

— Здесь очень много стражи, — прошептал Ллойву, — я бы сказал тьярд опасается за свою жизнь...

— Я бы на его месте тоже боялся, — проворчал Дженве.

— Я уже думаю, что встретиться с тьярдом не такая уж блестящая идея, — Ллойву снова исчез и появился далеко впереди. Дженве присвистнул тихонько. Он знал, конечно, что Ллойву знает об Искре больше и обращается с ней ловчее. Дженве уже пожалел, что смеялся над братом, когда тот просиживал сутками за учебниками и энциклопедиями. Благодаря знаниям и упорству тот поднял свое умение на абсолютно новый уровень, через него защитив и звание «Мастера меча». «Кажется», — впервые подумалось Дженве, — «я недооценивал теоретические занятия, и очень зря».

Ллойву показал пальцем на закрытую створку в стене крепости, охраняемую двумя

стражами.

— Дотянешься? — шепотом спросил он. А Дженве прикинул расстояние. Слишком далеко, столь долгий прыжок в «слепой зоне» ему не под силу. И он покачал головой: «нет».

— Я помогу... — прочитал он по губам. Ллойву растворился в тени. Дженве ничего не оставалось, как прыгнуть. Как и следовало ожидать, оба стража моментально напряглись, едва перед ними возникла фигура асатра.

— Стоять! — и сразу да за их спинами вынырнул из тени Ллойву, одним касанием уложивший обоих под ноги.

— Дьявол, Ловкач, мне не сравниться с тобой! — хохотнул Дженве, прижимая ладони к камню стены, чтобы дотянуться до точек напряжений. Сразу оценил, насколько за стеной безлюдно, и нарисовал в голове приблизительный маршрут.

— В чём? — Ллойву перешагнул через тела павших стражей.

— Во взломе и проникновении, — Дженве чуть напрягся и камень у двери начал крошиться.

— У меня был хороший учитель, — усмехнулся Ллойву поднимая обмякшие тела за жёсткий ворот доспеха.

— Ну, может, отец был не так плох? — Дженве дёрнул створку на себя, и она подалась навстречу вместе с косяком. Под ноги посыпались обломки камня.

— Может... — коротко бросил Ллойву, затаскивая свою ношу в полумрак неосвещённого коридорчика, и укладывая у стены, прямо на ступенях.

— Так какой план? — Дженве размял плечи и достал кимейр из ножен. Октис на руке тускло светился синим.

— Мы убьём Джария... — Ллойву замер, прислушиваясь к себе. — Идём...

В покоях тьярда всегда пахло прокисшим потом. Запах не заглушали даже чадающие лавандовым маслом свечи. Хуже того было полное отсутствие света. Узкие, похожие на бойницы, оконца всегда закрыты плотными ставнями. Находиться здесь было тяжело, и ещё тяжелее слушать громыхающий, выворачивающий наизнанку кашель. Поговаривали, кто-то проклял тьярда с рождения. Но это конечно слухи. Не предавайся брат обильной трапезе, со здоровьем у него было бы получше. Но Олаф был не в обиде. Пусть убивает себя сам, упрощая задачу. Отец у обоих был единый, а вот матери разные. И Олаф благодарил всех богов, что это так, иначе превратился бы в такой же гниющий мешок с потрохами.

Олаф оставил тьярда заботам знахарки, а сам спустился к Вилмуру Скорню, ведающему лучше всех, что происходит в городе. Вилмур, уроженец гордарской земли, прижился рядом с тьярдом за хитрость и знания. А ещё у него были свои люди на каждой улице, в каждом доме, и кто знает, быть может даже в каждой семье.

— Приветствую, господин Скорнь, — Олаф чуть поклонился, стараясь сделать хозяину покоев приятное. Нет-нет да тот вспомнит об обычаях потерянной Родины, затоскует и грозит уехать. А этого допустить нельзя. Может, поэтому Старг строго настроено запретил выпускать его из города.

— Приветс-ствую, — процедил господин Скорнь из-за стола, отложил перо, взглянул на гостя. — С-с чем пришел?

Гордарец выматывающе тянул «с», раздражал этим каждого и знал об этом.

— Поговаривают, мертвецы восстали, — усмехнулся Олаф, — не слышал?

На это гордарец откинулся на стуле, вытянул худую шею в кружевом вороте, почесал,

соскребая корки от кожной экземы. Мерзость. Но надо потерпеть.

— Говорят, да... Поговаривают, к с-северу от Валдарского тракта вырос-сла черная башня. А ещё говорят, вернулись илли и хотят назад свою землю...

— Илли? — Олаф изобразил удивление, — они все мертвы...

— Ты же сам с-сказал, вос-стали, — усмехнулся господин Скорнь. — кто вернулс-ся с С-сулы, говорят, бухты больше нет, там теперь большая земля. Океан отс-ступил и с-сильно. Люди опас-саются нового катаклизма...

— Верно говоришь? Послать туда людей? — Олаф на доли мгновений забыл, зачем пришел и даже почувствовал страх.

— Мир меняется, Олаф Хитрый... — протянул гордарец, снова взявшись за перо, — и вам придетс-ся изменитьс-ся вмес-сте с ним.

— А что за башня? — коли верно говорит, надо отправиться, да взглянуть. Что слушать пересуды?

— Черная башня, из камня. Нет входов... Нет окон... Пристанище с-смерти...

— Что? — Олаф склонился к гордарцу, — что за чушь ты несёшь?

— Так говорят, — меланхолично заметил господин Скорнь, — но я слышал про неё от разных людей, и с-склонен поверить...

— Думаешь, про мертвецов тоже правда? — неужто все эти побасенки про пришествие драконов правда? Нет, не может быть!

— Люди видели человек с белыми, как с-снег волосами, и мертвячьими очами, — гордарец снова поскреб шею ногтями, и этот звук заставил Хитрого вздрогнуть от отвращения. — Это то, что говорят. Они берут много, больше, чем тьярд. На их с-стороне боги с-смерти... Так говорят... Я бы с-советовал найти их.

— Боги смерти, говоришь? — Олаф прошел по комнате от одной стены до другой. — А что говорят в городе?

— Ис-стинники прибыли, — ничего не выражающим голосом сказал гордарец, опуская взгляд. — Они кого-то ждут у «Госпожи».

— Понятно... — Хитрый взглянул на торгаша, не заподозрил ли неладного? Но он всегда ведёт свою игру, и никогда не угадаешь, что он решит сделать. Помочь или предать.

— Здоровье тьярда пошатнулос-сь? — меланхолично заметил гордарец. — Таны готовятс-ся к приходу нового... А кое-кто с-считает, что Доенварды правили дос-статочно...

— Кто считает? — Осторожно спросил Олаф.

— Так говорят... — Уклончиво ответил гордарец.

— Тьярд в порядке, да продлит Эсенгард его годы...

— Дай бог, дай бог, — согласился Вилмур. — С-смута с-сейчас некс-стати, тем более, что с-северная земля зас-селена чужаками. Никто не ведает, куда подевался океан, и как это произошло. Сулезы говорят, она поднялась со дна вместе со всем, что на ней есть.

— А что на ней есть?

— Они называют себя эллотами, — гордарец сжал ладонь в кулак и перестал пачкать речь протяжными согласными, — у них есть города и множество сокровищ. Так говорят. Но они готовы их защищать.

— Эллоты, — просмаковал Олаф, — откуда же взялись илли...

— Они назывались так когда — то, — согласился гордарец, — теперь время перемен. Так говорят.

— Кто может рассказать про эту землю больше?

— Я найду тебе человека...

— Благодарю, благодарю... — Олаф замер, размышляя. Новая земля, эллоты, восставшие мертвецы, смута на севере... Не слишком ли много для одного королевства?

— Будь осторожным, Олаф Хитрый, бог удачи на твоей стороне, но ветер всегда переменчив, — гордарец снова взялся за перо, — не перехитри самого себя.

— Будь спокоен, — отозвался гость, — я справлюсь.

Следующим шагом для Хитрого стал визит к мятежному тану. Джарий Калевала прибыл несколько дней назад, привез, как оговорено мзду и сверху вдвое, как плату за неосторожные встречи. Но Старг повелел арестовать его здесь же, переменяв свое решение мгновенно, и теперь Калевала томился в клетке тюремной крепости, что располагалась в отдельном крыле.

Над навестить его, прощупать почву, и если потребуется, посудить свободу за клятву верности. Если брат спросит, для чего он посетил узника, можно будет сказать, что хотел склонить того к откровению. В конце концов так и есть. Надо понять, к кому обратиться. Не этот запуганный, разорившийся тан станет искрой, что воспламенит всю Тангору. Точно не этот. Но он может стать ключом к этой искре. Хитрый взял с собой одного охранителя на случай если потребуется подтвердить его намерение.

Олаф с товарищем долго шли по каменному коридору, потом спускались по спиральной лестнице, а затем последовали за тюремщиком по низкому, пропавшему плесенью тоннелю, где через каждые семь шагов тускло блестели петлями двери.

— Тута, — тюремщик загремел ключами, открывая камору.

— Дознаний не было? — стараясь дышать неглубоко, спросил Хитрый.

— Не, не было, — с готовностью ответил тюремщик, — Велено не трогать до поры...

— Хорошо, — как предусмотрительно, братец, что ты не тронул разорившегося тана. Когда его дочь будет в замке, он сделает всё, что от него попросят. Важно успеть до этого момента. Гонцы уже в пути.

Дверь отворилась и тюремщик зашёл первым, держа в руке зажжённую лампу. Следом осторожно ступая зашёл и Олаф.

— Эй, вставай! — через дверь было видно, что узник разлёгся на грубо сколоченной койке, — вставай, говорю!

— Погоди... — Олаф зашёл сам и встал поодаль. Ни тычки, ни жестокая тряска на лежащего не подействовали. — Спит ли?

— Навроде спит, — с сомнением проговорил тюремщик. Без стеснения приложил раскалённый обод лампы к телу пленника. И снова никакой реакции.

— Мертв? — с разочарованием спросил Олаф, — ты убил?

— Я? Ни-и-и, я разве могу, поклянусь! — горячо заговорил тюремщик, падая на колени перед братом самого тьярда. — Чем хочешь, поклянусь!

Олаф сделал знак охранителю, чтобы тот подтвердил смерть пленника, и тот прошел и приглядываясь кивнул. Мертв, мертвее быть не может.

Хитрый подошёл к койке, проверил сам, нет ли дыхания. Нету. Мертв, что досада, на которой он и лежал. Досада. Как теперь добраться до мятежников? Теперь только через истинников, а с ними договориться не так то просто.

— Как так вышло? — Олаф спешно пробежался пальцами по одежде. Яд? Следов от удущья нет, крови не видно. Словно заснул и не проснулся.

— Не ведаю! Господин мой, не ведаю! — чуть не плача бормотал тюремщик, обирая себя руками.

— Обыскали? А ну как у него с собой склянка с ядом, иль другая приспособа.

— Ничего не было, клянусь. Уж который день тут...

— Был кто? — сурово спросил гость.

— Нет, никого не было, совсем никого!

— Лекарь пусть посмотрит, нет ли заразы... — Олаф с разочарованием отвернулся. — Коль найдет, сожгите, а нет, как всех — в канаву на корм псам и воронам..

Глава 22 где Ллойву учится принимать удары судьбы

— Сколько ждать? — Дженве не спеша набил трубку и готовился покурить. Оба брата после удачного предприятия вышли за городские стены как раз со стороны крепости, чьи тылы прикрывал огромный овраг, уходящий далеко в поле. Над оврагом с криками кружили вороны. Заходящее солнце золотило верхушки деревьев, а от земли веяло холодом. Несмотря на благостный пейзаж внутри звучала тревожная нота.

— Не знаю, — братья сели прямо на подсохшей земле. Плотная сеть невысокого кустарника, уже распутившего листву, скрывала их от любопытных глаз. — Я проделал такое впервые и не очень уверен в успехе. — Ллойву устало потёр глаза. — Но они сбрасывают трупы сюда, это точно. Мы сможем убедиться, верно ли я все рассчитал. Надеюсь, верно.

— Мы сможем его оживить? — Дженве взглянул на брата. То, что они проделали с Джарием было в новинку и для него. Как такое пришло в голову Ллойву — удивительно. Дженве был готов отбивать Джария силой, выкупать его за драгоценности, договариваться с тьядом. Но такое...

— Формально, он не мертв, — Ллойву лег на спину, подстелив плащ, — его тело замедлило все процессы: сердце, дыхательные пазухи, даже желудок работают сейчас в очень ограниченном режиме. Я бы сказал, почти не работают. Надеюсь, люди не хватит знаний, чтобы это определить. Нам надо, чтобы они сами избавились от него. Без нашего участия.

— Да, ты коварен, братец, — усмехнулся Дженве. Ллойву закрыл глаза, пережидая участившиеся сердцебиение.

— Ты как? — задал Дженве свой главный вопрос.

— Прости, Джев, я, кажется, устал, — отозвался Ллойву не открывая глаз, не став в этот раз отрицать очевидное. — Это предприятие потребовало больше сил, чем я рассчитывал.

— Быть может, тебе лучше пойти в гостиницу?

— Я не могу оставить тебя одного на полпути, — слабая улыбка тронула губы, — надо отправить Джария домой. Это же была моя идея. Я должен завершить начатое.

— Ага, в одну руку вручить ему дочурку, а в другую ещё одну девочку, — фыркнул Дженве. — И отправить домой.

— О, боги! — Ллойву стиснул руками голову, закрывая ладонями глаза.

— Что?

— Я почти забыл про них. Нельзя отправлять их с Джарием, это будет опасно для всех. Он должен будет ехать быстро и скрытно. Они могут выдать его. И тогда наш план обернется провалом.

— Что же нам с ними делать?

— Пока не знаю. Надо забрать лошадей и провизию, Джев. — Проговорил Ллойву не открывая глаз. — Джарию понадобится все это. Я хотел сделать это раньше, но мы были заняты.

— Схожу? — Дженве поднялся и размял спину. — Дождешься?

— Да. Не волнуйся, я буду здесь.

Господин Вальга немного беспокоился. Когда он открыл комнату постояльцев перед истинниками, оказалось, что чужаки предусмотрительно забрали с собой все вещи. Истинники ничего побуждающего к колдовству не нашли, и это было нехорошо, потому как теперь приглядывались к самому господину Вальге, как клеветнику и ненавистнику. Но даже это не беспокоило так сильно, как отсутствие доли из добычи. Значит дело за господином Ривельсоном. Но вот беда, даже с такими оглушающими приметами, оба как сквозь землю провалились. Говорят, их видели на площади, они встретили каких-то мальчишек, и что? Потом никто их не видел. Где теперь искать беспечных чужаков и их полные золота мешки? Это было досадно. День склонился к закату, а постояльцы не возвращались. Но в стойлах фыркали их кони. Не самые хорошие, но можно продать, если понадобится. Господин Вальга даже сходил, проверил, стоят ли лошади в конюшне. Нет, все в порядке.

И, когда он уже был готов дать мальчишке приказ перевести коней в другие стойла, появился постоялец. Один. Тот, что бородач и разговорчив. Он возник как-то сразу перед господином Вальгой, и даже не сказал ни слова, появился, как из воздуха. И сразу схватил за шею у затылка. Где это видано, хватать так добропорядочных горожан? Господин Вальга открыл было рот, возмутиться, но тут в голове все смешалось и перед глазами застыл холодный, бесцветный взгляд. Тут толстяк понял, что непременно надо седлать коней для постояльцев, а еще приготовить им провизии в дорогу. И сделать это надо тихонько, чтобы никто не узнал об этом, а особенно его друзья, те, которые в латах с белой лилией на груди. И понял господин Вальга, что рта открыть он не может, как и высказать возражений и протестов. А что это такое, как не колдовство? Значит, прав оказался, магии перед ним, и об этом надо непременно сообщить. «Не надо», — пел другой голос в голове, противный, чужой, он велел идти за лошадьми и вывести их к входу, где этот страшный господин будет ждать. И даже, возможно заплатит.

Противиться этому голосу у господина Вальги сил не было и он пошёл делать требуемое, хотя где-то внутри бился в оковах собственного тела. И стало страшно, а ну как это навсегда? Если более не будет у него власти над собственной жизнью? Паника надёжно схватила господина Вальгу за горло, и не отпускала ровно до того момента, как он вывел к крыльцу коней с мешком, полным хлеба и сыра. А потом тот же голос нашептал, что всё это господину Вальге привиделось. Так он и стоял посреди улочки, хлопая глазами, пока не осознал, что тело снова ему подвластно, а страшные постояльцы его растворились в людском море, и дай бог никогда с ними более не встретиться. Почесал господин Вальга вспотевшее пузо, подумал, и пошел к господам рыцарям поделиться своими сомнениями о привидевшемся ему господине с бесцветными глазами.

Солнце уже село, погасив последние отблески света на верхушках сосен, а Дженве, кажется, задерживался. Голова после предприятия всё ещё оставалась мутной, а в ушах противно звенела тонкая струна. Это от усталости, увещевал себя Ллойву. Потребовалось не мало сил, чтобы проскочить весь замок незамеченными и заставить поверить Джария в собственную смерть. Для него это дико и сродни колдовству, так он и сказал, что не приемлет такого. Пришлось долго уговаривать, давить на больное и трепетное. Даже показалось, что тюремщик их застанет возле пленника, но Джарий явил крупницы благоразумия и согласился довериться асатрам.

На Аст'Эллоте Ллойву бы уже сидел после такого за работой: проверял труды студентов

или писал очередную статью. Но здесь словно сама земля тянет из него силы. Каждый шаг требует обращения к Искре, а она словно бы и не восстановилась полностью. Может, Окто тянет её, как страждущий в пустыне ищет влаги, ловит по капле тем истощая быстрее. Ллойву напряжённо прислушался к звукам. Вороны замолчали, зато расквакались лягушки со дна рва. Ллойву подозревал, что там, на дне живут не только они, иначе зачем в пологих склонах такие огромные норы. План должен сработать.

— Не скучаешь? — раздалось слева. Снова Бес.

— Нет, ты хочешь развлечь меня беседой? — Ллойву повернул голову к тёмному силуэту.

— Твой новый план весьма занятен, — Бес устроился радом на земле, скрестив ноги. — Ты не подумал, как Джарий будет объяснять своё воскрешение людям, верящим в оживших мертвецов и дьявола?

— Про него все забудут... — Ллойву встряхнул головой, сгоняя муть в глазах. — Мне кажется, в этом мире тоже нет никому дела до других.

— Он на особом счету у тьярда, как потомок кровного врага. Про него не забудут, поверь.

Помолчали, слушая лягушек.

— У тьярда есть брат, его зовут Олаф, — продолжил Бес не дождавшись ответа, — прозвище у него подходящее и весьма говорящее. Хитрый. Он может услышать тебя прежде своего брата.

— Почему мы про него ничего не знаем? — вяло спросил Ллойву.

— Он всегда в тени, как и положено в таких случаях. Хочешь жить, умей приспособиться.

— Жестокие у них тут порядки, — вздохнул Ллойву. Послышался далёкий стук, а потом потревоженные лягушки смолкли.

— Твой выход, тело выбросили в воду... — прошептал Бес и исчез. Дженве уже должен был вернуться. Неужели что-то случилось? Ллойву прижал ладони к земле, заставляя пласты породы двигаться. Спускаться в овраг он не собирался, месить сапогами тину, пачкать одежду... Конечно, нет. Навал земли и глины на дне оврага вспучило огромным пузырьём изнутри, поднимая тело вверх. Синие всполохи, мелькающие меж трещин породы распугали всё живое в большом радиусе. Последнее усилие и Джарий будет спасен. Из вязкой, набухшей водой глины сформировалось тело огромной рогатой змеи, и она на свитом кольце покорно подняла тело на край оврага, осторожно опрокинув его на сухой участок земли, тотчас рассыпавшись на влажные комья, как дело было закончено. Заметь это действие кто-то из люди, наверняка ужаснулись бы. Но по счастью, этот участок стены из-за своей неприступности, обозревался плохо. И это было на руку.

Ллойву присел рядом с застывшим телом. Осталось последнее, вдохнуть в него жизнь.

Дженве пришёл, когда всё уже было закончено. Проклятый людь задержал его больше, чем он мог рассчитывать. Уж очень не внушаемым оказался толстяк. Все норовил исказить вложенное, словно не слышал прямого приказа.

Джарий уже дышал и почти пришёл в себя, а Ллойву просто сидел рядом, пережидая и свою, и чужую слабость. Дженве подвёл коней.

— Я принес еды, Ловкач, и привёл лошадей...

— Это хорошо, — услышал Дженве едва слышное и сразу заподозрил неладное. —

Помоги ка ему...

— Что с тобой? — он присел рядом с братом, взял его за плечи. — Я должен был быть рядом. Меня задержали сверх ожидаемого, но я спешил.

— Я... — Ллойву взглянул на Джария, сделавшего попытку подняться, — переоценил себя, кажется...

— Ничего, отдохнёшь. Надо навестить наших дев. Приветствую, господин Джарий... — обмолвился Дженве на одной ноте.

— Я... вы... — было очевидно, что тот не верит в свою удачу. — Я жив...

— Вы живы, я обещал, что ничего не случится, — согласился Ллойву тихо. Дженве не видел его лица, но по голосу уже представил себе, насколько все скверно.

— Вы возьмете лошадей, здесь еда в дорогу. Думаю, быстро домчитесь домой... — бодро начал Дженве, стараясь не думать о цене, уплаченной за чудесное воскрешение. — Ваша дочь, Вимлин, последовала за вами сюда, в Северную Звезду, она в безопасности, но сейчас опасно ей отправляться с вами. Мы разделимся и привезём её чуть позже.

— Вим? — Джарий осторожно сел. — С ней всё в порядке?

— Всё в порядке, но вам нельзя ехать вместе, это может стать опасным для вас обоих, — Дженве поднял Джария на ноги и вручил ему поводья от лошади.

— Но как?...

— И мы бы хотели это знать, да, господин Лир? — Дженве с тревогой взглянул на понурый силуэт брата в сумерках.

— Вам придется довериться нам ещё раз, господин Калевала, — Ллойву тоже поднялся не спеша, и протянул свой плащ, — вот возьмите. Так вы будете менее узнаваемы. Доберитесь домой, вас там ждут...

— У меня не хватит всей жизни, чтобы расплатиться с вами... Но я не могу оставить Вим... — выдохнул Джарий, забираясь в седло.

— Вас будут искать. И ее тоже. Безопаснее ехать порознь. Езжайте, постарайтесь уехать как можно дальше, — Дженве хлопнул лошадь по крупу. — Мы привезём Вимлин позже.

— Я и моя семья будут бесконечно благодарны вам...

Джарий осторожно направил коня по освещенной взошедшей луной дороге, ведя второго в поводу.

— Ммм, знакомая ситуация, — пропел Бес рядом. Ллойву показалось лишним отвечать и он промолчал. — Когда-то я точно также отпустил его деда. Можно сказать, благодаря мне он имел возможность родиться.

— Ну, что навести наших дам, да Ловкач? — Дженве приобнял брата за плечи и потянул его к городу. — Ты справишься? Дойдешь?

— Да, я в порядке.

Господа Сальверсина милостиво разрешила обоим войти и даже позволила устроить себе ночлег в кладовой на заднем дворе за неимением ещё одной комнаты. Ллойву был против, но Дженве напомнил ему, что ночевать на улице сейчас опасно, а время идёт к ночи.

Девушки, выспавшийся и отдохнувшие встретили их с радостью. Марисса даже умудрилась обнять Ллойву за талию.

— Мы покушали, — ответила девочка на невысказанный вопрос. Ллойву кивнул и потянулся к своему мешку, радуясь возможности вернуться к записям. А Дженве по деловому осмотрел комнатку.

— Вим, наверное интересно узнать, что твой батюшка на пути домой. Нам разрешили вас проведать, ночевать мы будем в другом месте. Как вы тут устроились? — вывалил он новости.

— Правда? — Вимлин заметно повеселела, — вы освободили его!

— Ну, можно сказать и так, это заслуга господина Лира, да? Ловкач? — Дженве потряс замершего брата за плечо. Но девушку совсем не устроил такой поворот. Она поджала губы и отвернулась, не желая выражать благодарность этому господину.

— Я не совсем понимаю, — Ллойву перелитнул несколько страниц в своей книге. — Что это? — он распахнул разворот перед братом. На аккуратно исписанных строках нетвердой детской рукой были нарисованы какие-то каракули.

— Эммм, — Дженве откашлялся, — хммм, это... Рисунок?

— Вимлин! Марисса! — Теперь вопрос был задан притихшим вдруг девицам. — Зачем? Зачем вы взяли мою книгу?

— Ей было скучно, и я попросила её развлечь себя... — поспешила оправдаться Вимлин. — Я не виновата!

— Чтобы оставить тебе пустое место... — добавила Марисса, — чтобы ты писал свои истории. Я рисовала, где уже занято...

— Чудно, — Ллойву потер висок. Записи за последнюю декаду безнадежно испорчены. Отвратительное завершение перенасыщенного дня.

— Правда, здорово я придумала? — девчонка залезла на кровать и села рядом.

— Не расстраивайся, Ловкач, напишешь ты свои мемуары... — Проговорил Дженве с улыбкой.

— Джев... — как ему объяснить, что некоторые вещи нельзя восполнить? Для него всё всегда просто, он рад всему, что преподносит ему жизнь. Для него знания это что-то сродни несуществующему зверю в чудном лесу. Ллойву покачал головой. Невозможно... Невозможно объяснить им всем, что эта книжица стала последним приветом из прошлого. И теперь её низложили до обычных детских каракулей.

— Я... — Ллойву хотел сказать многое, но посмотрев в ясные детские глаза у плеча, не смог вымолвить ни слова. Дженве похлопал его по спине, выражая поддержку, как умел.

— Ты расстроен? — Марисса полезла обниматься, а у Ллойву не нашлось сил от неё ускользнуть. Он замер, терпеливо пережидая, когда девчонка отцепиться. В голове гудел прошедший день. Кто знает, быть может, не будь он так вымотан, реакция на испорченные записи была бы куда более эмоциональной

— Нельзя брать чужое, Мара, поняла? — проговорил Ллойву, напуская на себя строгость и складывая книгу. На это девочка радостно фыркнула.

— Мара! — и рассмеялась

— Что не так?

— Мне нравится! Мара... — девочка счастливо улыбнулась, — меня так только мама зовёт.

— Мама? — Всего слишком много сегодня. Много потрачено сил, много событий и много чужих касаний. Пора уединиться и отдохнуть. Иначе можно сойти с ума. — Как же тебя зовёт твой отец?

— Мышкой, — Марисса улыбнулась широко. И где-то в голове зазвучал сигнал об опасности.

— У тебя мама есть? — удивилась Вимлин.

— Конечно есть, — довольно сообщила Марисса, — у всех есть.

— Боги, — Ллойву поднялся. Кажется, он настолько вымотан сегодня, что готов спать даже в хлеву, на земле, где угодно. — С меня хватит...

— Отец, верно, в безопасности?

— Насколько это возможно, — согласился Дженве. — Что ж, дамы, мы вас оставляем...

— И заберём вещи...

— Очень надо, — фыркнул Вимлин на неинтересного господина.

— Завтра утром решим, что делать дальше...

Ллойву взял мешок и вышел, все ещё не в силах поверить, что труд, коим он занимался от самого отъезда, погублен детской рукой.

— Ловкач! Не спеши, ты правда расстроен? — Вскоре Дженве догнал его. — В жизни случаются вещи и похуже... Знаешь, а пошли-ка сходим в то прекрасное заведение...

— Нет, Джев, я устал, прости...

— Пойдем, отвлечешься...

— Ты там даже не был ни разу, вдруг тебе не понравится.

— Но засыпать в объятиях дамы всяко приятней, Ловкач, — брат подмигнул, — твоё целомудрие не сделает тебя святым, скорее лишит радостей жизни.

Ллойву долго смотрел в смеющиеся глаза брата, и вдруг понял, что хочет быть, как он. Радоваться каждому событию и просто быть счастливым.

— Хорошо, уговорил...

— Ура! Ты не пожалеешь, я уверен!

Глава 23 где Марисса снова заставляет Ллойву нервничать

Клемм Йорган, прозванный Клыкком за выдающийся зуб необычной формы справа, улыбнулся красотке у входа в «Кобылицу», а та оскалилась в ответ. Но Клык был не в обиде, сегодня они с товарищами пришли сюда совсем не за этим. Матушка Хилль дала знать, что этой ночью у неё необычные гости, как раз те, что безуспешно искал Чистильщик. Богатенькие «коровы»-альбиносы из Гордарики или ещё откуда, Клыку было без разницы. Главное, их всего двое, и они сейчас заняты, а со спущенными портками как известно... Верхом на девке воевать-то несподручно. Тут бы сохранить голову, а не достоинство.

Чистильщик велел обогреть «коров» до нитки, чтоб неповадно было разгуливать по вверенной ему территории, да скрываться искуснее Теней. Матушка Хилль, худая иссушенная старуха, встретила Клыка с товарищами у входа и молча кивнула в сторону комнат. Значит, там. Клык сделал знак своим людям, чтоб парочка встали возле оконцев, дабы не смогли уйти молодчики.

— Ливьела сказала, уснул...

— Один? — удивился Клык, говорили, двое.

— Один, — нехотя подтвердила матушка Хилль. Ох, и вредная старуха! Никогда не даст развлечься сверх меры. Но полезная.

— Лады, показывай... — Клык размял плечи. Матушка махнула костлявой рукой, приглашая за собой. Истинно на смерть похожа, ведьма. Клык прошёл за старухой в маленький коридорчик, где у одной из дверей их ждала рыжая девица, наспех одетая.

— Спит, — громким шепотом сообщила девица, округляя голубые глаза, — сложен, как бог! — она прижала руки к груди в мечтательном порыве.

— А, ну, не свисти! — Клык погрозил девке кулаком, — сейчас поправим твоему богу лицо. А после и Чистильщику предоставим, как помягче станет.

Девка всхлипнула и ретировалась. Клык осторожно приоткрыл дверь. В полутёмной комнате почти ничего не видно, даже дыхания спящего не слышать.

— Свету дай! — прохрипел Клык внезапно осипшим голосом.

Старуха поспешила взять в руки канделябр с двумя горящими свечами со столика, Клык кивнул ей, чтоб шла первая. Ежели что, старуху всё одно не жаль. Трепещущий огонёк свечи обрисовал большую койку под балдахином из протухшей парчи, а на ней спящего. Как есть, белый — и волосы, и борода. Волнистые пряди на подушке рассыпались подобно ореолу вокруг головы, мощный торс и крепкие ноги едва прикрыты скомканным одеялом. Клык приосанился и вышел вперёд, взял в руку клинок и не стесняясь, пнул гостя по крепкой ляжке.

— Вставай, непуть, выспался...

— А? — Спящий приоткрыл веки, и Клыку захотелось отступить. Глаза-то тоже белые, словно мертвячки. Правильно Вальга их описал. Только, навроде, их двое было. Где ж второй? О чём Клык и спросил одновременно и матушку, и проснувшегося постояльца. Старуха сразу замотала головой, мол, не было второго, а гость присел на койке, едва осознавая происходящее после сна, оценивая неожиданных посетителей.

— Опа... — сиплым со сна голосом он присмотрелся к теням за спиной Клыка, — это что за посольство? Я вроде деву не обижал...

— Не в деве дело, — протянул Клык, накручивая себя на драку, — где второй?

— Какой второй? — сидящий зевнул, ничуть не смущаясь ни своим обнажённым видом, ни уплотнившейся от людских тел темнотой, — Ловкач-то? Обманул меня, спать пошёл... Тебе что за дело?

— Поговаривают, у вас золотишко завалилось...

— А, это... — постоялец почесал бороду, — так вы ограбить меня решили? — он поднялся, одеяло спало на пол. И Клык бы посмеялся над чужаком, ввернул бы шутейку про портки, да внимание его сосредоточилось широких плечах, крепком торсе, на спокойном лице. Почему? Он же видит, кто перед ним, видит блеск стали в тусклом свете, отчего он спокоен? Нажрался зелья какого, коим его могла снабдить старуха. Ведьма же, очевидно.

— Отдашь добром, отпустим с миром, — соврал Клык, порыскал взглядом по комнате, не прячется ли кто в тени. Вроде нет, один.

— Так нечего отдавать, — чужак подцепил портки с пола, не спеша натянул. — Нету...

— Чего нету? — не понял Клык, начиная отчего-то нервничать, глядя на странное спокойствие незнакомца.

— Ничего нету, — выдохнул чужак, поднимаясь, и расправляя плечи. — Я так понимаю, с пустыми руками уходить не собираетесь?

— Так и не уйдём, — хохотнул Клык, но как-то не очень уверенно. Чистильщик веле захватить ещё и заложника на случай возможного выкупа, — коли золота нету, то тебя и предоставим. Собирайся, коль не хочешь голым задом на улице светить.

— Коль зад хорош, отчего не посветить, — усмехнулся бородач, — пятеро вас, значит... и снаружи двое...

— Ты... — хотел сказать Клык, чтоб чужак лучше зубы свои посчитал, чем людей, а незнакомец уже оказался рядом, бесцветные глаза недобро взглянули в лицо. Крепкая рука сжала шею, вторая плечо, и Клык почувствовал, как ноги его оторвались от пола, взлетели чуть не к потолку, и всей спиной ощутил чужие острые локти и хрупкие колени. Незнакомец бросил его на его же людей, как никчёмного зайчонка. Потом в голове всё смешалось, слышались крики, звуки борьбы, и когда туман в голове рассеялся, оказалось, что чужак стоит над ним, будто примериваясь, куда ударить. Клык дёрнулся и отполз, тотчас наткнувшись на тела своих людей. В разбитые ставни заглядывал молодой месяц.

— Сполна взяли? Иль добавить? — грубо спросил незнакомец. Отвечать Клык не стал, поторопившись убраться прочь. А чужак даже не стал преследовать. Клык пробежал мимо напуганной Матушки, вылетел на улицу и припустил меж домов. Чистильщик так это не оставит! Кто-то точно получит по зубам, и Клык не желал быть тем, кто словит заветную плюху.

Спустя время полностью одетый чужак вышел из своих покоев, застёгивая иноземную тунику на ходу.

— Благодарю, хозяйюшка, порадовала... во всех отношениях, — бросил он проходя мимо застывшей от страха в оцепенении старухе. — За ставни не обессудь, сами напросились... Деве моё почтение...

Ночь оставила в теле сладкую истому. Давно не представлялось возможности размяться. Дженве был даже рад незадачливым ворами. Жаль, братец пропустил развлечение, может оно бы хоть немного окрасило его постное настроение в более яркие краски. Отойдя на пару крылец, Дженве достал набитую трубку, зачиркал огнивом.

— Эгей, незнакомец... — слышалось справа тихое и вкрадчивое. Этот голос он уже слышал сквозь ставни, в первый же день.

— И тебе процветания, — отозвался Дженве, зажимая трубку в зубах. Кимейры с ним и Октис, что может случиться?

— Ты разгромил заведение Матушки Хилль? Жаль, мне там нравилось...

— Представься... для начала, — грубо оборвал Дженве незнакомца.

— Патрик Левесен, — прошептала тень рядом, — что-то говорит моё имя?

— Неа...

— Как и любое другое, — продолжила вкрадчиво темнота, смещаясь к левому боку, — я могу назвать какое угодно. И ты не узнаешь, солгал я или нет...

— Чего тебе? — Дженве вдруг понял, что устал и совсем не хочет ночных разговоров.

— Господин Ривельсон вряд ли простит тебе такое оглушительное поражение...

— Кто таков? Я с ним не воюю...

— Не важно, но он теперь с тобой — да.

— Что ж, — Дженве пожал плечами, — пусть приходит, я и ему растолкую, что к чему. Тень, назвавшая себя Патриком Левесеном, помолчала.

— Верно, что ты пришёл с земли, что поднялась со дна океана?

— Это как посмотреть...

— У тебя белые волосы и белые глаза... Я видал таких недавно...

— Где же? — Дженве с интересом повернулся следом за тенью, — где ты их видел?

— У Вага, это городишко к востоку отсюда...

— И много их там?

— Больше, чем здесь, — тень снова сместилась и встала перед собеседником, — Люди хотят знать, кто вы такие...

— Илли, — рассмеялся Дженве, — разве не знаете?

— Илли, — протянула тень, — ожившие мертвецы...

— Вовсе нет, я живой, видишь...

— Вижу, но это только пока... — тень снова переместилась, — мой тебе совет, иллий, беги из города, пока можешь...

С этими словами тень растворилась в полумраке улицы.

— Да вы не устали мне угрожать? — выдохнул Дженве и отправился ко двору госпожи Сальверсины, чтобы провести остаток ночи, как и планировал, в стране снов.

На следующее утро Ллойву проснулся поздно, ближе к обеду и с удивлением обнаружил рядом на навале сена, покрытого холстиной для удобства, спящего брата.

— Я думал, ты отправился спать в объятия красотки, — фыркнул он, без особой надежды, что его услышат.

Раздался скребущий, напрягающий нервы звук. Казалось, кто-то пытается попасть внутрь амбара. Не хозяйка, она бы вошла не стесняясь. Отряхивая одежду, Ллойву поднялся. Сегодня он чувствовал себя много лучше, хотя слабость после вчерашнего еще давала о себе знать. Хорошо, что он внял голосу разума и все же остался, чтобы отдохнуть.

Дверца скрипнула открываясь, и Ллойву с неудовольствием увидел Беса у порога.

— Что случилось? — асатр вышел на улицу и прикрыл за собой дверь. Но это он не получил никакого ответа, Бес молча повернулся и пошел по улице, растворяясь в воздухе. Это, однозначно, приглашение. Ллойву пригладил волосы, отряхнул сильно потрепанную

тунику. Пора найти прачку. Отец непременно сделал бы замечание по поводу неряшливого вида. Ллойву и сам был бы рад привести себя в порядок, но события закручивались так лихо, что времени на такие мелочи не оставалось.

Следуя за своим ориентиром, асатр снова вышел на площадь, но с другой стороны. Помост на этот раз пустовал, но торговые ряды по-прежнему притягивали много народа. Спина, обтянутая чёрным мелькнула возле одной из групп людей, отчаянно и громко спорящих меж собой. И Ллойву несмело направился туда. На него оборачивались, дети показывали пальцами, но он не обращал внимания и уже понял, что случилось. Девы, посчитав, что им скучно в комнатах, решили прогуляться, и отчего-то привлекли к себе ненужное внимание. Вернее одна. Марисса. Девочку окружили торговцы и зеваки, и даже мелькнула пара белых плащей. Она застыла, глядя в небо, а Вимлин, похоже, где-то затерялась среди толпы.

— Одержимая!

— Убогая...

— Да, говорю тебе, одержимая! Вон смотри!

Ллойву поспешил протолкаться к центру событий, даже не заметив, что забыл надеть перчатки. В голове его роились чужие желания и главное, он увидел чужими глазами, что Марисса выдала прямо здесь, на площади, прямо сейчас, что Жнец вернулся. Кто такой Жнец? О чём она? И голос её при этом был грубым, как необработанный камень. Не детский голос, чем она и привлекла к себе излишнее внимание.

— Уведи её, — услышал Ллойву шёпот, — прошу...

— Откуда ты, дитя? — к ней уже присели те, которых здесь называли истинниками, один взял за безвольную руку и Марисса дёрнулась прочь.

— Сжечь! — грубо каркнула она, не сводя взгляда с известной только её цели.

— Говорю, одержимая...

— Пойдём, дитя... — и один из истинников уже потянул её за собой, а за белой спиной Ллойву увидел чёрное пятно и жуткий оскал.

— Нет! — он протолкался, наконец, к месту событий, — это дитя со мной!

Рыцари, как один повернулись к новой цели. Ллойву подхватил девочку на руки, чувствуя, что она во власти видения. Только бы не упасть в этот омут вместе с ней.

— Она со мной... — Марисса расслабилась и безвольно растеклась на руках. Видения оставили её вместе с волей и сознанием.

— Приветствую, господин... — рыцарь поднял густую бровь, надеясь услышать ответ.

— Лир, моё имя Ллойву Лир, — асатр попытался отступить, но упёрся спиной в чьё-то пузо.

— Я помню... вы были в «Белой госпоже», вы желали видеть господина Скорня... повидались?

— Нет, ещё нет, — Ллойву сделал шаг в сторону, в надежде вырваться из кольца, — но сегодня у нас назначена встреча...

— Вот как? — удивился второй, — Скорнь вроде в отъезде, нет?

Проклятые совпадения. Ллойву заложил свободную руку за спину. Кимейры при нём, неужели выхода не будет?

— Мне не сообщили, возможно, меня ввели в заблуждение, — он поправил сползающую с плеча девочку. — А дитя нездорово. Приболела... Отнесу её домой с вашего позволения...

— Я бы не спешил, господин Ллойву Лир, — ласково проговорил рыцарь, — у меня есть

вопросы к вам...

— Уверен, что смогу на них ответить, но позже... — Ллойву дёрнулся уйти, но белых плащей с лилией внезапно стало в разы больше и все они отчего-то стояли вокруг, запирая его в кольцо.

— У меня есть обвинение к вам...

— Что? — «плащи» повиытаскивали мечи, а Ллойву вытянул кимейр из-за спины.

— ...В колдовстве — продолжил рыцарь. — Уверен, вам не составит труда объясниться...

В колдовстве? Неужели кто-то видел, как он вернул Джария к жизни? Никого не было рядом, в этом он был уверен. С этой стороны провал невозможен. Если только Джарий не был схвачен...

— Возможно... — но договорить он не успел. Толпа заревела, завизжала, и одновременно превратилась в стихию. Лица всех обратились к городской стене внутреннего кольца, где раззявив пасть и обваливая камни со стены сидел настоящий, лоснящийся на солнце эбонитовой шкурой дракон. Кажется, он стал ещё больше, ещё страшнее. Рыцари сразу потеряли интерес к Ллойву и девочке, тем самым открывая им возможность к бегству, чем асатр сразу воспользовался. Стражи, отойдя от первого шока, палили в дракона из арбалетов и пушек. Грохот и рёв теперь терзали слух постоянно, лишая возможности хоть как-то оценить ситуацию. Ллойву скользил мимо потрясённых горожан.

— Дракон! Дракон вернулся!

— Жнец!

— Боги, конец близок! — взвизгнул чей-то голос в общем рёве. А дракон выдохнул огненную струю в сторону обидчиков на попытки ему навредить, двумя мощными взмахами крыльев поднялся над площадью и спикировал вниз, распугивая любопытных, как цыплят. Люди с криками бросились врассыпную. Ллойву уже потерял в этом хаосе и белые плащи, и вообще направление. Его несколько раз толкнули, разворачивая, заступая дорогу, стискивая меж плечей. Казалось, вот он знает, куда идти, и в другое мгновение голова закружилась, и он снова потерялся в людском море. Его несло человеческой волной прочь от летящего чудовища, а оно, словно бы играя, пролетало над толпой, едва не задевая людей крыльями, заставляя сердце биться чаще и захлёбываться собственным дыханием. Рыцари где-то пытались призвать к порядку и организовать оборону, но тщетно. Вскоре площадь опустела, и вместе с остальными беглецами Ллойву вынесло в одну из боковых улочек. В голове всё смешалось. Для чего Бес это сделал? Зачем? Стоило позаботиться о безопасности сейчас. Ллойву прижал безвольное тельце крепче. Весь план и порядок, что он выстраивал последние дни полетел только что в бездну, сброшенный когтистой лапой, что тот камень со стены. Земля людей снова насмехается над ним улыбкой его личной галлюцинации. Бес, будь он проклят, только что лишил их крова.

В груди закололо, и Ллойву споткнулся на следующем шаге. Рукой придержал спящую девочку, остановился, чтобы переждать приступ. Мимо бежали напуганные чудовищем горожане. Никому не было дела теперь ни до цвета его волос, ни до его происхождения. Такой был план, да? Зачем? Ллойву глубоко вдохнул и начал делать дыхательную гимнастику, медленно шагая вперед. Голова кружилась, а сознание путалось. Не сейчас, только не сейчас. Надо найти Дженве, он поможет.

— Добрый господин, тебе нехорошо? — Кто-то склонился над беглецом, — позволь, я помогу тебе...

— Я... — Ллойву вдохнул несколько раз, проясняя разум, — всё в порядке, благодарю...

— Заходи, добрый, господин, — чужие руки потянули его под навес большого дома, открылась крепкая дверь и за ней показалась вполне уютная гостиная, — заходи, будь моим гостем...

— Мне надо идти... — Ллойву повернулся назад, встретив добродушный взгляд своего благодетеля. Округлое, бородатое лицо светилось желанием помочь.

— Нет, нет, там сейчас беспокойно, пережди, добрый господин, прошу... — и настойчивые руки потянули его к пуфу на гнутых золочёных ножках, — отдохни...

Может, и верно, не будет лишним. Ллойву опустился на цветастый гобелен, всё ещё прижимая к себе девчонку. Да, верно, так полегче.

— Мы тебя ждали, господин... — пропел всё тот же голос, — очень ждали...

Глава 24 в которой рушится привычное

— Меня? — Ллойву поправил сползающее дитя на руках. — Почему?

— Есть кое-кто, кто хотел бы переговорить с вами, — загадочно ответил гостеприимный хозяин.

— И кто же это? — требовалось вернуть контроль над ситуацией немедленно. Ллойву отодвинул в сторону требования собственного тела, сосредоточившись на разговоре. — И почему со мной? У меня нет знакомых в этом краю...

— Только обождите, умоляю, — хозяин сложил руки перед собой в умоляющем жесте, — на улицах сейчас беспокойно, но здесь вы с девочкой будете в безопасности.

— Кого мне ждать?

— Господин Скорнь желал бы переговорить...

— Вот как? — как интересно складываются события, едва Ллойву решил, что он должен повидаться с этим господином, как тот находит его сам. Выглядит, как плохо расставленная ловушка. Слишком очевидно. Но это та возможность, которую он искал, нельзя упустить шанса. — Когда он придёт? Я слышал он в отъезде... — Марисса сползла головой на стиб локтя.

— О, прошу, положите дитя сюда, — хозяин поманил за собой вглубь дома, открыл секретную дверь за шкафом и похлопал по мягкому гобелену небольшой кушетки, — господин Скорнь очень занятой человек, и многие хотят с ним побеседовать. Иногда приходится прибегать ко лжи. Но лишь во благо...

Ллойву прошел следом за хозяином и уложил девочку на приготовленное ложе. Дитя почти уместилось на небольшом пуфе. Значит, Вилмур Скорнь желает повидаться. Асатр огляделся. С виду — обычный кабинет, разве отличается тайным ходом. Опасности нет, как будто. Отчего не дожидаться.

— Я подожду, но не дольше вечера. Дитя, верно, голодно и утомились. Задерживаться я не стану.

— Покормим, — с готовностью согласился хозяин, — прошу, останьтесь гостем... Хотя бы до вечера...

— Хорошо, я подожду, — Ллойву не спросясь присел в жёсткое гостевое кресло, — можно попросить немного воды?

— Конечно, и не только воды, — хозяин с готовностью поспешил прочь, чтобы исполнить желание гостя.

— Как странно, — Ллойву вздохнул, чувствуя, как напряжение постепенно отпускает его. Ничего. Всё можно решить. Бес сильно подставил себя и девочку своей выходкой, но дал возможность уйти от рыцарей. Не слишком ли большая цена за чудесное спасение? Скоро откроются все карты. Или хотя бы часть. И он станет на шаг ближе к цели.

— Ты уже знаешь? — тьярд грузно переваливаясь ввалился к брату в покои, одним жестом отпуская своих охранителей. — Ты видел?

— Что именно? — Олаф одним движением смахнул карты со стола в стопку. Ни к чему брату видеть торговые пути, что собирается проложить новый тьярд. Старг с подозрением покосился на стол и поджал тонкие губы. Он догадывается, определено. Надо спешить с планом иначе можно оказаться в подвале на месте почившего Калевала.

— Весь город только об этом и говорит! Видели дракона! Как я тебя вижу! Что это, как не исполнение предначертанного? — Старг тяжело ступая прошел к скамье у стола и сел, обмахивая лицо полкой от рубахи. — Восстанут мёртвые и вернётся Жнец. Вот и оно, вернулся! Теперь жди конца времён. Поднимется твердь земная и воды океанические.

— Это точно? — с сомнением переспросил Олаф. — Дракон действительно был?

— Точнее не бывает, я сам выслушал ратуя, он всё видел своими глазами. На площади теперь дежурят эти еретики в белых плащах!

— Истинники? Я бы советовал...

— Знаю, — отмахнулся тьярд, — они видят во мне лишь преграду на своём пути к власти. Я им не дам, и не позволю рвать танъёрд на части. Я бы выжег каждого из них! — процедил он с изрядной долей яда. — Повисели бы на дыбе, посмотрим, так ли они крепки в своей вере.

— За ними стоит около пяти тысяч воинов, Старг, не думай, что ты сильнее. Они копили мощь задолго до того, как ты взошёл на престол, — разумно заметил Олаф.

— Кучка фанатиков. Какой от них толк! Разве они предотвратили второе пришествие Жнеца? Молчишь? Я отвечу! Нет! Всё, что они делают, рыскают по моей земле! И клянчат подати! Жирные, как коровы, вот с кого стоило бы поживиться. Но ты прав, у них сила...

Старг надолго замолчал, пережидая приступ кашля. Пот обильно тёк по побагровевшим щекам. Олаф послушал свистящее дыхание. С каждым днём оно становится всё тяжелее и тяжелее. Никакие знахари не помогут брату. Вопрос, сколько бед тот сможет принести прежде, чем упокоится.

— Как считаешь, если Жнец вернулся, чего он хочет? — осторожно заметил Олаф. — Как думаешь?

— Не знаю. Говорят, он исчез так же как и появился. Может, и не было никакого дракона, а? Может, истинники решили выкинуть фокус, чтоб показать, что они тут правят толпой? А ратуя в сговоре. Прикажу поспросить снова, пусть только попробует солгать, пёс, кхе-е, — тьярд почти выхаркал лёгкие, но отдышался.

— Один может и солгать, а многие?

— То-то и оно, — тьярд тяжело вдохнул, — то-то и оно...

Новости, прямо скажем, скверные. Олаф замолчал надолго, переваривая новость. Вчера он встречался с Магистром и истинниками. Те заявили, что мирские дела их волнуют мало, лишь бы вера в людях была крепка, а порождения адовы не проникли на землю. И если тьярд не желает им помогать в этом, они найдут другого покровителя. Олаф едва убедил их в собственной полезности. Сейчас важно не потерять их доверия, а значит, надо убедить брата, никак не трогать орден. И, если все так, как говорит тьярд, то может снова надвинуться хаос. Люди хотят простых вещей, сложные хитросплетения интриг не для них, они и так ропщут на излишнее внимание тьярда к собственной персоне. И если истинники пообещают людям мир без страха, за кем они пойдут? Северные таны давно для себя все решили, как решил и тьярд. Готовится поход, большой, будет много крови, и появление в столице чудовища лишь оттянет неизбежное, если не ускорит его. Старг не глуп. Скорее его люди уже там, у «белых плащей», а значит, надо быть первым.

Чертовщина сегодня произошла на площади. Словно всем привиделось одновременно. Никто не пострадал, разве бродягу затоптали. Уж не частое упоминание о Жнеце, призвало его из преисподней? Надо бы поспрашивать, что там за пророчица, что напела брату все эти басни, кто да откуда, и чего ещё успела наплести. Но новости странные, лучше бы

побеседовать со Скорнем, едва он вернётся из своего путешествия, где он собирал последние сплетни.

Господин Ливес, так звали гостеприимного хозяина, принял беглецов радушно, что не позволило бы заподозрить его в предательстве или подлоге. Обоих покормили и даже предоставили Ллойву перо и бумагу. Марисса, проснувшись и немного покапризничав пристроилась за столом рядом, подперев щеку рукой, наблюдая, как вязь букв ложится на бумагу.

— Что ты пишешь, — девочка ковырнула уголок бумаги.

— Надо описать для Дженве нашу ситуацию, если всё выйдет из-под контроля, он хотя бы будет знать, что произошло.

Марисса промолчала, положив голову на локоть.

— Что ты видела там, на площади? — Ллойву, не переставая писать, чуть повернул голову к девочке, — ты напугала меня... и не только меня.

— Не скажу, — надулась девочка. — Это мой секретный сон.

— Ты наделала много переполоха, и папа твой тоже, — заметил Ллойву, откладывая перо. — Где он, кстати, не знаешь?

— Нет, он уходит и возвращается, — беспечно сказала Марисса.

— А твои... видения, они всегда такие... пугающие?

— Неа, — девочка вздохнула, а потом шёпотом добавила, — хочешь расскажу?

— Конечно, — Ллойву склонил голову, надеясь услышать важный детский секрет.

— Я папу видела... не сейчас... тогда... — она вздохнула, словно опасаясь говорить дальше.

— Когда?

— Давно... когда он был... нормальный...

Ллойву промолчал. Она о времени, когда Бес был человеком? Когда же это было? Сто лет назад? Двести? Триста?

— Он делал людям больно, — всхлипнула девочка, вспоминая страшное, и из глаз её покатались слёзы, нос сразу распух и покраснел.

— Это было очень давно, — Ллойву осторожно коснулся плеча Мариссы, — сейчас он изменился. Тебе он никогда больно не сделает.

— Не-е-ет, — теперь девочка плакала в голос, вспомнив свой сон, и сжалась на стуле. Ллойву, повинувшись неясному порыву, поднялся и взял её на руки, уже не страшась окунуться в водоворот чужих видений. Марисса заскулила в ворот туники, пряча свою тоску. — Страшно-о-о.

— Все мы делаем иногда больно кому-то. Иногда нас заставляют обстоятельства, иногда по другому не получается. Но он всё равно останется твоим папой, верно? — он погладил девочку по вздрагивающей спине и присел на свое место. — Ты сама говорила, с тобой он совсем другой...

— Да-а-а, — Марисса затихла, лишь спина всё ещё подрагивала, да в шею волнами накатывало горячее дыхание. — Ты тоже делал всякое страшное?

— С какой стороны посмотреть, но иногда приходилось и мне. А где Вимлин? — Ллойву вдруг вспомнил про вторую деву, не менее непоседливую.

— Не зн-наю, я спать л-легла, а проснулась тут... Я в тебе не увидела... А про папу увидела... Он страшный, и много кому сделал больно. Его за это наказали. — Бубнило дитя в

шею. Кажется, у кого-то только что сместился центр мира. «Ты хотел защитить её от людей, да? А кто защитит её от тебя?» Ллойву вздохнул. Отчего всё всегда усложняется?

— Ты что, не помнишь, как пришла на площадь и что произошло? — Ллойву чуть сдвинулся, чтобы смотреть Мариссе в лицо, хотя толку от этого было мало. Даже окуляры не спасали от размытой скверным зрением реальности.

— Нет, — девочка прижалась к нему всем телом. — Не помню. Я спала...

Спустя время дверь в кабинет отворилась и вошёл добродушный хозяин, а следом худоватый, в строгом камзоле людь. Ллойву повернул голову на звук открывающейся двери. Он хотел этой встречи. Пути назад нет. Марисса подняла голову от листа, где рисовала нечто похожее на птицу.

— Приветс-ствую, — с присвистом произнёс господин Скорнь, присаживаясь на хозяйское кресло.

— Процветайте, господин Скорнь, — с достоинством поздоровался Ллойву, прижав ладонь к груди. Марисса шмыгнула носом и опустила голову над рисунком. — Вы желали меня видеть?

— Желал, — людь милостиво кивнул хозяину, давая понять, что тот тоже может присутствовать. — Господин Ливес-с с-сообщил мне с-сразу, как вы приняли приглашение погос-стить в его доме. С-сразу к делу. Как к вам обращатс-ся?

— Моё имя Ллойву Лир, — Ллойву устроился удобнее, приготовившись к долгой беседе, — и я желал встречи с вами и сам, но меня несколько отвлекли... Да и попасть к вам оказалось нелегкой задачей.

— Да уж, — Скорнь дёрнул шей и кожу поскрёб ногтями, — никто не ждал... Но это пос-сле... До меня дошли с-слухи, о с-странных людях с-с волос-сам седыми от рождения... Я желал говорить с-с ними.

— Это очень условно... — усмехнулся Ллойву.

— С-слухи про землю, что поднялас-сь с-со дня океана. И то и то появилос-сь одновременно. Хочу знать, с-связаны ли эти с-события? И что из этого следует?

— Так вышло, что земля, что вы считаете поднятой со дна — это моя Родина, — Ллойву холодно улыбнулся. — Аст'Эллот. Вероятно будет сложно понять механику его появления, но будем считать, что она поднялась со дна.

— То ес-сть, с-слухи верны. Вс-се эти люди пришли с-с новой земли, — задумчиво проговорил господин Скорнь.

— Именно так. Мы вернулись в мир людей. Все, чего нам бы хотелось — спокойной жизни. Я бы желал мира между нашими народами и взаимовыгодного сотрудничества. Уверен, мы многому сможем научиться друг у друга.

— Что ты можешь предложить? — с интересом господин Скорнь подался вперёд. Ллойву перекинул ногу на ногу. Этот человек ищет выгоды, значит, с ним можно договориться.

В дом госпожи Сальверсины Ллойву вернулся только к вечеру. Марисса охотно шагала рядом, преисполнившись собственной важности. С господином Скорнем Ллойву имел долгий и продуктивный разговор. Результатом стала договорённость о встрече с Олафом Доенвардом, правой рукой тьярда. Ллойву поведал людю, что посчитал нужным об Аст'Эллоте, выгнав при этом, кто является истинной властью таньёрда. Обе стороны, как

будто казались довольными встречей. Единственно, только выйдя на улицу, Ллойву вспомнил про рыцарей, дракона и происшествие на площади. Улицы, как будто успокоились, даже обезлюдели. Лишь частые разезды охраняли покой жителей.

Господин Скорнь спрашивал и про Башню, про беловолосых асатров и про остров. Они довольно быстро всё признали, несмотря на отсталые технологии. Часть информации Ллойву утаил, опасаясь ненужной реакции, зато охотно поведал, что Аст'Эллот может дать людям при взаимовыгодном союзе. Господин Скорнь слушал, кивал, иногда почёсывая красноватую шею. Благо, что слабое зрение не открыло для асатра подробностей. В целом он был доволен. Марисса тоже — поела и наигралась вдоволь, и теперь шла, перепрыгивая муравьиные дорожки на пути, иногда останавливаясь, чтобы разглядеть что-то особенно интересное. Ллойву терпеливо ждал, пока она удовлетворит любопытство, благосклонно оставляя за ней право задавать темп движения.

— Мышка... — услышал Ллойву почти у искомого крыльца и обернулся. Девочка замерла, сжалась и поспешила спрятаться за нового друга. Бес стоял на улице, выделяясь тёмным пятном, на расстоянии нескольких шагов.

— Зачем ты здесь? — Ллойву инстинктивно задвинул девочку за свою спину. — Ты сегодня уже выступил, и весьма успешно.

Бес помолчал, потом едко улыбнулся.

— Боишься меня? Я должен был их отвлечь... От неё... Я просил тебя увести ребенка...

— Я спешил, но я не вездесущ, в отличие от тебя. Твоя выходка может стоить нам покоя.

— Мышка... — Бес полностью проигнорировав последние слова сделал шаг в сторону, чтобы видеть девочку.

— Уходи, — всхлипнула Марисса, — я всё видела, ты плохой...

— Нет, нет... я объясню, Мышка... не бросай меня...

Но девочка с силой вцепилась в ногу своего заступника, сжалась, пряча взгляд.

— Я не хотел, чтобы ты увидела это... не сейчас...

— Она устала, может позже? — Ллойву с трудом сделал шаг назад, а Бес приблизился ровно на шаг. — когда она отдохнёт.

— Позже, — повторил Бес, как эхо. — Я ждал этого дня, но надеялся, что смогу рассказать все сам...

— Ловкач! — раздалось зычное с другого конца улицы, Ллойву отвлекся, а когда снова повернулся, то никого не увидел, только запоздалый путник спешил поскорее убраться под крышу. Город замер и обезлюдел в ожидании страшного.

— Я тебя ищу весь день! — Дженве налетел со спины, как ураган, сжал плечи, — и её тоже! Тут такое! Вы как сквозь землю провалились! Ты слышал, что было?

— Ну, во-первых, твой день начался сильно после полудня, не преувеличивай, — наставительно возразил Ллойву, увлекая девочку к дому, — во-вторых, мы там были. Так что да, знаю...

— Что произошло?

— Долго рассказывать, давай зайдём в дом...

— Э, нет, Ловкач, — Дженве покачал головой. — Я не смог объяснить доброй женщине, что мы с тобой не служим дьяволу, прости... Она махала на меня руками весь вечер.

— Нас выгнали? — делая постное лицо спросил Ллойву.

— Нас попросили покинуть комнаты, я бы так сказал, — Дженве поднял палец, потом

опустил. — Выгнали, да...

— А девы?

— И их тоже, — Дженве виновато пожал плечами, — тёмные люди, что поделать...

Вимлин была готова драться, но я её остановил...

— Хорошо, и где мы теперь обитаем?

— Мы свободны, Ловкач, как птицы, — рассмеялся Дженве.

— То есть нигде, — кисло подтвердил Ллойву свою догадку.

— Всё не так плохо, пойдём. Вим нас ждёт. Я нашел нам ночлег...

— Где интересно? — Ллойву почувствовал, как маленькие пальцы протиснулись в расслабленную ладонь и не стал убирать руку, почувствовав, что девочке сейчас нужна поддержка.

— У нас лучший номер с видом на звёзды. Всё, как ты любишь! — Дженве увлекал их прочь по тёмным улочкам.

— Я не девица, чтобы развлекать меня баснями, Джев, скажи, как есть.

— Всё увидишь, братец, я старался выбрать почище... Ни в один двор меня не пустили, все как с ума посходили с этим драконом, поэтому я арендовал дом на окраине. Не я, Вимлин. Ей больше поверили.

— Что? — Ллойву брезгливо скривился. — Ты шутишь? Зачем тебе дом?

— Что поделать, Ловкач, он не так плох... У него есть крыша и стены. И нас оттуда не погонят. Это самый большой плюс...

— О, боги....

— Это всего лишь я, — рассмеялся Дженве. Он увлек брата прочь, не заметив следующей за ними тени.

Глава 25 в которой сгущается тьма

Пока братья пробирались по узким улочкам к новому месту ночлега, Ллойву поведал Дженве обо всех событиях за день. Закрытые ставни отбрасывали под ноги узкие иглы тусклого света.

— Ну, вот, Ловкач, видишь. Ты всегда говорил, что я ищу приключений, а тебя, братец, похоже, они находят сами, — веселился Дженве, похлопывая брата по плечу.

— Да, ты прав, они сами меня находят, — Ллойву чуть сжал маленькую вспотевшую ладонь в руке. Что делать с девочкой? Скоро будет недосуг заботиться о ней. Поручить Вимлин? Эта дева, определённо, приехала не за тем, чтобы сидеть с ребёнком, она прибыла за своей мечтой, и Ллойву даже знал за какой. Что ж, каждый в этом путешествии чем-то жертвует. Он, Ллойву, например, своим покоем и книгой. Он не хотел вмешиваться в людские противостояния, в любые противостояния. Можно пожертвовать нечто большее. Разве это не должно было это путешествие стать своеобразным отдыхом для них с братом? После болезни, казалось, это прекрасный способ развеяться. А превратилось в бесконечную череду приключений. И потерь... Ллойву взглянул на шагающую у правого бока девочку. Интересно, что её так напугало? Что она увидела, отчего не захотела больше видеть единственное родное существо на этой земле?

— Ловкач, нас с тобой ведут и уже давно... — Дженве размял плечи, — я думал случайность, но, кажется, нет.

— Что значит ведут? — брезгливо отозвался Ллойву. Путешествие по земле люди, определённо не идёт брату на пользу. Что за слова? Не ровен час он начнет вести беседу как заправский наемник.

— Следят, и если пару улиц назад он был один, то теперь их четверо...

Ллойву вздохнул. Снова... Кажется на этой земле каждый желает смерти непонятым чужакам.

— Разберёшься? — Ллойву сжал ладонь в руке сильнее. Она не испугалась?

— Обижает, — Дженве почти сразу растворился в сумерках, а асатр с девочкой продолжили путь, как ни в чём ни бывало. И, чтобы не идти в тишине, Ллойву решил отвлечь Мариссу беседой.

— Устала?

— Нет, — тихо отозвалась девочка.

— Может, ты голодна?

— Немного... — Марисса отвечала неохотно.

— Ты сильно испугалась?

На это девочка не ответила, зато за спиной послышались неприятные звуки сдавленных криков.

— Что это? — со страхом спросила она, оборачиваясь назад. Ллойву хотел сказать ей, что всё в порядке, когда вдруг понял, что они не одни на улочке. И Дженве был не прав, их не четверо, а много больше. Нельзя было обманываться показной безопасностью. Ллойву резко обернулся на звук за спиной, заступая между девочкой и неведомой ещё опасностью, а чужое присутствие ощущалось уже со всех сторон.

— Не пугайся, тебя никто не обидит, — бросил Ллойву вытягивая кимейр.

— Мама... — выдохнула Марисса прижимаясь к ноге. Некстати, она помешает манёвру.

Не даст уйти в «слепую зону». Раздался оглушительный свист справа, эхом повторившийся с другой стороны. Ллойву, повинувшись собственному чутью, подхватил девочку под грудь, сдернул ее с места и развернулся, чуть сдвигаясь в пространстве. По правому плечу мазнула тяжесть грузила. Сети? Для чего им сети? В полумраке едва ли было понятно, что происходит. Всё вокруг слилось в одно иссиня-чёрное пятно с ярко-жёлтой трещиной нарождающегося месяца. Бой придется вести в условиях почти полной слепоты. Искра подскажет, что происходит вокруг. Движение справа и слева. Ллойву поставил девочку на землю и развернулся к опасности лицом. Марисса сдавленно вскрикнула за спиной — кто-то тут же утянул её во мрак, воспользовавшись оплошностью.

— Джев! — крикнул Ллойву и сразу повернулся на звуки борьбы за спиной и детские крики, а сзади кто-то накинул на плечи дурно пахнущую сеть, стягивая локти. В нос ударил горький, неприятный запах. Ллойву подался назад, и обратился к Искре. Под ногами нападавшего поднялась земля, и тот отступил, потеряв опору. Хватка ослабла. — Джев!

— Я здесь, — Дженве уже был рядом, и завязалась новая потасовка. Ллойву двинулся вперёд, туда, где, как ему казалось, похититель зажимал девочке рот ладонью.

— Я видел, я видел! — прокричал кто-то, — слышите? Колдяки!

— Берём, тепленьких, — ответили ему из темноты. И, казалось, людей стало в разы больше. Пришлось пустить в ход клинок, расчищая себе дорогу. Все смешалось вокруг. Кто-то кричал, дорогу постоянно заступали новые противники. Ллойву рвался вперёд, но его каждый раз откидывали на шаг назад. Их окружили, и, кажется, одолевали числом. Раздался рёв, это Дженве, кажется, потерял самообладание, когда на него упала сеть, и под ногами по земле разошлась волна, поднимая землю почти до колена, отчего почти все нападавшие потеряли равновесие. Ллойву поднырнул под руку одному, завалил на стоящих сзади второго. Похититель удалялся и уносил с собой свою добычу. Это чувствовалось благодаря Искре.

— Джев, я за Марой... — Ллойву схватил людя, занесшего палаш, за руку.

... Их ждали. Чистильщик посулил большую награду за беловолосых колдяков, а за девку после появления её на площади, втрое. Истинники хорошо заплатят за информацию, а за тела всех троих ещё больше...

Ллойву без сомнений скрутил кисть противника до хруста, с удовлетворением услышав крик боли и отшвырнул несчастного от себя, уже не сдерживаясь. Следом за ним повалились и те, кто стоял сзади.

— Понял... — ответил Дженве. В темноте были слышны проклятья и звуки ударов. Взмахом клинка Ллойву прорезал ещё одну сеть, что на него попытались набросить. Воздух пах горечью и кровью. Кто-то схватил его за плечо, но тотчас поплатился сломанной рукой и разбитым напрочь лицом. Рывок, и Ллойву растворился во мраке. Раздались крики и топот множества ног. Впереди так же ждала засада, но Ллойву знал, как ее избежать. Теперь его ничто не сдерживало. Похититель умчался далеко вперёд. За спиной ругались, кричали, орали от боли и, по всему, начали стягиваться зеваки и даже стражи. Нехорошо вышло.

— Ты говорил, что знаешь, где они, — рыцарь в тускло отсвечивающем при пламени свечей нагруднике. — Но не хочешь поделиться...

— Я говорил, что узнаю, — вкрадчиво возразил другой, в сером неприметном плаще, застёгнутом у самого горла серебряной пряжкой. Узкое, загорелое лицо его было наполовину скрыто капюшоном. — И приведу. В обмен...

— Знаю, — кивнул рыцарь величаво, опираясь широкой ладонью на стол, — не веруешь ты, господин Ривельсон... А те, кто не крепок в вере, тем нет удачи в делах...

— Верую, — не согласился второй, — в Истинную веру верую, от того и готов помочь в поимке чародейских ублюдков.

— Но лек тиглов запросил...

— Работёнка опасная, сам понимаешь... — господин Ривельсон размял плечи и взгляду открылся уродливый шрам крепкой, как столетнее дерево, шее. — Давно к нам колдяки не заглядывали... Поговаривают, можно затуманить им разум жжёной полыньёю...

— Байки, — равнодушно заметил рыцарь, — настой балдонны и уксус... И то на время... Как можно скорее надо обездвигнуть, чтобы не творили заклятий. Обычно мы рвем языки, но тут нам нужно кое-что вызнать. Потому нужны живыми... И дитя...

— Отчего твои доблестные охотники сами не взялись за дело?

— Вина пока не доказана... — Рыцарь задумчиво опустил взгляд, — а коль мои люди начнут хватать всех без разбору, то вий-йорманд станет задавать вопросы, по какому праву я распоряжаюсь в его вотчине. Нам ссориться с тьярдом ни к чему...

— Верно говорят, что дракон вернулся? — Вкрадчиво спросил господин Ривельсон.

— Его видели... — равнодушно отвечивал рыцарь, — на площади. Если бы я там не был, я бы решил, что это досужие разговоры. Я видел дитя и видел дракона как тебя, господин Ривельсон. И ещё видел белоголового человека с черным шрамом. И ещё одного. Что-то подсказывает мне, что эти события не случайны. И если пророчество Алтурны верно, скоро настанут темные времена...

— Когда они были светлыми? — усмехнулся господин Ривельсон, — поговаривают, на севере поднялась богатая земля из океана. Сам Тивлут, царь морской, поднял своё царство к свету... Видать, плохи наши дела....

— Веруй в спасение, в пречистую Деву и истинную веру, нечестивец. — Спокойно ответил рыцарь. — Мы оградим людей от дьявольской заразы. И первый шаг позволительно сделать тебе, дабы не уподобиться отступникам, что продавали души за могущество...

Человек в сером плаще поклонился и отступил в тень.

— Повинуюсь только пречистой Деве, — прошелестел он.

— И она тебя не забудет...

Ллойву бежал вперёд почти вслепую, ориентируясь только на то, что указывала Искра. Проскакивал засады через «слепую зону», торопился, не обращая внимания на колкие удары в груди. Похититель петлял по городу, пробираясь меж покосившихся изб. И по-всему, торопился к его сердцу. Были слышны только крики потревоженной птицы, да лай взвинченных погоней собак. Начали попадаться разезды стражей с фонарями в руках. Ллойву чувствовал, что не успевает, похититель безнадежно удалялся, а силы таяли. Дыхание сбилось, и казалось, воздух стал сухим и ядовитым. Но вот раздался истошный мужской крик, потом собачий вой, и Ллойву прибавил скорости, заставляя себя двигаться быстрее. Он вылетел в замшелый проулок, где меж стен перекатывалось рычание голодного зверя и истошные вопли умирающего человека, а с другой стороны, ему навстречу рвался детский плач.

— Мара... — Ллойву двинулся на звук, а почти сразу за талию его обняли детские руки, едва не уронив на землю. — Ты в порядке?

Девочка неответила, только дрожа прижалась к ногам. Слева рычало, исходя слюной,

неведомое чудовище, и под ним скулил в агонии похититель. Ллойву отступил, не решив для себя, желает он знать, что происходило там, в темноте или нет. Искра указывала, что перед ним источало злобу живое существо, рыча, насыщало утробу, выпивая вместе с кровью страх и боль своей жертвы. Не время для геройства, тем более, что в груди, сбиваясь, захлёбывалось ритмом сердце, отдавая стрелками боли в руку.

— Пойдём... — Ллойву нащупал плечи девочки, — пойдём скорее...

Глухой рокот возвестил, что чудовище с первой жертвой закончило и готово приступить к следующей. Искра подсказывала, что оно чуждо людской природе и пришло с иного плана, но если асагр не ударит, то готово отпустить обоих. Пока. Ллойву поспешил прочь из тупика, увлекая за собой и девочку. Скорее, пока провидение на их стороне. Останки на земле смердели кровью и потрохами, а для Ллойву ещё и первобытным ужасом. С одной стороны, похититель получил то, что заслужил, с другой... отвратительная смерть.

С улицы показались вооруженные стражи, спешившие на крик.

— Эй! — крикнули беглецам, коих стало видно в отблесках луны и загоревшийся повсюду окон. Ллойву обернулся. Чудовище исчезло, перестало тревожить токи энергий в мире людей, но растерзанный труп, наверняка, остался. После такого не объясниться. Ллойву подхватил девочку на руки и шагнул в «слепую зону» вместе с ней.

Адамар Лаклид, рыцарь ордена Пречистой Девы, посвященный носитель золотого ключа знаний и Искоренитель скверны задумчиво покрутил в пальцах Знак веры. Ушли... Ушли супостаты. Да как! Призвали демона, а перед этим и дракона. Тут сомнений нет. Взять как можно скорее и предоставить высочайшему суду, а если не сдадутся, то казнь без следствия. Вина очевидна. Господин Ривельсон говорит, многие пострадали, а один из его людей растерзан демоном. Стражи видели белоголовую чужд у места скверной смерти. А с ним и дитя... Проклятое дитя. В свое время орден выискивал магов и ставил их себе на службу. Ошибка, грубая ошибка. Взять колдяков. Умертвить, да так, чтоб навсегда, чтоб не восстали больше рати чародейские. Говорят, зараза тянется с севера, с новой земли. Говорят, тамошние таны вступили с ними в сговор, чтобы свергнуть тьярда. До жирного борова ордену дела нет, но если люди отступились от веры значит подписали свой приговор. Испокон веков орден борется, чтобы земля людская не опрокинулась в скверну. Не отступит и теперь. И коли надо будет для этого заключить союз с недалёким толстяком, то так тому и быть. Вместе все придут к спасению.

— Брат Варис... — рыцарь поднял голову и писчий сразу услужливо поклонился. — Испроси иудиенции у господина Олафа Доенвальда. Есть разговор.

— Сей же час, — и снова поклон. Сей же час. Медлить нельзя. Надо объявить облаву, дабы выкорчевать все семена скверны пока не проросли. Брать пока живыми, надобно узнать, откуда прибыли. Но действовать осторожно. Как в старые времена.

— Тебе плохо? — Марисса присела рядом взяла за руку. Хотелось просить её оставить его в покое, но язык не повернулся прогнать дитя от себя. Ллойву в лихорадочном бегстве и дурмане от нехватки воздуха нашел на окраине дом, оставленный хозяевами и укрылся в нем, чтобы переждать свою слабость. События за последние несколько дней сказались на здоровье скверно. Казалось, теперь чувство усталости не покидает его, а грудь рвет на части, и вдохнуть не получается. Он сидел на грязных досках пола, выполняя дыхательную гимнастику, но пока помогало плохо. Нужны капли. Никогда бы не подумал, что будет

жалеть об их утрате. Они остались там, где Джев нашел им ночлег. Но до того места они так не добрались и теперь неизвестно безопасно ли там.

— Ты дрожишь... — Марисса сжала его руку в своих ладонях. Они у неё такие маленькие и такие теплые.

— Надеюсь, Вимлин ничего не угрожает, — вздохнул Ллойву.

— А мы? — девочка, оставив его села рядом, поджав к животу колени.

— Что с нами? — голова немного кружилась, но сердце успокаивалось, умиряя боль в груди. Немного отдохнуть, и все, все пройдет.

— Что с нами будет?

— Мы... — о, на этот вопрос теперь не было ответа. Все слишком усложнилось, — все объясним. Вернёмся в Мели. Тебе же там нравилось?

На это Марисса неопределенно пожала плечами.

— Повидаешься с папой...

Девочка спрятала лицо в коленях на эти слова.

— Что не так? — Ллойву повернул к ней голову. — Он тебя очень любит, разве нет? И ради тебя готов на всё... — даже больше. И последние события это показывают. «Лучше бы ты была обычным ребенком, Мара». — На всё...

Чтобы он сказал, если бы Советник сотворил страшное ради него? Впрочем, так и было, но, разумеется, не для него, для Мильен и Меоке. Поступил бы он, Ллойву, так же, угрожай опасность его детям? На этот вопрос так же не было ответа.

В горле запершило и Ллойву тяжело откашлялся, почувствовав пряный вкус крови во рту. Нет, это определённо нехорошо. Попытка подняться провалилась, и вторая тоже. Он вдруг осознал, что это приключение может закончиться без него.

— О, боги, — Ллойву сжал зубы, давний шрам отозвался ноющей болью. — Всемогущие боги...

О чем молить? Ему и так было отпущено сверх срока. Нельзя сдаваться. Особенно теперь. Столько пройдено и ещё многое предстоит пройти. Он так и не побывал в далёкой Гордарии, не увидел всех красот мира. Хватит ли сил? И отпущенного времени. Вот о чем стоит просить прародителя.

С правого бока прижалась Марисса, согревая своим теплом. Ллойву против обыкновения приобнял ее рукой. Это больше, чем он мог рассчитывать. Каждый из асатров уходил в одиночестве. Прародитель принимает дар жизни, не оглядываясь ни на кого. В последний раз, когда Ллойву почти попрощался со своим даром, рядом был Дженве.

— Я буду тебя любить, — пробубнила девочка в тунику на груди.

— О, это не обязательно, — улыбка коснулась губ, — нельзя любить по обязательству или обещанию... Это превращается в муку для всех...

— Нет, нельзя, — согласилась Марисса и обняла его. Дитя... — Я буду любить тебя по-настоящему.

Глава 26 где Ллойву учится смирению

Происшествие наделало переполоха. На улицы выкатились множество людей, сбивающиеся в стихийные патрули. Погруженные во мрак улицы в одночасье превратились в кипящие жизнью и огнем реки. Хватали каждого, кто скрывался в тени. Среди невзрачных одежд равнодушных горожан встречались и кольчуги наемников с петушиным крашенным алой краской пером на плече, и латы истинников с белой лилией. Перекликались патрули, лаяли собаки, гремели латы. Остаток ночи обещал быть беспокойным.

Олаф стоял по левую руку от тьярда на собранном наскоро совете. По правую стояли его йорманды, внимательно слушая горячечный бред брата. Здесь же, пока в тени, были и истинники.

Говорили о чудовищах, что выходят из темноты и о белоголовых чародеях, этих чудовищей призывавших. Тьярд уверился, что сии супостаты были посланы северными тьярдами, дабы убить или свергнуть власть Доенвардов. Потому скоротечно было принято решение выжечь всю северную землю, всех мятежных или недовольных вассалов: Грольссонов, Свессов, Калевала, Тийвадов, всех. Уничтожить каждого, чтобы не родилась больше зараза, дабы неповадно было строить козни. «Старг трусоват и недалек» — думалось. Успехи прадеда не дают ему покоя. Этим он только настроит против себя восток и юг. Уже и посольство истинников постучались в двери. Похоже эти фанатики решили, чья карта им ближе и все же выбрали сторону. Посоветоваться бы... Отправить послание Магистру Ису. И поговорить со Скорнем.

Выступил вперёд рыцарь в побитых во многих боях латах и с белой лилией на груди.

— Мы готовы оказать содействие, — проговорил он.

Содействие... Олаф стиснул зубы. Точно так же они говорили и ему. Проклятые крысы. Лишь бы не проболтались брату о его визите. Олаф поймал спокойный взгляд рыцаря. «Ты на крючке» говорил этот взгляд. Одно слово, и на обед у Олафа будут стальные цепи, беседовать он будет с «невинной девой», запивая свои обиды кровью.

— Собирайте людей... — просипел тьярд.

— Позволь, пошлю весть в орден, мы защитим Северную Звезду от магигов.

— Шли... — Старг тяжело откашлялся. — Найдите их. И убейте...

Потом говорили йорманды, каждый спешил выказать свою преданность и отчитывался, сколько голов может вести за собой. Но Олаф не слушал, он не сводил взгляда с задумчивого лица рыцаря Пречистой Девы. Тот невзначай поднял голову и кивнул едва заметно, что есть о чем поговорить. Хорошо. Значит, не выдаст. Сейчас. Остальное Олаф слушал вскользь, отмечая себе важное. Войска выступят через двадцать дней, город останутся охранять личная сотня тьярда и истинники пригонят своих людей. Хорошо... Хорошо...

После совета Олаф поспешил к Скорню. Опасаясь, что тот в постели он отправил вперёд себя мальчишку-шута. Потому, стукнув в створку двери прислужьего флигеля Олаф получил приглашение войти.

— Отчего ты не с-спишь, Олаф, сын Вайнона? — с долей яда спросил Скорнь, потягивая шею.

— Не пачкай имя славного тьярда своим языком, гордарец, а то я велю укоротить его, — огрызнулся Олаф.

— Не с-сердис-сь, доблестный Олаф Хитрый, я не с-со зла. Что привело тебя в с-столи ранний час?

Олаф скользнул взглядом по закрытым ставням, где едва уловимый рассветный огонь золотил щели. Рассвет.

— Ты слышал, что происходит в городе?

— С-слышал, отчего не с-слышать, — Скорнь в рубахе и штанах, без обычного тёмно-синего облачения, поднялся. — говорят, вернулись демонопоклонники.

— Даже так? — усмехнулся Олаф. — Орден Девы снова на коне. Они набьют каждый дом своими бреднями!

— Ос-сторожнее, Олаф Хитрый...

— Не угрожай мне, уверен, и тебе есть за что висеть на дыбе.

— С-смилуйс-ся, — Скорнь прошел по комнате, заложив руки за спину. — Ты веришь в дракона?

— Я верю в то, что вижу. Дракона я не видел, как и демона, говорят, он растерзал трёх человек за ночь. Но кто знает, быть может, кто-то решил расправиться с неугодными... Всё это странно.

— С-странно... — кивнул Скорнь, отворачиваясь. Помолчал. — Я с-слыхал, С-с юга идёт нес-сколько с-сотен хорошо вооруженных воинов. Их приветс-ствуют, как героев.

— Сюда? — Олаф замер. Как он должен поступить? Сказать брату и спасти его зад? Или промолчать и получить своё? Но южные тьярды прочат на престол юного Латиды Вакра. Якобы он внебрачное дитя Доенварда, которого из них, не уточняют. В любом случае, хорошего не ждать после такого набега.

— С-сюда... — кивнул Скорнь, — так говорят. — Ещё говорят, что С-старг Широкий проклят с-своими деяниями, от того навлек проклятье на таньерд и на город.

— Через сколько их ждать? — Олаф вскинул голову.

— Не ведаю, через две дюжины дней или через три...

Олаф поджал губы. Есть о чем подумать. Мятежники не пощадят никого. Если только не связаться с ними сейчас. Посулить победу, а потом забрать её.

— Есть что-то ещё, о чем я должен знать? — Олаф повернулся к гордарцу. Тот промедлил.

— Нет, ничего... Ты не забудешь моей с-скромной ус-слуги? Да, Олаф Хитрый?

— Я никогда ничего не забываю, господин Скорнь.

Кажется, началась облава, самое время уйти, чтобы не попасться, но Ллойву отчего-то медлил. На следующий день должна была состояться встреча с Олафом Доенвардом, и сможет ли при новых обстоятельствах, неясно. Если господин Скорнь не обманул. А он вполне мог бы. Искра подсказывала, что симпатии этого господина неясны и скорее всего, он действует исключительно в личных интересах.

— Ловкач, это я, — услышал он тихое. — Ты не убьешь меня.

Вот насмешил. Врядли Ллойву способен убить кого бы то ни было сейчас. Он откашлялся, подавив смех. Дженве в порядке и это было хорошо. Братец вошёл тихо вопреки обыкновению, словно переключился на новую роль в сложившихся обстоятельствах. Увидев обоих, сидящих у стены Дженве сразу помрачнел. Марисса заснула, положив голову на колени, а Ллойву просто сидел, пережидая ночь.

— Мы уходим, Ловкач, в городе объявили охоту. Похоже, что на нас. Там целая армия

люди на улицах.

— Я не могу, Джев, я хотел... договорился встретиться с Олафом Доенвальдом, — Ллойву взглянул на головку спящей девочки на коленях, — забери её, я догоню вас позже. Это важно для всех нас. Нельзя упустить этот шанс.

— Нет, ты идёшь со мной, — твердо возразил Дженве, поднимая Мариссу на руки и протягивая руку, чтобы помочь брату подняться.

— Пойми, это единственная возможность нам достучаться до них, — Ллойву встал, но Дженве отчего-то не отпустил ладони.

— Важно, нам уйти отсюда невидимыми. И я не позволю тебе самому отправиться в пасть этого чудовища. Зная тебя, уверен, что ты себя погубишь...

— Нет, я должен там быть, — твердо сказал Ллойву и попытался вывернуть руку. Стальной, холодный взгляд брата его насторожил. — Джев?

Ллойву почувствовал, как через это прикосновение утекает воля. Нет, нельзя, надо сопротивляться. Отец постоянно использовал Искру в моменты, когда чувствовал, что проигрывает. Но противостоять Советнику невозможно, так как он стоит во главе семьи, а брату — да. Дженве решил попробовать тот же фокус. Но он мало знаком с этой механикой, он, Ллойву, знает её лучше и искуснее с ней обращается. Ментальный поединок выпивал последние силы. В один момент Ллойву показалось, что он одержал верх, но брат оказался сильнее, его Искра не пострадала в последней схватке. Преимущество техники быстро истаяло, уступив место обыкновенному напору. Дженве давил все настойчивее, и Ллойву понял, что проигрывает, оттого, что устал и не в состоянии сейчас противостоять ему. И отнять руку тоже не может, как не может и достать кимейр, чтобы ударить и вырваться. Только не брата. Это тоже ловушка. Ловушка доверия. Ллойву все же взялся за кимейр свободной рукой, сжал в пальцах привычную, обмотанную кожей, натёртую частыми прикосновениями рукоять. Он не сможет ударить.

— Не поступай так со мной, — тихо попросил он глядя в глаза брата, — только не ты.

— Прости, Ловкач, но это необходимо, — так же тихо прошелестел Дженве, нанося последний удар, окончательно ломая барьеры, и захватывая контроль над чужим телом. — Прости...

— Я... — Ллойву почувствовал, тело перестало его слушаться. Дженве сделал это, подчинил себе чужую волю, и теперь оставалось лишь наблюдать со стороны.

Дженве погладил девочку по голове, пробуждая дитя.

— Давай, милая надо идти...

Марисса проснулась, потеряла глаза кулаками.

— Куда? — капризно протянула она.

— В безопасное место... — Дженве довольно споро поставил девочку на ноги и перевалил на плечо тело брата.

— Что с ним? — дитя сразу проснулось.

— Он немного устал, — прокряхтел Дженве, подхватывая ладошку девочки. — Сейчас мы сыграем в разбойников. Знаешь такую игру?

Марисса замотала головой «нет», настороженно приглядываясь к повисшему, как куль на плече, Ллойву.

— Это просто. Важно не попасться стражам. Надо прятаться. Умеешь прятаться?

— Прятаться умею, — согласилось дитя.

— Вот и проверим, кто прячется лучше, — Дженве подмигнул девочке. — Я или ты.

— Кажется, я говорил тебе, чтобы ты никому не доверял, — Бес прошёлся перед Ллойву несколько шагов влево, затем назад. Как он попал сюда? Ах, да, он может путешествовать и во снах тоже. Жаль, нельзя найти покоя нигде. Даже в вынужденном беспомоществе. Не ожидал такого от Дженве. Словно удар в спину.

— Оставь меня в покое, — Ллойву замер. Можно ли закрыть глаза во сне? В этот раз он оказался в неизвестной для себя земле, вокруг стоял плотный туман, ничего нельзя разглядеть дальше двух шагов. Кажется, это поле сожжённой ржи, и посреди этого Ллойву и Бес. Зачем он здесь?

— Чего ты хочешь?

— Ты упустил все возможности, какие мог...

— Благодаря тебе, — возразил Ллойву. — Твоё появление запустило это безумие...

— Я был не прав, — легко согласился Бес. — Но на тот момент не нашёл лучшего решения. Мышка не должна была там оказаться.

— Что теперь думать о том, чего не случилось, — Ллойву заложил руки за спину и прошёлся по полю, подминая сгоревшие остовы колосьев подошвами сапогов. — Визит к тьярду сейчас не даст ничего... Теперь я это вижу. Они слишком примитивны, и погрязли в пороках...

— Для них вы чужие, мало того, теперь ещё и враги, — согласился Бес. — Тебе предстоит решить это уравнение... Ты же любишь такие задачи?

— Что? — Ллойву обернулся к собеседнику, — слишком много неизвестных... Все, что мы можем это увести обеих дев в безопасное для них место. Я не желаю становиться твоим орудием.

— Не будет такого места, — возразил Бес. — Колесо судеб уже раскрутилось, и скоро оно подомнет под себя всех, кто окажется на его пути. А насчёт орудия... Ты не так смотришь на вещи. Мы скорее... Друзья...

Ллойву улыбнулся и покачал головой.

— Я не понимаю тебя, ты хочешь защитить дочь, но при этом делаешь всё, лишь бы осложнить ей жизнь. И мы не друзья... Не путай необходимость и полное доверие.

— Ты просто не знаешь, о чем говоришь...

— Я могу убить тебя? — Ллойву повернулся к Бесу всем телом. — Может, так я решу часть наших проблем.

— Можешь, — согласился Бес без тени улыбки, — если постараться. Но что это даст? Ты лишишься союзника.

— Ты? — Ллойву холодно улыбнулся, — с такими союзниками и врагов не надо...

— В тебе говорит обида... — ответил Бес в тон, — ты не ожидал такого от брата, да? Хочешь вылить свою злость, но не на кого...

— Думаю, Дженве хотел лучшего. Но твою логику я не понимаю. И не желаю понимать...

— Что ж... — Бес отступил на пару шагов в туман, — тогда смотри...

Бес исчез, а туманный покров сдернуло, как по мановению чьей-то руки. Воздух наполнил запах крови, пороха и дыма. Звуковая волна ударила, лишая слуха: ржание раненых лошадей, крики умирающих и звон несущей смерть стали. На Ллойву налетела грудью лошадь, а сверху опустился шар моргенштерна. Едва увернувшись, асатр попал под лепесток чужого меча, срезавшего лоскут кожи с плеча. Тяжёлый удар толкнул в сторону под копыта

надвигающейся конницы. Трубный рев боевых горнов заставил землю дрожать под ногами схлестнувшихся в бою армий.

— О, боги... — на языке снова стал ощущаться пряный вкус. Кровь. Рядом ревели, кричали чужие глотки, лишая ориентации, вспыхивали яркие цветы разрывов и зажигательных бомб. Значит, иллои тоже вступили в войну. Этот то, что он желал предотвратить. Ллойву заложил руку за спину. Рукоять кимейра легла в ладонь, даря уверенность. Ещё можно все исправить. Яркая вспышка рядом отбросила на спину. И сразу загарцевали, залохматили возле головы землю конские копыта. Удар, ещё удар.

— Довольно... — взмахом ладони Ллойву заставил землю поднять непокоримый, почти отвесный гребень. Неожиданная преграда отбросила конницу назад. Но не спасла от лучников и метателей.

Земля вздрогнула, покоряясь воле асатра и глубочайшая трещина отделила его от надвигающейся армии.

— Насколько тебя хватит? — насмешливо спросил Бес рядом.

— Уходи... — выдохнул Ллойву бессильно, — это все сон...

— Пока — да, — согласился Бес, обращаясь в чудовище на глазах потрясенный событиями людей. Пара взмахов гигантскими крыльями и почти вся армия обратилась в бегство. Дракон раскинул крылья в небе, закрывая половину небосвода и величественнее зрелища, Ллойву признался сам себе, он ещё не видел. Это было прекрасно, смертоносно прекрасно. Поле боя снова начало заволакивать туманом, скрывая павших и раненых. Это сон, просто сон...

— Повторюсь, я не стану игрушкой в твоих руках, — отрывисто бросил Ллойву вновь появившемуся Бесу.

— Я не играю, мы с тобой союзники, если слово «друзья» тебе не нравится. — Бес с интересом взглянул на высокий гребень из породы, что Ллойву поднял силой своей Искры.

— Мы пришли на эту землю не воевать, — Ллойву, почувствовав слабость после того, как схлынул азарт, привалился к вновь возведенной стене, — все, что я могу, это поговорить и направить вашего тьярда. Я не воин, ты же видишь...

— Да... Вижу, — Бес вздохнул и сделал пару шагов прочь. Туман снова начал рассеиваться, открывая взгляду выгоревшие небо и ярчайшую звезду на небосводе, что устрашающе быстро росла. — Кстати о битвах... Ты, верно, забыл. Твоя самая главная ещё впереди...

Ллойву только успел взглянуть в небо, как вспышка ослепила его, и павшие воины одновременно начали движение к эпицентру новых событий.

— Наше... — прозвучал хор голосов отовсюду. И даже не имея возможности видеть в залитом ярчайшим светом мареве, Ллойву понял, что сейчас последует. Он попятился, доставая кимейр, споткнулся и чье-то тело, и сразу множество рук впились костлявыми пальцами в тело с неожиданной силой разрывая и одежду, и плоть. Боль одновременно во всем теле парализовала и лишала способности к сопротивлению. Оставалось лишь проснуться, но как это сделать?

— Ловкач! — Дженве тряс его за плечо, — боги, Ллойву, ты меня напугал. Я подумал, что убил тебя!

— Нет, — прошелестел Ллойву. Под спиной что-то мягкое, до талии накинута старый его спальный мешок, по левую руку горит костер, и кажется, над головой небо. Неподалеку

видны огромные глаза Вимлин, а с ней и Марисса. Все тело болит, а в голове туман сродни тому, что был во сне. Сердце стучит неровно, отдавая в щрам и в висок. Всё неясно и путано. Словно после похмелья.

— Я так виноват, — Дженве отвернулся к костру и подбросил дров к затухающему огоньку. — Но я должен был это сделать, прости, если сможешь.

Ллойву взглянул на небо. Слабость после атаки Окто снова одолела его. Неужели снова сон перестанет приносить облегчение? Худшее из наказаний.

— Не молчи, Ловкач, прошу.

— Я... — Ллойву повернул к брату голову и это всё, на что ему хватило сил, — кажется, проиграл, Джев... Повсюду... Отец был прав, они все были правы. Я всех погубил.

Глава 27 где колесо судеб делает новый оборот

Дженве уводил свой крохотный караван на север. Двигались медленно, в основном из-за того, что пришлось пробираться нехоженными пролесками и полями, к тому же частые остановки не ускоряли движения. Марисса сидела в седле перед Ллойву, а Вимлин прижималась к Дженве со спины. Ни одна из дев не возражала бегству, даже Вимлин, готовая сражаться со всеми сразу, молча собралась в дорогу.

Дженве отметил себе, что с начала путешествия шнуровать штаны с каждым разом приходится всё плотнее, а Ллойву и вовсе стал походить на себя годичной давности. Путешествие заставило сбросить лишнее, так бы пошутил бывший легионер, если бы имел желание к шуткам. Знал бы он, чем всё обернется ещё на Аст'Эллоте, ни за что бы не вытянул брата из цепких лап Валлара.

Ллойву теперь вновь быстро уставал и плохо перенёс первый, самый долгий, переход, когда они спешили отдалиться от столицы как можно дальше. Потому Дженве теперь решил передвигаться небольшими рывками, как в первые дни их путешествия. Выходить на наезженные тракты и многолюдные пространства он посчитал опасным.

Ллойву не сказал ни слова с момента, как вернулся к сознанию, совершенно замкнувшись в себе. Пока они двигались и тяготились трудностями дороги, молчание брата донимало не так сильно, но едва случалась остановка, тишина становилась невыносимой. Дженве казалось, что брат затаил обиду, что доверие между ними утрачено навсегда и никак не мог придумать, как ему восстановить потерянное.

В первую же ночь они остановились на небольшой поляне в плотной сосновой чаще, куда забрели, спасаясь от вездесущих разъездов. Дженве споро разложил костерок, расседлал кродов, отпустив их поохотиться, мельком взглянул на прикорнувшего у сосны брата. Рядом устроилась и Марисса, в этом путешествии твёрдо решившая почему-то ни на шаг от него не отходить. Грустно присела у костра Вимлин, не так представлявшее своё романтическое путешествие к славе. Дженве проверил куль с провизией. Не густо. Хлеб и сыр. На день пути для четверых. К люди всё равно придётся выйти. Зато есть целый мешок бесценных никчёмных побрякушек. В сердцах Дженве скинул драгоценности в бурьян под сосной с твердым намерением оставить их тут.

— Я завтра выйду к людям, — заявил он, появляясь перед спутниками с караваем в руках, — подождёте меня здесь...

Ллойву безразлично взглянул на него сквозь окуляры, а затем опустил взгляд снова в книгу, где Марисса стилем старательно выводила иллойские литеры.

— Не обязательно выходить, я могу охотиться, — возразила Вим, положив ладонь на свои вещи. Дженве кивнул ей и протянул каравай, чтобы она поделила на всех. Охота это хорошо.

— Ловкач, не молчи! — он присел рядом с братом, — я не могу больше так...

— Здесь не верно, посмотри на образец, — Ллойву указал девочке пальцем на ошибку, и к брату, — Как ты не можешь? Мне нечего сказать, Дженв... Ты был прав, я ошибался... Это очевидно.

— Я тыщу раз был прав и ошибался тоже, но ещё ни разу не чувствовал себя таким подлецом! — Дженве пропустил волосы меж пальцев. — Мне кажется, что ты таишь обиду на меня.

— Нет, — коротко возразил Ллойву, натягивая меховой плащ на плечи. Мошкара тонко звенела в воздухе, уплотняя его, делая колючим, липким и почти съедобным. — Незачем, Джев, ты сделал, что посчитал нужным. Я бы поступил так же. Не кори себя.

— Клянёшься? — Дженве взглянул на брата. У того потемнели глаза и тени пролегли под глазами, словно они вернулись на оборот назад, когда Ллойву только отходил от своей травмы. Дженве даже не спрашивал, как он себя чувствует, опасаясь услышать ответ. Молча протянул мешок, где лежал флакон с каплями.

— Благодарю, — Ллойву, не вставая, достал флакон и начал возиться с крышкой, отмеряя нужную дозу.

Дженве сжал в кулаке волосы. Как же так? Разве этого они хотели, начиная свое путешествие? Дженве не желал брату погибнуть от угасания, и что теперь? Они вернулись к тому, с чего начали, словно во всем этом проклятом мире нет другой судьбы.

— Будь проклята эта земля... — прошипел он в сердцах.

Вимлин сдавленно вскрикнула. Дженве угрюмо поднял на неё взгляд и тоже замер. К костру, не боясь, вышли волки. Один, огромный, с седой косматой шкурой, и второй, поменьше, но от этого не менее опасный. Дженве взялся за кимейр, а Ллойву снова безразлично поднял голову, словно речь шла о чем то обыденном, и каждый день к ужину к ним заявляются дикие звери.

— Это оборотни, Джев, — буднично сказал он, — не трогай их.

— Десять проклятых богов! — выругался бывший легиотер, вспоминая старые ругательства, — какого ляра им тут надо?

Волки, тяжело дыша и вывалив розовые в бурых пятнах языки, легли у костра, как ни в чем не бывало.

— Угостить нечем! — громко, как для слабослышащих сказал Дженве. На это седой оборотень лишь одарил асатра взглядом, полным достоинства.

— Они что, останутся? — со страхом спросила Вимлин.

— Похоже, что так, — безразлично согласился Ллойву, опуская взгляд в книгу. Марисса отложила стило и подобрала ноги.

— Они воняют, — заявила девочка громким, повсюду слышимым шёпотом.

— Ты можешь сказать об этом, если желаешь обидеть гостя, но если хочешь быть гостеприимной, лучше промолчать, — наставительно проговорил Ллойву. Дженве улыбнулся. Слава богам, если у братца есть силы читать нотации, значит, все не так плохо.

— Что ж, надо поискать, нет ли здесь воды, — Дженве поднялся, и серый волчище встал тоже, приглашая следовать за собой. Они пришли помогать? Это радует.

— Надеюсь, их братья не разорвут нас во сне, — проворчал Дженве.

— Они одни, — Ллойву завернулся сильнее в одеяло, — похоже, на посольство от них... Может мы опять зашли в сакральные леса?

— У них каждый пень сакральный, — буркнул Дженве и подцепил котелок. — Скоро буду.

Ордену выделили целый этаж в здании городской стражи. Сэр Лаклид сразу велел набирать добровольцев и весьма преуспел. Теперь город патрулировали с полторы сотни человек, наделённых полномочиями смотрящих. Те трое несчастных, что были растерзаны на улицах в Чёрную ночь были перенесены в подвал здесь же и их останки тщательно изучены. Одного сэра Лаклид отмел сразу, следы на его теле оказались от собачьих зубов.

Кто-то свёл счёты с надоевшим соседом. Это к городским стражам и мирскому правосудию. Второй был так растерзан, что было неясно, мужчина это или женщина. Но прибывший тайно господин Ривельсон опознал по кольцу на большом пальце своего человека. Третий, ровно как и второй, растерзанный неизвестным зверем, не поддавался опознанию, и был занесён в хронику, как неизвестный.

Кое-как удалось восстановить хронологию событий. Рискуя жизнью господин Ривельсон выследил по поручению ордена белоголовых чародеев. Удалось выявить пособников. Некая Сальверсина Ступка, держащая гостевые комнаты, призналась, что дала приют двум девам. А платили за постой те самые белоголовые чужаки. В ту самую ночь все четверо убыли в неизвестном направлении. Тогда их и заметил человек господина Ривельсона, сопровождал по городу, где решено было взять малыми силами. Однако, не удалось. Чужаки оказались не по зубам господину Ривельсона, оставили после себя несколько трупов и вновь призвали тех, что нельзя называть в ночи. Поговаривают, чародеи исчезли из города, как и появились. Зато появился повод вспомнить пророчества, изрекаемые всякими шарлатанами.

Некая дева Алтурна, прокаженная, изрекла во время очередного припадка, что Призрачный Жнец вернётся, что восстанут мертвецы, и после того мир опрокинется в очередные уособицы. Брат пойдёт на брата, а земля так напитается кровью, что поднимет спящих чудовищ, и те возьмут свою дань. Кто-то имел неосторожность записать сии бредни и теперь из уст в уста, обрастая новыми подробностями, пророчество мутило умы горожан. Даже тьярд имел в покоях книжонку с записями.

Что ж, Призрачный Жнец был изгнан один раз из мира людей, будет изгнан и второй. Важно, чтобы он не получил последователей, что укрепят его присутствие на земле. А белоголовая чужь очень похожа на вновь растущий культ. Взять живыми, выяснить, много ль в шайке народу, откуда взялись. Во все концы таньерда разосланы посыльные. В каждой деревне, в каждом городе будут знать, что укрывать их — значит идти против тьярда и привычного миропорядка. Все пособники будут подвергнуты допросу, и в зависимости от степени вины, наказанию. Не уйдут. И не спрячутся. Даже на той далёкой, пока непонятной и чужой земле.

Господин Скорнь размышлял. С той самой ночи, когда Хитрец приходил к нему, не давала покоя мысль, что он что-то упускает. Господин, назвавшийся Ллойву Лиром, говорил разумные вещи с точки зрения государственной выгоды. Сотрудничество с новым народом иллоев или иллиев могло бы быть выгодным. Недаром многие из учёных мужей задавались вопросом, отчего прогресс обходит Тангору стороной. И, кажется, господин Скорнь нашёл ответ. Вновь обрётённая земля могла бы дать толчок к развитию, но судьба поворачивается странной гранью. Тьярд готов выжечь все, что выше его понимания, и он это сделает. Господин Скорня мало волновала судьба белоголовых чужаков, если бы не многие преимущества, что может подарить... наука. Так он сказал. Ллойву Лир не выглядел безумцем, а господин Скорнь не считал себя дураком. Гордарские институты практиковали то же, но во многих вопросах ещё не достигли высот, куда поднялись илли. Следовало как-то убедить Хитреца, что уничтожение это не выход, а тот убедит своего брата. Возможно. Если сумеет. Дело осложнилось с появлением всей этой чертовщины: драконы, демоны... чушь собачья.

Господин Скорнь почесал зудящую шею, сдирая ногтями нарощую корку. Этот

странный иллий говорил о медицине... Может, они умеют лечить и экзему? Чтобы навсегда. Вот это был бы божий дар. Ради такого господин Скорнь был готов даже обратиться в новую веру. Верхом безумства было бы уничтожить собственное спасение своими же руками. Должен быть выход.

Господин Скорнь поправил шейный платок и подхватил свою учётную книгу. Самое время прогуляться.

— Ты больше не пишешь? — Дженве, чтобы хоть как-то отвлечься от огромных лохматых туш неподалёку, подсел к брату, уютно устроившегося у костра.

— У бумаги много предназначений, Джев, — меланхолично заметил Ллойву, — можно написать книгу, можно донос, а можно научить кого-то грамоте. Я предпочёл последнее...

— И как она? Быстро схватывает? — Дженве достал трубку, отметив себе, что табак на исходе.

— Как и любое другое дитя, она непоседлива, — Ллойву кивнул на девочку у лохматых туш. Марисса почти оседлала огромного седого волка, оттягивая ему ухо. — А учение требует усидчивости.

— С ней ничего не случится, я надеюсь... — заметил Дженве, — она так на них пляшет, словно перед ней домашние ягнята.

— Думаю, нет, — Ллойву зевнул в кулак, — её отец проследит, чтобы с ней ничего не случилось.

— Я думал, эта ноша легла на наши с тобой плечи.

— Не обманывай себя, он всегда рядом, — Ллойву накинул одеяло плотнее.

— Думаю, мы вернёмся домой, — проговорил Дженве, прикуривая от горячей веточки. — Что скажешь?

Ответом ему стало молчание, только Вимлин переговаривалась с Мариссой. Волки милостиво позволяли девочке сидеть на спине, дёргать за уши и даже залезать в пасть, чтобы посмотреть на большие желтоватые зубы.

— Ловкач?

— Мы не завершили своей задачи, Джев, — сказал Ллойву тихо.

— Не вижу смысла нам её завершать сейчас. Тебе надо показаться Валлару.

— Вот это как раз лишено смысла, не делай вида, что всё может быть как раньше, — раздалось тихое, едва различимое.

Дженве задумчиво пошевелил веткой дрова в костре, подняв столб искр. Эти слова ранили его сильнее клинка, сильнее осознания последствий собственного поступка. Перед внутренним взором стояло угасающее лицо ушедшей к прародителю жены. Пусть они не были близки, но эта потеря стала для него чувствительной и знаковой. Уход брата станет во сто крат сильнее, в тысячу. К этому он не был готов.

— То есть, ты сдался? — спросил он. — Просто сдался? После пройденного? Я тебя не узнаю.

Ллойву помолчал, наблюдая, как Марисса играет с волками.

— Этот мир меняет нас всех. Разве мы могли подумать оборот назад, что возле тебя оборотень будет играть с малым ребёнком? Ты будешь смеяться, но я говорил об этом Совету самолично, и теперь сам же вынужден признать, что перемены не всегда к лучшему. Хотя мне жаловаться не на что.

— Тогда что теперь? — Дженве повернулся к брату, переходя на илои, — что теперь?

— Ты сказал недавно, что по первому зову мы должны отдать жизнь за Аст'Эллот. Что по праву крови мы — избранные. Что мы избраны жертвовать свои жизни, помнишь? — Ллойву взглянул в глаза.

— Я поспешил... — улыбнулся Дженве. — Не уверен, что готов пожертвовать свою жизнь за эту землю...

— Сейчас речь не о ней, сейчас существование Аст'Эллота под угрозой... и мы невольно стали катализатором для этого. Надо всё исправить. — Ллойву вздохнул и уронил голову на ладонь. — Но я пока не знаю, как.

— Магистр Ис... — Олаф чуть поклонился фигуре в полумраке. Встречу пришлось провести в строгой секретности в доме верного Олафу человека. Мало того, хозяин был выгнан из дому со всей семьёй и прислугой, дабы не видеть, с кем встретился Хитрец.

— Слушаю..., — прощуршал тихий, глубокий голос

— Ты говорил, что нам нужен союз с орденом, но они предали нас.

— Тебя... — уточнил Магистр. О том, что он движется, Олаф узнал лишь по голосу. В комнате без окон не горели даже свечи.

— Они перешли на сторону тьярда. Готовы изгонять нечистого отовсюду. Они пойдут на север. Говорят, там поднялась новая земля.

— Говорят... Для тебя это будет лучше...

— Что именно? — уточнил Олаф с замиранием сердца.

— Земля на севере обширна и хорошо защищена. Она принесёт тьярду славу. Его армии буду заняты до следующей весны.

— И?

— Твой ход, Олаф Хитрец, возьми, что хочешь.

Олаф задумался.

— Орден оставляет здесь своих воинов...

— Они похожи на натасканных псов. Дай им повод, и они растерзают добычу. У тьярда есть слабости...

Старг склонен верить всяким шарлатанам, это верно. А Орден не терпит скверны на своей территории. Олаф чуть улыбнулся.

— Скажи, ты что-то знаешь про ту землю на севере?

— Многое... Что ты хочешь услышать? — голос Магистра шуршал, как песок в часах.

— Правду говорят, что она поднялась со дна океана? — Олаф сжал пальцы на собственном запястье.

— Отчасти, — Олаф услышал шаги, Магистр прошел мимо. — Эта земля эллотов, она богата и полна чудес. Страждущий богатства найдёт его там, ищущий знаний обретёт мудрость, мечтающий о чуде получит его.

— Звучит словно боги спустились на землю, — усмехнулся Хитрец.

— Ты проницателен, Олаф Хитрый...

Повисла тяжёлая плотная пауза. Магистр не может говорить всерьёз. Магики и чародеи исчезли с лица земли пару сотен лет назад вместе с последним порождением ада. Выходит, истинники были правы? Неужели это правда?

— А правда, что на Валдарской равнине выросла башня? Ты видел?

— Видел, — подумав, согласился Магистр.

— Она чёрная? — с лёгким трепетом спросил Олаф. — Говорят, она чёрная.

— Темнее ночи, словно чёрный клинок пронзающий небо, — в голосе Магистра слышалась ирония, — не от неё вам ждать беды. Смотрите на север, ветер принесёт её с океана.

— Новая земля, — догадался Олаф, — нам надо усмирить её...

— Прежде тьярд... остальное после.

— Но я понял правильно?

— Правильно, кто заберёт землю элотов себе, станет править миром. Поспешите сделать это прежде брата.

Звучит вкусно, даже слишком.

— Я понял тебя, — Олаф кивнул, — благодарю за совет.

— Пользуйся, Олаф Хитрый, и не забудь тех, кто помог тебе на пути к величию.

Глава 28 в которой игры для всех закончились

Иногда сон без сновидений становится роскошью. Можно урвать несколько минут отдыха, пока голова не занята тягостными раздумьями, но навязчивые мысли возвращались снова и снова. Где они сделали ошибку? В момент когда оставили девчонку без присмотра, а она, повинувшись неясному зову, вышла к людям. И сейчас ситуация вышла из-под контроля, уподобившись прорвавшейся плотине. Остаётся лишь пытаться не погибнуть в водовороте.

У правого бока завозилась Марисса, Ллойву вздохнул тягостно. Дженве тоже не спит, задумчиво глядя на пламя. Зачем они согласились на это? Неподдалёку неясными тенями угадывались огромные туши бодрствующих волков. Зачем здесь они? Почувствовав интерес, огромная белая туша поднялась и подошла ближе. Они словно пытаются говорить, но не могут. На это на волчьей морде отразилось понимание, и гигант встряхнулся, почти кивнул, приглашая следовать за собой. Дженве равнодушен к происходящему. Это опять сон? К дьяволу...

Ллойву осторожно уложил девочку на землю. Поднялся. Так и есть, это сон. Дженве абсолютно спокоен и даже не поднял головы. А раз сон, то он, Ллойву, точно знает, чем этот сон закончится. И готов. Почти.

Осторожно ступая Ллоойву двинулся следом белым гигантом. Волк больше не оборачивался, уводя асатра всё глубже в лес. Странно, но сверху падал неясный, потусторонний свет. Это не Окто, он бы сжёг всё вокруг, тогда что это?

— Скучал по мне? — Бес выступил из-за сосны, а волк, встряхнувшись, затрусил назад. Ллойву холодно улыбнулся и вытянул кимейр из-за спины.

— Нет.

— Рад видеть тебя в добром здравии и готовым к бою, — Бес сделал пару шагов и остановился напротив, заложив руки за спину. Такой знакомый жест. Он копирует собеседника. Ллойву расправил плечи.

— Как я понимаю, тебе есть что сказать? — надменно сказал он.

— Даже больше, я могу ещё и показать, но не стану... — Бес взглянул вправо, — дорого обходится. Есть новости.

— Что ж, говори.

— Поход на север — дело решённое. Тьярд не отступит, когда за ним стоят истинники. А там их уже ждут. Будет страшная сеча. На востоке выросла ещё одна башня. Оттуда идёт ещё одна армия. Скоро мы будем вспоминать эти дни с тоской.

— Ты так спокойно говоришь об этом? — усмехнулся Ллойву.

— Я знал, что это неизбежно, — небрежно заметил Бес, — моя задача была укрыть Мышку от людей. Я это сделал. Крови последних богов можно доверять.

— Я думал, тебя все же волнует судьба твоего мира.

— Нет, — Бес дёрнул головой, — не волнует. Только Мышка. Но у меня есть послание к тебе.

— Вот как? — Ллойву опустил взгляд. — Неожиданно.

— Твой мир в опасности. Люди прознали, что твоя земля богата и полна чудес. Тебе же важно не дать её погубить.

— Я... — скверные новости, — я думаю об этом.

— Будет много боли. Чёрная кровь ушла, и теперь осталась лишь жидкая алая... — Бес

плотоядно облизнулся, но быстро взял себя в руки.

— Аст'Эллот некому защитит... — прошептал Ллойву, вдруг осознав гнетущую его правду.

— Некому, — согласился Бес. — Я могу дать людям повод для охоты, чтобы они забыли на время про твою землю и отвлеклись на новую цель. Но только на время. И, как ты понимаешь, это не отвлечёт их надолго и чревато новой охотой на ведьм. Ты бы согласился?

— Но зачем ты говоришь это мне? — Ллойву растерянно оглянулся, словно желая поддержки. — Я думал, тебе безразлично.

— Это забавно, — Бес сделал пару шагов в сторону, — я надеялся, оставить все земные привязанности в прошлом. Но пока это невозможно. Мышка привязывает меня к миру людей. И пока это так, я вынужден вмешаться. Не подумай, что мне дороги эти люди. Я желаю дочери лучшей доли. И это возможно, если рядом будешь ты...

— Ты навязал нам её, и я... — начал Ллойву.

— Это был не я, — оборвал его Бес, — я хотел, чтобы она оставалась в Мелях. Там проще её укрыть и защитит. Но вмешалась судьба, и Мара прибыла следом за тобой прямо в эпицентр событий. Я, как и ты, вынужден следовать за судьбой. Можешь относиться ко мне как угодно: ненавидеть, желать гибели, боготворить. Мне безразлично. Я помогу тебе оттого, что ты — ключ к моей цели.

— Весьма ненадёжный, — усмехнулся Ллойву.

— Чёрная кровь даёт вам силу и долголетие, — согласился Бес, — но даже она может вырождаться и вскоре растворится совсем, это неизбежно. Ты впитал лучшие черты своего дома, и если тело может подвести тебя, то рассудок никогда. Решайся, благородный асатр дома Лир. Всё в твоих руках.

— Что это значит? — Ллойву сжал пальцами виски, — взгляни, сколько на этом поле игроков много сильнее меня! Мне не справиться одному. Это безумие!

— Ты уже заронил зерно своей победы, — прошептал Бес, приблизившись, сколько мог, — теперь не отступи.

— Хватит говорить загадками! Все проблемы от недомолвок, ты знаешь об этом?

— Я не могу дать тебе прямого ответа, это будет вмешательство в дела людей, — рассмеялся Бес, — у меня тоже есть правила, от которых не стоит отступать.

— То есть выход есть? — немного злила иносказательность стоящего напротив. Но кто знает, может, у дьяволов тоже есть барьеры, за которые запрещено заходить.

— Он есть всегда...

— Так где же он?

— Ищи внутри себя... — лес начало заливать рассветной дымкой, постепенно стирая и деревья, и стоящего меж ними Беса.

— Подожди! — опять чёртовы загадки! — всё вокруг растворилось в тёплом золоте восхода.

Ллойву проснулся неожиданно отдохнувшим. Значит есть выход, значит, ещё не всё потеряно. Он осторожно поднялся, уложив спящую девочку на землю. У костра сидит Дженве, борясь со сном.

— Джев.

Дженве поднял голову, значит это не сон.

— Нам надо вернуться к башне.

Олаф был бы рад отмахнуться от многочисленных посланников, но тьярд заперся у себя в покоях уже второй день, отдав своему брату все полномочия. Хитрец был рад этому обстоятельству, но зная брата, можно быть уверенным, что вскоре все, кто радовался, пожалеют об этом. Прибыли гордарские купчины, привезли хартию о торговле и дорогие ткани. Корабли стояли в бухте, ожидая разрешения на отбытие. Просили аудиенции и местные гильдии, умоляя отсрочить срок исполнения податей. Олаф внимательно всех выслушал и отложил решение до лучших времён.

Прилетела птица от Гюнта Белого, верного восточного вассала. Его тьярд подвергся нападению и разору. Просил помощи. Первые беженцы, как первые ласточки потянулись за внешнее кольцо стен. На улицах стало беспокойно и даже усиленные фанатиками девовыми патрули не справлялись с задачей по поддержанию порядка. Пара сотен храбрых воинов выдвинулась на север. Олаф на свой страх велел оставить сотню в казармах, написал брату, что для защиты города, но тот не ответил. Странно, сильно странно, уж не преставился ли братец? Как это вызнать? У прислужьей девки, что приносит ему еду.

— Могу я прос-сить твоего внимания? — господин Скорнь осторожно просочился в приоткрытую дверь. Давно его не было видно.

— Заходи, — милостиво согласился Олаф. — Ты, верно, с новостями?

— Ис-стинно так, — кивнул распорядитель, выкладывая перед господином толстую учетную книгу.

— Что ж, говори...

Распорядитель дёрнул шей в плену гордарского шелка уже пропитанного дурно пахнущей сукровицей, и склонился к самому уху.

— Я узнал про землю элотов, Олаф Хитрец. Тебе будет интерес-сно.

— Ну?

— Это богатая земля, в ней много чуде-с, с-сродни гордарс-ским механикам. Они называют это кинетикой.

— И?

— Они могут лечить многие болезни, — голос распорядителя стал возбуждённым, но тихим, — и ответить на вопрос-сы мироздания. Позволь с-скажу своё мнение. Разорить её, значит, отказать-сся от многих благ.

— Мы покорим её, — возразил Олаф, — и она станет служить тьярду... Кем бы он ни был.

— Ты не спасешь её?

— Если бы я мог приказать, — задумчиво проговорил Олаф, — но власть не в моих руках. Я всего лишь слуга своего господина. Как и ты.

— С-скажи ему, это важно...

— С каких пор? — Олаф присмотрелся к распорядителю, словно видел его впервые.

— Боги подняли эту землю не прос-сто так, они желали с-славы и богатс-ства тем, кто с-ступит на неё, я уверен. Но они нас-селили её эллотами. А значит, желали с-союза... Как с-с Гордарией.

— Или просто славы и богатства, — усмехнулся Олаф, — пойми, никто не станет говорить с ними, пока не найдется тьярд, готовый к переговорам. Или они покорятся или умрут.

— Как мы получим их знания? — прошипел Скорнь, — это важнее золота.

— Говорят, белоголовые колдяки пришли с той земли. Спросим у них...

Скорнь выпрямился и замер, размышляя.

— Как здоровье тьярда? — невинно спросил он.

— Он здоров, — уверенно кивнул Олаф, — насколько это возможно.

Олаф и не думал лукавить, но долгое затворничество брата не давало ему покоя. Были допрошены стражи у личных покоев, служащая девка и лекарь.

Лекарь утверждал, что оставил тьярда в здравии накануне вечером, девка клялась, что утром все было в порядке. Кто-то из них лгал, без сомнений. Стражи же наоборот утверждали, что никто не входил и не выходил.

На второй день Олаф решил прервать уединение тьярда. Минуя охранителей, постучал в створку личных покоев. Требовалось обсудить кое-что. С тем посылом и вошёл.

И почти сразу вышел, повелевая схватить и лекаря, и девку, и мальчишку-шута, и знахарку-травницу, всех, кто имел доступ в покои брата. Грузное тело тьярда растеклось на кровати под балдахин. Запах в покоях не оставлял сомнений: Старг Широкий почил в мятежности и нездоровье. Он не оставил наследников, ибо каждую из жен велел обезглавить по причине пустоты чрева. А значит... Неужели настал час? Олаф накинуд на лицо скорбное выражение. Следовало не упустить шанса. Все, как Магистр предсказывал. Наступает время новой эры. Осталось разобраться с мятежниками. А после с новой угрозой с севера.

— Я не хочу ехать домой! — кипятилась Вимлин, пока небольшая процессия выбралась к свету и двигалась на север по разбитой дороге среди цветочных полей.

— Ты меня прости, дева, но тебя никто не спросил, — рассмеялся Дженве, за чьей спиной она сидела, суетливо махая руками. — Зачем вы прибыли в столицу, когда повсюду неспокойно?

— Мы желали вам помочь!

— Теперь мы желаем вам помочь!

Путешествие за пару дней превратилось в бесконечный бой. Вимлин ругалась, умоляла, угрожала лишь бы не возвращаться в Мели.

— Я обещал твоему батюшке, что ты вернёшься домой, — возразил Дженве, используя свой последний аргумент, что всегда закрывал деве рот.

— Я убегу! — буркнула дева, замолкая.

— Джев..., — Ллойву приподнялся в стремени, стараясь разглядеть происходящее впереди, скрытое жарким летним маревом. — Там что-то происходит...

— Слышу, — меланхолично ответил Дженве на илои. — Готов, Ловкач? Мы увязли в этом дерьме по самые уши. Теперь можно не делать вида, что мы в стороне.

— Ты, прав, это глупо, больше не будем... — услышал Дженве в ответ, и ему даже показалось, что он ослышался. Справа в поле заволнило высокие стебли, это волки следовали за братьями.

— Это башня! Он пытаются сломать башню! — Ллойву снова привстал в седле. Марисса со страхом оглянулась на беспокойного соседа.

— Да и дьявол с ней...

— Нет, нельзя, там много бесценных сокровищ! — Ллойву рвался вперёд, но опасался ехать прежде брата. — И информация, Джев, нам нужна информация! Эти варвары сравнивают всё с землёй!

— Какая муха тебя укусила, ещё вчера я думал, ты отрешился ото всего, а сегодня снова

скачешь, как подросток на первом свидании. Ты про библиотеку? — рассмеялся Дженве.

— Ты не понимаешь. Некоторым экземплярам нет цены! Их не восстановить!

— Любил бы ты так добрую деву, как свои книги, — проворчал Дженве, заставляя Черныша ускорить шаг.

— Девы ветрены, а вот книги не предадут никогда, — парировал Ллойву на той же волне.

— Зато у дев есть нечто более приятное, — масляно улыбнулся Дженве, не обращая внимания на прильнувшую со спины Вимлин, — теплота, Ловкач. Попробуй, тебе понравится...

— Я ценю твой совет, Джев, — рассмеялся Ллойву, — правда.

— Стойте, путники! — услышали братья, и тотчас почудилось движение вокруг. Волки замерли и затаились. Впереди поднялись с земли воины, по всему, отдыхающие в высокой траве. Справа и слева, за спиной и впереди, везде мелькнули угрожающие стальные лезвия с красным петушиным пером на плечах их обладателей. — Дальше пути нет!

— Ба, Симур, поглянь, не за эти ли головы награда назначена?

— Они, они, а коль не они, так и не страшно... Истинники разберутся, кто им нужен...

— И ворожейка с ними...

— А это поглянь, неужто девка?

— Сла-а-адкая...

Ллойву только увидел, как поднимаются заряженные арбалеты. Дольше всё завертелось быстрее, чем можно было уследить. Кто-то вскрикнул, когда огромный белый волчара навалился с рычанием со спины. Дженве скользнул вниз из седла и сразу исчез из поля зрения. Вимли гневно блеснула взором на подкрадывающихся бородатых воинов. Ллойву подмял Мариссу под себя, закрывая от удара и дал Ластве под брюхо пятками. Но скотина и так всё поняла, невероятным усилием свернув в сторону от блеснувшего меча и переходя сразу на скорый бег. За спиной раздались крики негодования и по плечу чиркнул болт. Едва удалившись на безопасное расстояние, Ллойву оглянулся. Нет, погони нет, Дженве отвлёк всех на себя, успевая отбивать ещё и деву. Черныш ревел и бился в руках людя, а Вимлин уже вытащила свой меч, чтобы сражаться, как и хотела. Дженве нужна помощь... Ллойву развернул Ластву, прижимая девочку к себе, но на пути в обломанных стеблях ощерился серый оборотень, не позволяя вернуться. Раздался звук боевого рога, возвещающего о предстоящей битве. Задрожала земля, сигнализируя о прибывающем подкреплении.

— Не смей, — прошипел Ллойву, чувствуя как внутри поднимается давно забытое чувство: ярость и слепая готовность к смерти. Волк зарычал, припадая к земле. По всему, был готов не дать асатру пройти и готовился к битве насмерть.

Ллойву соскочил с седла, одновременно вытягивая кимейры и складывая их в глефу.

— С дороги!

— Нет! — взвизгнула Марисса, сжимаясь в седле, такая крохотная и беззащитная, а через поле от возвышающейся в дали башни к ним уже спешила конница. — Не трогай волченьку!

— Пошёл вон, — огрызнулся Ллойву на вздыбившего шерсть волка, поворачиваясь к новой опасности лицом, — пёс...

— Мама! — заплакала девочка. — Мапочка...

— Не плачь, дитя, — проговорил Ллойву поглаживая Ластву по крупу и приказывая ей уходить назад, к лесу. Животное жалобно застрекотало и двинулась, тяжело бухая ногами,

куда приказано. — Не бойся, тебя никто не тронет...

Волк, однако, уходить и не думал, хотя и прижался к земле в страхе. Неподалёку схватка уже закончилась, Дженве не дал уйти никому, и уже спешил к брату. А Вимлин, несмотря на молчаливый приказ уходить, следовала за ним по пятам. Виделся ныряющий в волнах высокой травы белоснежный хребет второго оборотня.

Конница из пятнадцати голов тревожила землю, прогоняя и зверя и птицу прочь. Видно было, как лучники на конях натягивают тетивы, накладывают стрелы. И против них в поле только двое и пара оборотней. Ллойву потянулся Искрой к прародителю.

— Ловкач? — с тревогой Дженве взглянул на брата.

— Они сами хотели этой битвы, — дотянувшись Искрой до токов энергий в земле, Ллойву взмахнул глефой, обрубая невидимую глазу преграду, — это их выбор.

Земля вздрогнула и поле ощерилось тысячью поднявшихся из недр смертоносных лезвий из твёрдой породы. Шедшие в авангарде всадники рухнули из сёдел прямо на камни, когда кони с подломанными ногами кубарем полетели вперёд. Где-то закричала Вимлин, и Ллойву только уловил мягкую поступь сотен лап. К разгоравшемуся бою спешила стая, заходя с флангов. А от башни торопились на помощь товарищам целое море людей, затопившее дальнюю кромку поля.

— Эгей, — Дженве присвистнул. — Это всё для нас?

— Против нас, если точнее, — Сказал Ллойву на илои и пошёл вперёд, а Дженве улыбаясь пристроился рядом. Справа и слева в траве мелькали серые и бурые спины.

— Что ж, сыграем, — Дженве щёлкнул Окτισом, формируя себе щит.

Глава 29 где приходится принять трудное решение

— Что ты ищешь? Опять ответы? — Дженве ковырнул пальцем большую чернильницу на столе. Содержимое, разумеется, давно обратилось в сухой порошок. Рядом стояла ещё одна с латаровыми чернилами, закрытая стеклянной пробкой с уплотнением. Слишком ценный ресурс, чтобы оставлять его на волю времени.

— Я их почти нашёл, — Ллойву, нацепив на нос окуляры, склонился над картой на столе, — глупец же я был, Джев! Ответы лежали передо мной ещё в прошлый раз. Но я в гордыне своей предпочёл их не увидеть и сделал ошибочные выводы.

— Это все ваше? — прервала его Вимлин, ещё раз пробежалась взглядом по полкам, заставленным книгами.

— Эти издания собирались веками, — не глядя на неё согласился Ллойву, — им нет цены. И... благодарю, добрая Вимлин, без тебя нам бы пришлось вступить в неравный бой, — Ллойву выпрямился и взглянул на зардевшуюся румянцем деву. Дженве важно кивнул, соглашаясь. Марисса радостно прижалась к руке девушки, всем видом утверждая: «Вот видишь? Видишь, я же говорила!»

...Бой продлился не долго. Едва асатры приняли решение, как вперёд вырвалась Вимлин верхом на Черныше. Из злополучного мешка перед наступающим сбродом посыпались золотые побрякушки. Едва блеск их ласково поймало солнце, усилив во сто крат привлекательность золота, как первые же воины, позабыв про цель кинулись подбирать драгоценности. На них напирала те, что шли следом и вскоре между воинами завязалась драка. Оборотни, зашедшие с боков быстро обезвредили самых рьяных. Ллойву и Дженве с удивлением обнаружили, что стали воинам неинтересны. А раз так, то можно было ускользнуть, не вступая в бой. Ластва почти сразу вернулась, повинувшись зову хозяина, и пока люди рядились за золото, все четверо под прикрытием волков проскользнули к башне. Осадные орудия едва ли повредили её, а канониры почти сразу бежали, завидев серые волчьи спины. И теперь беглецы получили передышку под прикрытием несокрушимых стен. Как выбраться из ловушки, куда они загнали себя сами, Ллойву пока не думал, вопреки обыкновению, понадеявшись на везение. В конце концов, везло же им до сего дня, отчего не случится приятности и после...

— Что ты имеешь в виду? — Дженве с вялым интересом подошёл к карте. Всё те же фигурки на северной земле, картограф, без сомнений, хорошо поработал, но что здесь важного? За стенами кричали и переругивались осаждающие. Отчего-то совсем не трогала возня снаружи, и не думалось о будущем. Двери надёжно затворены, никто не проникнет в башню без ведома её обитателей.

— Можно нам погулять? — капризно протянула девочка.

— Да, да, только не заблудитесь, — рассеянно согласился Ллойву. — Я имею в виду, что понял всё не так.

Вимлин и Марисса, переговариваясь вышли, и эхо их голосов ещё долго перекатывалось в каменных стенах.

— Наш общий друг сказал, ищи внутри... Я долго думал, что же это значит. Он так настойчиво втягивал меня в эту историю... — Ллойву осторожно коснулся карты. — И понял только недавно, зачем...

— Он сделал из тебя няньку, — фыркнул Дженве, — очень удобно, я считаю. Для него.

— Это издержки, можно и так сказать, — улыбнулся Ллойву, — Но ключевую роль здесь играю не я. Я могу только стать катализатором...

— Ты про облаву? — Дженве обошёл огромный стол и плюхнулся в отцовское кресло. — Как она нам поможет?

— Возможно, никак, но вопрос здесь в ином, — Ллойву опёрся рукой о стол и взглянул на брата, — Асатры ушли с Аст'Элота и обосновались в новом мире, но мы про них ничего не слышали. Странно, не находишь?

— Слышали, — нехотя возразил Дженве, — отовсюду ходят слухи.

— Именно, слухи... — Ллойву задумался. — Я думал, «ищи внутри» это снова иносказательная метафора, но она имеет вполне конкретный смысл. Я только теперь это понял. Здесь, в этом мире, всё просто. Это нам хочется всё усложнять. Аст'Элот с древних времён был под защитой чёрной крови. Так должно оставаться и впредь. И во время сегодняшнего инцидента я в этом убедился.

— Говори яснее, я и так тебя не всегда понимаю, — Дженве зевнул.

— Иными словами, нам понадобится помощь, — Ллойву склонился к карте, — с самого начала эта партия была рассчитана на нескольких игроков. Нашей... моей ошибкой было думать, что я один на этом поле.

— Ты не один, — возразил Дженве, поигрывая пером в пальцах.

— Не один, — кивнул Ллойву, — и задача сейчас кратко увеличить наше число.

— Тут страшно, — Марисса осторожно взяла Вимлин за руку, сразу почувствовав её напряжение.

— Дурацкий, протухший склеп! — бросила Вимлин, смело двинувшись в очередной коридор, уводящий обеих вниз по спирали. — И воняет так же...

— Я хочу назад, — вдруг закапризничала девочка

— Да, брось, тут нет ничего страшного! — Вимлин из упрямства вдруг захотелось идти дальше. Пусть узнают эти высокомерные иллии, что Вимлин Калевала ничего не испугает. И помощь ей не нужна.

— Ты злишься, — вдруг выдала Марисса в тишине. Они уже удалились на пару уровней от кабинета, где оба иллиия спорили о чем-то. Разве она этого хотела, когда решила на столь опасное путешествие? Ещё и взяла с собой девочку, хотя здравый смысл подсказывал о полном провале этой затеи. Но Мара сказала, что ей надо ехать, и Вим согласилась. А теперь? Разве не благодаря её смекалке они вышли живыми из этой авантюры? И что же? «Благодарю, добрая Вимлин...». Кому нужна эта благодарность? А Дженве? Ему совершенно безразлично! Он даже ходил в уютный дом. Словно... Словно никого рядом не существует! «Так что да, Мара, ты права, я злюсь»

— Не надо, — прошептала Марисса, прижимаясь сильнее. Коридоры и комнаты были довольно темны, и если бы не прихваченный при случае факел, пришлось бы идти назад.

— Чего ты боишься? — Вим смело распахнула дверь одной из комнат и вздрогнула, когда перед ней выросла темная фигура. Она возвышалась над гостями, как судья, и Вимлин впервые почувствовала животный страх, подгибающий колени и заставляющий сердце пропускать удары. Мара вскрикнула и спряталась за спину. Вим подняла трепещущий в руке факел выше.

— Это вешало, — нервно хихикнула она, осторожно вступая на новую территорию. Это была чья-то комната. Повсюду полки с книгами. Наверное, здесь мог бы жить тот

неприятный господин со шрамом на щеке. Он же любит свои книги. Больше, чем всё остальное. И посреди комнаты высокое вешало из полированного дерева, а на нем черный плащ с глубоким капюшоном.

— Это всего лишь вешало...

— Давай уйдём! — проныла девчонка. Вечно она капризничает! Лучше бы оставалась немой. Надо было оставить её тому господину. Пусть бы нянчится с ней.

— Давай посмотрим, — прошептала Вим, и подошла ещё на шаг.

— Здесь жил недобрый человек...

— Откуда ты знаешь? — На полу нашелся огромный канделябр с семью широкими свечами, Вим осторожно зажгла все семь. Так и есть, в этой комнате много пыльных книг и ещё полка с рулонами карт, у стены — пыльный стол, а посреди стоит вешало с черным плащом. Интересно, зачем? Она стянула тяжёлую ткань с плечиков, накинула на себя.

— Вим! Не надо! Мне страшно! — взвизгнула девчонка и попятилась.

— Чего бояться? — девушка отбросила лишнюю ткань за спину. Тот, кто носил этот плащ, был высок. Наверное, как Дженве. Вообще эти иллии заметно выше. Почти на голову. С виду, как будто не отличаются, похожи на людей. И белые волосы, и глаза белые, отчего иногда становится страшно. Но как же Дженве сложен! Вим подсмотрела за ним ещё дома, когда он двигал блоки у стены. Уверена, если бы он обратил внимания на девушку рядом, у них получились бы красивые дети. Но он все время занят этим господином, своим братом. Словно нет его важнее!

— Не паясничай, — раздался мужской басовитый голос у правой руки. Вим вздрогнула и дернулась в сторону от страха, но кто-то тянул её за плащ. Тьфу ты пропасть! Это девчонка вцепилась в складки тяжёлой ткани. Марисса подняла голову и взглянула на Вим выцветшим почти бесцветными глазами.

— Нам требуется только дать им повод, — продолжила девчонка не своим хриповатым мужским голосом, продолжая подогрывать панику внутри.

— Эйсенгард всемогущий, — Вим почти сразу попыталась стянуть плащ с себя, но проклятые завязки не поддавались вспотевшим пальцам.

— Ллойву сделал нам одолжение, пусть умрет быстро, он заслужил... — не унимался девчонка, а Вим услышав знакомое имя замерла. Девчонка — провидица, может видеть и будущее и прошлое, ясно же. Ещё дома было понятно, только никто не захотел этого признать. Побоялись, что её назовут проклятым дитем, — Аст'Эллот снова покорится нам...

— Пошли назад, — согласилась Вим, справившись, наконец с завязками. Она сняла плащ и вытянула складки из кулачка девочки. Та сонно моргая взглянула на подругу. А Вим сказала плащ в колобок и крепко зажала его под локтем.

— Пойдем, покажем им, мне кажется, это будет интересно.

Марисса позволила взять себя за руку. Кажется, ей нехорошо. Вимлин затушила свечи и взяла факел.

— Пойдём...

Северная звезда превратилась в кипящий котёл после слухов о смерти тьярда. Как ни старался Олаф установить тишину над этим событием, слухи, как вода, просочились за внешнее кольцо и теперь горд гудел, как потревоженное осиное гнездо. Йорманды развернули войска и теперь, по слухам, торопились назад. У на подступах уже стоит лагерем Вилфур Смелый, йорманд сопляка Вакра. Говорят, их приветствуют, как героев.

Олаф сидел у стола в собственных покоях, размышляя о собственном будущем. Ни один из Старговых йормандов не присягнёт ему без денежных гарантий. Гордарские купцы, чьей благосклонность он пользовался до сих пор, не даст ему ссуду, потому как положение его стало шатко, как у акробата на ярмарке. Девовы воины пока хранили молчание и держались отстранённо, пока поддерживая порядок в городе, но в скором времени грозились отступить в свои крепости.

Требовалось что-то, что даст возможность взлететь на волне общего дела. Опасность... вот, что объединяет людей, угроза общему будущему. А что бы могло ею стать? Ответ нашёлся сам собой: земля на севере. Оттуда ползёт зараза демонитская, они отравили тьярда пользуясь колдунскими зельями, опоили придворную девку и мальчика, чтобы те подали Широкому отравленное вино. Стройно... И волею своей, Олаф Доевалд по прозвищу Хитрый принимает на себя тяжесть решений в этот сложный для таньёрда день. И очень кстати, что Вилфур Смелый подошёл к стенам, самое время направить его гнев на новую землю. Говорят, там много сокровищ? Так пусть возьмёт их. Знания? Пусть берут в плен каждого, кто похож на учёного мужа, а уж там они поделятся своими знаниями, палачи позаботятся об этом. А с сопляком Вакром всегда можно договориться.

— Так что? Куда теперь? — Дженве снова зевнул почти не скрываясь.

— Сюда, — Ллоюву ткнул пальцем в перевал в горах на карте.

— Что там? — Дженве даже привстал, чтобы лучше видеть.

— Новая колыбель, — Ллоюву снял окуляры и помассировал висок, — там мы найдём себе союзников. Это надо было сделать с самого начала, но я... ошибался. Успех на Аст'Эллоте вскружил мне голову.

— Ты, как обычно, много на себя берёшь, — Дженве поднялся и потянулся, разминая спину, — Может спать, а потом порешаем наши вопросы?

— Я бы сказал, у нас мало времени...

— Ты всегда так говоришь, и что самое противное, всегда прав, — недовольно заметил Дженве.

— Дай знать, когда я тебе наскучу, — рассмеялся Ллоюву. Громкий топот по ступеням ворвался в кабинет прежде дев. Первой забежала девочка, а следом и раскрасневшаяся от бега Вимлин со свертком под мышкой.

— Смотрите, что мы нашли! — выпалила Вим, взвешивая свёрток в руках.

— Что это? Платье? — с лёгкой досадой осведомился Ллоюву, — здесь жила наша сестрица, возможно тебе что-то подойдёт, но она несколько выше...

— Нет! — Вим, казалось, даже окорбилась. Она развернула свёрток и при свете узких окошек-бойниц заструился чёрный глубокий цвет плаща.

— Весьма символично, — согласился Ллоюву.

— Чёрный, как душа одного иллой, — рассмеялся Дженве, — даже проблеска нет. Ты понял, да Ловкач?

— Я понял, Джев, — снисходительно согласился его брат, — что сподвигло вас принести его сюда, милая Вим. Это просто плащ, такой крой носят на Аст'Эллоте, хотите такой же?

— Да, нет же! — Разозлилась девушка и бустро схватила Мариссу за руку, — вот послушай!

Она подсунула девочке плащ под ладонь, но ничего не случилось. Девчонка молчала,

только лишь хлопая огромными глазами. Было очевидно, что оба брата молчат и чего-то ждут из вежливости, и от этого становилось досадно и горько.

— Девчонка опять что-то увидела там, внизу, — нехотя сказала Вимлин, хотя надеялась показать и увидеть на лицах братьев хотя бы удивление. Проклятая девчонка! — Владелец плаща приказал убить тебя, — Вим кивнула Ллойву.

— О... — только и сказал неприятный господин, выпрямляясь ещё больше, — это не секрет, добрая Вимлин, — улыбнулся он. — Наша нелюбовь друг к другу выходит на новый уровень. Только и всего.

Вот как? Он знал... Вимлин отбросила плащ, и он лёг черным покровом на стол и кресло рядом.

— Вам надо отдохнуть, скоро мы выступаем дальше, — как ни в чем не бывало, продолжил господин, — здесь в подвалах, возможно что-то...

Его прервал упругий удар по башне, и снаружи закричали громче и яростнее.

— Что там? — Дженве подошёл к окошку. — Они бегут, Ловкач. Не знал, что твоё предложение трапезы столь оглушительно страшно звучит снаружи.

— Не дури, Джев, — Ллойву сорвался с места и поспешил прочь из кабинета, — их напугало что-то.

— Ждите тут, — тоном, что нельзя ослушаться, приказал Дженве, и Вим со страхом кивнула. Девочка зажмурилась и прижалась к Вимлин.

Дженве едва поспевал за братом, перескакивая по три ступени восходящей лестницы. Подумать только, не только дней назад тот лежал у костра безучастный ко всему, и вот, пожалуйста. Снова скачет, как одержимый. Такое Дженве уже видел, во времена, когда требовалось принять решение по Окто. Хорошим не закончилось. Для брата.

— Что там? — едва переводя дух спросил он.

— Мне кажется... — Ллойву распахнул дверь на смотровую площадку, где ещё оставались иссохшие, похожие на кукол, тела лучников. Так и есть на зубцах, скрывая крыльями небо, сидел эбонитовый дракон, опустив голову на гибкой шее вниз, к убегающим людям.

— Опа! — Дженве рассмеялся, — Процветай, приятель! Давно тебя не было!

На это дракон повернул к стоящим братьям клиновидную башку, величиной с вдвое больше каждого, в мерцающих первородным огнем глазах отразилось небо. Дракон переступил лапами и распахнул крылья, что тотчас истаяли и сжались, и вскоре перед братьями стоял Бес, как обычно, нагло ухмыляясь.

— И тебе здравия, — вкрадчиво сказал он. — Я расчистил вам дорогу...

— Ты утвердил перед ними зависимости, — возразил Ллойву нетерпеливо, — теперь даже тупица будет думать, что мы как то связаны! Твоя помощь иной раз только мешает!

— Смирись, — коротко бросил Бес, закладывая руки за спину. — Ты нашел выход?

— Думаю, да, если я правильно тебя понял.

— Видишь, я тебе понадобится, — Бес гадко улыбнулся. Дженве меж тем заглянул вниз. Бес действительно всех отогнал от стен. Плохо, что они, скорее всего, вернутся с подкреплениями. И когда это случится, беглецов здесь быть не должно. Времени, как Ллойву и говорил, почти нет.

— Соберу в дорогу дев, — бросил он брату, и тот кивнул.

— Я догоню вас...

Дженве поспешил обратно, а Ллойву взглянул Бесу в глаза.

— Я прав? — спросил асатр, — мне надо собрать черную кровь вместе?

— Прав ли ты, или я покажет время, — уклонился Бес от ответа. — Поступай, как считаешь правильным. Но не забывай, где кончается моё добродушие.

— Я могу не успеть, да? — Ллойву склонил голову к плечу, висок, тикающий болью, вдруг стал досаждать сильнее.

— Если отправишься сейчас, со мной, то успеешь.

— А Дженве? Марисса? Вимлин? Как же они?

— Они доберутся до Мелей, если будут осторожны. — Бес опустил голову. — Здесь нет правильных решений, благородный асатр дома Лир. Есть решения, последствия которых мы можем принять. Ты готов к этому?

— Джев? — Ллойву сглотнул ком в горле, — ты про него?

— Сколь бы пафосно не звучало, колесо судеб продолжает свой ход и набрало обороты. Делай, что должно. Никому из вас не уйти от своего предназначения, как бы вы не старались.

— Но как же Марисса?

— Она не сможет лететь с тобой, она пойдет в Мели с твоим братом. Я позабочусь о ней. Как делал до этого.

Значит ли это, что тот странный зверь, в Северной Звезде, что растерзал похитителя, происки Беса? Он покроет весь путь к Мелям алой кровью, если девочке что-то будет угрожать. И весь Аст'Эллот тоже, и не только его, если затея Ллойву провалится. Можно никогда больше не увидеть брата, и эту забавную девочку, и даже Вимлин, хотя она смотрит на него, словно перед ней что-то неприятное. Никогда не вернуться домой. Отец будет рад, вероятно, его желание может исполниться уже скоро. Сложный выбор. Но приемлемый.

— Готов? — глаза Беса разгорелись внутренним огнём, а на висках проступила ещё пара. Раньше зрелище отталкивало, теперь стало привычным.

— Я прощаюсь с Дженве, — Ллойву кивнул, — и сразу в путь.

Глава 30 в которой Ллойву почти возвращается домой

«Здесь я оставляю тебя,» — голос грохотал в голове, заглушая даже вой ветра. Ллойву стоял перед входом в ущелье, жалея, что не позаботился о тёплой одежде. Ещё один просчёт из многих. Чёрная тень, едва различимая в буране, начала растворяться, пока не исчезла совсем. Впереди узкий ход ущелья, едва освобождённого от снега, за спиной — склон, укрытый бурей. Ллойву сжал ладонь на рукояти кимейра, больше для успокоения, нежели почуяв опасность. Искра подсказывала, что рядом никого нет. Неужели он снова ошибся? В таком случае добираться до хотя бы люди будет сложно, без кродов, без теплого укрытия и еды он долго не протянет в этих горах.

Вдохнув пару раз, он вступил между отвесными скалами. Где-то здесь на новой для себя земле укрылись асатры. Они не могут оставить Аст'Эллот в беде. Хотя... однажды смогли. Но сейчас у них есть шанс оправдать себя и своих потомков. Чем глубже Ллойву уходил от света, тем очевиднее для него становилась мысль, что карта в башне — это ещё одна ловушка. Она не верная. И здесь просто снег и скалы.

И вот перевал между отвесными стенами открыл ему вид на обширную долину, уютно устроившуюся меж скал, подобно зелёному оазису среди снега. И немалую её часть занимал настоящий город! Карта не врала. Это здесь...

— Стоять! — Услышал Ллойву на илои за спиной, и всё ещё под впечатлением от приятной глазу картины, он поднял ладони. Из «слепой зоны» выступил статный илой, а следом показались и страты. Они смогли обмануть его! Надо же. Они научились маскироваться. Ллойву повернулся к асатру. Кажется это цвета дома Эниди: синий и золото. Только бы не Вайзе, этого иллоя он не помнил, возможно, кто-то из младших домов. Асатры позаботились о вассалах.

— Процветай, страж, — обратился к нему Ллойву на илои. Кажется, вышивка с гербом на груди всё ещё присутствует, его должны опознать. — мира твоему дому.

— Мира, — согласился асатр, приглядываясь к пришельцу. — Назовись...

— Моё имя Ллойву Изольтар Найова Лир. Вторая Искра дома Лита...

— Не узнал, простите, — смутился страж, — вас... проводят, господин Лир... сей же час.

Сей же час. Даже голова закружилась от вкуса ностальгии и радостной встречи с утраченным. Но нельзя поддаваться эйфории, надо вспомнить зачем он здесь. И потому, когда ему предоставили крода и сопровождение, он только молча восхищался, как быстро асатры отстроили свой прекрасный город, сколь чисты улицы и аккуратно построены дома. Спустившись в долину, Ллойву расслабился, внизу заметно теплее чем у перевала, даже растёт трава в палисадниках и кое-где цветут неприхотливые цветы. У люди такого не встретить. Строили здесь в основном из камня, и Ллойву заметил небольшие курящиеся паром желоба прямо на улицах. Они нашли горячие ключи! И построили дома прямо над ними! Небольшая процессия спустя время проехала к центральной площади. Их провожали взглядами, кто-то узнал его и приветственные крики донеслись до слуха. Не ожидал. Разве они ещё помнят Ллойву Лира? Он обернулся и приветливо махнул рукой. Нет, этого иллоя он не помнил. Перед широким крыльцом с колоннадой его сопровождающие спешили, приглашая сделать то же. Всё в той же жемчужной тунике, наполовину скрытой тёплым

плащом вышел на мощёное камнем крыльцо Тиллу Гайо.

— Ллойву! Глазам не верю! Ллойву Лир! — и полез обниматься. Ллойву терпеливо переждал объятия, но едва Тиллу отстранился, как на госте повисла с визгами Милле.

— Ллойву! Ты пришёл! Наконец-то!

— Ллойву, — Гекато Вайзе тоже вышел поприветствовать, коротко кивнул, давая понять, что будет мириться с присутствием, но вовсе не рад.

— Боги! Мы и не ждали! Где же твой брат? — Тиллу приобнял гостя за плечи, вглядываясь в собирающуюся за спиной толпу.

— Мы расстались, — Ллойву поцеловал сестру в щёку, а она в ответ прижалась крепко с левого бока. — Есть разговор...

— Боги, боги, проходи, конечно, — Тиллу широким жестом пригласил гостя в дом, — ты голоден? Устал? Что-то нужно? У нас пока не всё налажено, но мы обустроиваемся...

— Я вижу, да, — стало даже неловко. Он так счастлив в новом мире и сейчас придётся втянуть их в новое противостояние. Даже перехватило дыхание и закололо в груди, и Ллойву невольно оступился. Тиллу прижал гостя крепче.

— Не падай, у нас есть доктор, я помню о твоих сложностях... Желаеть, он посетит тебя?

— Нет, нет, — от запахов, знакомых с детства, от дорогих сердцу лиц, от невыносимой тяги, что придётся нарушить эту идиллию, Ллойву вдруг почувствовал сильную усталость. Настолько, что каждый шаг давался с трудом и закружилась голова. Сколько он не спал в нормальной постели? Уже месяц точно, и одежда сильно потрепалась за время путешествия.

— Прходи, устроим праздник!

Кажется это зал собраний. Посередине стоит большой стол, и сейчас его суетливо заставляли нехитрыми яствами: хлеб, сыр, мясо, печёные овощи. И сама зала начинала заполняться любопытными.

— Не все знают Ллойву Лира в лицо, но многие слышали, — радушно посмеялся Тиллу, приглашая гостя присесть. — Настоящий герой! Ты опустил остров! Не каждому такое под силу!

— Я был не один, — голова предательски кружилась, приглушая звуки и размывая всё, что находилось в паре шагов, — Это по большей части Дженве, Рошгар Вайзе был там... и Тонру с Лимом, твои племянники... я думал, ты знаешь...

— О, эти лентяи ничего не сделают без хорошего пинка! — рассмеялся Тиллу, присаживаясь рядом. Задвигали скамьи, рассаживаясь за стол.

— Они... повели себя... достойно, — Ллойву неловко огляделся, не видит ли кто его слабости.

— Милый Ллойву, — оказывается по левую руку сидела Мильен, — после последней нашей встречи я подумала, что никогда тебя не увижу! И вот ты здесь!

— Говорили, ты отправился к прародителю! — поддакнул кто-то слева.

— Кто?... говорит? — воздуха не хватало, надо успокоиться.

На этот вопрос ему никто не ответил, зато воздух запахом хмелем и съестным.

— Угощайся! — Тиллу подлил в бокал чего-то ароматного из кувшина, а на столе в тарелках начали сервировать обед. — Альма, наверняка будет рада, что ты жив. Её последний муж пропал без вести...

Какое ему дело до последнего мужа Альмы Гайо, тем более, что этого иллойа он убил собственноручно?

— Меоке скоро вернётся, они уехали на охоту в горы! — Мильен положила голову на плечо, — я так рада, что ты жив... ты не представляешь... Нас осталось так мало...

— А где отец? — Ллойву погладил сестру по пепельным волосам, — разве... он не здесь?

— Нет, он то появляется, то исчезает... Он сказал, мы вернёмся домой, я так этого жду, Ллойву, я так соскучилась... Он поклялся...

— Кстати об этом... — как же больно. — Тиллу, нам надо поговорить...

— Ты опять? — возмутился здоровяк, — отдыхай, ты, верно, устал, взгляни на себя! На Аст'Эллоте ты выглядел лучше! Думаю, тебе надо показаться Валлару.

— Это срочно...

— Сначала трапеза, — Тиллу Гайо хлопнул в ладони, прося тишины в гомонящем зале. — Внимание!

Все замерли и тишина опустилась вокруг.

— Сегодня к нам вернулся Ллойву Лир! Освободивший нас от власти Окто! И вернувший нам наше наследие! И мы, — здоровяк встал, взяв бокал в руки, — рады приветствовать его среди нас! Ты вернул нам надежду! Процветай, Ллойву! Видят боги, ты всегда мне нравился, хотя твои идеи подчас и кажутся безумными!

— Процветай! — понеслось со всех сторон и зазвенел бокалы.

— Правда, здорово? — Мильен сжала его руку, — мы снова будем вместе! Здесь...

— Говори... — тяжёлый, сиплый голос рыцаря не оставлял сомнений, враги рода человеческого будут повержены, если не сейчас, то вскорости. Один из йормандов тьярда, Виллур Оллсон, получивший прозвище за свои деяния — Кровавый, приосанился перед рыцарем. Да кто такие эти истинники, чтобы приказывать самому йорманду? Хоть тьярд и вступил с этими фанатиками в союз, но что они знают о настоящей резне? Ничего.

— Мой йорм готов, светлый, — отвечивал йорманд, — мы встали на позиции. Лучше идти под прикрытием леса.

— Ты один? — услышал йорманд.

— Ливтиг зайдет с востока, у него легкая конница.

— Хорошо... Нас ждут?

— Говорят, Грольссоны собрали армию.

— Скажи ему, пусть платит, и останется жив.

— А Калевала?

— Тьярд просил стереть род с его земли. Говорят, они приютили колдяков, и навлекли на себя проклятье... Вели людям выступать. Не надо ждать. Пусть все знают, что их ждёт. Вели вешать отступников вдоль дороги. Устроим им «Правосудие Девы». Коли спасение будет даровано, то даровано, нет — пусть подыхают в муках.

— А вы? — впервые йорманд вдруг оробел, когда рыцарь поднялся, стукнув нагрудником о стол. «Правосудие Девы» — казнь, что применялась в последний раз к тьярдовым отправителям. Как раскрыли заговор, так и всех под одно. Кровавая расправа в назидание остальным. Видел йорманд ряды высоких шестов с поперечинами и прибитыми к ним отступниками. Каждому вскрывали брюхо, дабы усилить страдания. Последний издох на пятый день.

Алая лилия на груди поймала кровавые отблески от светильника.

— Как вы узнаете чистых от проклятья?

— Дева нам укажет, коль она смолчит, то значит, всех предать огню и смерти.

— А если не будет знака?

— Значит будет полыхать всё... Вели выступать и не жалей никого.

— Ты в уме, Ллойву Лир? — кажется, это он уже слышал, но сейчас слишком устал, чтобы посмеяться иронии. Трапеза закончилась. По просьбе Ллойву главы домов остались для беседы, хотя Тиллу настаивал, что гостю необходимо отдохнуть. Даже дядя, Алани Лир, ввиду отсутствия отца, был здесь. Ллойву был не против отдыха, но что-то подсказывало, времени совсем нет. И даже час отдыха будет стоить чьей-то жизни.

— Мы не вступим в войну! — резко бросил Гекато Вайзе. — Как твой язык поворачивается просить о таком?

— Поймите, Аст'Эллот будет разрушен. Мы можем спасти его. Вы... — Ллойву даже не нашел в себе сил встать, и говорил сидя за столом, с которого убрали все съестное, оставив лишь кубки с хмелем. — Вы можете. Разве не это для асатров первоочередная задача? Статос указывает нам на это прямо.

— Статос утратил силу, — фыркнул Гекато, — насколько я понимаю, они предпочли о нас забыть! Так пусть справляются без нас!

— Но тому была причина, — Ллойву повернулся на скамье к говорящему, — отчуждение Окто стало шоком для всех, и они в обиде на нас, тех, кто испокон веков защищал остров. Пришло время всё исправить.

Ллойву замолчал и тишина заполнила залу. Хотелось сказать многое: про долг, про то, что иллои даже стёрли свое общее прошлое с асатрами, назвавшись эллотами, как в давние времена, про то, что с людьми необходимо договориться. Но дыхания не хватало, и слабость одолевала все сильнее. Ни в одном голосе он не уловил поддержки. Тиллу молчал, Гекато Вайзе был однозначно против, дядя Алани стоял так тихо, что казалось, его нет. Тонру Оластери только сопел на всю залу. Было ясно, что каждый сейчас решает для себя, что ему ближе: свой уютный благоустроенный мирок или чужой теперь остров, что когда то был Родиной для всех.

— Это нужно для ваших потомков, — снова начал говорить Ллойву, — ваши деяния дадут им шанс вернуться назад, создать нечто новое, не множить ненависть, а стремиться к миру.

— Здесь сложно стремиться к миру, — фыркнул Тиллу, — кто изуродовал твоё лицо? Ты отомстил обидчику?

— Это не имеет значения, — Ллойву коснулся пальцами шрама. Наконец, он зажил, перестали пропадать буквы в словах и нет вкуса крови во рту. — Но если для вас это важно, я убил его.

— Стремился ли ты к миру в тот момент? — усмехнулся Гекато.

— Это была личная неприязнь, — возразил Ллойву, — мы сейчас говорим о целом народе. Нашем народе...

— Наш народ весь здесь, — Тиллу обвел рукой вокруг, — и мы приглашаем и тебя. Присоединяйся к нам. Твои знания помогут нам обустроить наш новый дом.

— Аст'Эллот испокон веков был под защитой черной крови, так пожелали ушедшие от нас боги. Разве нет? — Ллойву набрал воздуха вгрудь для последней попытки, — и мы обязаны были его защитить. Тогда и сейчас. Сейчас ему снова грозит опасность, и мне нужна помощь. Я прошу вас, помогите, и сможете вернуться с чистой незапятнанной

совестью...

— Что? — Гекато Вайзе взвился к небу на коне гнева, — ты смеешь нас упрекать в нечистой совести, мальчишка?

— Он, верно, имеет в виду, что мы не стали бороться с Окто, — возмущённо заметил Оластери.

— Наша задача — сохранить наше наследие...

Ну, вот, опять. Ллойву невольно положил правую руку на грудь, где, выламывая последние резервы билось, сбиваясь с ритма, сердце.

— Поймите...

— Нет, это ты пойми, — Гекато подошёл ближе и опёрся о стол, почти нависая над гостем, — мы вытянули счастливый билет, получили возможность к новой жизни. Да, ты смог опустить остров, да, тебя сочли героем, но мы с тобой оба знаем, что ты всего лишь авантюрист, Ллойву Лир. Твой подвиг — это везение. Вся твоя жизнь эта игра с удачей. И второй раз тебе может не повезти. И ты посчитал, что придя сюда сможешь увлечь нас свою очередную авантюру?

— Я... — откуда столько ненависти? Ллойву понял, что не сможет ответить. Он снова ударился о стену практицизма и твердолобости. Хотя... Они желают сохранить свои вновь обретенные жизни. Отчего нет, их можно понять.

— Отчего нет? — выступила вдруг Мильен, подходя ближе. Ллойву почувствовал её ладони на своих плечах, — вместо того чтобы выращивать здесь цветочки, мы можем помочь Аст'Эллоту. Почему нет? Если мы сможем вернуться? Ллойву прав, это наш долг.

— Милая дева, — с долей яда парировал Гекато, — Ваш отец четко дал понять, что необходимо для этого. Ступайте к себе! И не мешайтесь здесь... Вам разрешено присутствовать лишь по прихоти уважаемого Тиллу...

— Я посчитал, что дева сможет придержать мнение при себе, — прогудел Тиллу, оправдывая свою прихоть. — Но ей полезно послушать...

— Что же необходимо? — глухо спросил Ллойву, поворачивая голову на звук, ибо зрение подвело его совершенно. — Он сказал вам?

— Мы ждём, — заносчиво воскрикнул Вайзе, — так называемые эллоты столкнутся с людьми и поймут что без асатров их просто сотрут с лица земли! Что они как были, так и остались никем! И их предназначение, это служить нам!

— То есть, он желает, чтобы остров был разрушен до основания? — так же глухо уточнил Ллойву, и Вайзе замолчал, потому что понял, что сказал слишком много. — И вы в своих белых, незапятнанных мантиях войдёте на руины победителями? Так он это видит?

— Ллойву, — ладони Мильен успокаивающе поднялись, а потом снова опустились на плечи, — успокойся.

— Вы! — но волну гнева было уже не остановить. Ллойву поднялся, игнорируя руки сестры и собственные потребности, — вы ждёте, как падальщики, пока волки загрызут вашего жертвенного быка, чтобы затем разделить добычу? Как измельчали ваши дома, господа...

— Ллойву, — Мильен прижалась к нему всем телом, не давая упасть, — присядь.

— Я думал, что найду в вас пример для подражания! Я ошибался, считая вас лучшими представителями домов. Вы просто... черви... — выдохнул он. — Ничтожные пожиратели падали...

— Ллойву... — Мильен усадила брата на скамью и расстегнула верхний крючок на

тунике, давая ему дышать, — успокойся, слышишь? Дыши!

— Черви... — выплюнул Ллойву бессильно, уже не контролируя себя. Голова закружилась, полностью лишая слуха и понимания, где он находится. Тело, словно обескровили, кто-то сжал в кулаке сердце, и этот кулак все сжимался и сжимался, не давая вдохнуть. Кажется, его повело в сторону. И только голос, так похожий на голос матери: «Дыши, дыши, Ллойву». Звуки стёрлись из его картины мира и лишь огромный пылающий шар в полмира расправил огненные щупальца. Окто. Он вернулся, потому что Бес не сможет сюда войти. Кровь последних богов убивает его, и он не станет рисковать.

«Дыши...»

Глава 31 где Ллойву находит то, на что даже не рассчитывал

— Куда делся твой брат? — уже пару дней Вимлин пыталась разговорить своего кумира, но тот оставался безмолвным, словно после той башни на него наложили заклятье молчания. Единственная тема, что хоть как-то могла расшевелить проводника — это тот неприятный господин, исчезнувший как-то сразу после странных событий в башне. Что произошло, для Вимлин так и осталось загадкой, она постаралась списать всё на особенности проклятой башни. Может, того господина поглотила пучина черноколдунства? Кто знает... Но после тех странных звуков, что встревожили обоих, прибежал Дженве велел всем собираться. Вимлин в торопях побросала всё, что необходимо в тот самый злополучный плащ, завязала узлом и поспешила на выход. Потом Дженве встретились с тем господином долго разговаривали, после чего первый замкнулся в себе, а второй исчез.

Пробирались скрытно, Мариссу подсадили к Вим на пёстроного зверя, словно Ллойву исчез и никогда больше не вернётся. Это было странно. Девчонка тоже ехала молча, словно опять утратила дар речи. Встретил бы их хоть кто, подумал бы, что она немая. Дженве велел накинуть плащ на плечи, чтобы скрыться в тених. Пришлось ехать в глубоких сумерках, Дженве вёл вперёд, утратив львиную долю своего добродушия, словно исчезнув, тот господин поделился с жизнерадостным братом своей мрачностью и занудством. Продвигаясь вперёд, к Мелям, Вим отмечала себе и огни у тракторов, и грохот лат и оружия. Что-то происходит, это точно. Только бы дома всё было в порядке.

— Где он? — Вимлин дёрнула Дженве за рукав. Скоро Мели, осталось совсем немного, подняться по серпантину, и они дома. Что же потом? — Почему ты молчишь?

— Мне нечего сказать, добрая Вим, — отозвался Дженве тихо, как эхо самого себя, — он отправился по важному делу...

— Почему мы не отправились вместе с ним? — не унималась девушка. Дженве что-то тревожит, это очевидно.

— Потому что там, куда он отправился очень опасно для вас, — голос Дженве стал ещё тише, — вам надо вернуться домой.

— Стойте! — Прямо перед ними вырос патруль из пятерых мужей с факелами и весьма угрожающими топорами на поясах. Вимлин со страхом искала алое перо на рукавах. Нет... Нету, зато на поясе одного из воинов висит волчий хвост. Это люди отца! Это из Мелей!

— Это мы! Мы! — Вимлин откинула глубокий капюшон, — это я, Вимлин Калевала! Отец, верно, дома?

— Дева Вимлин? — удивился один из воинов. И атмосфера сразу потеплела. — Вас ищут по всему теньёрду!

— Ваш отец вернулся...

— Вам надо к нему...

Вимлин кивала, терпела поглаживания по плечам и позволила увлечь себя вперёд, оставляя Дженве за спиной.

— Грядёт война, — рубанула слух фраза, — негоже деве скитаться по свету в компании чужого мужа...

— Война? — Вимлин растерянно оглянулась и встретила лишь суровый спокойный взгляд бесцветных глаз. Словно он знал. И готов. Война... От этого слова сжималось где-то

внутри, и тянуло невыносимой тоской к дому. Война...

— Что ж, попытка была, — в этот раз отовсюду бил невыносимо яркий свет. Бес растворялся в потоках сияния, исчезая и снова появляясь в новом месте, — жаль, неудачная...

— Мне жаль, — Ллойву понял, что он не может двигаться, не может повернуть голову, ничего не может. Он был одновременно везде и его словно бы не было вовсе. — Мне правда жаль...

— Я тебя не виню, — Бес вздохнул или показалось только, — и ты прости меня, это было выше твоих возможностей. Я ждал такого исхода, но позже. Теперь... Я хочу тебя кое с кем познакомить.

— Зачем? — Всё казалось пустым и никчёмным. Кажется, он не сможет вернуться, он не помнит дороги, и не знает, что нужно сделать, чтобы очнуться. Это же не сон? Нет, не сон. Это нечто иное, более глубокое и медитативное. Это покой. Его обещал этот неземной свет, что лился отовсюду.

— Нет, нет, подожди... Ты не отделаешься так просто.

Пришлось снова обратить внимание на Беса. Неугомонный. Неужели не ясно, что всё закончено.

— Нет, мы не закончили. Тебя подлатают... не смей обижать её, она — самое ценное что у меня есть.

Она? Марисса?

— Нет, кое-кто ещё...

Свет начал угасать, и это была катастрофа, потому что без него не будет покоя, будет лишь вечное блуждание. Бес растворился в потоках, а на смену ему пришло новое чувство. Словно полёт в бездне, да, так и было, он, Ллойву, летел, поднимаясь над всеми заботами всё выше и выше, хотя невыносимо трудно было скользить сквозь свет. Кто-то планировал рядом, не давай упасть, сдастся, отступить, дарил силы, ласково, как мать в колыбели касался груди, достигая сердца. Кто-то... И в пике своего полёта, не выдержав напряжения Ллойву упал. Стремительно, как кусок земной тверди.

— Слава богам, ты очнулся, — Ллойву почувствовал женские руки на своих щеках. Это не может быть мать, это Мильен, её голос так похож. Такой тихий, чувственный и родной. — Доктор сказал, что сердце остановилось. Дилетант, — Мильен положила голову на грудь брату, — я слышу, как оно бьётся. Тук-тук, тук-тук... Ты жив... — И тёплые руки обняли его за плечи.

Полежав ещё немного, Ллойву вспомнил всё, что предшествовало удару. Ему отказали в просьбе о помощи. Значит, придётся справляться самим. Ллойву открыл глаза. Небольшая комната с чистыми, крашенными белой краской стенами, в окно над головой бьёт яркий солнечный свет. А он, Ллойву, лежит на кровати, стоящей у стены, прямо на покрывале, туника расстёгнута. Комната пуста за исключением их двоих.

— Я не для того нашла тебя, чтобы потерять, — Мильен не размыкала рук.

— Как долго... я... здесь? — Ллойву предпринял попытку подняться, но Мильен не позволила ему этого.

— Ночь и полдня, ты наделал переполоха. Видел бы ты их лица, — Мильен издала звук похожий то ли на смешок, то ли на всхлип. Ллойву не видел её лица на своей груди, но по

увлажившейся рубахе понял, что она плачет. — Надутые индюки... Они сразу вызвали доктора Аалто, он сказал, что у тебя остановилось сердце. Но я не поверила. Они все всегда врут... видишь, ты живой.

Ллойву положил ладонь ей на спину, под пальцы попался локон волос. Захотелось растереть его в пальцах, и Ллойву не упустил удовольствия почувствовать тонкую текстуру пряди. словно шёлк.

— Я никогда не думала, как сильно я буду по вам скучать, — всхлипнула Мильен, — по тебе... и по Дженве... по Меоке... Я хочу чтобы мы все вновь были вместе, как семья... Здесь... Почему так нельзя?

— Потому что, Мильен... в этом мире... мы не одни, — Ллойву вдохнул, пробуя свои возможности, и грудь в этот раз не отозвалась болью. Можно дышать и жить дальше. Удивительно, Бес не обманул. — И у нас есть обязательства...

— Мне кажется, они есть только у тебя, — фыркнула Мильен сквозь слёзы, — оставь их, живи с нами, прошу...

Ллойву помолчал. Слабость во всём теле не позволяла подняться, и одолевала мысль, что он безнадежно опаздывал.

— Я не могу так, Милле, — он чуть повернул голову. Грубо сколоченный стол у изголовья, а на нём какая-то микстура в пузырьке. Судя по запаху валериана и что-то ещё. Доктор Валлар бы сказал: «Дилетанты! Валериана при сердечном ударе бесполезна». Но его здесь не было, был доктор Аалто. — Я дал слово...

— Забери обратно, — Мильен повернула голову, вытерев слёзы о рубаху на груди, — собственная жизнь важнее...

— Не всегда, — Ллойву взглянул, сколько позволяло положение, сестре в глаза, — иногда важнее дать её другим, Милле.

— Им наплевать на тебя, — прошептала астера, прижимаясь ухом к груди.

На это Ллойву не нашелся, что ответить. Только понимал, что если отступит он, то случится худший из вариантов.

— Ты останешься? Я уговорю их...

— Зачем? — Ллойву попытался приподняться.

— Асатр Вайзе решил, что ты нанес им всем оскорбление, — вздохнула Милле, — и требует изгнать тебя прочь. Единственное, что спасло тебя, это случившийся с тобой удар. Может, ты извинишься перед ними и все будет как раньше?

— Нет, — категорично отрезал Ллойву, — Я не желаю жить здесь, зная, что из-за моей трусости гибли иллои.

— Это не трусость... — неуверенно протянула Милле, поднимаясь и вытирая слезы.

— Это именно она, Мильен, не лги себе, — снова закружилась голова от волнения, и пришлось заняться дыхательной гимнастикой. Но на удивление, Ллойву чувствовал себя лучше. словно что-то произошло, чего он не мог объяснить и поверить. Чудо, это называется чудо. И он знал, кто это чудо, в который раз для асатра, сотворил.

— Я должен ехать, — Ллойву с трудом поднялся.

— Куда же? — растерянно спросила Мильен, не смея препятствовать брату.

— Дженве меня ждёт, мы договорились о встрече... Только я обещал ему, что приду не один...

— Мы собрали двести пятьдесят голов, — докладывал йорманд, не глядя ни на кого.

Дженве стоял у стола, на котором была разложена карта, а на ней чурочками со вставленными красными пёрышками обозначены позиции Доенвальдовых сотен. — Конницы. По три сотни воинов ждут у переправы. Можем выступить хоть сейчас.

— Что говорит юный Вакрсон? — задумчиво спросил Джарий, глядя на карту.

— Прилетела птица, он вытянул Хитреца на переговоры. — Вставил своё слово высокий, седовласый людь. — Но я бы не стал доверять восточным лисам. Они будут торговать для себя. А мы снова попадём под удар.

— Тогда не будем ждать. Будем говорить с позиции силы.

— С юга идут тяжело вооруженные рыцари с лилией на стягах. Их много, — вставил своё слово один из йормандов.

— Что истинникам надо на нашей земле? — Съёвл Грольсон, широкий, с густой тёмной бородищей, подоткнул бока кулаками.

— Они в союзе с тьярдом, — Джарий положил пару чурок на ленту западного тракта. Картина выходила безрадостная. Со всех сторон северные тьёрды поджимали войском.

— С почившим? — уточнил Съёвл.

— Это точно? — уточнил кто-то, — что жирная свинья сдохла? — и сразу со всех сторон загомонили, закричали.

— Издох, как собака...

— Хитрец готовится взять власть.

— Туда и дорога...

— Что же они не отступят?

— С ними мы не воюем...

— С ними можно договориться!

— Встретим их у Седой пади, там и поговорим.

Джарий взглянул на суровое лицо своего гостя. Дженве как и в прошлый раз молча слушал, не встречая.

— Ты с нами? — спросил Джарий, коснувшись плеча. В последний раз чужак отказался, сославшись на то, что желал быть в стороне. Что он скажет теперь? Джарию казалось, что он в неоплатном долгу перед теми чужаками, что вернули его к жизни и вернули невредимой дочь. Сейчас казалось важным, держаться вместе.

— Да, я с вами, — холодный, отчуждённый взгляд пробирал до костей. Что-то произошло с ним за время его путешествия. Что-то тревожит душу, заставляя её покрываться толстым слоем льда, что отражался сейчас в глазах. — До конца, каким бы он ни был...

— Останься!

Мильен по настойчивой просьбе проводила брата к кродовням, где отдала ему личного крода в пользование и теперь смотрела, как Ллойву седлает животное, чтобы отправиться в дорогу. Больше никто не вышел проводить его, хотя многие встречали, как героя. Что стало с этими иллоями? Один удар и ты падаешь с пьедестала, возведённого ими же для тебя. Словно колосс из песка.

— Ты же не воин, Ллойву, ты и сам это знаешь! — шансов уговорить нет, но можно утешать себя мыслью, что она хотя бы попыталась. Ллойву провёл в постели ровно столько, сколько было необходимо, чтобы встать на ноги, и сразу собрался в дорогу. Старейшины хранили молчание, игнорируя гостя полностью, словно не было встречи и чествования пару дней назад. Как быстро можно потерять их благосклонность.

— Я обещал, Милле, и потом, это то, что мы должны сделать... — Ллойву подтянул ремни у седла. Внутри всё застыло от наступающей безысходности, даже проблемы со здоровьем отодвинулись на второй план. Сейчас внутри билось настойчивое желание быть в другом месте.

— Кто мы?

— Я и Джев, я не могу его оставить одного?

— Но... — Мильен прикусила губу до крови. Старейшины отказали брату в поддержке. Мало того, велели ему убираться прочь оттого, что посчитали себя оскорблёнными из-за последней выходки. Будь эти старики помоложе, а Ллойву покрепче, дело закончилось бы Кейме, но к счастью, эти дураки слишком трусливы, а брата хватил удар прямо на заседании. Громче всех выступал Гекато Вайзе, а остальные молча согласились. Это проклятье молчания, когда говорит один, а остальные соглашаются, хотя в глубине души, возможно, и рады возразить. Но Ллойву прав. Был прав тогда и сейчас тоже. Отчего они не видят этого? Не хотят видеть. Это общее дело. Теперь она начала понимать это, и понимать брата, его одержимость и стремление к справедливости. Советник, возможно видел всё это в сыне, и отцу претило, что его личные установки не позволяли быть хоть на пядь выше отпрыска. Это зависть, потому что за Ллойву она бы пошла... и не только она.

— Процветай, Милле, быть может, мы увидимся потом, — Ллойву забрался в седло.

— Да, — Мильен хотела сказать ещё многое, но сдержалась, только лишь махнув рукой, провожая брата в путь. Ллойву вывел крода на укатанную дорогу. Мильен долго смотрела ему вслед, пока он не стал похож на крохотную фигурку на склоне.

— Я слышал Ллойву вернулся, где он? — к кродовням спустился Меоке, загоревший и бодрый.

— Он уехал, — Мильен оперлась спиной о столб открытых ворот и взглянула на сводчатый потолок. Кроды протяжно завывали, чувствуя её тоску.

— Даже не повидались, — фыркнул Меоке, присаживаясь на небольшую чурочку у входа. Взглянул с ожиданием на сестру.

— Что? — Мильен обратила на него внимание.

— Мне тут порассказали в общих чертах... Ллойву как всегда, в своём репертуаре. Я даже пожалел, что не видел, как он вставил этим занудам штырь в задницы. Признавайся, сестрица, ты что-то задумала...

— Если даже и так, ты бы поддержал меня? — лукаво улыбнулась Мильен, — Как Ллойву? Они со старшим братцем всегда были не разлей-вода. Я даже завидую. Почему у нас с тобой нет такого?

— Смотря о чём речь, — Меоке устроился удобнее, приготовившись слушать, стряхнул грязь с сапогов, — рассказывай...

Никто не препятствовал Ллойву при выезде, и он спокойно преодолел склон, а после и ущелье, выехав снова на заснеженную балку. Буря улеглась и теперь открылась величественная картина. Долина, цветущая в ожидании недолгого лета и голубоватые хребты в дали. Новая, прекрасная земля, что никак не могла усмирить своих обитателей, бесконечно воюющих друг с другом. Где-то далеко виделись тёмные пятна армий, а ещё дальше терялся в дымке и Аст'Эллот. Они уже рядом. Надо успеть. Руки пощипывало холодом, а дыхание поднималось к небу облачками.

— Рад тебя видеть в добром здравии. Ты же понимаешь, что не пройдёшь здесь, —

услышал Ллойву знакомый до боли голос.

— Надеюсь, когда всё закончится иметь возможность убить тебя, — ответил асатр, склоняясь в седле к чёрной голове у морды крода. — Уж очень хочется.

— Получишь, ты всё получишь, благородный асатр дома Лир. Они не послушали тебя? — Бес поднял лицо к свету, щурясь довольно, как кот.

— Они следуют иному плану, тому, что придумал отец, — нехотя отозвался Ллойву, признавая своё поражение.

— И что же это за план?

— Уничтожить всё чужими руками, чтобы затем возвести новое.

— Отличный план, — сощурился Бес, придерживая рукой повод крода.

— Отличный план, — эхом повторил Ллойву, пытаясь понять, что происходит там, в дали. — Что Дженве? Он довез дев до места?

— Да, они добрались без происшествий. Твой брат хорош в планировании и скрытности. Даже моя помощь понадобилась всего раз. Теперь у нас самая масштабная задача.

— Он хорош во всём, — улыбнулся Ллойву, потом посерьёзnel, — у нас?

— У вас, сейчас идут мелкие стычки между южанами и местными. Но не за горами решающая битва...

— Я должен быть там... — Ллойву глубоко вдохнул, словно пробуя свои возможности. Всё в порядке. Словно не было удара пару дней назад. Это сродни чуду. Он знатно задолжал судьбе за все свои воскрешения.

— Не сразу, — возразил Бес, растворяясь в воздухе. За спиной послышался топот ещё одного крода. Ллойву оглянулся, опасаясь увидеть погоню. Рукоять кимейра привычно легла в ладонь.

— Ллойву! — Это всего лишь Мильен, довольная, как никогда. — Ты не взял провиант!

— Я надеялся ускорить свой отъезд, — как не хотелось отрицать, но Ллойву был даже рад увидеть сестрицу в походном мужском одеянии. Ей идёт. — Что ты здесь делаешь?

— Привезла тебе одежду... и провизию, — Милле похлопала по мешку, навьюченному на спину крода за седлом. — И я еду с тобой!

— Нет, нет, нет, это не твоя война Милле! — Ллойву нахмурился, — это опасно, вернись сей же час!

— Это и не твоя война! — дерзко возразила астера, и не думая возвращаться, — я еду с тобой, и не смей мне возражать! Я обладаю Искрой так же как и ты! Ты всего лишь второй после Дженве и точно не отец, ты не можешь мне приказывать.

— Милле... — Ллойву покачал головой, придумывая аргументы, но не смог найти ни одного. Она имеет право быть там так же, как и он. — Меоке знает? Хоть кто-то?

— Им наплевать! А Меоке нас догонит чуть позже, сказал, что обеспечит нам подкрепление.

— Что? — рассмеялся Ллойву, — Милле, никто не даст нам подкреплений! Мне было сказано об этом напрямую!

— Ты просто не там ищешь, братец, — Мильен подмигнула, — нет смысла пытаться расшевелить этих зачерствевших стариков.

Ллойву замер. Он не принял в расчёт молодую кровь, и это стало ещё одной его ошибкой. Слишком их много, слишком много...

— Ну, что, в путь? — Милле бросила брату свёрнутый тёплый плащ, — я так понимаю,

мы спешим?

Глава 32 в которой Дженве обретает новые обязанности

— Пусть танцует! — гоготал захмелевший гость, — заставь её!

Иритийка несмело оглянулась на хозяина и получив милостивый кивок, начала свой танец сначала. Округлые движения обнажённых рук завораживали, а искрящийся шёлк на бёдрах заставлял всех гостей нетерпеливо ёрзать на скамьях. Руки танцовщицы взлетали к своду и опадали, рассказывая о далёких, недостижимых землях, об опасных путешествиях и дальних переходах, где можно взять в рабыни вот таких же гибких, как лоза дев. Вино и пиво лилось рекой и Хитрец уже подумал, что пора бы поговорить с Латидом Вакром, прибывшим в столицу на переговоры, что можно увлечь его в уединённые покои и потолковать по душам.

— Ещё! — масляно облизнулся южанин, ухмыляясь в жидкую бороду, перехваченную серебряным кольцом.

К Хитрецу со спины просочился господин Скорнь, подёргивая шей в красных пятах, жарко зашептал на ухо, что есть новости. Потому Хитрец отложил беседу с гостем из восточных и южных тьёрдов и поспешил отойти от хмельной компании.

— Чего тебе? — недовольно спросил Хитрец, скрываясь от внимательного взгляда Вакрового йорманда.

— Тебя ждёт твой с-советчик, Олаф Хитрый...

Хмель в голове туманил голову и Олаф не сразу понял, о ком речь.

— Магистр?

— Он, я велел проводить его в вос-точное крыло, подальше от любопытных глаз.

— Благодарствую, благодарствую, — Хитрец потёр руки, — проследи, чтобы вина было вдоволь.

— Я бы не с-стал договариваться с ними, — прошипел Скорнь, сплёвывая слова, как яд. — Похотливые глупцы...

Хитрец оглянулся, на залу, где у стола Вакр уже облапал полуголую иритийку за масляные бока.

— Пусть развлечётся, после поговорим...

— Они точно тебе нужны? — гордарец отвернулся, — Воины девовы готовы выступить под твоим флагом...

— Пусть ждут, — Хитрец огладил шитый алым плащ на груди, — скоро...

— Как с-скажешь...

Магистр Ис ждал. На этот раз света в комнатке хватало, чтобы разглядеть богатый, шитый золотом и алой ниткой плащ, по кромке которого свивались в кольца змеи и росли ядовитые цветы. Колдун, не иначе. Однако, пророчества его сбылись. Издох же братец и никто даже вида не подал, что Хитрец хоть как причастен к кончине тьярда. Девку-прислужницу, лекаря и всю смену, что стояла в охранителях в тот день, всех в палаческой разговорили, что надо признали. Приговор расписан, приведён в исполнение. Теперь наступает новая эра, эра под знаком Хитреца, и ему, как никогда раньше нужны союзники, армия, а ещё больше та новая земля, что обещает власть и богатство.

— Ты получил, что хотел... — прошептал Магистр, поворачиваясь к Хитрецу лицом.

Из-под раструба капюшона повеяло могильным холодом, и Олаф ощутил дрожь в ногах. «Это хмель», — успокоил он сам себя, — «всего-то хмель да пара бессонных суток».

— Я помню. Ты просил помощи...

— Содействия, — уточнил Магистр, — ты можешь заключить мир с югом и востоком, но север никогда не покорится. Особенно север... Ты знаешь и сам.

— Йорманды уже ведут туда сотни. Северянам придётся покориться, или они умрут.

— Я прошу малого в обмен на победу: отдай мне новую землю, и я сделаю её твоей вотчиной...

— Она и так будет моей, — ухмыльнулся Хитрый, понимая, что говорит сейчас его языком дьявол, вызванный лишней чаркой. — Уже скоро.

— Это станет платой, — прошептал Магистр, приближаясь, а Олаф невольно отступил. — За мою благосклонность...

— Я награжу каждого, кто станет мне союзником и подмогой, но... — Олаф вдруг приосанился. Что может этот странный человек? Он пришёл из ниоткуда, начал шептать, советовать. И даже помогать. Но что на самом деле стоит за ним? Что за сила? Смерть тьярда это малое в чём можно обвинить Магистра. А ну как...

Но довести свою мысль до завершения Хитрец не успел. Рука гостя поднялась и со скоростью змеиного броска прижалась к шее. Мысли забились в тисках чужой воли.

— Мне нужна эта земля, — прошипел Магистр в лицо, и в скупых отсветах блеснули влажным блеском бесцветные глаза.

— Нужна... — эхом повторил Хитрец.

— Возьми себе всё, но не северный остров...

— Всё...

— Скажи всем, что тебе снизошло озарение, — Магистр скинул капюшон, открывая взгляду лицо, что до сего момента всегда было скрыто: блики на белых волосах, густая величественная борода и леденящий взгляд, — что к тебе спустился сам Эйсенгард и потребовал чтить новых богов.

— Чтить богов... — непослушными губами покорно повторил Хитрец.

— Им возведены святилища на севере, юге, востоке и западе! И боги даруют милость только тем, кто покорится им. И новому тьярду...

— Новому тьярду... — вот это уже другой разговор. Новый тьярд — звучит приятно. И мысль эта, пестуемая чужой волей крепла и росла, обретая конкретные формы.

— Скажи, сама Дева благоволит им, ибо как не благословить собственных детей...

— Детей...

— И она благословляет каждого из людей, кто покорится им...

— Благословляет...

Магистр отступил, накинув капюшон, а Хитрец, покачнувшись, потерял вдруг опору и отступил ещё на шаг, пока не упёрся спиной в стену. Голова закружилась. Новые боги пришли на землю, и они благоволят новому тьярду. Хитрец поднял взгляд на Магистра.

— Ступай, и возьми всё, что тебе причитается. И не забудь вернуть свою благодарность сторицей...

— Северный остров...

— Он должен достаться мне.

После успешного побега и оглушающе позорного возвращения, Вимлин искупала вину,

вычёсывая вместе с матерью овечью шерсть с остальными обитательницами Мельина. Женщины поднимались рано и, позаботившись о скотине, засаживались за работу. Вимлин опасалась даже поднять голову, предоставляя рукам делать то, что от них требовалось, а мыслями уносилась на несколько дней назад, в полумрак сумерек, когда они с Дженве крались вдоль дорог, опасаясь дать знать хоть кому, что вообще существуют. Дженве оберегал обеих от любого волнения и был предупредителен и вежлив. Жаль, сейчас они с отцом заняты иными делами. Хотя, Вим знала точно, Дженве никуда не уехал, но повидаться так и не удалось. Марисса снова замолчала, и теперь Вим казалось, что ей всё приснилось: и побег, и приключения в столице, и башня, и дракон и вообще всё. Впереди была помолвка с каким-то йормандом. Он ещё в пути, но скоро прибудет в Мели и молодые смогут повидать друг друга. Вимлин на это только вздыхала, вспоминая лихую улыбку и приятный блеск на белокурых волосах. Сколь казался хорош Дженве, столь отвратителен в глазах юной девы становился будущий жених. И зрел в голове план нового побега. Скоро отцу будет не до неё. Говорят к Мелям идёт цела армия «фениксов». Но покидать Мели сейчас, когда в глазах каждого застыла тоска и обречённость казалось предательством. В сомнениях Вимлин поднялась в восточную башню, где когда-то жили оба чужака, а теперь лишь Дженве, отдалившийся на расстояние вечности. Подняться к нему? Сказать? Попросить? Умолять? Не решившись ни на один из вариантов, Вимлин постояла у двери, слушая тишину, и спустилась вниз. Створка в комнату неприятного господина была приоткрыта и Вим механически потянула её на себя.

На кровати обнаружилась Марисса, девчонка, снова безмолвная и тихая. И это тоже добавляло тревоги в сердце. Девчонка, вытянув из мешка Ллойву книгу в чёрном переплете сосредоточенно чиркала стилем на страницах.

— Что ты рисуешь? — не сумев преодолеть свою тоску спросила Вим, присаживаясь рядом, — покажи...

Девчонка протянула книгу, раскрытую на развороте, сплошь покрытую чёрными полосами, где с трудом угадывался абрис чего-то... чего-то похожего...

— Дракон? — Вимлин перелистнула страницу, потом ещё и ещё. В какой же ярости будет тот господин. Девчонка исчеркала своими каракулями всё. И на каждой странице чёрный дракон величиной с полмира уничтожал людей: сжигал, хватал в пасть, давил весом.

— Что это? — потеряв голос спросила Вимлин шёпотом. Девчонка обладает даром предвидения, это очевидно, но об этом знают немногие. Дженве точно знает, но не придаёт значения, а тот господин относился к её пророчествам, как к статистике по урожаю.

— Что это? — обретая голос повторила Вимлин свой вопрос, — что ты рисуешь?

— Они идут, — прошептала Марисса, подтягивая коленки к животу, — скоро. И он тоже. И я его боюсь...

Та ночь, определенно, стала из тех, что потом получают собственное имя. О ней передают легенды из уст в уста, и с каждым сказителем она прирастает новыми ужасами. Скальды напишут баллады, а ткачихи спрядут гобелен. И в каждой строке, в каждой пряди станут прославлять отвагу и мужество защитников светлой веры. Поведают, что хозяин Мельина продал душу дьяволу за бессмертие. Пропоют об отваге девовых рыцарей, подошедших к крепости вплотную и взявшим демонопоклонников в осаду. Не скажут лишь, что ожидая знака от своей покровительницы, рыцари устлали свой путь трупами и залили кровью. Не споют об отваге защитников крепости, лишь посетуют, что враг был силен, а

светлейших рыцарей мало, но сердце каждого скрепляла вера и свет, исходящий от благостного знака их госпожи. Не расскажут, сколько полегло воинов с обеих сторон, измеряя, по обыкновению героический подвиг сотнями своих смертей и тысячью вражеских. Не споют, что ворота были отворены предателем, но воспоют отвагу лазутчика. И ускользнет из хроники выпотрошенный как хряк предводитель рыцарства, повешенный на кольях дрянных ворот. Не вспомнят и о призрачном воине, что мелькал в самой гуще боя, но казался всем призраком от лукавого. Не споют скальды об этом, но воспоют героическую отвагу и преданность делу. И придумают героя для пущей красоты и пышности. Малого оруженосца, единственного выжившего в той бойне, и поведавшего обо всем: о дьявольской улыбке неприятеля, об отваге и предательстве, и самое главное, о втором пришествии Дракона.

— Точно говоришь? — рыцарь с алой лилией на груди нахмурился, а его товарищ, что стоял рядом, сжал руку в латной перчатке в кулак.

— Верно говорю, гнездовище адово! — шептал доносчик, осеняя себя треглавым, — сам видел! Как вас вижу, так и там! Земля под ногам — ходуном ходила. Еле выстояли, все кони бежали в испуге, седоков позбрасывали, многие побились через это. Словно сам князь чёрный рвался наружу.

— Значит, не вдали, что Калевала в стоворе с дьяволом.

— Не вдали, не вдали! Как брешь в стене пробил, а она возьми, да зарости. Происки бесовы, не иначе!

— Возьми в осаду, — проговорил стоящий рядом в добротной броне из толстой кродовой кожи шитой стальными пластинами. — Никакой дьявол не выстоит без воды и пищи.

— Нету у нас столько сил, — недовольно ответил рыцарь, сминая в кулак перо. — Тут помощь тьярда надобна...

— Весть из Звезды прилетела, — вступил один из йормандов, стоящих в тени, — гонец прибыл, требуют идти к северу. Я не могу послушаться своего тьярда. Даже заради тебя.

— Борьба против зла — дело общее, — грозно прогудел рыцарь, поднимая гневный взгляд на йорманда, а тот, повидавший немало, только сощурился в ответ.

— Что мне захудалый род, светлейший рыцарь? Сколько у него осталось после осады? Сотня? да ни в жись не поверю! Пойди, возьми сейчас, пока не подошли подкрепления. А мне приказано двигать к северу, встать у Седой пади и ждать.

— Чего ждать-то? — вступил в разговор другой рыцарь, бронь у которого была посечена во многих местах, да перевязь пожиже. — Уговор был, мы отступников искореняем, а вы нам помогаете!

— Слюну вытри, — огрызнулся йорманд, — я тебе не в подчинении, а приказы мне рассылает тьярд и никто более. А ты кто таков?

— Оден Свидварсен, — вскинулся рыцарь. — Чего тебе надобно предъявить? Ты скажи, за мной дело не станет!

— А ну-ка цыц! — Прикрикнул на спорщиков тот, что сидел во главе стола, — уйми свой пыл, Оден. Я понимаю, что союзные наши сотни уходят, бросая нас одних пред ликом врага?

— Был бы враг, — фыркнул йорманд. — Следопыты говорят, основная сила стоит на севере, там Грольсоны собрали немалое войско. А тут только время терять. К Мельину не подойти с моря, а с суши вас разнесут лучники и баллисты. Незачем было лезть. Я бы

перекрыл им последнее. Пусть выползут сами.

— А если диавол им помогает? — угодливо пропел предатель, склоняясь в кривом поклоне. — Как тогда?

— Ты, сивая падаль, у меня не мешайся, — йорманд махнул рукой, отгоняя противное, — коли так — то жгите. Но моя служба в другом. Тьярд приказал выдавить гниль с его земли, я делаю, как велено.

— Из столицы выходили, ты клялся, что мы вместе пройдём огненной метлой по всем тьёрдам.

— Тогда и посланцы иное говорили. А теперь новый тьярд, и порядок новый...

— Твой новый тьярд обещал мне поддержку и содействие! — рыцарь грохнул кулаком о стол, да так, что вздрогнули все, кто стоял перед ним и за его спиной.

— С диаволом воевать это ваше, рыцарское, — не смутившись отмахнулся йорманд, — моё дело — малое. Я других диаволов усмиряю.

— Значит, не дашь подмоги...

— Знать, не дам...

— Благодарю тебя, — в который раз сказал Джарий, взглянув на Дженве с опаской. Он опасался, что долг его перед чужаками потянет его ко дну, что тяжесть не даст подняться. Они вышли к смотровой площадке проверить дозоры. Ночь дышала влагой. Ветер с океана сносил запах гниющих останков, что не успели убрать после боя в сторону врага. Теперь каждый в крепости смотрел на белоголового чужака с благоговейным ужасом. Если б не он, стены бы пали после первых ударов осадных катапульти. Стоило видеть, как камень, обратившись в живую плоть по мановению ладони, сжимался, заполняя прорехи, как дрожала земля, заставляя конников отступать и терять боевой строй. А те волшебные клинки, чёрные, как окружающая их ночь? Он и вправду чародей, Висметия опасалась не зря. Стоило послушать мудрую женщину. Но что бы было без помощи чужака? Но если б не он, если б не он... Страшно представить. Потери превратились бы в бездонную реку. Об этом ли думал Джарий, задавая свой вопрос и получив ответ «До конца, каким бы он ни был». Дженве был странно спокоен, оглядел серпантин у подножия стен, вьющийся едва видной лентой по склону.

— Это не конец, господин Джарий, — проговорил он совершенно ровным голосом, словно бы прочитав мысли, — это лишь начало. Как долго нам ждать подкрепления от твоих союзников? Когда мы отправлялись сюда, твой друг обещал прибыть сразу, как они соберут достаточно людей. Есть ли в твоём замке запасы воды и провизии, чтобы дожидаться их?

— Под осадой мы продержимся дюжину дней, может меньше, — вздохнул Джарий, помятуя, что все обитатели рыбацкой деревни с побережья укрылись в крепости. — Ты был прав тогда, я должен был вернуться домой. Страшно вообразить, что Мели могли стереть с лица земли. С водой, боюсь, будет трудно... Я надеюсь, Съёвл не оставит нас в беде. Когда мы расстались, он обещал подмогу. Но его могли встретить на подступах к Мелям.

— Я не слышу его армии. Надеюсь, его слово столь же крепко, как мужество твоих воинов, Джарий Калевала, — Дженве взглянул на далёкие горные хребты. Помолчали, слушая, как перекликаются дозорные. Где-то внизу отсветы костров говорили о том, что враг рядом. — Нет ли в твоём доме тайного хода, чтобы вывести женщин и стариков?

— Я не знаю о таком, — вздохнул Джарий. — Быть может, что-то и было, но обвалилось от времени.

— Посмотрим, — задумчиво проговорил Дженве.

— Где твой брат? Он погиб? — осторожно спросил Джарий. — Я опасался этого... Он славный муж...

— Нет, — Дженве глубоко вдохнул, и казалось, сама крепость вдохнула вместе с ним. — Он уже на пути к нам. Он обещал привести подмогу. Я верю ему, как себе, потому жду со дня на день.

— Хорошо, если так, хорошо... — Джарий кивнул, но уверенности в его словах не было, как и в хорошем исходе. Как бы то ни было, им придется или одолеть врага, или погибнуть, иного не дано.

Глава 33 где Ллойву творит чудо для брата

— Мы не идём к Аст'Эллоту? — удивилась Мильен после нескольких изматывающих дней дороги. Они пробирались вдоль хребта, у самого подножия, избегая встреч с людьми. Ллойву едва держался в седле, но ему казалось, что проявить свою слабость при ней значит усилить разочарование. Она ждала непременно битвы, подвига во имя высокой цели, а получила гонку за призраком. Но ничего, скоро всё посыпается на их головы с избытком.

— Надо встретиться с Дженве. Я дал слово, — Ллойву выпрямился в седле. Как же он устал за эти дни. Нужен отдых, иначе толку от него не будет, одни заботы. Он пригляделся, сиюсь увидеть, что там, впереди, но перед глазами все расплывалось, стирая фокус и вообще весь мир.

— Посмотри, пожалуйста, туда, что ты видишь? — сдался он, указав направление.

— Я вижу чёрный дым, — отчиталась сестрица. — Нам туда?

— Да, нам туда, — но вместо того, чтобы дать кроду пятками под бока, Ллойву повел его в сторону.

— Куда ты? Ты знаешь тайную дорогу?

— Нет, — Ллойву спешил. — Здесь нет тайных троп. Все открыто. Я просто устал. Милле. Ты простишь меня за это?

— Конечно, — Мильен с готовностью спешила тоже, погладила своего крода по широкой морде. — Если честно, я не знаю, как ты держался все это время, мы почти не отдыхали.

— Сейчас отдохнем, — казалось, свалиться второй раз при Мильен будет жесточайшим позором. Ллойву завел крода в тень от жиденкой осинки, присел сам прямо на землю.

— А мне нравится эта земля, — заявила Милле, присаживаясь рядом. — Она чуткая и богата сокровищами.

— Да, это так, — согласился Ллойву, стараясь дышать в ритме гимнастики. — Но людь не ценит её. Я удивляюсь, как сильно у них смещен фокус. Они словно не видят очевидного.

Над головой звенели на разный лад птицы и солнце ласкало бок и спину. Казалось, что здесь нужно ещё? Но земля подрагивать от торта копыт и ударов осадных орудий. Надо спешить, отдохнуть и в путь.

— Я встречала мало люди, — уклончиво ответила Мильен, — отец говорит, они грязны и невежественны. И пока я вижу, что он прав. Но ты... — Мильен под села чуть ближе, — ты считаешь иначе?

— Иногда мне кажется, что отец прав, — рассмеялся Ллойву, сбиваясь с ритма лечебного дыхания и тотчас поплатились за это нехваткой воздуха и болью в груди. — Но знаешь, Милле..., этот мир сложнее, чем мы о нём думаем. Любой мир сложнее, чем мы его видим. Нам надо лишь понять, что нет необходимости перекраивать его под себя...

— Но отец говорит, людь ждала нашего возвращения. Он даже книгу мне показывал, они сочиняли баллады о нас. Представляешь? Это так мило.

— У люди есть баллады обо всем, даже о кривом козле, но это не значит, что они готовы ему поклоняться.

Мильен рассмеялась с облегчением и села рядом, спина к спине, облокотившись о тот же ствол.

— Отец говорил, что тобой движет обида и гнев, — сказала она спустя время. Ллойву не

мог видеть её лица, но слышал, что голос стал тихим и очень серьезным. — Что ты хочешь славы, и сбиваешь с пути и Дженве.

— Дженве, пожалуй, собьешь, — вздохнул Ллойву. — Мне не нужна слава, Милле. Я хочу жить в мире без страха. Без страха быть скормленным Окто, без страха быть растерзанным за то, что ты другой. Людью так чуралась нашей внешности, что они решили, что мы колдуны, представляешь?

— Я бы хотела быть, как ты, — услышал Ллойву в ответ едва ли слышимое.

— Не отец? — он повернулся к сестре всем телом.

— Отец ослепил себя заботой о нас. Он боится потерять... — Милле замолчала надолго. — Мы так хотели вернуть всё ушедшее, что не увидели перед собой нового. Мне жаль... Надо было остаться, чтобы помочь тебе...

— Не надо, я бы не согласился на такую жертву, — Ллойву поднял голову, чтобы взглянуть в небо. — Не кори себя, Милле, что было, то было. Оно уже ушло. Надо заботиться о настоящем и будущем.

Мильен снова помолчала. Птицы надрывались вместо нее и от этого щемило где-то внутри от предчувствия.

— Мы позаботимся о нём. В этот раз все вместе... И, Ллойву...

— Что?

— На всякий случай знай, что там, в Аст'иллое, для очень многих ты — пример для подражания. И... — Голос Милле стал тихим и хриповатым, словно ей тяжело говорить, — Я люблю тебя, братец.

Объятий не последовало, Мильен убрала даже руки, чтобы не коснуться брата невзначай, и он не смог увидеть всю бурю чувств в её сердце.

— Что значит, не вернулись? — Тиллу Гайо с возмущением взглянул на страта, принесшего скверные новости: юные асатры общим числом в восемь иллоев исчезли из Аст'Иллоя. И как раз после визита Ллойву Лира. Юный Алани Оластери, утверждал, что все они отправились на охоту, но прошло время, достаточное, чтобы вернуться даже после самой неудачной.

— Астера Мильен Лир и асатр Меоке Лир на месте?

— Нет, их тоже нет, — страт сугь поклонился предвкушая волну гнева, но Тиллу сдержался. — Привратник утверждает, что они оба ушли несколько дней назад.

— Очень интересно! — Тиллу постучал пальцами по столу. — Позовите юного Алани ко мне, будьте добры.

Отрока старший асатр решил встретить во всеоружии, дабы юное сердце устрашились и не поспело солгать. Тиллу присел на массивное кресло со знаком дома Урда, грифона, распростершего крылья над миром. Вид Старейшины в родовых цветах должен его впечатлить. Юный Алани, казалось, нисколько не смущён вызовом к Старейшине, напротив, лучился некоторой гордостью и довольством.

— Расскажи ещё раз, что тебе велели сказать? — спросил Тиллу, поигрывая пальцами.

— Они на охоте, — с готовностью подтвердил свои слова Алани, — Нийва сказал, пойдут далеко, можно не ждать быстро.

— Куда же они направились? Говори правду, отрок, и я вступлюсь за тебя перед Старейшинами.

— Я правду говорю, — Алани воровато стрельнул взглядом в сторону кресла со знаком

дома Гайева.

— Они отправились за Ллойву Лиром? — строго продолжил Тиллу. В зал совещаний ворвался Тосва Оластери и отец отрока, имени которого Тиллу не помнил, но видел, что вновь прибывший утратил Искру, имея темный волос и глубокий синий цвет глаз.

— Что ты затеял, Тиллу, не дело спрашивать дитя без ведома родителя, — строго проговорил Тосва.

— Пусть скажет правду иначе я буду просить совет считать его помыслы! — Тиллу поднялся. — восемь из нас пропали. И я желаю знать, куда! Быть может, им нужна помощь?

— Они ушли на охоту! На дальний склон! — выкрикнул мальчишка, почуяв подмогу осмелел.

— Я думаю, они отправились за этим отступником! — Игнорируя мальчишку Тиллу обратился к Старейшине Оластери, — нам надо помешать им сотворить глупость!

Тосва помолчал, а после сделал знак своему спутнику.

— Пойдите, Киеле, отведи мальчика домой.

Названный Киеле с гордостью удалился, уводя мальчика. Тосва начал говорить, дождавшись, пока стихнет эхо шагов в пустом зале.

— Что тебя так заботит, Тиллу? — Оластери присел осторожно на свое место в круге. — Что беспокоит?

— Меня беспокоит то, что этот наглец, Ллойву, посмел заморочить нашим детям разум! Подумать только! Война! Это не наша война! — Тиллу в волнении прошел вдоль полукруга, вдоль которого стояли кресла Старейшин. — Разве мы не должны остановить их? Немедленно!

— Наши дети... — Тосва Оластери улыбнулся и поднял глаза к потолку, — наши дети, Тиллу, станут мудрее. Ты не можешь огорчить их от ошибок юности.

— Но эти ошибки могут стать смертельными! Ушел твой племянник, не так ли? Что ты чувствуешь?

— Я? — Оластери задумался, — Я горд что он смог выразить свою волю, Тиллу. Мы не смогли, а он смог.

— О чем ты? — Тиллу остановился и взглянул на сторбившегося в массивном кресле товарища.

— Мы бросили Аст'Эллот, Тиллу, трусливо бежали, спасая свои жизни. Разве нет?

— Это было общее решение, как ты помнишь. Единственно верное, — возразил Тиллу.

— Изольтар нас убедил в этом, — вздохнул Тосва, — и убедил, что Ллойву безумен. Мы поверили, потому что нам было удобно поверить. И оставили свой пост.

— Остановись, Тосва, ты слышишь себя? — Тиллу покачал головой. — Слово дух безумца вселился в тебя.

— Я размышлял, Тиллу, я увидел Ллойву Лира своими глазами, и понял, что мы ошибались, — Тосва взглянул на своего собеседника, и Тиллу поразился тоске, что застыла во взгляде. — Мы пренебрегли своими обязанностями, и боги наказывают нас. Они забирают у нас Искру. Это не земля виновата, Тиллу. Изольтар опять нас обманул. Искра не вернется, если снова занять Аст'Эллот. Это мы наказали себя сами. Так пусть же наши дети все исправят. Может, боги будут к ним благосклонны.

Тиллу молча опустил голову, размышляя. Искра уходит из семей, это очевидно. И причину этому найти не удалось до сих пор. Это трагедия для асатров. Но если есть путь назад...

— Ты уверен в своей правоте, — сказал он, утверждая, а не задавая вопрос.

— Я уверен, что они, наши дети, Тиллу, найдут своё место в мире. Не нам решать за них. Этот путь ведёт к гибели. Этот урок мы учили последнюю тысячу лет...

— Не думал, что ты смотришь на это так. На Аст'Эллоте, ты ничему не возражал.

— Я был труслив, — Тосва покачал головой, — боги в свидетели, мне страшно и сейчас, но, нашим детям нет...

— Я услышал тебя, — кивнул Тиллу, — и принимаю твой ответ.

— Восславим богов, мой друг... — прошептал Тосва, выпрямляясь на своем кресле. — как прежде.

— Восславим, — Тиллу расправил плечи. Кто знал, что этот мальчишка, слабый здоровьем, но упрямый и непокорный для глав домов, поведет за собой иллоев и станет для всех беглецов символом возрождения? Никто и не предполагал, что он дотянет хотя бы до совершеннолетия, а затем все решили, что он недостаточно здраво рассуждает, но жизнь всё расставила по местам. «Кто теперь безумец, Изольтар? Кто безумец?»

— Тут полно народу! — прошептала Мильен на ухо. Пробравшись к Мелям, скрываясь в тених, они наткнулись на широкое кольцо врагов вокруг крепости. Стояли палатки, у костров сидели хорошо вооруженные воины, а с восточной стороны даже стали осадные катапульты. Деревня у побережья коптила небо остатним дымом от пожара. И за спиной тоже. Осаждающие вырезали вокруг всех, кого смогли найти, и теперь ждали пока падёт последний оплот сопротивления.

— Как мы прорвёмся?

Ллойву и сам бы хотел это знать. Судя по обустроенному лагерю, осаждающие находились здесь уже с дюжину дней, может больше.

— Не знаю, — признался Ллойву, — их слишком много. Назад...

Он потянул сестру под прикрытие деревьев.

— Нам не пройти, — вздохнул он. — Даже если мы прорвёмся, что толку?

Лес вокруг затих, ожидая решения. Но его не было и быть не могло. Что могут двое против вооруженных тяжёлых рыцарей?

— Приветствую благородный асатр дома Лир, рад что ты присоединишься к нам, — буквально из воздуха под сень деревьев выступил Бес. Мильен вздрогнула и выхватила клинки.

— Это свои, — выдохнул Ллойву, — что там?

— Осада длится уже больше дюжины дней. С едой туговато. Закончилась вода, а дождя не было уже неделю, — Бес склонил голову к плечу, — твой брат нашел ключ и поднял его к крепости. Ему дорого обходится эта осада. Но без него, она бы обошлась ещё дороже для обитателей.

— Он в порядке? — Ллойву смахнул муть в глазах ладонью. — Я не прощу себе, что бросил его.

— Твоя армия жидковата, — усмехнулся Бес, — позволь, я позову свою...

— Моя армия состоит из лучших. А кого призовешь ты? Демонов? — Ллойву криво улыбнулся, а Мильен скривилась как от кислого.

— Обижает, — Бес свистнул, и лес наполнился звуком шуршащий под лапами листвы. Демон поднял голову к своду из листьев.

— Оборотни! — Мильен встала в оборонительную стойку. — Не знала, что они

существуют!

— Они на нашей стороне, Милле, не трогай их, — Ллойву положил ладонь на предплечье воинственной девы.

— Ты подружился со всей неблагодатной силой на этой земле? — нервно хихикнула, спросила астера.

— Похоже, что так, — довольно ухмыльнулся Бес, отступая в сторону и давая обратившимся в людей волкам пройти к застывшим в тревоге иллоям.

— Мы готовы, повелитель, — прошипел один из обратившихся Бесу, скалясь на чужаков.

— Командуй, благородный асатр, — Бес спокойный, как никогда, повернулся к Ллойву, — твой выход.

— Выступим ночью, — Ллойву взглянул на Беса прямо и без страха. И тот кивнул, соглашаясь.

Мелбин замер в тревоге и ожидании. Время стало худшим из врагов. Джарий ждал Съёвла Грольсона, но с каждым днём терял надежду. И хуже того, подозревал, что тот презрел все договоренности и бросил Калевала на растерзание «фениксов». Провизия заканчивалась, хотя воды, благодаря Дженве было в избытке. Джарий вместе с супругой спустился в тоннель, что должен был открыть всем дорогу к спасению. Дженве, сидящий у очередной опоры, поднял голову. Глубокие тени под глазами и измождённый вид, теперь отличительная черта каждого в этой крепости.

— Ты устал, Дженве, пойдешь, отдохни... — с сочувствием проговорила Висметия, протягивая ему кувшин с водой. — Мы благодарны тебе за усилия, но нельзя убивать себя. Не давай им такой радости.

— Ещё немного... — Дженве закрыл глаза, — мне осталось немного.

— Эгей! «Волки» пришли! — слышалось сверху.

— Грольссоны здесь! — Джарий поспешил вверх. Дженве нашел в себе силы встать и последовал за ним.

Крепость сразу проснулась и защитники воспряли духом. Там, внизу, у серпантина, слышалось движение, рев и проклятья. И, однозначно, кипел бой.

— Выходим! — принял решение Джарий. Те немногие, кто ещё был способен держать оружие, приготовились к вылазке.

— Ты с нами? — спросил Джарий Дженве и тот вытянул из-за спины свои черные клинки.

— До конца... — услышал тан и удовлетворённо кивнул.

В темноте, освещенной лишь скудным светом растущей луны, защитники бросились на помощь своим спасителям. Дженве вновь обратился к Искре, хотя в последние дни она зримо подвела его. Ему виделся абрис брата и Мильен, что точно не могло случиться, потому он списал все на усталость и напряжение последних дней. Сильный запах людской крови и нечистот забил обоняние и желание видеть. Дженве просто рубил не глядя, каждого на ком видел в ответах костров лилию или крашенное петушиное перо. Не важно, чья это война важно выйти победителем и не дать собственному миру опрокинуться в пропасть. Дженве почти ослеп и совсем оглох от криков, кимейры покрылись кровью, пропитав рукава до самого локтя, а чёрная, с переливами окропила землю несколько раз.

Осаждающие бились с отчаянием. Горели костры, были вдалеке волки, и, Дженве видел

сам, нападавших топили под живым рвчащим покрывалом. Словно сама природа восстала против захватчиков. В свете костров стали видны доспехи тяжёлых латников о которые разбивалось желание прорвать оборону. Большие квадратные щиты упёрлись в землю, предупреждая любые попытки прорыва. Волки кружили у ног, но не смели подойти.

— Джев! — Дженве не веря ушам повернулся назад и поплатился оторванной стрелой мочкой уха.

— Ллойву! — брат тотчас встал рядом, а по другую руку встала Мильен. Не показалось, она тоже здесь.

— Это вся подмога? — вскользь спросил Дженве, отбивая щитом очередную стрелу.

— Нет, они в пути, — ответила за брата Мильен.

— Славно, славно... — и Дженве, не страшась бросился в атаку. Защитников были кратко меньше, а волки быстро теряли в числе. Эти воины были подкованы в науке убивать оборотней. «Проигрыш» — подумалось Дженве, и словно в ответ, рев огласил долину.

Небо расколосось надвое, рев заглушил все звуки, и звёзды с народившимся месяцем скрылись закрытые огромными крыльями.

— Дракон! — завизжал кто-то по девичьи.

— Держать строй!

— Не бойтесь! — понеслось со всех сторон. — В атаку!

Струи пламени от адского дыхания дракона проплавили доспехи и пробили брешь в обороне рыцарей.

— Вперёд, — Дженве бесстрашно кинулся в самое пекло, увлекая за собой и остальных.

Глава 34 в которой буря стихает, чтобы разразиться ВНОВЬ

— Это было неосмотрительно, — посетовал Ллойву после схватки, когда все зализывали раны и считали потери. Волчья стая осталась пировать на поле боя, доглалывая то, что не сгорело в адском пламени. Со стороны люди сражение выглядело ужасающе: и тень в небе, и огонь, извергаемый из пасти чудовища, и огромные волки, действующие слаженно, как воинское крыло. Неудивительно, что некоторые из врагов бежали с поля боя, оставив своих командиров. Теперь пойдут слухи, никак не помогающие наладить связи меж двух миров.

Брат не ответил. Они, как и все, укрылись после своей победы во дворе крепости. Дженве сел у стены и устало закрыл глаза. Столь сильно и безрезультатно он ещё не никогда уставал. Тоннель, что он хотел пробить в скале, чтобы вывести людей из-под осады, так и не был завершён, и потребовал кратно больше усилий, чем было рассчитано. Ллойву, наверняка, назовёт брата балбесом потому что тот не углядел рядом более мягкую породу. Или что-то в этом роде. А схватка... Она давала надежду на скорое завершение всего: тяжести от невозможности решить всё одним ударом, постоянного теперь голода. Но все понимали, что это только начало. Одна победа, но битва ещё не выиграна.

— Джев?

Дженве почувствовал тень на своем лице. Ллойву склонился над ним, потому пришлось открыть глаза. Им обоим не помешала бы декада крепкого сна и отдыха.

— Я в порядке, — проговорил Дженве. Как забавно, обычно он спрашивал у Ллойву о здоровье. Теперь роли поменялись. Подошёл и Джарий, раненный мечом в бою.

— Съёл не прислал подмоги, знать что-то случилось.

— Процветай, господин Джарий. Ты так в нем уверен? — Ллойву повернулся к хозяину крепости, перевязанному через весь торс окровавленными бинтами.

— Я не могу ему не верить, — сказал тот. — Он клялся кровью...

— Жидкая, жидкая кровь, — пропел Бес рядом. Ллойву чуть повернул к нему голову. Снова его никто не видит, кроме тех, кому он желает показаться. Похоже на безумие, не будь там, за стеной, обгорелых трупов в тяжёлых доспехах. Запах и копоть на руках не позволяли думать, что все это плод воображения. Дженве и Мильен вышли невредимыми из этой схватки. В основном оттого, что их прикрывали с воздуха. У Дженве опалена рука, а Мильен потеряла часть своей прекрасной косы. Но, что ценно, воинственная дева не отступила, столкнувшись в бою с реальным противником. Ллойву поймал себя на мысли, что безмерно горд за то, как сестра показала себя в бою. И рад, что она с ними.

— У нас есть время для перегруппирования. Используем его с пользой, — только и сказал Ллойву, Джарий кивнул.

— Как твой брат, — спросил он, — он не ранен? Лекарь надобен?

— Я не ранен, — ответил Дженве сам, снова открывая глаза. — Ничего не нужно, благодарю.

— Добро... — И Джарий отошёл, чтобы справиться о благополучии у воинов справа.

— Что произошло пока меня не было? — удивился Ллойву, — чем ты так себя измотал? Я словно смотрюсь в зеркало.

— Ллойву... — Мильен осуждающе взглянула на брата, и присела рядом с Дженве.

— Пойдем, покажу тебе кое-что, — снова Бес, снова рядом, и снова он тянет в сторону от того, куда рвется сердце. Но Ллойву кивнул обоим асатрам и отошёл. Дженве в надёжных руках. Нет силы крепче, чем родственная. Она быстро поднимает на ноги.

— Пойдём, — Бес увлекал асатра вдоль стены, мимо раненых и уже почивших, на каменную лестницу с высокими ступенями, а после и на стену. Ллойву поднялся на самый верх. Отсюда все видно, и дотлевающие осадные орудия после пожара, и остатки вражеской стоянки. И зарево на горизонте. Дозорные удостоили его одним лишь взглядом и потеряли к нему интерес.

— Это горит Вальцуг, — Бес встал рядом, заложив руки за спину, — большая деревня рядом с Седой падью. А с той долины прямой ход на Змеиный перешеек. А там и Аст'Эллот.

— И что я должен сделать сейчас? — Ллойву взглянул на Беса, — из всех нас крылья есть только у тебя. Кстати, почему ты не мог снять эту осаду без меня?

— Я прихожу в мир людей бесплотным призраком, благородный асатр дома Лир. Я ничто, пока в меня не начинают верить, позволяя обрести плоть. Твоя воля достаточно сильна, чтобы дать мне сил на эту битву. Мышка не видит меня таким, и твой брат тоже. Один ты зришь в мою истинную суть. Следуя твоим желаниям, я не нарушаю своего запрета на вмешательство в дела людей.

— То есть, все разрушения, причиненные тобой, это моя воля? — Ллойву поднял голову чуть выше, отрицая сказанное. — Это чушь!

— Как скажешь. Знаешь, — Бес сделал пару шагов в сторону, — среди вас ходила поговорка...

— Поговорка? — скривился Ллойву. Что это за новое слово?

— Присказка, не знаю, как назвать. Среди твоего народа. «Из всех домов только дом Лита не может летать», слышал её?

— Отчасти, — Ллойву улыбнулся, погружаясь в воспоминания об ушедших навсегда временах, — отцу она не нравилась, и он всячески пытался её избегать. Я полагал, она имеет происхождение от геральдистов.

— Верно, — кивнул Бес, — у дома Гайева на гербе парящая ламелия, у дома Урда крылатый грифон, даже дом Эниди выбрал своим покровителем крылатого морского дракона. Не знаю, что там было у ушедших домов. И лишь дом Лита всегда приземлен. Василиск. Камень.

— К чему ты это говоришь? — недовольно спросил Ллойву.

— Я дарую тебе крылья, благородный асатр дома Лир, — усмехнулся Бес. — Пусть твой василиск обратится в дракона.

— Не думал, что ты позвал меня поговорить о геральдике, — Ллойву нетерпеливо переступил ногами, — что ты хочешь сказать на самом деле?

— Отправляемся утром... Отдохните как следует...

К поздней ночи Мельин затих. Перевязали раны пострадавшим в бою воинам, собрали поминальные костры павшим. Ллойву проводил Мильен в комнату, отведённую ей хозяйкой и зашёл к брату. Отчего-то казалось сейчас важным быть на ногах, хотя сам он валился от усталости и произошедших событий. Дженве не спал, но уже готовился отключиться. Напряжение последних дней отпустило его и сейчас он держался лишь на собственном упрямстве.

— Завтра нас ждут у Седой пади, — сказал Ллойву сидящему на кровати брату. — Бес

нас доставит туда. Кажется, завтра всё решится.

Дженве устало прикрыл потемневшие глаза ладонью. Сколько разговоров было о нём. Девчонка, Марисса вместе с Вимлин пропели все уши про этого господина.

— Я боюсь его всё больше, всё чаще наша с ним сделка походит на сделку с дьяволом.

— Не думай об этом, так и есть, — усмехнулся Ллойву, прошел к узкому оконцу, похожему больше на бойницу, закрытому в поздний час ставней. Приоткрыл створку, скрипнув проржавевшей петлёй. Ночь щедро дарила прохладу, давая надежду на новый день.

— И ты так спокоен? — Дженве с размаху опустил на кровать, — я чертовски устал за эти дни. Не знаю, готов ли я к завтрашнему дню.

— Не сомневаюсь, что готов. Мы все готовы. Я оценил размах твоей мысли. Ты проделал огромную работу, братец, — согласился Ллойву. — Не без недочётов, разумеется...

— Чтоб тебя, Ловкач, скажешь, я не туда повёл тоннель? Скажешь, я дурак? — возмутился Дженве, приподнимаясь на локтях. — Тебе легко говорить, умник! Ты всю жизнь чувствовал лучше! Мне не угнаться за тобой, но я хотя бы старался...

— Не скажу и судить не стану, — Ллойву чуть улыбнулся, — но тоннель ты спроектировал неверно, это же очевидно, Джен... — в ответ прямо в руки прилетело скатанное в клубок покрывало.

— Зануда, — выдохнул Дженве, — как ты съездил? Они там хорошо устроились?

— Недурно, — Ллойву подошёл к кровати и аккуратно положил куль, — но они, как я и ожидал, ничего не хотят менять. Мне отказали.

— Значит, без толку?

— Я бы не сказал, Мильен отправилась со мной, а Меоке обещал собрать для нас команду. Так что, я считаю, всё не так плохо. У нас в семье довольно бунтарей, отцу не понравится этот выпад.

— Годится... — Дженве закрыл глаза. — Какая разница, что ему там нравится, а что нет. Давно надо было послать его к ч-рт-у... — голос становился всё тише и тише, пока последние слова не превратились в кашу из звуков.

— Отдыхай, — Ллойву присел на другую сторону широкого ложа. Из-за недостатка места в крепости для всех желающих укрыться от опасности Висметия определила обоим гостям одну комнату на двоих, так как вторую гостевую пришлось пожертвовать Мильен.

В дверь аккуратно поскребли.

— Входи, дитя, — Ллойву обернулся к двери, уже зная, кто за ней, — тебе страшно? Почему ты не спишь?

— Немного страшно. Там, снаружи что-то воет, — Марисса, закутавшись в тёплую шаль, сжавшаяся ещё больше скользнула в комнату серой мышкой. — Можно мне с тобой?

— Дженве может храпеть, если ты сможешь заснуть и его храп напугает тебя меньше воя волков, то я не против, — рассмеялся Ллойву. Насколько его изменила эта земля, что он с удовольствием протянул руки навстречу людской девочке? Марисса с видимой радостью забралась на колени и прижалась к груди.

— Тебе было больно? — прошептала она, взглянув в лицо. Ллойву лишь различил два бездонно-серых омота на белоснежном овале лица. — Умирать?

— Откуда ты знаешь? — прошептал он в ответ, склоняясь к самому уху своей гостьи.

— Папа сказал мне, что пришлось позвать маму... Чтобы она вылечила тебя...

— Так это была она? — вспомнился неземной свет и чуткие руки, чужое и вместе с тем что-то смутно знакомое. — Только Дженве не говори, пожалуйста.

— Он расстроится? — Марисса прижалась ухом к груди. — Всё же хорошо закончилось... Папа сказал, тебя нельзя вылечить, но подлечить можно...

— Хорошо закончилось, — эхом повторил Ллойву. Подумал, и устроился на кровати так, чтобы девочка полулежала у него на руках. — Благодаря ей... А ты? Как ты тут? Было страшно?

— Было, — согласилась Марисса, — но я знала, что ты придёшь! Я всем сказала! И Дженве!

— А он? — чувствовать тяжесть детской головы на груди было приятно. И словно весь мир успокаивался вместе с ребёнком.

— Он мне поверил, а остальные нет... Глупые..., — сонно пробормотала девочка.

— Да... глупые... — Ллойву закрыл глаза и тотчас открыл их, услышав справа раскатистый рык. Марисса завозилась на руках. Не желая тревожить сон девочки, асатр поднялся, чтобы отнести ребёнка к Мильен в комнату.

Хитрец ждал. Ему обещали власть и богатство. Хитрец верил, что Магистр не обманет. Где-то в глубине сердца он желал бы понять, что это за человек и откуда он, но умом понимал, что не будет рад открывшейся истине. Восток и юг прислали своих послов и было заключено перемирие. И выросли новые договоренности. Даже непокорный север прислал гонца. Они ждут терпения и милости от нового тьярда. Просят о пощаде. Дать им её и прослать миротворцем? Вкусно, вкусно звучит. С покорившихся врагов можно взять много больше, чем за один набег. Хитрец размышлял. И был готов ответить своим северным вассалам о помиловании. Однако, что делать с Магистром? Он желал новую землю, и Хитрец в дурмане пообещал её. Теперь отступить — значит отказаться от поддержки этого колдуна. А в том, что он колдун, сомнений нет. Поддержать его — потерять Девовых рыцарей. Они всяко начнут науськивать народ против нового тьярда. Их слово и сейчас очень ставит на грань войны весь таньёрд. Пресветлый магистр ордена, Лукерий Аларис, прислал письмо, в котором просил нового тьярда оказать содействие в уничтожении демонитской заразы. А то значит, свалить четыре башни возведённые по сторонам света. Прогнать от себя Магистра Иса, наплевать на договоренности. А как же та земля, что обещала богатства и славу? Может, и нет никакой земли, есть только миф? Как поступить?

Прилетела птица с Седой пади, где собиралось войско. Пишут, земля та сокрыта колдовским туманом. А ну как натравить туда девовых рыцарей? И Хитрецу выгода и истинникам слава. Что до башен, то говорят, нельзя их разрушить. Пытались, да не вышло. А ну, как и правда, старые боги вернулись на землю людей? В пророчествах говорилось о конце мира, кто знает, о конце старого мира, аль начале нового? Новое — это хорошо, коли принесёт славу.

— Позволишь? — в створку двери Скорнь просунул свою шелудивую рожу. Не был бы полезен, давно бы погнал его взащей. Уж очень мерзок.

— Заходи, — милостиво кивнул Хитрец.

— Поговаривают, ты на с-север с-снарядил целую армию?

— Снарядил её Старг, а я лишь продолжаю его начинания, — Олаф переложил на своем столе одну бумагу, потом вторую.

— Я хотел с-сказать тебе... — Скорнь потянул шею в мерзких, сочащихся сукровицей патнах, — про с-северную землю...

— Что? — Олаф подпёр щёку кулаком. — Она будет нашей.

— Ес-сть возмoжнoс-сть дoгoвoрйтс-ся с-с ними. Они дадут тебе знания...

— Опять ты за своё! Какие знания они могут нам дать?

— Я говорил с-с одним из них... Он назвалс-с-ся Ллойву Лиром...

— И ты молчишь? — Олаф грохнул кулаком о стол, с удовольствием отметив, как вздрогнул гордарец. Бойтся. Раньше не боялся, пёс.

— Я опас-салс-ся, что новoс-сть лишит меня с-свoбoды, — усмехнулся кривой улыбкой смертника Скорнь, — он говорил, они готовы к миру. Пошли птицу, пус-сть с-случитс-ся союз.

— Ты печёшься о собственной шкуре, — улыбнулся Олаф, — я же думаю обо всех.

— Что толку ес-сли ты сожжёшь эту землю?

— Не твоё дело! — Олаф впервые повысил голос на гордарца, и тот отступил в страхе. — Не твоё дело, — добавил

тише. — Будут тебе знания. Они сами принесут их нам, и будут умолять взять ещё... а мы подумаем...

Скорнь дёрнул головой и скривился. Подлец только и думает, как ухватить для себя побольше. Хотя, он здорово помог тогда с рыцарями девовыми и Вакровым йормандом.

— Я решу, что делать, — успокоил Олаф гордарца.

— С-смотри не прогадай, — прошипел тот, — смотри не прогадай.

Дозорные Мельина вряд ли могли подумать, что в эту ночь на смотровых площадках они были не одни. Кто-то вздрогнул от дуновения ледяного ветра, кто-то услышал краем уха чей-то вздох и только. Никто не заметил гибкой едва видной в полумраке фигуры, следующей по периметру стен следом за постовыми. Едва слышно перекликался ветер в крышах, а на верху самой высокой башни, прямо на черепицу опустился человек, или что-то на него похожее. Никто не смог бы его опознать в нем живое существо. Многие сказали бы: «тьень легла от луны» и отвели бы взгляд, не ведая, что чужая воля не даёт им увидеть сокровенного. А луна привечала эту тень, протянув к ней невесомые руки, не смея коснуться, лишь играя рядом своими отсветами.

— Я сделал, что мог, — прошептала тень, обращаясь к луне, — основная цепь событий запустится завтра...

Луна шептала в ответ, умоляла, упрашивала, но тень была непреклонна.

— Нет другого пути, ты и сама это знаешь... Я видел все возможные исходы, этот — лучший.

Луна грустила, опускаясь на плечи волшебной пылью и тень клонила голову, чтобы впитать больше.

— Я буду скучать... — вздохнула тень, отступая от серебряного света под ногами, — боги ведают, как я буду скучать... Но мы же встретимся...

Луна тихо вздохнула, и тень эхом повторила этот вздох.

— Будь завтра рядом, и всё получится... Я постараюсь быть мягче...

Лёгкое дуновение ветра, поднявшее серебристую пыльцу в воздух стало ей ответом.

— Со мной всё будет в порядке, я справлюсь, только не оставляй их...

Луна заплакала, уронив капли росы на черепицу.

— Не рви мне душу, я не отступлю...

И луна уступила сама, тихо, чтобы не тревожить покой обитателей крепости, скрылась за облаком, погасив свой печальный взор, оставляя землю людей перед одной ей известным

будущим.

— Прощай, моё сокровище, — прошелестел ветер, стирая тень с крыши. Дозорные, почуяв смутную тревогу, перекликнулись, и убедившись, что всё в порядке, снова замолчали.

Глава 35 где смерть решает многое

На следующее утро небо с востока окрасилось в алый цвет. Даже старожилы не помнили такого. А крикуны и вовсе запричитали о погибели. Кричали, что земля напиталась кровью оттого и небо побагровело.

Рошгар Вайзе поправил перевязь, чтоб сидела плотнее. По правую и левую руку его стояли страты, готовые отразить любой натиск даже ценой собственной жизни. Поговаривали, людь идёт с огнём на Аст'Эллот, а Совет Гильдий повелел готовиться к обороне. Только хватит ли им сил? Из войска — три крыла численностью в полторы сотни голов. За спиной оборонная линия, перед ними — туман, что удалось поднять с океана. Жаль, асатры исчезли с острова без следа. Даже близнецов Гайо найти не удалось, словно бы сгнули на просторах земли людей. То же можно было сказать и про братьев Лир. Ушли и пропали. Доктор Валлар заходил на днях к Советнику и сетовал, что Лир не вернулись к указанному сроку, а без своих капель средний из братьев может и не дожить до конца года. Но что горевать, сейчас задача стояла посерьёзнее. Там, за туманом — целое поле, усеянное боевыми стоянками. Их много. И они идут. Рошгар думал, как заставить туман уползти на большую землю, ветер не давал ему сделать этого, возвращая седые хлопья к океану. Схватки не миновать, если людь не передумает.

Белая пелена перед защитниками потемнела, и Рошгар поднял кулак, готовый дать команду на сигнал к бою.

— У меня зад болит! — услышал он знакомое и едва не расхохотался. Дженве Лир, будь он не ладен! Рошгар поспешил навстречу, дав знак своим стат-кабистерам оставаться на месте. — Такое себе, Ловкач, удовольствие...

— Дженве? Ллойву?

— Ба! — Из тумана вышел живой и здоровый, хотя изрядно похудевший Дженве Лир а следом и его брат. Но кое-кто третий не давал Рошгару покоя, — Здорово, дружище! — Дженве полез обниматься, и Вайзе только увидел девичью фигуру.

— Мильен? — не поверил он глазам. — И Меоке здесь? — он вдруг ощутил прилив сил и поверил в победу. Иначе что это, если не знак судьбы?

— Будут чуть позже, — кивнула дева, — кое-кого ты будешь рад увидеть.

— Я и сейчас рад! — Рошгар от избытка чувств даже прижал к себе Ллойву Лира, едва ли не отпрянувшего от него.

— Вот мы и прибыли, — Дженве воткнул в землю у ноги длинный флагшток, что держал за спиной. Ветер нехотя лизнул полотнище, и оно раскрылось чёрным пятном с алыми каракулями на нём. — Встречайте дом Лита!

— Это что? — Ллойву поднял голову, разглядывая самодельный стяг. По всему, и для него это творение стало сюрпризом.

— Это? — Дженве достал трубку и начал набивать её табаком, — василиск, не похож?

Мильен оценила алую каракулю на чёрном фоне.

— Сам малевал? — со скепсисом спросил Ллойву, оглядывая оборонительные позиции.

— Вимлин помогала, — Дженве задрал голову, чтобы взглянуть на своё детище, — что тебя не устраивает?

— Это червь, а не василиск, — хохотнула Мильен.

— Какое войско, такой и василиск, — проворчал начинающий творец, — я, между

прочим, старался.

— Какая разница? — Роштар Вайзе был готов в порыве чувств обнять всех троих. — Не представляете, как я рад вас видеть.

— Представляем, — не согласился Ллойву, вглядываясь теперь в туман. — Твоя работа?

— Я посчитал, что скрыть наши позиции будет лучше всего, — кивнул Вайзе, — с самого утра я слышу звуки боевых барабанов.

— Началось, — Ллойву вытянул кимейры и сложил их в глефу. Мильен встала рядом. — Надеюсь, Меоке успеет вовремя...

Сначала на позиции обороняющихся полетели горящие снаряды. Они появлялись в тумане, как небольшие светила, росли и с грохотом разбивались о заградительные постройки. Кое-где образовалась брешь, но пока потерь в живой силе не было, Роштар отнёсся к этому спокойно.

— Сейчас будет атака, — Дженве достал кимейр и щёлкнул Октисом, — сможешь сдёрнуть туман?

— Да, — было видно, как Роштар сжал зубы, как заиграли желваки под кожей. — Мы же выстоим, да? Как в прошлый раз?

— Да, — Ллойву скользнул в сторону, увлекая за собой и сестру, и Вайзе не сразу понял, что на них несётся конница. Земля загудела, а из молочной пелены на защитников полился дождь из стрел.

— В укрытие! — Дженве сделал одно движение ладонью, словно поднял что-то, и вдоль всей линии обороны поднялся вал переработанной породы, закрывая основные силы от удара.

Дальше случился ад. На позиции налетела как призрак, конница. Но здесь их встретили Ллойву с Мильен, земля взбунтовалась под копытами коней, встопорщилась иглами породы, подламывая животным ноги и опрокидывая седоков, а там их спешили добить шедшие в атаку страты. Гомон, предсмертное ржание коней, свист запускаемых снарядов, огонь, запах палёной кожи, крови и вкус земли на губах. Утро из тревожного превратилось в чудовищную бойню. Ливень из стрел и облитые маслом, горящие снаряды вносили в этот ад свою лепту. И когда казалось, что атака отбита, на подходах показалась тяжёлая конница. В небо взлетели белые стяги с алой лилией.

— Это что ещё за дрянь? — но ответить было некому, узкий перешеек между заветной целью и долиной в седых одеждах мелкого просяника затопило кровью и телами. Людь лезла, как одержимая, а эллоты стояли насмерть.

— Пора, — услышал Ллойву рядом. Это Бес, что ему нужно? Ответить некогда, людь давила числом, заставляя отступать, а Дженве был далеко. Вот меч опустился по касательной на плечо, кровь обильно выступила, пропитывая тунику. — Разыграем спектакль? Сделай, что должен...

В небе с хлопком раскрылись два чёрных крыла. Все, осаждающие и осаждённые издали вздох ужаса. А чудовище с пылающим в пасти пламенем поднялось к небу и спикировало вниз, поливая огнём всех, кто не смог убежать.

— Что ты творишь? — выдохнул Ллойву. Бес сжигал всех подряд, подбираясь к рдеющим над бронированной конницей стягам.

— Меоке! Меоке здесь! — крик справа, кажется это Мильен, но Ллойву не обратил внимания. Отбросил от себя очередного противника и начал прорубать себе дорогу туда, где

рыцари схлестнулись с демоном. Не обратил внимания Ллойву и на потемневшее над долиной небо, ни на поднявшиеся валы океанических вод, ни на обратившихся в бегство перед взбунтовавшейся стихией людей.

«Убей» — прогрохотало в голове, — «Ну же, ударь!»

— Ты безумец! — бессильно выдохнул Ллойву, ни к чему не способный сейчас, только лишь стоять и смотреть, сжимая в здоровой руке глефу, как чёрный, сверкающий эбонитовой шкурой дракон пикирует на людей, уничтожая их десятками, сжигает пламенем, сносит мощными взмахами крыльев. — Остановись! Разве ты хотел этого?

— Ллойву! — донеслось далёкое и родное, — Ловкач!

«Убей, ты же хотел это сделать!» — очередное пике, и снова вал раскалённого воздуха с запахом палёной плоти сбивает с ног, а со спины встали в оборону асатры. Людью не пройдёт. Она погибнет вся здесь в этой долине, сожжённая, раздавленная. Если не от дыхания дракона, то от стихии, призванной на помощь иллоями точно. Звуки боевого рога протрубили отступление.

— Остановись! — удар, нанесённый силой Искры пришёлся по крылу, и дракон сбился с траектории, пропахав крылом землю, поднялся снова. — Глупец!

На ещё один удар не хватит сил. Демона не одолеть, погибнут все. Как он и обещал. Но из-за спины по дракону прилетел ещё удар, и ещё, сбивая его на землю. Асатры вступили в схватку с драконом, невольно спасая бегущую людскую армию. Людью отступила и теперь поливала демона огнём из катапульта, но безнадежно промахиваясь. Рыцари, понеся потери сплотились возле своего командира, и теперь лишь наблюдали за поединком.

— Зачем? — в груди взрывалось от нагрузки сердце, рвалось на части от неизбежного, — а... как же... Мара?

«УБЕЙ». И дракон зашёл в очередной вираж, поливая огнём уже оборонительные укрепления элотов. Удары один за другим пробивали брешь в шкуре, что прорывалась огнём, но сразу затягивалась.

— Нет, — Ллойву бессильно оперся на глефу. Силы оставили совсем, благо никому не было до него дела. Теперь никому нет дела и до новой земли, теперь все сосредоточены на новой опасности. Какая ирония. — Остановись...

— Ловкач! — услышал Ллойву словно сквозь толстый слой земли. Это Дженве, — убью-у-у-у! — и крик многократно умножаясь заметался в сознании. Ллойву только мог слышать, как ревела вокруг земля, изрытая горящими снарядами, как завывал и бился ветер, грохотала падающая вода. Асатры взялись за дело всерьёз. К счастью, без него.

— Ловкач! — кто-то схватил его за плечи, не давая упасть. Это Дженве? — Как ты?

— Плохо, — словно кто-то наложил тугую повязку на грудь. Дышать невозможно. — Всё плохо, Джев...

— Его одолели! Ты слышишь? — очень плохо слышно. Словно Дженве очень далеко. Дальше, чем хотелось бы. — Мы его одолели!

Как, как это случилось? Зачем? Со всех сторон сжимает палящий, жаркий Окто, не даёт вдохнуть. Снова пустыня, но на этот раз в руке верная глефа, он не безоружен вопреки обыкновению. И готов.

— Я приму этот бой вместе с тобой, — услышал Ллойву справа. Повернул голову. Бес. Разве его не убили только что? Там, в земле людей?

— У меня хватит сил помочь тебе в этой схватке, — ответил Бес на невысказанный

вопрос. — А потом я уйду.

— Зачем? — Жар становился нестерпимым, — что за представление ты там устроил?

— Я сделал всё, чтобы ты мог создать свой новый мир, Ллойву Изольтар Найова Лир, — Бес достал свои клинки, — Мышке не нужна демоническая сила, ей нужен нормальный человеческий мир. Ты ей его дашь...

— Меня скоро не станет... — Ллойву взглянул на наливающееся огнём небо. Сейчас Окто возьмёт то, зачем пришёл сюда и ничего не останется.

— Эту проблему мы решим... — и Бес бесстрашно пошёл вперёд, — не отставай благородный асатр дома Лир! Это твоя главная схватка.

Можно ли сражаться со сгустком сознаний обычным клинком? Этот вопрос Ллойву оставил без ответа. Он лишь понимал, что на лезвии глефы из чёрного латарового сплава сконцентрировалась вся сила его Искры, той, что Окто безрезультатно желал поглотить, и сейчас, получив возможность, бросился на жертву с новой силой. Сотни сознаний кружили вокруг, сплелись в единую сеть, пытаясь дотянуться до него.

«Наше!»

— Не позволяй ему вырваться наружу... — услышал Ллойву, — он не остановится!

«Наше!»

— Не позволю, — глефа танцевала в руках, обрубая тонкие щупальца, тянущиеся к последней Искре в этой вселенной.

— Я здесь! — Бес оказался вне палящего круга и со всей силы вогнал клинки в невесомое тело призрачного модуля. От крика сотен голосов заложило уши и показалось, что во рту появился вкус крови.

«Предатель!» — тонкие нити-руки потянулись с удвоенной силой. Снова удар, и сама вселенная закричала от боли, лишая ориентации в пространстве.

«На-а-а-ашее-е-е-е» — высокая нота заложила уши, глефа выпала из руки и сразу нити впились в тело, заставляя опуститься на колени.

— Соберись...

Вот она, глефа, лежит, пальцы чувствуют протёртую кожу рукояти, в скольких битвах он побывал с ней? Не счесть. Неужели проиграет последнюю? Пальцы сжались в кулак. Один взмах, и разрубленные нити истекая чистой энергией отпрянули от своей жертвы. Снова крик, взрывающий всё изнутри, проникающий в самую суть, опустошающий, выскребающий все желания дочиста. Удар, и хватка ослабла. Ллойву понял, что обрёл способность слышать, видеть и чувствовать. Над ним теперь возвышался лишь Бес с горящими первородным огнём глазами. Демон из преисподней.

— Теперь ты свободен.... живи...

Живи.

— Господин Лир, господин Лир, — посетовал слева знакомый голос. Валлар. Какой выматывающий сон. Кажется, у него случился удар в Окторуме. И отдых не принёс облегчения. Надо будет сказать отцу, что Окто желает стать свободным. Эта мысль была последней прежде, чем его свалил удар. Теперь задача выйти из госпиталя. Ллойву открыл воспалённые глаза. Что произошло? Всё тело ломит, а плечо болит так, словно он ударился им при падении.

— Я рад снова увидеть вас, к сожалению, вы снова мой пациент. Я же просил быть осторожным, — голова оказалась зафиксирована валиками так, что повернуть её не было

никакой возможности, но доктор Валлар сам подошёл, чтобы попасть в поле зрения. Он так постарел за эти дни. Что произошло?

— Я не устаю поражаться вашей неугомонной натуре, господин Лир.

— Прос. стите, — Ллойву потянулся рукой к горлу. Отчего так саднит?

— Ничего, я рад, что вы справились со своим недугом... Ещё немного... — Доктор потянулся к изголовью, что-то поправил, и голова свободно мотнулась в сторону, — вот так, — он присел рядом на высокий табурет, чтобы поговорить.

Ллойву разглядывал постаревшего доктора и недоумевал, когда он успел столько пропустить. Что случилось? Откуда седые виски и лучистая сеть морщин возле глаз?

— Я могу поговорить с Советником? — откашлявшись, спросил он.

— Кримом? Конечно, конечно можете, если найдёте, — добродушное лицо доктора расцвело улыбкой. — Сейчас все так много говорят об этой битве. Я слышал, вы там сыграли немалую роль...

— Битве? — Что за битва? Что происходит?

— У перешейка. Я читал в новостном листке. А грохот разрывов доносился даже до Майоран. Я немного испугался, если честно. У нас немало раненых и обожжённых.

Память, посчитав, что щадить мозг не следует, начала вытаскивать события одно за другим. И самое оглушающее: Ллойву не смог завершить эту битву, помочь Дженве и остальным. Его срубил недуг.

— Дженве! — Ллойву приподнялся, но тотчас был уложен твёрдой рукой обратно в кровать, — что с ним?

— Всё в порядке, сколько знаю, — доктор Валлар, как фокусник, достал откуда-то из изголовья бокал, наполненный красноватой жидкостью, — вот выпейте.

— Я не стану ничего пить! — Ллойву упрямо отодвинул бокал рукой, — я должен поговорить с Дженве! Мильен? Где они?

— Ничего не изменилось, да? — ухмыльнулся доктор Валлар, — успокойтесь, господин Лир, иначе мне придётся обратиться к главе вашего дома, дабы призвать вас к послушанию!

— Отца вы вряд ли найдёте, — Ллойву вдруг почувствовал, что доктор прав. Он снова слаб, как дитя.

— О, нет, и это прекрасная новость для вас, — доктор хитро сощурился, — я безумно рад за господина Дженве. Он принял знак главы дома в той битве. Теперь он стоит во главе и принимает решения. Это очень необычно для его возраста, но боги посчитали его достойным. Я считаю, прекрасный выбор. Теперь у него множество дел. Он где-то здесь, на Аст'Эллоте, он обещал навестить вас. А я обещал ему, что лично прослежу, чтобы вы не сбежали из постели.

— Джев? — новость прекрасная. Дженве заслужил. Ллойву почувствовал, как его отпускает напряжение. Значит, он жив. — А Мильен?

— Она тоже здесь. И ваш брат тоже. И остальные... позавчера был большой день...

— Позавчера? — проклятое сердце.

— Выпейте... — и снова бокал у самого лица.

— Здесь сонные капли? — уточнил Ллойву, уже зная ответ. Валлар хитро улыбнулся.

— Дьявол с вами, — и Ллойву выпил всё до дна.

Дженве зашёл вечером и принёс с собой пакет с зелёным виноградом. Теперь брат выглядел иначе. Он сменил серую тунику на чёрную с красной каймой, и в лице его

появилось нечто величественное, что угадывалось у отца, но навсегда было стёрто вечным брюзжанием.

— Процветай, брат, — Дженве крепко пожал руку, — Валлар настоящий кудесник. Он снова поднимет тебя на ноги.

— Я так понимаю, что пропустил всё самое интересное? — Ллойву нетерпеливо приподнялся на своём ложе. — Рассказывай!

Дженве улыбнулся с лёгкой грустью.

— Мы убили твоего приятеля, Ловкач, — начал он с самого главного, что тяготило его больше всего, — мне больно, как и тебе, но он перешёл все границы.

— Я понимаю, — Ллойву замер, вспоминая опаляющее дыхание дракона. — И никого не виню.

— Я не знаю, как это сказать девочке... — Дженве опустил взгляд.

— Я сам, — предупредил его сомнения Ллойву, — сам скажу. Я бы хотел, чтобы она жила здесь, среди нас...

— Зачем тебе это? — Дженве неловко сдал пакет. — Подумай...

— Их век много короче нашего. Что плохого случится, если несколько лет я посвящу ей? — Ллойву взглянул на белёный потолок, — я отдам долг...

— Смотри сам, я привезу её, если хочешь. Когда тебя выпишут?

— Думаю, скоро, никому не нужен такой скверный пациент.

Посмеялись, но в этот раз как-то грустно.

— Мы уничтожили дракона, и тогда эти отступили, — начал Дженве рассказ. — Ты уже был почти без сознания, и Мильен вызвалась отвезти тебя в госпиталь. Меоке пришёл вовремя, мы отбились от всех атак, и когда они поняли, что не пройдут, выкинули белый флаг и выслали послов. А потом от них выступила делегация. Они попросили перемирия, а эти рыцари всё пытались вызнать, что за новые боги... Дальше одна политика, я в ней не силён, ты знаешь. Договорились, что они не трогают остров, а мы не трогаем их. На этом пока всё...

— Всё? — усомнился Ллойву, уловив в голосе что-то ещё.

— Я еду в столицу к новому тьярду, и они хотят видеть и тебя... Кто-то прослышал про Ллойву Лира, — Дженве усмехнулся, — но им придётся подождать.

— Я смогу!

— Нет, — твёрдо сказал Дженве, — сначала ты окрепнешь.

Ллойву чувствовал свою беспомощность и от осознания, что он стал бесполезен, стало пусто на душе. Дженве получил новый статус и поедет один.

— Ты сместил отца, — после продолжительной паузы сказал Ллойву, — теперь ты глава дома.

— Я не знаю, как так вышло, — Дженве смутился, — я только хотел защитить всех, я не желал власти. Но теперь этот знак, — он оттянул ворот туники, обнажая часть вытравленного на коже знака, — говорят, боги сделали выбор. Что ж, я могу принять его. А ты? Можешь?

— Это было неизбежно, — Ллойву ободряюще улыбнулся, — ты заслужил, Джев. Ты приведёшь дом Лита к настоящему величию, я уверен.

На это Дженве сжал руку брата в поиске поддержки.

— Мне есть на кого положиться.

— Всегда, Джев.

Зазвенели колокольца у двери, сигнализируя о том, что мальчик-разносчик бросил в корзину пачку новостных листков.

— Я возьму! — прежде, чем встать из-за стола услышал Ллойву звонкий девичий голос с первого этажа. Вот и славно, у него много работы перед отъездом. Справа лежала стопка конспектов, слева письма и приглашения, на которые надо ответить до вечера.

Послышались частые шаги, и вскоре дверь распахнулась, и в кабинет ворвалась Мара, сильно подросшая за последние три года. Она вытянулась, приобрела особую стать рядом с «господином Лиром», как его теперь все называли.

— Стучать, Мара, надо стучать, — посетовал Ллойву, откладывая перо. — Я работаю, если ты обратила внимание.

— Мы уезжаем завтра! — воскликнула девочка. Непослушные пепельные пряди, никак не желающие поддаваться рукам гувернантки торчали во все стороны, придавая девочке сходство с одуванчиком. — Ты обещал, что мы погуляем!

— Погуляй с госпожой Вармой, я занят, — стараясь быть твёрдым, проговорил Ллойву, — прошу.

— Но...

— Я прошу, — сказал Ллойву резче, чем следовало. На это Мара надулась.

— Нас ждёт длительное путешествие, Мара, незачем дуться, — Ллойву поправил окуляры и опустил взгляд снова в конспект.

— Можно мне к Таоке? — прозвучал вопрос заданный самым невинным тоном.

— Нет! — отрезал Ллойву даже не поднимая головы. — Едва вы встречаетесь, я принимаю жалобы от госпожи Валерены на разбитые окна. Почитай что-нибудь.

— Просто Таоке плохо кидает мяч. Читать скучно!

— Тогда соберись в дорогу, но не мешай мне, прошу.

— Я... уже... готова! — прочитала Мара, спрыгивая по лестнице, считая ступени.

Ллойву поднял взгляд на оставленную открытой дверь. Опять, что за дитя! И занялся письмами. В основном приглашения к ужину: «... и обязательно возьмите с собой эту милую девочку...». Милая девочка умудряется находить приключения на ровном месте. Даже на Аст'Эллоте, где совершенно безопасно, это вам не города люди. И каждый раз: «Тебе нельзя волноваться, Ллойву, доктор тебе запретил». И тем не менее...

Письмо от Дженве Ллойву поспешил развернуть первым. Брат писал, что договорённости достигнуты, что корабль в далёкую Гордарию отправится, как только откроется сезон. И приглашал посетить эту прекрасную страну. Непременно. Но прежде надо исполнить один долг перед девочкой. Дженве писал, что тьярд ждёт Ллойву Лира с визитом и надеется услышать нечто удивительное, потому что наслышан о нем.

— Нашли сказочника, — усмехнулся Ллойву. Писал, что отец замкнулся на Аст'Иллое, но продолжает вести свою игру, хотя уже не так влиятелен, как раньше. Асатры приняли нового главу дома спокойно и даже с радостью. Дженве прочили новую жену, но брат был против, о чём писал на нескольких страницах подробно. Это было забавно. Ллойву отложил письмо. Всё устроилось лучшим образом. Равновесие восстановлено. Эти странные люди приняли Аст'Эллот со всеми странностями. Суеверия искоренены, про Беса забыли. Наконец-то. И в этом тоже заслуга Дженве, хоть он и не кичится своими талантами. Иногда

Ллойву казалось, что план Беса состоял к пробуждению брата, а вовсе не к помощи больному асатру. Но об этом не спросишь, ибо Бес исчез навсегда. Надо закончить и собираться в дорогу. Ллойву отбросил сантименты и склонился над бумагами.

Путь к Пику Дьявола Ллойву решил проделать, когда дороги подсохли совершенно и погода устоялась к теплу. В первый раз они шли с братом, не ведая, что найдут там свою судьбу, в этот раз Ллойву спешил туда, чтобы отдать долг и перестать мучить свою совесть.

Он сказал тогда Мариссе, что её папа больше не придёт, но она не поверила. Она была убеждена, что через три года они обязательно встретятся. Что ж, день настал. Они проделали весь этот путь длиной в три года, чтобы увидеть очевидное.

Ллойву силой Искры открыл проход, заставляя каменную породу уступить его воле. Что они найдут там? Не станет ли разочарованием эта поездка? Простит ли Мара его хоть когда-нибудь?

Едва проход был свободен, Мара поспешила внутрь.

— Стой, — Ллойву преградил ей путь, — мы не знаем, что там.

И осторожно двинулся вперёд сам. Тоннель оказался неглубок и выходил к небольшой цветущей долине. Мара осторожно ступала следом, но едва впереди показались цветущие яблони, огороженные полуразвалившимся тыном, бросила поводья крода и побежала куда-то вглубь сада.

Ллойву растерянно погладил крода по морде. Что она может там найти? Но радостный визг не оставил сомнений. Многое.

— Папка! — завизжал сад знакомым голосом. — Папка!

Осторожно ступая, Ллойву вышел на тропу меж деревьев. Его названная воспитанница повисла на невысоком мужчине, напоминающего Беса отдаленно. Полуседая голова, изуродованное шрамом лицо и покалеченная правая рука. Этот человек знатно испытал за свою жизнь. Но Мара смело прижималась к этому господину, обвив его ногами в талии, хотя такое точно не подходит для воспитанной леди. Ллойву приблизился, и человек поднял на него счастливый взгляд. Таких глаз не забыть: один с бельмом, а другой серый, холодный как камень.

— Добро пожаловать, благородный асатр дома Лир, — усмехнулся этот странный людь, протягивая покалеченную руку без двух пальцев, а второй придерживая повисшую на нем дочь.

— Ты? — Ллойву облегченно улыбнулся, — Я считал тебя погибшим все эти годы!

— И это к лучшему, — хрипло рассмеялся Бес, — Я открыл вам дорогу, разве нет?

— Так это был спектакль! — Ллойву улыбнулся несмело, потом рассмеялся. Словно гора с плеч свалилась.

— Пойдём, — Бес лихо махнул рукой, — познакомлю тебя с супругой...

— Она? — сколько раз эта неизвестная женщина спасала ему жизнь? — Тоже человек?

— Эти пять лет мы живём людьми, — кивнул Бес, — это наше время. Благодарю тебя за всё. Особенно за Мышку.

— Я не ожидал... — растерянно проговорил Ллойву, прошел вглубь сада, где был виден дом и невысокая женщина, стоящая у входа. Она обернулась, взглянув на асатра огромными серыми глазами его воспитанницы. — и чрезвычайно рад.

Марисса слетела с рук отца и бросилась к матери.

— Проходи, походи! — Бес сделал приглашающий жест. — Мы ждали тебя. И очень

рады. Остаься погостить.

— С удовольствием, — Ллойву поклонился женщине, поймав в ответ кроткую улыбку.

— Я бы хотел услышать твою историю, — сказал он, — ты? Человек?

— Услышишь, ты всё услышишь, благородный асатр дома Лир...

Больше книг на сайте - Knigoed.net